Б. А. Райнов

ИСТОРИЯ КИЛИИ

Том I

Б. А. РАЙНОВ

ИСТОРИЯ КИЛИИ

КНИГА 1

ББК 63.3 (4УКР-4ОДЕ)
Р-18

Б.А. РАЙНОВ

ИСТОРИЯ КИЛИИ

Книга 1

ISBN 978-966-1606-25-7

©Б.А. РАЙНОВ, 2008
©СМИЛ, 2008

Килия — древний город, родившийся на оживленном перекрестке морских, речных и сухопутных путей.

История Ликостомона — Кели — Килии, это история славных свершений, подвигов, совершенных православным людом, в особенности славянами на этой земле.

На основе достоверных источников, в том числе архивных, об этом и повествует предлагаемая читателям «История Килии».

В значительной мере это и реальная история Бессарабии, этносов, обосновавшихся на этой земле.

Автор родился в 1934 году, более пятидесяти лет живет и работает в Килии, историк восхищенный богатой историей города и края. Книга предназначена всем, кто интересуется историей Килии.

СПОНСОРЫ ДАННОГО ИЗДАНИЯ

Председатель районного совета Боделан Владимир Борисович.

Он сам — история Килии и района — на руководящей работе пятый десяток лет. Он и спонсор нескольких интересных книг по истории района, и сам автор биографического труда «С людьми и ради людей», который — точная, лаконичная история нескольких бурных десятилетий нашего края.

Председатель райгосадминистрации Поджаров Иван Иванович.

Четвертый десяток лет он работает в нашем районе и как работает!

А еще он, будучи депутатом Верховного Совета Украины в августе 1999 года, принимал исторический документ — «Акт провозглашения независимости Украины».

Многотрудна его работа — председателя райгосадминистрации, но в ней нашлось и время быть спонсором произведений килийских авторов, в том числе и работы автора «Очерк истории Килии» (2003 г.).

Автор благодарен депутатам райсовета, поддержавшим издание «Истории Килии», начальнику отдела культуры РГА, Опариной Л.Ф. и Тарасенко У.В. за помощь в организации издания книги.

Июль 2008 г. Остров Змеиный.
Слева направо: Министр обороны Еханурoв Ю.И., председатель Одесской облгосадминистрации Сердюк Н.Д., председатель НСБ Богатырева Р.В., президент Украины Ющенко В.А., председатель Килийской РГА Поджаров И.И.

Остров Змеиный подарил И.И. Поджарову встречу с соратницей по I созыву ВР Украины Р.В. Богатыревой.

История предков всегда любопытна
для того, кто достоин иметь отечество.
Н. М. Карамзин

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА И ИСТОРИОГРАФИЯ КНИГИ

В 2003 году увидела свет книга «Очерк истории Килии» Райнова Б.А. Она нашла заинтересованных читателей не только в Килии и районе, но и в Киеве, Харькове, Одессе, и в других городах и регионах Украины. В России, Молдове, Румынии, Германии, Франции, Испании, в государстве Израиль, США, Канаде, также нашлось немало проявивших интерес к этой книге и не только среди выходцев из Килии.

Автору поступило много просьб написать как можно более полную историю нашего города, ведь это древний город Украины. Некоторые знатоки утверждают, что его возраст сравним с возрастом Рима. Кроме того, наш город находится в интереснейшем месте Европы — в дельте Дуная с ее уникальной природой.

А все это вместе взятое со времен незапамятных лежало и лежит чуть не посреди «Понтийско-Карпатских ворот» (пространство между Черным морем и Врачанским поворотом Карпат), через которые прошли по пути в центральную, южную и западную Европу почти все древние предки народов этого континента, начиная с индо-арийцев, библейских киммерийцев, т.н. скифов, фракийцев и многих других. А предыстория всего этого — уходящая в ее более седую древность — естественная история северо-западного Причерноморья, нижнего течения Дану — Истра — Данубия — Дуная.

В попытке осветить такую удивительную предысторию и историю нашего древнего города, — читателю судить, насколько это удалось автору, — мы опираемся на труды античных авторов: Геродота, Полибия, Страбона, Клавдия Птоломея, Квинта Флавия Ариана и других исследователей Древне-Дунайского залива и его берегов. Естественно, особую ценность представляют труды исследователей Нижнего Дуная, его дельты в

двадцатом веке и в наше время. В этом отношении очень ценными являются труды румынского ученого гидролога, биолога с мировым именем, Григория Антипы, прежде всего его обобщающий труд: «Дунай, его научные, экономические и политические проблемы». Бухарест. 1921 год.

Использованы также труды Зенкевича по гидрологии дельты Дуная. (Известия ВГО т. 75, вып. 4, 1943 г.); Иоанну Петреску «Дельта Дуная. Генезис и Эволюция. М., 1963 г.; И. В. Сапожников «Материалы по исторической географии и этнографии дельты Дуная». Ильичевск. 1998 г.; М. В. Агбунов «Загадки Понта Эвксинского». М. 1985 г., его же «Античная лоция Черного моря». М., 1987 г.; Н. М. Мельник «Маршрутами античных мореходов». Одесса. 1990 г.; Бруяко И. В. «Древняя география и колебания уровня моря на примере северо-западной части Черного моря в античную эпоху». «ВДИ». 1992 г. № 2; Б. Баллард «Черноморское наводнение — новые данные о катаклитических изменениях». Журн. «Нэшнл жеографик». США. Июнь 2000 г. Стр. 71 (на англ. языке).

Новейшие сведения о гидрологии Нижнего Дуная почерпнуты из публикаций сотрудников Дунайского биосферного заповедника в газетах «Дельта» и «Дунайская заря» с 2000 г. по настоящее время. Источниками исторического характера при написании «Истории Килии» послужили:

«Повесть временных лет». Киев. 1988 г.; «Волынская летопись» во фрагментарном румынском переводе академиков К. Журеску и П. Панаит. Бухарест. 1942 г.

Документы Государственного исторического архива России и его СПБ филиала.

Московского военно-исторического архива.

Архива внешней разведки РФ.

Использован также сборник молдавских летописей — «Летописец страны Молдавской». (Хроники Григоре Уреке, Иона Некульче, Мирона Костина). Кишинев. 1971—1976 гг.

Документы из сборника «Турецкие авторы о румынских государствах». Тт. 1—8. 1971—1976 гг.

Документы из сборников «Иностранные авторы о румынских государствах» Т. 1. № 4. Бухарест. 1970—1975 гг.

Документы Измаильского коммунального архива (бывшего филиала Одесского областного архива).

«Русский архив». Книги 2, 7—8. М. 1897 г.

Не о Ликостоме, а уже о Килии писали многие выдающиеся авторы. Первым из числа таких, видимо, можно назвать турецкого автора

Эвлия Челеби (1616—1682 гг.). Страниц 40 его труда «Книга путешествий» посвящены истории, этнографии, фортификации, экономике Килии.

Господарь Молдовы начала XVIII века, сподвижник Петра Великого, Дмитрий Кантемир был энциклопедистом европейского масштаба. Своей родной Молдове он посвятил фундаментальный труд «Описание Молдовы». Это произведение содержит богатую информацию об истории, географии, экономике, культуре, этнографии государства, в котором он княжил.

Выдающийся румынский историк и политик Николае Иорга истории Килии посвятил объемистый труд «Исследование истории Килии и Аккермана». Бухарест. 1899 г.

Истории Килии и ее крепости посвящены многие страницы фундаментального труда очень добросовестного румынского историка, уже упоминавшегося К. Журеску «Города и крепости между Прутом и Днестром» (Бухарест. 1942 г.). В 2004 г. М. Шлапак – специалист по истории фортификаций на этой же территории напечатала труд «Средневековые крепости Молдовы».

Специально по просьбе руководства Килии и района в 80-х годах прошлого века доктор исторических наук Н. А. Руссев в газете «Дунайская заря» напечатал серию хорошо документированных очерков по истории средневековой Килии, а также Килии XVII—XVIII века.

Понятно, что при написании предлагаемой читателю «Истории Килии» невозможно было обойтись без трудов П. П. Ефименко «Первобытное общество. Очерк истории палеотического времени». (Изд. АН Украины. 1953 г.); Б. Д. Греков «Киевская Русь». М. 1949 г.; Б. А. Рыбаков «Мир истории» (Киевская Русь). М. 1984 г.

Список использованной литературы включает также произведения историков, литераторов, лингвистов, экономистов, политиков:

Петрийческу – Хаджэу. «Ион - водэ Лютый». Кишинев. 1982 г.

Группа авторов «Палеография Европы за последние сто тысяч лет». М. Наука, 1982 г.

С. Л. Берг «Бессарабия». (Страна, люди, хозяйство). Кишинев. 1993 г.

Монж Джибутас «Самая древняя цивилизация Европы», Бухарест. 1987 г. (Цивилизация земледельцев, животноводов, ремесленников, прагородов).

И. Н. Кошелев «Города, у которых названия нет», Киев. 2004 г. (О подобном же в Украине).

А. А. Скальковский «Болгарские колонии в Бессарабии и Малороссии», СПБ. 1848 г.

М. В. Попович «Мировоззрение древних славян». Наукова думка. Киев. 1985 г.

Н. Ф. Михайличенко «Ходатай за пользу общую и государеву», М., 2004 г. (О деятельности И. Н. Инзова).

А. В. Шабанов «Гагаузы». Одесса. 2002 г.

И. Титоров «Болгары Бесарабии». София. 1903 г.

К. Иречка «История болгар». Одесса. 1878 г.

П. Панаитеску «История румын». Бухарест. 1990 г.

Авторский коллектив «История Молдавии» т. I. Кишинев. 1967 г.

Группа авторов «Очерк истории искусств Молдовы». Кишинев. 1967 г.

Георгий Конисский «История русов». М., 1846 г.

Замфир Арборе «Бесарабия в XIX веке». Бухарест. 1895 г.

Александр Болдур «История Бессарабии». Бухарест. 1992 г.

Ион Нистер «История Бессарабии». Бухарест. 1991 г.

В. Стати «Молдаване в истории». Кишинев. 1993 г.

В. Стати «История Молдовы в датах». Кишинев. 1998 г.

В. Стати «История Молдовы». Кишинев. 2003 г.

В. Степанюк «Государственность молдавского народа». Кишинев. 2005 г.

Группа авторов «Бронзовый век на территории Причерноморья». Одесса. 1987 г.

Н. В. Лашков «Бессарабия. К столетию присоединения Бессарабии к России». Кишинев. 1912 г.

Н. В. Лашков «Празднование столетнего юбилея присоединения Бессарабии к России». Кишинев. 1914 г.

Н. Г. Коновалов, В. Б. Перхавко «Русь и Нижнее Подунавье». М. 2000.

Е. Михалевич «Былое Бессарабии». «Кишиневские епархиальные ведомости». 1903 г. №№ 10, 11, №№ 16, 19, 20.

П. Т. Коломойцев «Бывшая крепость Измаил и ее памятники» («Кишиневские епархиальные ведомости».1912 г. №№ 36—39.).

А. Пирзе «История румынской литературы». Бухарест. 1970 г.

Виталие Вэратек «Юг Бессарабии, возвращенный в состав Румынии в 1857 г.». (Журнал «Румынское достояние» № 2. 1995 г.).

Елена Сюпюр «Проникновение новейших румынских учреждений на юг Бессарабии после Крымской войны». Журнал «Румынское достояние» № 4. 1996 г.

М. А. Куч «Легенды и мифы древней Греции». Киев. 1955 г.

В. Прокопенко «Таинственный остров» (Серия статей об острове Змеином. Газета «Дунайская заря» апрель—июнь 2002 г.).

В. Щербаков «Асгард и Ванны» (Сб. «Дорогами тысячелетий»). Книга III. М., 1989 г.

В. Скурлатов «Этнический вулкан» (Сб. «Дорогами тысячелетий»). Книга I. М., 1987 г.

Александр Абрашкин «Тайны Троянской войны и средиземноморская Русь». М., 2004 г.

Куница Н. А. «Килия». Одесса. 1962 г.

В. Т. Галяс «Килия» («История городов и сел Украины». Одесская область. Киев. 1978 г.).

А. Керн «Помазаны». 1911—1940 годы. Штутгарт. 1990 г.

В. О. и П. Л. Бабенко «Родное Шевченково». Одесса. 2006 г.

Сб. «Липоване. Карячка — Мирное», вып. IV. Одесса. 2007 г.

А. А. Опарин «У разбитых водоемов». Харьков. 2002 г.

Р. П. Шишкина «Краеведческий вестник», вып. 1. Измаил. 2007 г.

I. КОГДА КИЛИИ ЕЩЕ НЕ БЫЛО

На протяжении нескольких миллионолетий на фоне бурных геологических процессов продолжался антропогенез – отделение человека от животного мира. Все это заняло целый геологический период, именуемый четвертичным. На протяжении этого периода, как считает наука, сформировался в основных чертах и современный облик Земли: рельеф и очертания суши, в современные берега вошли океаны, хотя все эти процессы остаются динамичными и сейчас...

Последние 15—12 тысяч лет четвертичного периода великого оледенения, — голоцен, — современная эпоха. Достоверные геологические, палеогидрологические, палеонтологические, наконец, – археологические данные свидетельствуют, что на месте нынешнего Черного моря еще тысяч 7 лет назад был совсем иной Древний Понт — по существу большое пресноводное озеро. На юге его воды омывали крутые обрывы Анатолийской геологической плиты. Его северные берега далеко не достигали широты южной оконечности Крыма. От Буджакского плато, обходя с запада горный Крым, к северным берегам древнего пресноводного Понта, под уклон спускалась зеленая влажная лесостепь. Там, где сейчас остров Змеиный и еще в нескольких местах над лесостепью, возвышались отдельные, не очень высокие плато, — видимо, тектонического происхождения...

С севера в древний пресноводный Понт вливались многоводные, широкие, как в половодье разлившиеся реки, — будущие Дон, Днепр, Буг, Днестр и множество рек поменьше.

Равный по водостоку почти всем вышеназванным рекам Древний Дунай, проложив себе русло в расщелинах между Добруджской и Молдавской геологическими платформами, мощным потоком вливался в древний Понт где-то много юго-восточнее острова Змеиного. Гидрологи просматривают древнюю долину Дуная под толщей черноморских вод...

На берегах тех многоводных рек древние охотники и рыболовы жили уже тысяч пятнадцать лет тому назад. Охотились первобытные охотники на мамонтов, шерстистых носорогов, гигантских оленей, бизонов и других крупных зверей, мелких ловили и женщины, и дети – в пищу го-

дилось все. На крупную рыбу тоже охотились с помощью острог и гарпунов. Нынешние Босфор, Мраморное море и пролив Дарданеллы тогда были рекой. Она начиналась в пресноводном Древнем Понте и впадала в древнее Средиземное море, которое было значительно меньше нынешнего, но быстро росло и преснело, наполняясь водой от таяния ледников...

Минимоделями такой ситуации ныне является Нева, вытекающая с Ладоги и впадающая в Балтику, и впадающий в ту же Балтику Волхов, берущий начало в Ильмень-озере, и другие реки.

В общих чертах — очень давняя палеография обширного региона вокруг нас. Уже в конце мезолита в этом регионе зарождается примитивное земледелие, одомашнивается коза, овца, свинья, бык с коровой, чем обусловлен переход людей к оседлому образу жизни и ... патриархальной общине.

Что же произошло потом, куда делось пресноводное озеро-море, почему раковины пресноводных моллюсков, остатки свайных прибрежных построек, остовы древних судов, коробки каменных стен оказались под толстым слоем морской воды? Ученые – геологи, гидрологи, палеонтологи, археологи пришли к выводу, что около семи тысяч пятисот лет тому назад обстановка в этом регионе резко в одночасье изменилась так, что людям пришлось срочно покидать обжитые места, а предметы материальной культуры и пресноводные моллюски, рыбы и растительность очутились в горько-соленой морской воде.

Почему же? Потому что почти как в Платоновской повести об Атлантиде «В один день и бедственную ночь» мощные потоки воды, переполнившей чашу Средиземного моря, повернули вспять реку, текущую из пресноводного древнего Понта. В его чашу, по подсчетам ученых, ежесуточно вливалось до десятка кубических миль средиземноморской воды.

Переполнив пресноводное озеро, новое море со скоростью приблизительно одного километра в сутки наступало на север, восток и запад. На дециметр в сутки повышался уровень нового моря. Конечно же люди и все живое, что могло достаточно быстро передвигаться, уходили от потоков воды. Достигнув подножья Буджакского плато, Новый Понт оказался более чем на 150 метров глубже старого пресноводного, многие впадающие в него реки сократились на десятки, иногда на сотни километров, а их долины на такую же длину стали морским дном.

Сейчас бытует и версия, что это был тот самый знаменитый библейский всемирный потоп...

Но и вполне естественные причины могли вызвать, хоть и не вселенский, но достаточно масштабный катаклизм. Кроме мощного стока вод от таявшего Великого оледенения это могли быть и гигантские тектони-

ческие, а также вулканические силы, вызвавшие обширную трансгрессию, превращение разлома между Анатолийской и Мезийской плитами в проливы Босфор и Дарданеллы. Слабее, но эти силы и сейчас проявляются в регионе, в виде землетрясений таких, как произошедшее на грани XIX и XX веков, в ноябре 1940 года, в марте 1977 года (над этой периодичностью таких грозных даже в Придунавьи явлений природы задуматься не мешает до того, как они нагрянут...). В далеком прошлом мощнейший взрыв вулкана сорвал и поставил на ребро вершину Карадага — сейчас этой экзотикой любуются со стороны моря туристы...

А тысяч семь лет тому назад в Большой горько-соленый Понт из Средиземного моря среди другой живности попали и предки дельфинов, живущих сейчас в Черном море. За время, прошедшее с тех пор, они стали специфическими подвидами дельфинов этого моря. В частности, они меньше своих далеких средиземноморских предков.

Последовавшая после образования Большого Понта длительная эпоха относительной стабильности в природе способствовала рождению и развитию древнейшей культуры европейской цивилизации.

Зародилась она на островах Эгейского моря и на южных берегах моря Адриатического и постепенно распространилась на Балканский полуостров, Средний и Нижний Дунай, междуречья Сирета, Прута, Днестра, Буга и Нижнего Днепра. Регион огромный и сейчас ученые различают в нем культуры: Егейскую, Западно-Балканскую, или Старчево, Восточно-Балканскую, или Боян, Тисса, Молдово-Украинскую, или Трипольскую и несколько промежуточных. Наш малоисследованный в археологическом отношении район характерен тем, что в нем отмечается смешение нескольких культур — Старчево, Боян, Трипольской... Иначе говоря — и тысячелетия тому этот район был людским конгломератом... Поскольку время существования этой первой европейской цивилизации длилось долго, а совершенствование ускорялось, в целом она пережила несколько эпох. Расцвет мезолита, известный виртуозной обработкой шлифованного кремния, энеолита, — когда наряду с орудиями из шлифованного кремния люди научились плавить медь и бронзу и орудия из этих металлов постепенно вытесняют кремневые. Люди этой культуры – творцы настоящей древнейшей европейской цивилизации, которой хорошо известны земледелие, выращивание пшеницы, ржи, ячменя, гречихи (а на юге — слив, винограда и оливок), скотоводство (козы, овцы, свиньи, крупный рогатый скот). Прекрасна лепная расписная глиняная посуда мастеров этой эпохи, известно было им и изготовление тканей, украшений из бронзы, серебра и золота.

Поселения людей этой эпохи большие урбанизованные с числом жилищ до нескольких тысяч, а жителей в таких поселениях насчитывалось десяток и более тысяч. Специалисты утверждают, что в этих поселениях были двух- и даже трехэтажные жилища, жилищ из камня они еще не строили, не знали они и каменных крепостей... Средиземноморская ветвь этой цивилизации умела строить довольно крупные суда для прибрежного плавания — суда с наборными корпусами.

Развитой была и духовная культура этой цивилизации, сложна была ее духовная жизнь: художники расписывали керамику, скульпторы вырезали из кости фигурки людей, особенно женщин, фигурки различных животных, красивый сложный орнамент по кости творили виртуозные резчики и резчицы. Людям той эпохи уже был свойственен высокий уровень абстрактного, образного мышления, эстетических вкусов, непростое мировоззрение, мораль традиции. Об этом свидетельствуют сложные погребальные обряды той эпохи. В общем, это была цивилизация – древнейшая европейская. Ученые считают, что, по многим параметрам, она сравнима с цивилизациями междуречья Тигра и Евфрата, Месопотамии и долины Нила и не на много уступает им по древности. (См. Де Монж Джимбутас: «Самая древняя цивилизация Европы». Ежегодник «Новости науки» НАН Румынии 1987 г. стр. 63—70). И главное — оттуда постепенно она дошла и до нашего региона.

Культура древнейшей европейской цивилизации, отмеченная особенностями, свойственными нашему региону широко, но беспорядочно представленная находками на берегах Китай-озера в прибрежной полосе между Васильевкой, Червоным Яром и Фурманкой. К сожалению, интенсивное строительство недавнего прошлого, в особенности строительство главной насосной станции червоноярской оросительной системы, превратило в хаос горизонты археологических культур, привело к расхищению или уничтожению интереснейших памятников древних культур. Но еще в середине двадцатого века глубокие старики этого края помнили предания о больших поселениях людей, живших многие тысячелетия тому назад на этих берегах. Может быть, это ставшая преданием память о людях древнейшей европейской цивилизации в наших краях?..

У Болграда, Борисовки, Нерушая археологи нашли богатые клады предметов из бронзы: серпы, ножи, наконечники копий, короткие широкие мечи, разнообразные красивые украшения уже послетрипольского периода – более совершенные чем в энеолите. По месту первонаходки таких предметов – селу Сабатиновка на реке Буг — культура такого рода

получила наименование сабатиновской. Это культура земледельцев и скотоводов, осваивающих не только поймы и долины рек, берега озер подобно трипольцам, но и степные просторы от Карпат до Нижнего Дона (пример — Мирное-1).

Интересно и симптоматично, что предмет сабатиновской культуры найден и в нашем краю, и не где-нибудь, — в самой Килии. В 1964 году при земляных работах на территории бывшего НСШ-6 (ул. Маяки) был найден бронзовый кинжал сабатиновского образца. Находка пока единичная, но и она свидетельствует, о том, что со дна Древне-Дунайского залива, как легендарная Афродита из пены морской, из осадков самой мутной реки Европы медленно, но неуклонно поднималась суша, на которой со временем будет основан наш город...

О сабатиновской же культуре специалисты спорят до сих пор: является ли она продолжением трипольской, или же она не автохтонна, а пришла издалека, ведь она культура не только оседлых землевладельцев и скотоводов, а судя по многочисленным находкам оружий отнюдь не только охотничьего, она — и культура воинов, воинов завоевателей. Об этом повествуют и древние предания, бытующие на берегах Китай-озера... И предания библейские.

Неоспоримо, что во второй половине четвертого тысячелетия до Новой эры из глубин Азии – с северо-западных склонов Гималаев, — перевалив Южный Урал в Восточную Европу пришли т. н. Арии — народы индо-иранской группы. Продвигаясь на запад, они заняли Приазовье, Причерноморье до самого Дуная. Они-то, как полагают некоторые ученые, и принесли с собой более высокое искусство плавки и обработки бронзы, а главное прирученных коней, колесо и боевую колесницу.

Освоение причерноморских просторов происходило постепенно, последовательно почти до гомеровских времен, во всяком случае – до тринадцатого века — до н. э. арийцы, праиранцы, меоты проникли до самых низовий Дуная, ассимилируя народы «трипольской» культуры. Переняв у последних оседлое животноводство и земледелие, они подарили им коня, колесо, возможно стремя, пользуясь которым всадник устойчиво держится на коне...

Индо-ираноарийцы, о которых тут речь, — никакие не представители высшей расы господ — пресловутые «белокурые нордические бестии» из расистских сочинений кайзеровской, или гитлеровской Германии. Это реальные народы о которых повествуют источники древней Индии, Ирана, Вавилона, Египта и вся научнообоснованная история европейского языкознания. Что касается морального кредо истинных исторических

арийцев, как сообщают вавилонские источники (клинопись), моральным кредо древнейших из них, в частности, было: «Скакать на коне, стрелять из лука и говорить одну только правду». Среди специалистов по ранней греческой мифологии имеет хождение мнение, что увековеченным в этой мифологии осколком (потомком), индо-арийцев является один из героев Троянской войны, 1293—1283 годы до н. э. Ахилл...

У древних иранцев, через земли которых индо-арийцы прошли в начале своего долгого во времени и пространстве миграционного пути, они, видимо, переняли зороастризм и в частности поклонение огню. Своих покойников они обычно сжигали, а над сосудом с прахом насыпали курган. Этот обычай они долго хранили, а затем передали меотийцам, киммерийцам, скифам, ранним славянам, чьи курганы разбросаны и в наших степях. У них глубоко почиталась богиня воды Дану. Ее трансформированным именем они называли все крупные реки на их пути. Отсюда такие известные в Восточной Европе гидронимы, как Дон и Днепр – названия известных рек. И могучий полноводный Дунай до того, как древние греки назвали его Истром, а римляне Данубием, у арийцев получил имя их богини воды Дану...

С приходом в Европу индо-ирано-арийцев начала формироваться новая общность языков – индо-европейская (яфетическая). Это языки, на которых сейчас разговаривают не только европейцы, но и более половины населения мира, эти языки – основа современной мировой культуры.

На керамике той поры иногда обнаруживается граффити — надписи, очень похожие на письмо из смеси букв греческого, латинского и неизвестного алфавитов. О происхождении и смысле этих граффити до сих пор спорят лингвисты – дешифровщики...

Древнеиндийские же веды, к примеру «Риг-веда», повествуют о богатейшем духовном мире арийцев – гораздо более сложном чем у европейских первобытных земледельцев. Арийские мудрецы оперировали такими понятиями, как хаос и космос, конечное и бесконечное, вечное и преходящее, такими, можно сказать, философскими и жизненными принципами, как борьба добра и зла, жизни и смерти – принципом борьбы противоположностей. Наконец... Чего стоит распространенное арийское заклятие:

Солнце — мой глаз,
Ветер — дыханье,
Воздух — душа,
Земля — мое тело... («Риг-веда»).

Уже не животные: змеи, тигры, волки, буйволы, кони – тотемы – бо-

жества покровители родов, племен, а могучие умом, красивые телом люди – герои, боги-покровители, и даже, — соратники...

Кем укреплены огромное небо и Земля?

Кем установлено Солнце, кем небосвод?

Кто в воздухе измеряет пространство?(См. также).

Таких вопросов не задавали себе первобытные охотники и рыболовы и даже первобытные земледельцы самой древней европейской цивилизации. А вот арийские мудрецы задавали.

Ответы на подобные вопросы начнут получать Галиллей, Коперник, Ньютон и им равные много веков спустя. Но первыми стали задавать их арийцы! В просторах Евро-Азии, курганах, даже в самых больших, искатели кладов не найдут драгоценностей — только костяки с руками, сложенными перед головой, или грудью — символ стремления к возрождению, через космос. Это, ведь, — самое обычное индийское приветствие и ныне!

Главное назначение самых крупных курганов ариев — быть обсерваториями, нести службу времени — календарей, столь необходимых земледельцам и скотоводам, быть храмом неба на службе людей. Когда-то рядом с такими курганами находились жилища мудрецов. Один из таких комплексов исследован от Орловки Ренийского района, у издревле известной переправы через Дунай — между румынской Исакчей и украинской Орловкой. Этой переправой пользовались индо-арийцы, киммерийцы, скифы, персы, славяне, угры и другие народы.

Были у ариев странствующие носители знаний: наблюдатели звездного неба, они же составители календарей, врачеватели, прорицатели. Свои знания они несли народам, живущим на просторах от Средиземноморья до Скандинавии, от туманного Альбиона, до предгорий Кавказа...

От них у древних германцев пошли описанные Юлием Цезарем мудрецы — друиды, а у древних славян тоже мудрецы — волхвы, которые: «Не боятся могучих владык (владыки, — к примеру Олег Вещий, — сами обращаются к ним за советами по важным делам). «Правдив и свободен их вещий язык И с волею небесною дружен», — писал о волхвах славянских А. С. Пушкин.

Среди специалистов по истории доантичных греков и ранней греческой мифологии (а это тоже форма исторической памяти народов) имеет хождение мнение, что увековеченные в этой мифологии Ахилл и его сын Неоптолем – известные герои Троянской войны (2293—1283 до н. э.) — далекие потомки белокурых воинственных индо-арийцев.

Как выше отмечалось, у древних иранцев, через земли которых про-

ходили и надолго там оставались индо-арийцы, они переняли религию зороастризм, в частности обычай трупосожжения и поклонение огню.

На своем долгом миграционном пути они передали эти обычаи и веру во многих своих богов киммерийцам, доантичным грекам, скифам, фракийцам, ранним славянам... Видимо, и некоторые курганы южно-украинских и буджакских степей хранят под собой и такие захоронения.

Как сообщают древнеиндийские источники, в погребальных сооружениях ариев и древних иранцев, а также индийцев почти всегда присутствует своеобразный двойной символ – прямоугольник в кругу с общим центром, — прямоугольный сруб захоронения и курганом над всем этим, курганом в общем тоже полукруглой формы. У индо-арийцев это олицетворяло упорядоченный в ориентированном по сторонам света в прямоугольнике КОСМОС в окружении бесконечного ХАОСА. Описанный в «Иллиаде» обряд захоронения Ахилла с Патроклом, как и обряды захоронения у скифов, фракийцев и славян вплоть до IX века н.э. – почти идентичны.

Почему? Да потому, что у всех этих обрядов одно духовное начало – мировоззрение ариев.

Как и у многих последующих народов, боги у ариев были парными и противоположных начал: бог огня, грома и молнии – предшественник Перуна, да и Зевса и глубоко почитаемая ариями богиня воды Дана. Ее несколько трансформированным именем индо-арийцы назвали все крупные реки, которые им довелось пересечь на своем долгом во времени и пространстве пути на Запад: Дон, Днепр, Дану-Дунай, а далее на южном фронте их похода – Иордан...

Те из индо-арийцев, которые двигались северной лесной полосой континента, достигли Прибалтики, Скандинавии, берегов Северного моря, Исландии, — об этом повествует богатый красочный эпос народов Северной Европы.

Смешавшись с ранее пришедшими туда рыболовами и охотниками, они способствовали тому, что на этих землях образовались уже этносы: финны, карелы, шведы, норвежцы, многочисленные и воинственные германцы, исландцы и другие. Языки этих народов, их эпос — саги, руны бережно хранят страницы истории этих народов, в том числе те, которые относятся еще ко времени, когда их предки индо-арийцы населяли степи Приазовья и Причерноморья. В скандинавских сагах земли восточнее Дона называются Свитьод – великая Швеция... Переселение из юго-восточных степей на юго-запад происходит в порядке великого, богами подсказанного деяния, вследствие которого основываются со временем династии шведских, норвежских, англосаксонских князей и королей.

Специалисты в области истории языков и сравнительного языкознания пришли к выводу, что после прихода индо-ирано-ариев в Европу, из их праязыка раньше всех выделились в самостоятельные языки армянский и древнегреческий. Произошло это в конце III тысячелетия до н.э. Языки славянской семьи выделились в самостоятельные гораздо позже. Во второй половине III тысячелетия до н. э. народы Северной и Средней Европы разговаривали на сходных диалектах.

Напрямую из языка индо-иранцев во многие славянские языки пришли такие лексические единицы, как: «вера», «свет», «благ», «кара», «писати», «хранити», «срам», «храм», «могила», «вина», «слово», «ведать» и множество других лексических единиц...» (См. В. М. Попович: «Мировоззрение древних славян», стр. 14, 15. Киев. 1985 г.).

По мнению историков, славянская ветвь племен отпочковывается от общеевропейского массива в начале или в середине второго тысячелетия до н. э., образуя группы праславян — антов, венедов и других.

Возможно, это — потомки тех индо-арийцев, которые пришли в Европу с Востока — севернее Понта Аксинского. Другая ветвь индо-арийцев пришла в Европу с Юга в виде племен фракийских. В ней образовались праславяне Южные.

Согласно же радикальной гипотезе В. Павленко, С. Плачинды, «Арии — ории древнейшее название древнеукраинцев. Это первопахари мира, которые приручили коня, изобрели колесо, плуг, первыми в мире окультурили рожь, пшеницу, просо. Свои знания в землепашестве, ремесел понесли в Китай, Индию, Месопотамию, Палестину, на Балканы, в Италию, в Западную Европу, Скандинавию. От названия племен Ории — первоимя древней Украины — Орана. Как государственное образование она зародилась в Прикарпатье, в пятом тысячелетии до н. э. ...Ариана — прародина европейских народов» (См. Павленко: «Молога», Плачинда: «Словарь древнеукраинской мифологии», Киев,1993 г.). Вот такие радикальные гипотезы!

А воды могучей реки богини Дану — будущий Дунай текли себе не прямо в море, а в обширный Древне-Дунайский залив. Строгая наука — гидрология и ее историческая часть — палеогидрология Северо-Западного Понта согласно утверждениям самых именитых географов и гидрологов всех времен утверждают, что такой залив был и был он гораздо обширней нынешней дельты, даже в периоды самых больших паводков на Дунае. На западе воды залива плескались у Новодуныма — Исакчи. На востоке уходили далеко за бывшую Сасыкскую прорву, а на юго-западе — за румынские озера Разелм и Синое (и это во времена Древней Гре-

ции!). Тогда же по линии современных песчаных гряд Жебриянской, Летя, Кара-Орман, Сэрэтуриле стала обозначаться песчаная коса, отделявшая залив от открытого моря...

Дунай голубой лишь в творениях композиторов и поэтов. На самом же деле это самая мутная река Европы.

От Шварцвальда до непрерывно уходящих в море устьев его дельты более двух тысяч восьмисот пятидесяти километров. Двести – двести двадцать кубических километров воды в год приносит эта река в Черное море, собирая эту воду в бассейне площадью в более чем восемьсот тысяч квадратных километров десяти стран Европы (по объему воды это — четыре Днепра, или двадцать таких рек, как Днестр). Сто пятьдесят шесть миллионов тонн осадков в год несут с собой воды Дуная, а в прошлом, когда его русло и русла рек его бассейна были много шире нынешних, этот вынос был еще больше. С образованием Древне-Дунайского залива обширного, но мелководного эта огромная масса наносов оседала в заливе и отчасти за его пределами. Толщина ежегодного слоя наносов сантиметр — полтора. Учитывая этот процесс, строгая наука гидрология утверждает, что около пяти тысяч лет тому назад, в эпоху позднего неолита, намывая мели, острова, рукава и протоки в Древне-Дунайском заливе могучий Дану стал строить свою нынешнюю дельту. Первым образовался ее Георгиевский рукав, очертания которого с тех пор почти не изменились.

Затем начал образовываться Сулинский рукав (две тысячи лет тому назад он был вдвое короче, чем сейчас).

Нынешнее «Самое синее в мире» Черное море, предшественники меотийцев, киммерийцев и скифов – древние иранцы называли морем грозным, потом Сумрачным. Видимо, еще доклассическим древним грекам стало кое-что известно о землях борейских северных (расположенных севернее Южного берега Крыма), и потому, когда им стало тесно на островах Средиземного, Эгейского морей и на Пелопоннессе, те доклассические греки на суденышках типа легендарного «Арго» пытались проникнуть в суровое море, севернее которого — борейские земли... Те, кому это удалось, единодушно признали это море Понтом Аксинским — Морем Негостеприимным, да и путь в него преграждала находящаяся у самого входа в Дарданелльский пролив могущественная и богатая Троя...

Вот почему, довольно дружно объединившись, островные и пелопоннесские древние греки в ходе изнурительной десятилетней войны одолели Трою и открыли свободный доступ в Понт Аксинский и к его берегам, — сначала к южным и западным, потом — к северным и восточным, неведомым, но заманчивым, как сказочное золотое руно. По мнению исто-

риков, то реальное, что скрывается за мифом о плавании аргонавтов, произошло после Троянской войны, — в 1240—1235 годах до н. э. Как повествует древний миф, первыми из греков вошли в негостеприимный Понт, проявив мужество и хитрость, обманув плавающие коварные скалы Планкты – Кианеи у входа в бурлящее море, аргонавты:

Только один все моря оббежавший корабль невредимо
Планкты коварные миновал — посетитель Зета прославленный «Арго»,
Но и его на утесы кинуло б море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Ясона.

Объегоренные аргонавтами скалы перестали сталкиваться, крушить все, что оказывалось между ними, а Понт Аксинский постепенно стал превращаться в море гостеприимное — Понт Эвксинский.

Видимо, ко времени путешествия за золотым руном, то бишь, — ради открытия новых земель и рынков аргонавты, — читай опытнейшие мореходы, — уже знали и об Истр-Дунае, ибо... На третьем году своего путешествия, возвращаясь из Колхиды с золотым руном, они попали на эту, правда, очень мало известную им реку. О ней древний автор сообщает: «Далеко на севере, там, где обитает суровый Борей, берет начало река Истр, и, достигнув страны скифов и фракийцев, она разделяется на два рукава, которые впадают в море». (Видимо, древним грекам того времени был известен первый самый длинный рукав дельты Истра, тот, который мы называем Георгиевским, а они называли его Ионийским. К нему аргонавты и направили свой корабль, якобы по совету самого Аргоса. «Преследовавшие же аргонавтов корабли колхидского царя, — сообщает Аполоний Родосский, — достигли Истра более кратким путем и, спрятавшись в заливе, дали аргонавтам подойти к одному из островов, а затем преградили им путь по реке...». Видимо, моряки колхидского царя с самых восточных берегов Понта уже знали местоположение устья совсем еще молодого, короткого рукава дельты Дуная, того, который сейчас известен как Сулинский). Нет, не так уж мало знали о гидрологии и гидрографии молодой дельты Истра древние мореплаватели, да и об этнографии также!

Реальность открытий, совершенных легендарными аргонавтами, не отрицает и компетентный древнегреческий автор Страбон в фундаментальном труде «География», он пишет: «Плавание, совершенное по повелению царя Пелия имеет под собой некоторую вероятность, как и возвращение и занятие мимоездом некоторых островов...

Существуют также и рассказы о богатстве той страны, состоящего из золота, серебра и железа и заставляющего предполагать истинную при-

чину похода... Некоторые утверждают, что Ясон со своими спутниками проплыл и вверх по Истру на большое расстояние».

Но и после Троянской войны и похода аргонавтов понадобилось еще полтысячелетия, чтоб в седьмом веке до н. э. сначала Западное Причерноморье — берега так называемого Левого Понта, а затем Северо-Западные берега Понта Эвксинского стали зоной интенсивной греческой колонизации.

Около 650 года до нашей эры милетцы основали колонию на берегу левого Понта — город Истрополис — Истрия у лимана, который тогда назывался Альмирис, а сейчас это два соединенных протокой лимана: Синое и Разельм. У южного берега Синое, отделенные от Черного моря широкой песчаной полосой находятся развалины Истрополиса — некогда крупного благоустроенного торгового и культурного центра с шумным портом, театром, школами искусств, водопроводом, по которому издалека из Добруджи (Малой Скифии) поступала пресная вода. Тогда же южнее Истрополиса была основана другая колония милетцев — Томы—Томис — нынешняя Констанца. В VI веке до н. э. южнее Томиса греки из города Гераклеи (по преданиям — сам знаменитый философ, мудрец Гераклит), основали колонию Калатис, ныне это известная своими здравницами Мангалия на румынских «золотых песках».

В том же седьмом веке до н. э. напористые милетцы на высоком берегу лимана реки Тирас (Днестр), основали город Офиум — Никонию — Тирас (Белгород-Днестровский). Так начиналась история греческих колоний северно-западных берегов Понта Эвксинского, с неизбежностью породившая соответствующие географию и лоцию с гидрографией.

Первым описал воды, берега и острова Древне-Дунайского залива и дельты Дуная «Отец истории», неутомимый путешественник Геродот (485—425 гг. до н. э.).

«Истр течет к морю, направляясь в низовьях на юго-восток, и заканчивается в Понте Эвксинском, где находится Истрополь — колония Милета», — утверждает Геродот.

«Это главное русло Истра называется Иерон (Святое), — отмечает древний автор, — его воды омывают большой протяженности в 120 стадий (22,5 км) дельтовидный (треугольной формы), остров Пеуче. Остров покрыт огромными корабельными соснами, которые очень ценятся греческими кораблестроителями».

«От острова Пеуче до Новодунума (нынешняя Исакча), — утверждает Геродот, — два дня пути с сильными гребцами (около160 км), там Истр впервые делится на два русла». Цепь заболоченных низин, озер, со-

единенных протоками и речушками позволяет утверждать, что в районе этого самого Новодунума такое русло Истра начиналось, уходило в общем направлении – на юго-восток и вливалось в Понт в том месте, где сегодня северо-западная оконечность озера Бадабаг (Румыния).

Древне-Дунайский залив, который со времени его описания Геродотом до начала н. э. носил имя «отца истории», в те времена был отгорожен от Понта не только островом Пеуче. В северо-восточном углу залива находился остров Конопон, между этими двумя островами, но несколько глубже, вдаваясь в залив, находился остров Сарматика. По нынешним представлениям на этом месте сейчас находится гряда Кара-Орман, на месте Конопона — гряда Летя, на месте острова Певка — гряда Сэрэтурile (впрочем, о топо- и гидрографии Древне-Дунайского залива у современных специалистов мнения далеко неоднозначные). Еще в своих описаниях Геродот довольно точно указал местоположение Истрополиса, Калатиса, Томиса, Новодунума, Тиры. Причем, исчисление широт практически не отличается от современного, в исчислении же долго — значительные погрешности — не было точных часов. Довольно точно указаны расстояния от устья Святого до этих городов-государств.

Довольно точно (40 километров от устья Истра по нашим мерам длины) указывает Геродот местоположение острова Левка Белого (Змеиного). Еще через пятнадцать километров — граница моря, уже неопресненного Истром. Из описаний Геродота следует, что залив в те времена был открыт в сторону моря. Позднее римский историк, исследователь Полибий (200—120 гг. до н. э.), в «Общей истории римской республики» отмечает, что в одном дне пути от устья Истра в море есть отмель протяженностью в 1000 стадий (180 километров). Это новообразование, получившее в палеогидрологии и гидрографии наименование «отмель Полибия», стало одной из причин постепенного превращения залива Геродота в лиман, в котором продолжалось формирование дельты Дуная.

И в начале н. э. интенсивное развитие этой дельты продолжалось: намывались новые острова, некоторые старые исчезали, образовывались новые протоки, удлинялся Сулинский рукав дельты, из-за мощных наносов происходил подъем русла реки в вершине дельты. Периодически разражались и характерные до того региона тектонические процессы. Один из них случился в начале н. э. (не исключено, что он совпал или явился эхом знаменитого извержения Везувия 79 года н. э., похоронившего Помпеи, Геркуланум и другие окрестные населенные пункты).

Как утверждают специалисты, тектонический сдвиг произошел по линии разлома: Сирет — Галац — Тульча. Вследствие этого у Чатала Из-

маильского произошел прорыв вод Дуная на восток – стало образовываться новое русло дельты, а с ним и его верхняя часть.(Сейчас в число островов самой новой, Большой Килийской дельты Дуная входят острова Чатал, Большой и Малый Далер, Кислицкий, Большой и Малый Татару, Большой и Малый Степовой, Катенька и Машенька).

(Когда на левом берегу северного рукава дельты родился город Килия, весь этот самый мощный рукав Дуная получил название Килийский, как и вся его дельта).

И еще об одном масштабном природном явлении в Древнем Понте, которое может раскрыть тайну рождения нашего города, однозначно свидетельствует палеогидрология. Несколько более трех тысяч лет тому произошла регрессия, в результате которой не менее трех тысяч лет уровень по крайней мере Западного Понта был на шесть — двенадцать метров ниже, чем до регрессии.

II. ТАК КОГДА РОДИЛАСЬ КИЛИЯ?

Естественная история переменчивого Западного Понта и не менее переменчивой дельты Дану — Истра — Данубия — Дуная очень интересна.

Не менее интересна и история города Килия на берегу этой великой реки. Основополагающий вопрос: когда и в каком месте родилась Килия? Учитывая динамичный характер с естественной истории региона.

Рождение древних городов легендарно. Чем древнее город, тем меньше вероятность установить, когда, при каких обстоятельствах родился он, кем основан. Но город есть, нередко знаменитый город. Лучший способ «объяснить» его появление — легенда.

С течением времени легенда о рождении города воспринимается как реальность. И тогда, как от реального события, от легенды отмеривает город время истории своей (случается и так, что легенда, в общем, подтверждается). Легенда продолжается историей реальной, достоверной и становится легенда (порой несколько легенд) началом истории города. Примеров подобного рода сколько угодно...

Во времена библейские повелела ревнивая Сарра изгнать свою служанку Агорь с сыном ее Исмаилом, зачатым со столетним Авраамом — мужем девяностолетней Сарры. Долго блуждала бедная Агорь с младенцем по пустыне аравийской. Изнуренная жаждой, она стала метаться между холмами Сафа и Марва, положив на горячую землю спящего сына, средь развалин храма, построенном еще Адамом...

Проснулся Исмаил, заплакал и стукнул ножкой о сухую горячую землю, и... заструился из земли священный источник холодной чистой воды... Агорь и ее сын были спасены.

Вырос Исмаил, вернулся в эти места, восстановил храм, построенный еще... Адамом, да-да, тем самым библейским Адамом Каабу — самый священный храм мусульман, а вокруг храма вырос самый священный город мусульманского мира — Мекка...

Всему миру известно, во всех учебниках истории древнего Рима написано, что «вечный город Рим» на одном из семи холмов основал весьма несимпатичный, жестокий Ромул, убивший своего единственного брата Ремуса... и уже ближе к нашему времени (точность даты дотошный

летописец Нестор в «Повести временных лет» не указывает), но написал оставшиеся на века слова:

— И были три брата: одному имя – Кий, другому – Щек, а третьему – Хорив, а сестра у них была Лыбедь... И построили они город во имя старшего брата своего и нарекли его Киев...» Кстати, деяние сие – во исполнение предсказания, более того предосвящения апостола Андрея Первозванного совершившего (но только по легенде — ибо не ходил сей апостол по Днепру, а лишь по Дунаю — с этим согласилась не только наука, но и православная церковь, кроме российской) хождение к славянам новгородским.

И наш город древний. О его рождении бытует немало версий. Есть среди них и легендарные.

Самая сенсационная из бытующих гипотез принадлежит Д. В. Кандыбе парапсихологу из Ростовской области. В одном из очерков в книге «Духовность и физическое совершенство» (Ростов-на-Дону. 1995 год) на странице 538 указанного сочинения автор утверждает, что Килия, как один из центров страны русов, существовала с незапамятных времен. 13500 лет тому назад город был уничтожен всемирным потопом?!

Факты? Их нет. Но есть другие, почерпнутые из традиционных наук. Геология, гидрология, археология, палеонтология и другие науки утверждают, что 13500 лет тому назад наш регион был совершенно не похож на нынешний. Иной была топография края, как и география огромного региона за его пределами. Дунай? Он едва обозначился и только пробивал себе дорогу к морю сквозь горы и равнины.

Как и Днепр, Буг, Днестр, он был намного длиннее нынешнего и вливался в пресноводное море — озеро, тянущееся вдоль северных берегов Анатолии. Началось бурное таяние льдов последнего великого оледенения и все реки и водоемы динамично меняли свои параметры, заодно меняя географию огромных регионов и в целом климат на земле, растительный и животный мир. Особенно заметные изменения претерпел животный мир – стали быстро вымирать крупные млекопитающие, накрепко приспособившиеся к суровому и прохладному климату: мамонты, шерстистые носороги, гигантские олени, чья физиология не была приспособлена к потеплевшему климату, к тому же они массами гибли в образовавшихся обширных болотных хлябях.

А города? Классическая (традиционная) история и археология древнего мира считают, что самым древним городам мира не более восьми – девяти тысяч лет. Эти города, раскопанные археологами в Месопотамии (Ирак), по гипотезе парапсихолога Д. В. Кандыбы о допотопных городах русов, — нечто более эфемерное, чем гипотезы о Атлантиде.

Самая любимая килийцами легенда об основании города гласила, что город наш в четвертом веке до н. э. основал не кто иной, как Александр Македонский и назвал его Ахиллиею, — в честь своего далекого пращура, Ахилла. Этой версии основания Килии придерживались некоторые средневековые хронисты. А также молдавские князья — современник Богдана Хмельницкого, Василий Лупу, и сподвижник Петра Великого, Дмитрий Кантемир. Гуляет она и на страницах некоторых современных румынских и молдавских учебников истории, по рекламным буклетам и туристическим справочникам. Знаменитые древнегреческие историки-биографы Александра Македонского Плутарх, Диодор Сицилийский и другие утверждают, что царь Македонии, Филипп II, — отец Александра, принявшись готовить великий поход на восток – на завоевание мира, вынужден был отвлечься от этого дела и предпринять срочно поход против балканских фракийцев и задунайских гетов, совершавших опустошительные набеги на Македонию.

В 335 году до н. э., кое-как замирив фракийцев у Шипки, Филипп двинулся дальше на север. Переправившись с войском через Истр-Дунай, напал на гетов и занял резиденцию гетского царя, большую деревню Хеллио. Но решительного сражения не произошло — по своему обычаю, оставляя засады, геты уходили в бескрайние степи.

Безрезультатно погонявшись за ветром в поле, царь македонский возвратился из похода, несолоно хлебавши, и вскоре, по наущению своей жены, был убит одним из гвардейцев...

Великий поход на Восток пришлось возглавить молодому Александру.

Квинт Флавий Ариан, один из наиболее осведомленных биографов Александра, к тому же, хорошо знавший географию Нижнего Истра и его дельты, утверждал, что поход в страну гетов совершил таки Александр.

Войско его переправилось через могучую реку на участке между нынешними румынскими портами Зимнича и Турну Мэгуреле и высадилось в устьи небольшой речки — левого притока Дуная (сейчас эта речка называется Кэлмэцуй). В качестве плавсредств при переправе были использованы лодки — однодеревки местных жителей — рыбаков, а при случае — и пиратов, как пишет древний автор.

Войско Александра заняло покинутое гетами большое поселение Хелиос — «столицу» местного союза племен. На этом месте сейчас находится небольшой румынский город Александрия (возможно, это первая из множества Александрий, которые впоследствии основал Александр).

Так что по этим версиям ни Филипп, ни Александр не основывали Ахилии — Килии, да и земли, на которой стоит наша Килия, еще не бы-

ло, как и Килийского рукава дельты Дуная. А были только Ионийское (Георгиевское) и короткое в те времена Селинское (Сулинское) русла.

Блестящий ученый, путешественник, географ, историк, грек по происхождению, Страбон (64 г. до н.э. — 24 г. н. э.) — современник эпохи упадка эллинизма и становления Римской империи, написал семнадцатитомную «Географию». Она содержит и полную лоцию Понта Эвксинского. Все поселения того времени на берегах Понта, его заливы, лиманы, устья всех рек и речушек, впадающих в него, описаны добросовестным ученым.

Описал Страбон и острова устья Истра — Данубия — Дуная и земли между устьями Истра и Тираса — Днестра, народы проживающие на них. «Близ устья Истра, — сообщает Страбон, — есть остров Певка. Одно из многочисленных гетских племен (бастарны), занявшее его, стало называться певкинами. Между гетами и Понтийским морем от Истра к Тирасу лежит гетская пустыня. Ее припонтийская сторона — это «земля Ахилла». О городе Ахилии — ни слова, а остров Ахилла описан автором довольно подробно, особенно его береговая линия и рельеф.

По поручению римского императора Адриана (II век н. э.) историк, географ, мореплаватель Квинт Флавий Ариан совершил дотошное обследование берегов Понта Эвксинского. Результатом исследования явился доклад императору — «Перипл» — древнейшая подробная лоция Понта. Но... В ней ни под каким названием не значится Килия. Труд Клавдия Птоломея (II век н. э.): «Географическое руководство» содержит не только перечень всех городов, римских укреплений — каструмов, гарнизонов всех легионов от Тиры и далеко южнее Дуная, а также весьма точную карту всего этого региона — Верхняя, или Внешняя Мезия, на которой все это отмечено. Но никакой Ахилии на ней нет.

Еще одна версия основания нашего города связывает это событие с именем легендарного князя Кия, якобы основателя самого Киева. Версия приведена в части первой «Повести временных лет», о которой сам летописец свидетельствует, что источниками при ее написании послужили не документы, а предания...

«А Кий ходил к царю греческому, и тот царь, говорят, встречал его с уважением и почестями великими. Когда же возвращался Кий, то пришел на Дунай, возлюбил одно место там и поставил небольшой городок и хотел было сесть в нем, но не дали ему это сделать окружающие племена (гетов?). Так и доныне называют придунайцы это городище — Киевец. Где же он, этот Киевец? Даже, если принять легенду за реальную историю, как это делает, в данном случае историк, академик Рыба-

ков Б.А., то Киевец — не Килия. Сам Б.А. Рыбаков на карте помещает этот Киевец в северной оконечности плавней Борча, что в Румынии – километрах в двухстах пятидесяти от Килии выше по Дунаю.

То, что на вышеуказанной карте академика Рыбакова изображено по Дунаю ниже Килии: новое село на месте нынешнего Вилкова (это новое село также нередко называют предшественником нашей Килии), и Килия, — представьте себе, — на месте румынского села Периправа на правом берегу Дуная, не поддается никакому разумному объяснению. Строгая наука гидрология однозначно утверждает: это очень молодая территория Килийской дельты, она начала формироваться не ранее трехсот лет тому назад. Есть село Новосельское — бывшее Сату Ноу — буквальный перевод названия с румынского — Новое село, но оно — в Ренийском районе.

Другой Сату Ноу — за Дунаем, в Румынии, так что и то, и другое — не Килия. В популяризаторских работах можно встретить утверждение, что во время походов на Дунай киевские князья Игорь в 943-м, Святослав в 971-м зимовали на Белобережьи, что напротив Ликостомона (Старая Килия), и что это Белобережье — Килия новая. Для того, чтобы убедиться в абсурдности этого утверждения достаточно открыть «Повесть временных лет» и прочесть: «И вышел Святослав к порогам, и нельзя было пройти их потому, что уже начало нести лед. Остановился Святослав зимовать в Белобережьи». Итак, Белобережье — на Днепре, а не на Дунае. Там и погиб Святослав.

Много путешествовавший византийский император Константин Багрянородный (908—959 гг.), в труде «Об управлении империей» подробно описывает хорошо известный в те времена «Путь из варяг в греки», и плавание киевских гостей — купцов по нему. В описании императора интересующий нас завершающий этап этого пути плавания выглядит так: «Когда же настает хорошая погода, люди двигаются дальше с Тираса (Днестра) и приходят к заливу Дуная. Отсюда до Селины (Сулины) — одного из рукавов Дуная. Пока они не достигнут Селины, рядом с ними берегом моря идут печенеги. (Заметьте: берегом моря!)

Значит, от Тираса (Днестра) до того места, от которого ладьи брали курс на Селину, никакого города Килии не было, а была «дикая степь». А годы идут и вот автор «Повести временных лет» свидетельствует об интересном факте: Великий князь киевский, Владимир Мономах (1113—1125 гг.) «посажа посадники на Дунаеви».

К сожалению, летописец не уточняет, где именно «на Дунаеви» назначил своих посадников последний собиратель земли Киевской, Вла-

димир Мономах. И мы вынуждены дальше искать документальное подтверждение факта существования города Килия.

И тут мы вновь обязаны напомнить о капризах природы Дуная, которые в данном случае вмешались в историю Килии, видимо, предопределив возможность ее основания...

По объективным данным палеогидрологии, на грани первого и второго тысячелетия нашей эры, то есть — около тысячи лет тому назад в развитии дельты Дуная произошло важное событие: северный — самый мощный рукав дельты, прорвав мощную песчано-глинистую гряду (которая на современных картах, как и сам рукав, называется Килийский), через образовавшуюся прорву, стал стремительно вливаться в залив Понта Эвксинского... В результате этого между Килийской грядой и лежащей восточнее, песчаной грядой Летя или островами на ее месте, стала формироваться вторая (средняя), Килийская дельта — острова Чернавка, Бабина, Салмановский, Эрмаков и другие... Лет, эдак, через сто пятьдесят после того как образовалось новое устье Дуная, на земле, которая, подобно мифической Афродите, возникла из пены отступившего моря и мощных осадков самой мутной реки Европы — Дуная поселились люди... Построили причал, поставили свои хижины, возвели склады — амбары (келии — по-византийски).

Это совершили не короли, князья или епископы, а простые трудовые люди — мореходы, купцы, рыбаки. Поэтому-то ни в какой летописи не найти записи наподобие: «В лето... Его Величество.., или святейшество изволили основать...».

Но, основываясь на анализе самого позднего дополнения к «Повести временных лет» — Волынской летописи, на хрониках византийских, польских, венгерских, немецких, молдавских, можно согласиться с теми историками, которые подобно доктору исторических наук В. Д. Руссеву, много занимавшемуся проблемой возникновения Килии, утверждают, что город наш основан в XII веке, скорее всего ближе к концу его, когда на противоположном берегу Килийского русла Дуная уже лет пятьдесят или семьдесят, а может быть и больше, существовала византийская Ликостома. Видимо, как это нередко бывает в истории городов-дуплетов, когда возникла необходимость вслед за первой Ликостомой, но на северном берегу Килийского русла Дуная, возникла еще одна Ликостома — младшая сестра первой, точнее — часть первой, но на другом берегу, — со своим причалом, складами-келиями...

Византийской ли, славянской ли, волошской ли была та Новая Ликостома, история об этом умалчивает. Нужна она была всем живущим

как на южном, так и на северном берегу Дуная. Видимо, довольно продолжительное время на левобережье северного русла Дуная не было твердой власти какого-либо государства, а на очень удобное место в устье реки, кроме Византийской империи, претендовали еще несколько государств, в том числе, как сообщают некоторые папские и венгерские источники, — зачаточная Дунайская Кумания, оставившая в Придунавье множество захоронений и немало топо- и гидронимов. На составленной в 1154 арабским картографом Идриси в Палермо карте мира обозначены Галич, Белгород (Белгород-Днестровский), Луцк, Перемышль, но нашей Килии на ней еще не значится, — возможно, потому, что неясной была государственная принадлежность этой территории.

Но отсюда до устья Дуная начинался путь не только вверх по великой европейской реке, но и в Галич, Перемышль, Краков, Прагу, Луцк, Гданьск, Регенсбург – это на север и запад и, конечно, на Царьград... На этот пока не обозначенный на карте Европы важный перекресток дорог претендовали многие сильные мира того времени...

Достоверно же известно, что по договору, заключенному в 1158 году между королями польским и венгерским, князьями киевским, смоленским, черниговским и галицким, левобережье северного русла дунайской дельты от Малого Галича (Галаца), до Понта Эвксинского досталось князю Галицкому Ярославу Владимировичу, прозванному Осмомыслом за то, что говорил он на восьми языках и был мудрым – способным обдумывать и делать семь-восемь дел одновременно...

Это о нем пишет автор «Слова о полку Игореве» (XII в.):

«Высоко сидишь ты на своем златокованом престоле,
Подпер ты горы венгерские своими железными полками,
Загородив путь королю (венгерскому),
Затворив Дунаю ворота,
Открываешь ты врата киевские,
Чинишь ты суды на Дунае,
Корабли посылаешь по нему...».

Затворить ворота Дунаю Осмомысл мог в буквальном смысле, например, цепями, перекинутыми через прорву, подобно тому, как это делали императоры византийские с входом в царьградскую бухту Золотой Рог. Или с самим Босфором... по усмотрению Ярослава Владимировича открывались главные речные ворота в центральную Европу, — с выгодой великою для княжества Галицкого и для Килии...

Самое позднее дополнение к воскресенскому списку «Повести временных лет» — Волынская летопись — о Килии времен Ярослава Осмо-

мысла сообщает: «Многая люди живот свой имают во граде: русы, волоси (летопись не делает различия между влахами и молдаванами, как не выделяет она и украинцев из единого понятия — русы), царьградцы, угорцы, чехи, латыны и други... Во граде храм лепый, — святого Иоанна...»

Но пощаженный даже татаро-монгольским нашествием храм в 1341 году был разграблен, сожжен и разрушен свирепыми пиратами турецкого адмирала — разбойника Омар-бея. Интересные сведения о том, как управлялась Килия того времени, содержится в «Хронике Молдовы и Мунтении», «Славяно-Молдавской хронике, а также в «польско-молдавской летописи» молдавского хрониста на польской службе Мирона Костина. Авторы этих хроник пользовались первоисточниками, не дошедшими до нашего времени, из названных хроник явствует, что накануне татарского нашествия население Килии насчитывало несколько тысяч человек, управлял городом совет из выборных советников (по молдавски — «сфетничь»), во главе с назначаемым княжьим посадником, которого, воспитанный в Польше, Мирон Костин на польский лад называет «войтом». Расположенный на великом «Шелковом пути» город Килия того времени, действительно, должен быть большим и важным, чтоб он от него получил свое название самый мощный рукав дельты Дуная!

Как известно, время расцвета Галицкого государства — это время интенсивного формирования украинского этноса, что в первую очередь сказалось на языке. В обиход пошло мягкое украинское «г», особый звук (фонема), для написания которого понадобилась буква «ї» и кое-что еще. Это — в фонетике. А в лексике — словарном составе языка, которым пользовалось большинство населения? На севере (Галичина) явно стала ощущаться экспансия польского языка: в оборот вошли слова польского происхождения «ганок», «газда», «ганьба», «хлопец» и множество других...

У нас же на степном юге Осмомыслова государства, как почти на всем Юге Украины, на котором так и не завершилось начавшееся формирование половецкого государства, заметно сказывалось влияние языка половецкого или куманского, из которого пришли и стали украинскими слова «тин», «майдан», «оселедець», «рух», «кохана», «дякую», «козак» и множество других... В бывшей Юго-Западной Руси древнерусский язык обретает все более заметное украинское звучание. Несколько медленнее, но неуклонно это происходит и с письменностью — складывается украинская. Само слово «Украина», которое в толковании автора «Повести временных лет», а с его легкой руки – в толковании самого В. Даля и

множества современных авторов означает «Окраина», на самом деле пришло в украинский язык также из половецкого. Там оно составное: «кра» — степь, «ина» — земля, территория, область. Так что Украина — никакая не окраина, а страна степей, что для большей ее части — неоспоримая географическая истина. Надо полагать, что и Килия, как часть Галицко-Волынского княжества того времени — одно из мест изначального формирования украинского этноса, его языка, культуры, психологии, что предполагает фундаментальное всестороннее исследование этой проблемы историками, археологами, лингвистами, этнографами и другими специалистами. Видимо, даже страшный ураган татаро-монгольского нашествия оказался не в состоянии полностью пресечь этот процесс. Академические «Истории городов и сел Украины» (Одесская область), 1969 и 1978 годов издания, приводят все ту же легенду об основании Ахилии — Килии Александром Македонским. А далее, со ссылкой на «Полное собрание российских летописей» (т. 7. С-П-Б. 1856 г. стр. 440), указывают, что: «Со второй половины XII века Килия входила в состав Галицко-Волынского княжества». Повторяя выше приведенный факт, «Украинская советская энциклопедия» и «Географическая энциклопедия Украины» о времени основания Килии не говорят ничего. Перечень украинских, русских, румынских источников, повторяющих эту версию можно продолжить. Так что версия об основании Килии в XII веке закрепилась как научно обоснованная. Однако...

Настоящие (не обязательно только по рождению) килийцы любят свой город. В его честь они ежегодно ранней осенью устраивают веселый, шумный праздник. При этом возраст с гордостью отчитывали от Александра Македонского. Не возражали они и против Кия. Возраст города в 850 лет — от Ярослава Владимировича Осмомысла, хоть и научно обоснованный, приняли скрепя сердце и не все. Самых больших почитателей Килии не покидала надежда, что будет подтвержден более древний возраст ее. И вот заветное желание сбылось, сбылось нежданно-негаданно — как с луны свалилось... В 2001 году своим постановлением № 878 от 26 июня Кабмин Украины утвердил «Список исторических городов и местечек Украины». О Килии в этом постановлении, к сожалению, без ссылки на источник, сказано, что основана она в седьмом веке до н. э. Следовательно, это самый древний город нашего государства? Что же получается? Выдающиеся исследователи — путешественники, мореходы, географы, историки: Геродот — VI—V века до н. э., Полибий II век до н. э., Страбон — на рубеже до н. э., Ариан и многие другие — в первые века Новой эры ничего похожего на Килию не обнаружили? А ведь все они — до-

тошные исследователи! Их описания, лоции, географии, «периплы» отмечают подробности и меньшие нежели поселения на берегах моря, его заливов и заливчиков, устьев рек и речек, впадающих в Понт. Выдающемуся историку В. О. Ключевскому принадлежит афоризм: «Задача историка состоит в том, чтобы в парадоксах и путанице истории находить реальный смысл».

Попытались и мы осмыслить загадку-фантом Килии древнейшей.

Для начала несколько раз запрашивали Кабмин Украины разного времени о том, на каких документальных или археологических данных основывается его утверждение о 2700-летнем возрасте Килии?

Это ведь больше, чем 2500-летний возраст Тиры — Мон-Кастро — Аккермана — Белгорода, что на Днестре, определенного специалистами ЮНЕСКО и России. Время шло — шесть лет... А ответа из Кабмина все не было — видимо, там не оказалось специалиста по интересующей нас части.

Впрочем, и мы не теряли времени — упорно штудировали доступные нам труды Геродота, географии, периплы-лоции античных авторов, труды зарубежных, советских, украинских географов XIX—XX веков, «Черноморскую энциклопедию» начала XXI века...

Нигде сведений о Килии доантичной или античной не обнаружили. По берегам южно-бессарабских озер, в междуозерьях, археологические экспедиции и случайные любители и грабители нашли поселения и предметы эпох верхнего палеолита, мезолита, неолита, энеолита – придунайских трипольцев, всех эпох бронзы, поселений римлян, ранних славян. Но все это не города, как и фактория греков IV века до н. э. Антифила в устье речки Репиды в пределах Измаила. На морском Дунае, при дноуглубительных работах сулинского морского канала, при таких же работах на Прорвинском канале были извлечены кости и бивни мамонтов, кости шерстистых носорогов и других представителей фауны каменного века (экспонаты подобного рода можно увидеть в экспозициях музеев в Констанце, Сулине, Галаце и даже в знаменитом музее Григоре Антипа в Бухаресте. Прорвинские находки, к сожалению, экспонатами не стали). Ни в том, ни в другом случае археологических следов какой-либо Килии обнаружено не было. Очень не хотелось отступать от полюбившейся нам версии о Килии VII века до н. э., но под давлением объективных, не зависящих от людей, фактов пришлось. Эти факты — палеогидрология, прежде всего Черного моря.

На протяжении третьего тысячелетия до н. э. Понт претерпел регрессию — его уровень снизился на 6—12 метров, после чего в ходе наступив-

шей трансгрессии уровень моря достиг и даже на метра два превзошел изначальный – в начале н. э.

«Мысль» М. 1985 г. (См. Агбунов М. В. «Загадки Понта Эвксинского».

Его же: «Античная лоция Черного моря». «Наука». М., 1987 г.

Его же: «Античная география северного Причерноморья». М., 1992 г.).

А. Б. Островский «Новые данные о палеографическом режиме Черного моря в верхнем плейстоцене и голоцене». М., 1990 г.

Мельник И. К. «Маршрутами античных мореходов». Одесса. 1991 г.

Бруяко И. В. и Карпов В. А. «Древняя география и колебания уровня моря на примере северо-западного черноморского бассейна в античную эпоху». «Вестник древней истории» № 2. 1992 г.). А также другие работы.

...Уже на фазе новой начавшейся трансгрессии Александр Македонский в четвертом веке до н. э. (если б он тут был) не смог бы основать Ахиллию, потому что в то время еще не родился Килийский рукав дельты Истра – Дуная, нет Килии и на картах Клавдия Птоломея – второй век уже н. э. по той причине, что Килийский рукав дельты только начал пробиваться сквозь мощную глинисто-песчаную платформу (едва к тому времени образовался рукав протяженностью от Чатала Тульчинского, до Чатала Измаильского).

Около тысячи лет понадобилось северному рукаву дельты Дуная, чтоб пробиться сквозь гряду, которая со временем станет именоваться Килийской и только тогда (лет 850 тому, во времена Галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла) на берегу северного русла дельты Дуная появился город Ликостома – Кели – Килия.

Все это подтверждает точная наука гидрология. А с XII века н. э. летописи и дипломатические документы.

С вопросом о том, насколько вероятен 2700-летний возраст Килии, мы обратились в Одесский археологический Национальной академии наук Украины, старейший в стране и во всем Причерноморье музей и центр археологических исследований.

Ответ директора музея, доктора исторических наук И. В. Бруяко был однозначным:

— Археологи и историки, занимающиеся изучением древних культур Нижнего Дуная, не располагают никакими данными, которые подтвердили бы такой древний возраст Килии.

Но за тысячи лет до основания Килии, за сотни лет истории нашего города на этой земле совершилось множество исторических событий. От них наверняка остались археологические следы.

Между тем, археологические исследования на научной основе в городе никогда не велись. Поэтому земля Килийская может принести археологические сюрпризы огромной научной ценности. Настоящим археологическим Клондайком может оказаться территория от Дуная до центральной площади и до улицы Тургенева.

Это должны иметь в виду не только профессиональные археологи, но и все, кому по разным причинам приходится рыть землю, в том числе и при дноуглубительных работах на Дунае (многим выдающимся археологическим открытиям предшествовали случайные находки).

Наука, в том числе история, археология, гидрология, не стоит на месте. В принципе возможны казалось бы самые невероятные открытия, в том числе и подтверждающие античный возраст Ликостомона — Ахилии — Кели — Еникили — Килии... Дело лишь во времени и усилии.

III. О СЛАВЯНАХ ДУНАЙСКИХ И НЕ ТОЛЬКО

Итак, Килия основана не древними греками. Ее предшественница — не легендарная Ахилия Александра Македонского и никакой не Киевец мифического основателя Киева. Она, любимая, — сама по себе — сначала славянское поселение. А город — точно со времен Ярослава Владимировича Осмомысла, князя Галицкого.

В исторической науке принято считать, что славяне появились в Балкано-Карпатском регионе в начале н. э. Но их далекие предки, племена сильных, смелых воинов, отважных людей двинулись на запад в едином потоке с индо-арийцами.

На разных этапах долгого во времени и пространстве пути их под разными именами обнаруживали в Средней Азии, на Среднем и Ближнем Востоке, в частности в Малой Азии. В начале там исторической памятью о них были легенды и предания в том числе и те, которые послужили Гомеру основанием для бессмертной «Илиады» — и не только.

Блестящие открытия вдохновленного археолога Генриха Шлимана подвели под доантичные предания первую историческую реальную основу. И это оказалось только началом. Со временем историки выяснили, что в защите Илиона — Трои илионцам — троянцам помогали и другие малоазийцы, среди которых фракийцы царя Реса. Вообще в том мире — тринадцатый век до н.э. — фракийцы оказались вездесущими. Через несколько десятилетий после падения и разрушения Трои представители этого племени оказались и среди аргонавтов — спутников Ясона, ходившего еще морем Аксинским (негостеприимным) в Колхиду за золотым руном – то бишь, на разведку новых земель, или на разбой...

Семь веков спустя Геродот обнаруживает фракийцев в огромном регионе от Левого Понта на юге, до Илирии, Моравы и Панонии на западе, до гор Певкинских (их могучие карпы называли Карпатскими), а на востоке до Нижнего Побужья...

Самое могущественное племя фракийцев было практически уже государством — государством одрисов — русов (пятый век до н. э.), которое успешно противостояло натиску персидской державы и воинствен-

ным скифам. (Севернее Истра жили родственные фракийцам геты. В наших краях они соседствовали с нижнедунайскими словенами (будущая Весь).

Как отмечалось ранее, причерноморские земли от Истра—Дуная до Борисфена—Днепра именовались землей Ахилла, а от Истра до Тираса—Днестра — Гетской пустыней. Геты были прежде всего скотоводами, занимались они и земледелием, охотой, виноградарством и виноделием. Вино очень любили и подобно скифам употребляли его в неразбавленном виде. С приморскими греческими городами геты то воевали (хотя не владели искусством осады и штурма крепостей), то торговали, но скорее война была их привычной стихией.

Греческие, а затем римские авторы с удивлением отмечали, что фракийцы, в том числе и геты, не страшатся смерти, считая, что душа человека бессмертна. Умершего геты провожали на тот свет с песнями, плясками, в веселом хмелю. Своему главному богу Залмоксису геты регулярно приносили человеческие жертвы, причем — по почетному жребию. Счастливых избранников на эту роль гетские воины забрасывали на поднятые копья. Многоженство у гетов было явлением обычным, а главная жена следовала на тот свет вместе с умершим мужем (перед захоронением ее удавливали).

Исследования лингвистов, археологов, историков, этнографов позволяют утверждать, что фракийцы и славяне родственны по языку, культуре, образу жизни, наконец — по крови. Вряд ли случайно столь схожи их мировоззрение, боги, обычаи.

Жили эти племена своеобразным «слоеным пирогом». Южнее Истра — Дуная трибалы, мизы, бесы, кробизы, северяне, севернее — геты, и вновь славяне: воинственные, свободолюбивые карпы, давшие имя самим горам Карпатским, костобоки, белые хорваты, многочисленные племена тиверцев вперемешку с тира-гетами, по Тирасу — Днестру, до самого Понта Эвксинского, вновь славяне — уличи, бужане... Этот конгломерат племен обосновался в огромном регионе так давно, что практически его представителей можно считать аборигенами региона. Населен был этот огромный регион довольно редко — на весь приходилось всего около двух с половиной миллионов человек — множество по большей части родственных племен. В первом тысячелетии до н. э. и в начале н. э. на земли этих реальных автохтонов вал за валом накатываются волны кочевников. Ираноязычные племена скифов задержались в регионе дольше всех, так что некоторые научились хлебопашеству и стали «скифами-пахарями», а у самых южных сложилось даже государство. Они

известны как «Царские скифы». Общение с ними наложило отпечаток на язык древних славян, да и, видимо, на генофонд...

Проход между изгибом карпатского венца (горная система Вранча) и Понтом Эвксинским тысячелетиями был «Воротами народов» (а еще – воротами всех бед). Некоторые из стремившихся к этим «воротам» народы стремительно проходили через них огненно-кровавым вихрем (авары-обры), чтобы тут же кануть в Лету, некоторые, как гунны, на какое-то время задерживались в придунайских степях, потом уходили на запад, а иные, как пришедшие с Волги болгары, смешавшись со славянами, основали свое государство на Балканах.

Памятью от этого тысячелетия длившегося движения народов является несметное число захоронений. Над царями, князьями, вождями насыпали высокие курганы, — несметные сокровища их по большей части давно разграблены. Простых воинов — пастухов в мир предков отправляли лишь с боевым конем, — точнее — с его копытами (мясо съедали на тризне), горшком простой пищи, луком с несколькими стрелами (от которых до археологов дошли в этом случае бронзовые наконечники). В большинстве случаев время, плуг хлебопашца, бульдозер строителя сравняли эти курганы со степью, оставив потомкам на поверхности лишь высокие курганы над захоронениями вождей, знати. Большинство таких захоронений давно разграблены... Между тем региону, живущим в нем племенам со всех сторон угрожала опасность. В четвертом, третьих веках до н. э. — македонские фаланги. Со второго века до н. э., несколько веков подряд — римские легионы. А кочевники с востока и севера...

Для обороны с востока, севера и юга племена автохтонов организуются в союзы. Например, Карпатский. Иногда — в царства. Самое знаменитое из них — Северо-Фракийское (гето-дакское) царство Буребисты, о котором упоминавшийся выше Страбон (I век до н. э. — I век н. э.), пишет:

«Став во главе своего народа, уставшего от многочисленных войн, гет Буребиста (80—40 г. до н. э.), так возвысил его, в несколько лет присоединив к нему многочисленные народы, что даже стал грозой для римлян».

Видя пагубные последствия злоупотребления вином для своих соплеменников, Буребиста приказал вырубить все виноградники и не употреблять вина (Закон этот действовал в Дакии и при Децебале). Захватившие страну римляне, наоборот поощряли виноградарство и виноделие в новой провинции. Они поделились с даками своими приемами виноградарского искусства и завезли из Италии новые сорта виноградной лозы. Специалисты утверждают, что в наших краях еще и сейчас встречается та-

кой древний сорт, — Гордин, названный в честь римского полководца. (Со смертью Буребисты, убитого заговорщиками, его царство, простиравшееся от Моравы на Западе до Ольвии на востоке, распалось). А римская опасность нарастает, легионы императора Октавиана Августа (I век до н. э.), покорив фракийцев, вышли к Дунаю (Истру), точнее уже Дунубию. Грозная опасность вновь заставила гето-даков объединиться в единое государство. Это было осуществлено под руководством полководца дакского короля, Дураса, — Диурпануса, сына Скорилы. Зимой 85—86 годов н. э. он совершил удачный поход вглубь новой римской провинции Мезии — на юг от Дуная. За это полководец получил почетное имя Децебал – «десятисильный», сохранив родовое имя Скорил. (Ну как тут не вспомнить князя Ярослава Владимировича Галицкого, прозванного Осмомыслом (способного обдумывать восемь проблем одновременно).

. Через год — в 87 г. н. э. — Децебал стал царем даков, только императору Ульпию Траяну (88—108 гг. н. э.) благодаря огромному численному превосходству в силах, удалось покорить Дакию, да и то не всю.

Значительная часть страны осталась непокоренной, а от воинственных славянских племен карпов, костобоков, тиверцев, роксолан пришлось отгородиться двумя цепями укрепленных лагерей — каструмов за двумя «трояновыми валами»...

Мощное наступление на римскую Дакию карпы в союзе со... свободными даками предпринимают в 245—247 гг. н. э. и в последующем сила их ударов по империи возрастает...

Господство римлян над Дакией продолжалось 165 лет. Где-то в 271—274 гг. н. э. при императоре Аврелиане под натиском свободных даков, но особенно — карпов и других славянских племен, также под ударами вестготов, римляне покинули Дакию — ушли за Дунай, оставив в своей недавней провинции многочисленное романизированное население... С уходом римлян, принесенный ими рабовладельческий строй в Дакии рухнул! Далее историческое развитие региона складывалось так, что из зоны южных Карпат славяне ушли за Дунай — на юг, на восток и на север (на этот счет существует, казалось бы, довольно экзотическая теория, согласно которой в процессе расселения славян из этой зоны произошла трансформация кробизов – в кривичей, трибалов — в древлян, пеласгов — в полян — антропологически наиболее близких к украинцам.

Великий Н. М. Карамзин к этой теории относился серьезно. Не считал ее абсурдною и Б. Д. Греков.

Южные славяне — самая ранняя ветвь славян в Европе – ветвь, восходящая к фракийцам, словенам Балканского полуострова. Общее на-

правление их миграции во II половине I тысячелетия н. э. — на север, где эти славяне столкнулись с варягами — норманнами. И, в конечном итоге, образовали государство с центром в Новгороде. После чего, двигаясь по «пути из варяг в греки», они часто вместе с варягами проникают на средний Днепр. Образование Киевской Руси знаменует итог развития восточно-славянской ветви, в свою очередь это предпосылка образования Украинской, Русской и Белорусской народностей.

Итак, славян можно назвать автохтонами южной, но отнюдь не Восточной Европы, это подтверждает и «Повесть временных лет» («Ипатевский список»).

«По мнозех же временах сели суть словене по Дунави, где есть ныне Угорская земля и Болгарская. От тех словян розидошася по земли и прозвавшася имены своим, — где сидище на котором месте. Яко придеше и седоша на реце именем Мораве и прозвашася Морава, а друзии – чесе нарекошася... Тако же те словене пришедшее и седоша по Днепру, нарекошася поляне, а друзии – деревляне, так как седоша в лесах...».

Те из славян, кто в эпоху «Великого переселения народов» (завершившегося, как известно, татаро-монгольским нашествием), не ушли из карпатского региона, с течением времен были ассимилированы влахами, молдаванами, которых нередко собирательно именуют волохами (как утверждает «История румынской литературы» Ал. Пиру (Бухарест,1970 г. Том 1).

В румынском языке 2000 основных семейство-образующих слов славянского корня, 1550 — латинского, 160 (10%) — автохтонного гето-дакского. При этом слова, относящиеся к сельскому хозяйству, городскому быту, ремеслам, военному делу, не говоря о религиозной, христианской, особенно православной терминологии — преимущественно славянского корня. Славянского же корня значительная часть географических названий, что подтверждает топо- и гидронимика. Из числа наиболее применяемых суффиксов 70 славянского и 60 латинского. В числе слов, считающихся гето-дакского происхождения, есть слова, корни которых дако-гето-славянского происхождения: поянэ — поляна; Браниште — Бранище; Балтэ — Балка; Сэлаш — шалаш, коасэ — коса и некоторые другие. В «Пространной правде» — знаменитом кодексе Ярослава Мудрого — документе строгом, написанном на древнерусском языке, а не на каком-нибудь диалекте, мы встречаем такое, казалось бы чисто румынское, слово как «свада» — ссора. Но и на древнерусском оно означает то же самое, что и на румынском — ссору, переходящую в перетасовку, в которой потерпевший получает травму, например, у него вырывают клок волос с темени или из бороды. Видимо, одинаковость слов и бли-

зость их смысла — от родства языков да и народов в те времена, и это далеко не все, что на земле Румынии и в румынском языке осталось от древних славян.

Что касается Килии, то бурные тысячелетия ее истории и то, что уже подарила археологам земля килийская, дает основание предполагать, что для археологов она — потенциальный Клондайк, к сокровищам которого почти не прикасались лопата, скребок, кисточка, — в общем рука и пытливая мысль профессионального археолога.

Причины такой ситуации? Бурные события на берегах Нижнего Дуная, происходившие на протяжении всего XX века, препоны политико-идеологического и административного характера, в частности длительный жесткий пограничный режим в этой полосе. В этих условиях не то, что археология — даже многократно обещанная и многообещающая железная дорога не дошли до Килии.

И все же в 1964 году археологи И. Т. Черняков и В. З. Сазонов на берегу Древнего Дуная — в степи над его самой древней поймой в полукилометре от юго-восточной окраины Омарбии, на том месте, где ранее случались находки древностей, вели археологические раскопки. На площади 400 на 250 метров были обнаружены следы широко распространенной в наших краях «черняховской» культуры — ранних славян — земледельцев, скотоводов, ремесленников, воинов (III—IV века до н. э.). Это бурные времена борьбы славян и германцев с одной стороны, против римлян — с другой. Завершилась она тем, что римляне ушли за Дунай, а германцы — на Запад. Ранние же славяне, как и по соседству проживающие гето-даки, остались автохтонами. Другие находки — раскопки стоянки? Керамика на гончарном кругу изготовленная.

Железный век уже наступил, но железа еще мало и качества оно низкого — это многократно перекованная крица — смесь металла и золы древесного угля. Сырье? — болотная руда и древесный уголь. От такого железа два тысячелетия ничего не оставили, кроме бесформенных кусочков рыхлой ржавчины. (Гусакова А. В., Охотников С. Б., Черняков И. Т. «Археологические памятники Одесской области». 1991г.).

Следующий горизонт раскопок раскрыл культурный слой, характерный для периода поздней, т. н. «сабатиновской», бронзы. На берегах Китай-озера и в других межозерьях Южной Бессарабии сделано немало находок поздней бронзы. Между тем в крае нет источников сырья — серного колчедана и олова. Таким сырьем изобилует Трансильвания и Балканы. Остается предположить, что, несмотря на расстояния, военные грозы из этих регионов в наше сырье для плавки бронзы поступало в

значительных количествах, возможно, даже в порядке обмена (обмена на какие продукты?)

Самый нижний слой археологического раскопа явил культуру энеолита – века шлифованного кремния — поселение гумельницкого типа (четвертое тысячелетие до н. э.), переходящего в бронзовый век.

И эта культура довольно широко представлена на берегах озер Китай, Катлабуг, Ялпуг и Кагул. Образцы этой культуры одним из первых открыл недалеко от Болграда местный краевед, археолог-любитель Памукчи И. Н. Поздненеолитические орудия производства — это прежде всего различного вида, в том числе боевые, топоры из гладко отшлифованного кремния и других твердых материалов. От тех, кто производили такие предметы, требовались огромное мастерство, настойчивость, терпение, как при шлифовке, так и особенно при сверлении отверстий для топорищ. Удивляют своим изяществом и остротой тонко отшлифованные кинжалы, ножи, острия копий, изредка встречается бронза.

В период энеолита совершается переход от мотыжного земледелия к обработке земли ралом, в которое впрягался вол. Земледелие стало производящим, т. е. способным обеспечить не только текущие повседневные потребности в главном продукте питания – лепешках, хлебе, но и позволяло создавать значительные запасы продовольствия впрок. Основные злаковые культуры в наших краях — три сорта пшеницы, рожь. Животноводство комбинированное — стойловое и пастбищное, благо пастбищ и сенокосов было предостаточно. Животноводство — крупный рогатый скот, свиньи, овцы, козы обеспечивали высококачественное белковое питание, а быки были и мощной тягловой силой. Собирательство и даже охота в наших краях стали занятиями второстепенными, вспомогательными. Овцеводство — это не только питание, а и шерсть, поэтому было изобретено и ткачество с использованием шерсти, волокон конопли и льна. В связи с такими радикальными явлениями в развитии производства главными пахарями и животноводами в обществе стали мужчины и наметился переход к патриархату. Все это вместе взятое привело к явлению, которое можно охарактеризовать как первый в истории нашего и подобных регионов демографический взрыв.

Омарбиевская неолитическая стоянка, как и все последующие на этом месте и далее — до самого начала Маяк, оказалась очень богатой на керамику самых разных видов и размеров: горшочки, горшки, большие и огромные сосуды для хранения зерна. Встречаются сосуды с ручками, а также украшенные узорами, выполненные техникой надкола, а также канавками кольцеобразными, «елочкой» и другими. Видимо, с тех пор

и до времени сравнительно недавнего от Омарбии до Маяк жили поколения искусных гончаров. Они создавали прекрасные и полезные вещи, которыми славилась Килия. Но — только до середины двадцатого века...

В Килии совершены и другие примечательные археологические открытия, но сделаны они случайно, не профессионалами.

В 1964 году на территории бывшей школы номер шесть по улице Маяки при земляных работах обнаружена уникальная вещь — бронзовый кинжал сабатиновского образца (вторая половина второго тысячелетия до н. э.). Находка важная, но в черте города пока единичная. В пространстве от Омарбии до начала улицы Маяки в разное время, опять-таки случайно, неспециалистами подобраны, принесены в музей и проконсультированы профессиональными археологами крупные фрагменты глиняной керамики, изготовленной на гончарном круге ранних славян «черняховцев» начальных веков н. э.

Что касается дунайских славян времен Галицкой Руси XII—XIII веков, то на протяжении всей улицы Дунайской и далее — до окраины Омарбии, при земляных работах обнаруживались крупные фрагменты уже красноглиняной керамики, изготовленной на гончарном круге. Значит, славянский корень не прекращал существовать на этой земле непрерывно на протяжении многих столетий и вряд ли был искоренен татаро-монгольским нашествием.

. Интересная (страшная) археологическая находка также случайно была сделана по улице Маяки при ремонте водопровода у дома № 240. Раскопан костяк скелета девочки по определению вызванных археологов — лет 11—12 половчанки XI или XII веков. Своеобразие находки в том, что скелет не полный — только череп и грудная клетка по талию. Нижней части скелета нет. Почему? Как утверждают археологи и этнографы — знатоки обрядов древних славян и половцев XI—XII веков над девочкой совершен обряд человеческого жертвоприношения. В ушах жертвы при похоронах были двойные бронзовые сережки, на шее бусы из четырех бронзовых зерен, а посередине между бусинками из бронзы, маленькая, изящная, ослепительно белая с черной отметиной по краю створки, раковинка «каури». Ближайшее место, где изредка попадаются такие – Красное море. По берегам морей, омывающих юго-восточную Азию, ракушки «каури» служили даже деньгами. Когда же попадали к монголам или половцам, то служили довольно дорогим украшением, как в данном случае (См. также: А. А. Опарин «У разбитых водоемов». Харьков. 2002 год. Стр. 138—139). Так, что для археологов и «архивных крыс» Килия, как и в прежние века, останется не открытым «Клондайком».

IV. ГОРОД НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ – ЯБЛОКО РАЗДОРА

Хроники молчат о судьбе Килии непосредственно во время Батыева нашествия в наши края (1242 г.). Известно лишь, что после него в округе кочевали «тысячи» Буджакской татарской орды. Но не прошло и сотни лет, как о городе на перекрестке морских, речных и пешеходных дорог – на великом шелковом пути, вновь заговорили официальные источники. Примечательно, что это были документы Православной церкви...

В 1318—1323 годах для константинопольского патриарха был составлен «Перечень городов и замков варненской округи, подчиняющихся Византийской Патриархии». В этом-то «Перечне», впервые среди названий других городов, значится и Кели на левом берегу северного русла дельты Дуная. В 1387—1392 годах в канцелярии уже митрополита Киевского, Киприана, грека по происхождению, составляется еще один документ – «Список русских, волошских, польских и болгарских городов, дальних и ближних, подчиненных православной константинопольской патриархии». В этом «списке» также значится и левобережная Ликостома — Кели, наряду с правобережной Ликостомой — Кели, Дырстором и Вичиной. Мореходы, путешественники, монахи, епископы, рыцари, послы того времени в своих отчетах, описаниях и воспоминаниях пишут то о Ликостоме левобережной, то о Кели, Кили, Целе и это всё — наша Килия, если исходить из ее местоположения (генуэзцам, венецианцам больше нравится называть наш город Ликостома, мусульманам — Кили...).

Одновременно с письменными источниками, о нашем городе заговорили морские карты – арабские, византийские, венецианские, турецкие, но чаще всего генуэзские.

Во времена, когда была основана Килия, карты выглядели очень странно с нашей точки зрения. Ориентированы они были на восток, где помещался Рай с Адамом и Евой (все это, однако, помещалось сверху, где в наше время на карте север). В центре мира и карты помещался Иерусалим, слева от него Европа, справа — Африка — это на юге. Под Раем на востоке — огромная Азия. Карты эти были значительно менее точные, чем античные. Мореплавателей, корабельщиков — торговцев такая

«точность» не могла удовлетворить. Они пользовались портуланами — картами регионов с наиболее посещаемыми портами. Портуланы тоже были ориентированы на Восток, но Рай на них, как правило, не помещался.

В то время Сулинское русло было раза в два короче нынешнего, при впадении в море оно раздваивалось, а в развилке находился довольно большой остров, Аспера (на современной карте это место соответствует, приблизительно, тринадцатой миле выпрямленного Сулинского русла. На северном берегу Килийского русла дельты Дуная, у его впадения в море, четко обозначена Ликостома (наша Килия), на противоположном берегу Дуная, также у самого берега моря — Другая Ликостома (Килия Старая).

В северо-западном Причерноморьи и Придунавьи трудно однозначно определить гидронимы и номонимы куманского, татарского, турецкого ли они происхождения, ибо все они тюркского происхождения. И все же специалисты считают, что названия озер Катлабуг, Китай и одноименной речки, топоним Татарбунары — татарского происхождения, как и Ташлык и Ташбунар...

В конце XIV века христианский мир готовил очередной крестовый поход против Оттоманской империи. Для этого похода был подготовлен целый атлас карт, «Кодекс латинус парисимус» (1396 г.). Для нас он интересен тем, что на одном из его листов изображена карта-рисунок, на которой представлена крепость-замок, прикрывающая обе: Ликостома — Килия. Это мощное оборонительное сооружение возвышалось на острове с довольно высокими берегами (район Старой Килии), где сейчас возвышается церковь Святых Михаила и Гавриила, а на берегу Дуная — набережная порта. Тогда этот массив каменных и осадочных пород был островом. (Современные специалисты-византологи, на основе археологических данных подтверждают наличие в указанном месте остатков фундамента крепости — замка).

Ликостома левобережная на карте Марио Санудо — это не только причалы, склады, начало поселения, пока без укреплений, кроме возможного палисада, но и перспективное, быстро растущее поселение на перекрестке морских, речных и сухопутных путей. И все это — на Великом шелковом пути.

Валы, рвы были сооружены, видимо, в ходе разгоревшихся в скором времени многочисленных войн между генуэзцами и Каварнским деспотом Добротичем. Даже на карте 1396 года из т. н. «Парижского атласа» Ликостома – Килия левобережная не значится как крепость, хотя на

этой же карте Периправа (напротив нынешнего Вилкова), — небольшая концентрической формы крепостца с донжоном в центре.

Вероятно, первая каменная крепость на крутом повороте Дуная, где сейчас элеватор, была построена уже после того, как молдавский господарь Александр Добрый в начале XIV века присоединил эти земли к своему княжеству.

Посещают Килию не только купцы, путешественники, пилигримы, послы и шпионы, — наведываются сюда и пираты, порой — целые пиратские флотилии, — особенно турецкие. Об одном таком налете рассказывает султанский посланник, путешественник, шпион и поэт Энвер в отчете-поэме «Дюстум-наме» («Книга для визиря»).

Омар-бей был потомственным моряком, турецким флотоводцем на службе у султана, но главное — пиратом, под началом которого была целая флотилия, укомплектованная отчаянными головорезами. В 1341 году пиратская флотилия Омар-бея ворвалась в Килию. Головорезы адмирала подвергли город опустошительному ограблению, при этом разграбили и сожгли храм святого Иоанна, в котором килийцы молились еще со времен Ярослава Владимировича Осмомысла...

Через сто с лишним лет потомок пиратского адмирала султаном Баязидом II был назначен морским начальником обеих Килий... На берегу Лимана и маякских плавней Капудан-паше (адмиралу), Омар-бею, было дано обширное имение. Сейчас это – знакомая килийцам Омарбея...

С начала же XVI века уже ни одна морская карта не пропускает ни Килии Старой, ни Килии Новой, притом обе они обозначаются у самого Черного моря. На картах начала XIV века Новая Килия чаще всего находится во владениях Золотой Орды, иногда Болгарии, или тогда аморфной Буджакской Орды, отколовшейся от Золотой Орды. Развал Золотой Орды явно облегчил государствообразующие процессы у влахов, а чуть позже и у молдаван – в результате чего образовалось Валашское и Молдавское княжества. Ситуацией, сложившейся в регионе, воспользовались также напористые политики и оборотистые купцы Генуэзской республики.

Еще во второй половине XIII века, оттеснив своих главных конкурентов – венецианцев, они прибрали к своим рукам почти всю торговлю в бассейне Черного моря, закрепив это положение договором 1261 г. с византийским императором Михаилом Палеологом. В 1314 году венецианцы основали город и крепость Кафу (Феодосию), превратив ее в главную опору своей колонизации берегов Черного моря. В середине XIV века генуэзские купцы довольно прочно обосновались в Белгороде на Днестровском лимане, переименовав Белый город в Черную крепость — Маурокастро.

К этому же времени относится и основание генуэзских колоний в Старой и Новой Килии, где, однако, генуэзцы встретили яростное сопротивление болгарского губернатора практически отделившейся от Болгарии области — Добротича, который объявил себя единовластным вождем земель и народов между Дунаем и Черным морем, земель, простирающихся на юг до Варны, которая была столицей государства, именуемого Каварнской деспотией.

Себя же Балика Добротич — полуболгарин, полувлах, женатый на знатной византийке, именовал господарем Загоры, но претендовал на всё Болгарское царство...

Документы, составленные главой генуэзской администрации и нотариусом Килии Антонио ди Понцо, на протяжении 1360—1371 гг., дают представление о экономической и общественной жизни города тех лет. Довольно многолюдная генуэзская община Килии управлялась на манер итальянских городов — республик. Городской магистрат возглавлял консул, избираемый общиной и утверждаемый Генуей, он же исполнял и функции главного нотариуса. Магистрат ведал судом, сбором коммунальных налогов, пошлин, делами порта, дорогами, охраной улиц и граждан города, его защитой, городским строительством, делами торговли, богатейшими рыболовными угодьями, строительством оборонительных сооружений — в конечном итоге, видимо, первой крепости в Килии.

Такие компетентные историки, как К. Журеску и П. П. Панаитеску, даже утверждают, что в основе инженерно-фортификационных крепостей Нямц, Бырлад, Хотин, Роман — проект Килийской крепости, достроенной уже при Стефане III (цитадель). В истории Нижнего Подунавья были периоды, когда обе Килии — и Старая, и Новая — принадлежали одному государству: генуэзцам, Каварнской деспотии Добротича, Валахии Мирчи Старого, Молдове Стефана Великого, Оттоманской, Российской империям...

В середине XIV века обеими Ликостомами владели генуэзцы, причем главной из Ликостом стала левобережная. Для кораблей, прибывающих из византийских портов по старой традиции, была Кели — зернохранилище — амбар — главным экспортным грузом было зерно.

Власть Генуи и контроль со стороны ее форпоста Перы недалеко от Константинополя тут представлял военный губернатор, назначаемый метрополией. Тут в колонии он имел свою резиденцию, военный гарнизон и полицейскую стражу. Торговыми делами быстрорастущего порта ведали консулы. Поскольку дел было много, их было два. Они выполняли функции морских нотариусов, но с широкими и разнообразными пол-

номочиями – оформляли внешнеторговые сделки, оформляли поступающие и отправляемые грузы, нередко и сами, но как частные лица заключали торгово-финансовые сделки. Консулы имели небольшой двор, при них служили секретари, переводчики, небольшой отряд арбалетчиков, позже — мушкетеров. Из множества документов шестидесятых годов XIV века известны консулы: Антонио ди Понцо, Антонио де Кастро, Николо Браколеоно. Эти документы подтверждают растущее значение порта Ликостомы — Кели — Килии.

В частности, документы, составляемые консулом — нотариусом Антонио Понцо, свидетельствует, что генуэзцы владели шестнадцатью жилыми домами, ветряной мельницей, большой пошивочной мастерской, в которой шили все, — от одежды до парусов, верфью, складами в порту и в городе, и другим имуществом, очень интенсивной была торговая деятельность генуэзцев в Килии — в городе работали три банкира в то время, как в Кафе их было только два. Только за два года (1360 и 1361) в Килии побывали с товарами 260 купцов: из Кафы, Трапезунта, Синопы, Константинополя, Генуи, из дунайских и средиземноморских портов.

В город привозили шерстяные ткани, в основном итальянское сукно, соль, предметы роскоши — стекло, зеркала, оружие. Через Килийский порт вывозили зерно — главная статья экспорта, мед, воск, лошадей, рыбу. Для перевозки груза здесь можно было зафрахтовать судно – баркас, галеру и даже вместительный неф. Небольшое судно можно было заказать местной верфи. Документы того же Антонио Понцо свидетельствуют, что только за один день пятого мая 1361 года в Килийском порту были загружены хлебом два корабля, взявшие на борт 210 тонн груза стоимостью в 750 золотых перперов — византийских монет). Немногим больше чем за два месяца 1361 года из города было вывезено 400 тонн зерна, почти 4 тонны меда, более одной тонны воска.

Торговля хлебом была делом настолько выгодным, что ею стали заниматься и некоторые местные жители. Так, кузнец Савва, — не уточняется влах ли он, рус, болгар или серб, — владел складами зерна и заключал сделки с иностранными купцами. Из документов нотариуса видно, что в городе проживали пекари, мельники, мясники, скорняки, сапожники, бочкари, портные, корабельные мастера – люди имевшие дела с купцами. В связи с тем, что город стал главным портом в северном устьи Дуная, к нему возвращается его первоначальное название — Килия — от византийского «Кели» — зерновой склад — амбар... Правда — постепенно.

Интенсивная торговля привела к тому, что установились местные городские мера веса — кантар и денежная единица — серебряный аспр. В денежном обороте были также византийские, татарские, генуэзские, турецкие и ранние молдавские монеты, чеканенные при господаре Петре Мушате (1374—1391). Некоторые документы Антонио Понцо подтверждают тот факт, что Килия была и невольничьим рынком. Чаще всего «живой товар» поставляли татары, торговавшие пленниками, преимущественно женщинами. Многие татарские семьи из-за чрезвычайной бедности продавали в неволю членов собственных семей. Дешевле всего стоили малолетние девочки, задешево спешили продать на невольничьем рынке и детей, украденных у соплеменников. Буджакские татары жили своим традиционным административно-военным порядком, делясь на «тысячи». Каждая такая «тысяча» подразумевала такое количество населения, из которого, в случае необходимости, можно было набрать тысячу конников с запасными конями. В радиусе приблизительно 50 км от Килии кочевали три такие тысячи: Коначбея, Менглитули и Коя или Кьоя... Некогда могущественная Византийская империя быстро шла к своему окончательному упадку, как и возродившееся на короткое время Болгарское царство. Этим и воспользовался деспот Добротич. Столицей своего Каварнского государства он сделал город Варну, на Дунае и Черном море завел многочисленный военный флот и объявил генуэзцам настоящую войну. В середине шестидесятых годов XIV века, опираясь на правобережную Ликостому (Старую Килию), Добротич изгнал генуэзцев из Новой Ликостомы (Новой Килии) и захватил и город, и крепость. Генуэзцы, покинув Килию, попытались обосноваться где-то в районе нынешнего Вилково на берегу Черного моря (Вилков по-болгарски приблизительно то же, что по-гречески Ликостома – Волчья пасть) и обратились за помощью в Кафу. Тогда Добротич решил вообще изгнать генуэзцев из Черного моря и с его берегов, но этим планам не суждено было сбыться. Война с генуэзцами затягивалась, становилась разорительной для всех ее участников. Над ними все явственнее нависала турецкая угроза. Обострилась междуусобная борьба в самой Болгарии. В 1385 году Добротич согласился на мир с генуэзцами, но Килии им не вернул. Через два года деспот Добротич умер. Его преемником стал его сын Иванко, которого латинские авторы пышно именуют великим и всемогущим властелином. Однако, в Килии левобережной его власть вскоре стала эфемерной – хватало проблем и за Дунаем.

Воинственный господарь Валахии Мирча Старый (1386—1418) — большой мастер политических игр, воспользовался ситуацией и в 1393

году присоединил Килию к своему княжеству. В том же году турки завоевали всю Болгарию. Земля между Дунаем и Черным морем была известна им как земля Добротича — Добруджа.

В августе 1402 года далеко на востоке Малой Азии произошли события, которые на некоторое время приостановили натиск турок на Север. В битве при Ангоре (Анкаре), потерпели поражение войска турецкого султана Баязида I, а сам он оказался в плену. Победитель — знаменитый Царь царей Тамерлан (Тимур), увидев одноглазого Баязида, громко рассмеялся:

— Свет сошелся на том, кривому или хромому править миром!

После чего увез пленника в свою среднеазиатскую столицу — Самарканд. Недавно грозный, надменный султан, чье имя наводило страх на народы Европы, был по пояс закован в бочку со... вшами. Над бочкой возвышалась золотая клетка. Это сооружение служило подножкой трона хромого Тимура. На эту «подножку, принимая иностранцев, он опирался своей хромой ногой. Так было, пока Баязида заживо не съели вши...»

Вследствие всех этих событий, между претендентами на султанский трон разгорелась яростная борьба. А претендентами были 4 «законных» сына Баязида: Иса, Мусса, Сулейман и Мухаммед, а также пятый Мустафа, которого, однако, съеденный вшами Баязид, еще будучи султаном, не признал законным. В эти споры вмешался и Мирча Старый, который попеременно поддерживал то «законного» Муссу, то «незаконного» Мустафу. А султаном в конечном счете стал Мухаммед I, в результате чего Мирча оказался в более, чем сложном положении.

По договору 1412 года он уступил богатую процветающую Килию Венгерскому королевству, а незадолго до своей смерти (в 1418 г.) вынужден был стать данником турецкого султана. С 1400 года господарем Молдовы был Александр I, при нем Молдова обрела начатки законодательства по образцу византийского, разумную систему налогов и таможенных платежей, а главное — спокойствие, необходимое для нормального экономического развития. В решении внешнеполитических проблем Александр I предпочитал политические методы, к военной силе прибегал редко, за что заслужил у соотечественников почетное и редкое прозвище «Добрый». При нем Молдова не только окрепла экономически, но значительно расширила свои пределы, охватив Нижний Днестр с Белгородом, который стал называться Четатя Албэ — Белой Крепостью. С Нижнего Дуная были изгнаны венгры, Килия стала молдавской, а Александр Добрый стал господарем на территории «от гор до моря»...

Вскоре после этого Килия стала крупнейшим городом и самым крупным портом Молдовы, широко известным в Европе и мусульманском мире. К тому же через Килию и Белгород пролегал и путь христиан-паломников, следующих к «святым местам» в Палестину из Центральной и Северной Европы. О важности Килии и ее порта свидетельствует тот факт, что в 1424 году на обратном пути из Европы, где он искал союзников по борьбе с турецким нашествием, тут останавливался император Византии Иоанн VIII Палеолог. В 1427 году тут побывал знатный баварский рыцарь Иоанн Шильдбергер. В его описании Килия — большой город с шумным портом, в котором много кораблей, небольшой, но сильной крепостью, которую путешественник называет замком (она и была цитаделью). В 1432 году Александр Добрый умер, а его сыновья в споре за власть разделили между собой государства на Верхнюю и Нижнюю Молдову. Килия в последней остается крупнейшим городом и портом.

В 1444 году состоялся очередной крестовый поход против Оттоманской империи. Его возглавил король Венгрии и Польши Владислав (Ласло) IV. Килия играла роль военной базы снабжения. Но, как и предыдущие, поход был неудачным — крестоносное воинство в битве под Варной потерпело сокрушительное поражение, а король Владислав (Ласло) IV был убит, его тело брошено на поле боя. В следующем году государства-участники этого похода организовали экспедицию, которой было поручено выяснить судьбу королевского трупа Владислава — Ласло IV. Экспедицию возглавил знатный эльзасец, адмирал Валеранд де Ваверин. Турецкий султан разрешил экспедиции проследовать через черноморские проливы и она на двух кораблях прибыла в Килию, которую адмирал сделал базовым портом, откуда организовался поиск места захоронения убитого венгерско-польского короля... Описывая наш город, его порт адмирал де Ваверин отмечает, что большинство жителей города — молдаване.

В конце XIV века христианский мир готовил очередной крестовый поход против Османской империи. К походу был подготовлен специальный атлас карт — «Кодекс латинус парисимус» (1396 год). На одном из его листов изображена карта-рисунок с замком, прикрывающим обе Ликостомы — Килии. Это мощное оборонительное сооружение возвышалось на острове ближе к левому берегу Дуная.

Его описывает немецкий рыцарь Ганс Шильдбергер — оруженосец крупного немецкого феодала, рыцаря Рехантингера. Оба они участвовали в битве при Никополе в 1396 году, Рейхантигер в этой битве был убит, а его оруженосец попал в плен. Блистательный султан Баязид I приказал

обезглавить тысячу знатных пленных, но молодому, красивому и, как оказалось, наблюдательному способному Шильдбергеру повезло, его султан пожалел и взял себе в рабы. В 1402 г. в результате битвы при Ангоре (Анкара) оба попали в плен к грозному Тимуру — Тамерлану. Теперь Шильдбергер стал рабом Тамерлана, после его смерти — рабом его сына, затем рабом его племянника...

В последующем Шильдбергер, сопровождая своих венценосных хозяев, побывал в столице Казанской орды, в столице Армении, в Абхазии, Грузии Кафе-Феодосии, снова на Кавказе, оттуда он бежал и еще после многих приключений в 1427 году вернулся в родную Баварию. Книга о странах, в которых побывал Шильдбергер, была очень популярной в немецких княжествах. Несколько страниц в ней посвящены Килии...

Поскольку значение Ликостомы левобережной быстро росло, как рос и сам город, а островная крепость плохо справлялась с его защитой, то, видимо, во второй половине XIV века вокруг Ликостомы левобережной сначала отрываются крепостные рвы, насыпаются валы, а затем возводятся и крепостные стены. Построенная по генуэзским образцам крепость была мощным сооружением. (Во всяком случае, когда в 1462 году молдавский господарь Стефан III попытался овладеть крепостью, это ему не удалось).

Приближался «звездный час» Килии, но прежде чем приступить к изложению этого периода истории нашего города, мы просто обязаны еще раз выяснить происхождение самого его названия «Килия».

V. ИМЯ НАШЕГО ГОРОДА. ОТКУДА ОНО?

О происхождении географических названий на суше и на водах существует целая наука — топо- и гидронимика. Она утверждает, что названия населенных пунктов связаны с реальными или легендарными их основателями: Петербург, множество Александрий, Бухарест (от легендарного пастуха по имени Букур), Киев и Рим — также имели легендарных основателей. Кроме имени основателя, населенный пункт часто называется именем святого покровителя, как и первая церковь в этом населенном пункте. Множество Ивановок, Петровок, Покровок, Златоустов и тот же Санкт-Петербург — тому примеры. Очень часто название населенного пункта отражает ландшафтные, топографические, гидрографические, другие природные особенности места, к которому привязан населенный пункт. Классический пример Москва, а также неисчислимое множество Березовок, Лесных, Зареченсков, из той же категории наши близкие Приозерное, Китай, Червоный Яр и т. п. Столь же часто населенным пунктам — большим и малым — даются названия функциональные: Кузнецк, Рогожск, Торжок. (В Румынии много старинных городов, чьи названия начинаются с «тырг» — торг)...

Ну а Килия, откуда произошло это название нашего города (и, как оказывается, многих других подобных). Об этом существует целый ряд версий. Наиболее красива и приятна килийцам версия, согласно которой название города происходит от несколько трансформированного Ахиллия, эта версия годится для рекламы, туристических путеводителей, ибо она действительно красива, как и вся легенда об острове Ахилла — Левка — Фидоноси — Змеином. Вовсе не исключено в древнегреческом оригинале, что язык этой легенды (не пересказ), а подлинный язык мифов Древней Эллады — язык-таинство, язык, с нашей точки зрения, исключительно поэтичный, иносказательный, скрывает интересные реальные исторические факты...

Сейчас слово «миф» чаще всего воспринимается, как сказка, но ведь, «сказка — ложь, да в ней намек...». Древние же мифы — особого рода произведение устного народного творчества и источник информации. Слово «миф» на древнегреческом значит — сказ, повествование. В мифе,

конечно, допускаются неточности, положены приукрашения, преувеличения, но за ними скрыта реальность, до которой надо только докопаться. И ведь, в буквальном смысле докапываются.

Раскопал же Генрих Шлиман подлинные Трою и Микены, идя по следам гомеровских творений, прочитав их в оригинале. Следуя им же, Эванс нашел подлинную столицу царя Миноса и его дворец на Крите...И уже в наше время — 1972 году, следуя указаниям Геродота, профессор Римского университета Сомелла на берегу Тибра раскопал могилу Энея... Кто знает, какую удивительную историю скрывает миф о Фетиде и ее сыне Ахилле, похороненном на острове, якобы поднятом со дна Понта Эвксинского — острове Ахилла — повелителя Понта. Кстати, палеогеология, палеогидрология утверждают, что за последние несколько тысяч лет до н. э. Черное море, в силу каких-то причин, возможно, тектонических или климатических, неоднократно то отступало от своих северных берегов, то наступало на них.

Такие колебания уровня моря вполне могли стать реальным основанием для красивого мифа о том, что древнегреческий бог морей Посейдон, по просьбе своей возлюбленной — богини Фетиды, поднял со дна моря остров, ставший местопребыванием повелителя Понта, Ахилла — сына любвеобильной богини Фетиды. Таков миф.

Истории и географии хорошо известно, что до начала н. э. и в первые столетия Новой, Причерноморье от Истра — Данубия — Дуная до устья Борисфена — Днепра называлось Страной Ахилла. В ее пределах находилась Гетская пустынь, населенная гетскими и славянскими племенами, на реке Тирас — Днестр жили тира-геты, далее, до устья Борисфена — Днепра, жили многочисленные племена скифов...

Древнегреческий историк, знаменитый Плутарх утверждает, что Александр Македонский по линии отца происходит от Геракла, сам же Александр считал своим далеким предком Ахилла (это — по матери), а себя — чистокровным эллином... Но чистокровные эллины в годы, когда он еще не был Великим, Богоподобным, считали Александра варваром — скифом.

Со ссылкой на Арриана Флавия, — военного историка, географа, мореплавателя, автора знаменитых «Периплов» — лоции Понта Эвксинского, ранневизантийский автор, Лев Диакон в своей «истории» утверждает: «Пелеев сын, Ахилл, был родом из небольшого города Мирмикиона, стоявшего близ озера Меотиса (это — на берегу Азовского моря, недалеко от Ростова-на-Дону). Светлорусые волосы, голубые глаза, скифского покроя плащ с пряжкой, привычка сражаться пешим, безусловная

отвага, вспыльчивость, жестокость выдавали в нем скифа. За необузданность и высокомерный дух он был изгнан скифами и поселился в Фессалии... В Трое он появился уже в роли сына богини Фетиды (до сынов лейтенанта Шмидта и внуков Карла Маркса были еще многие и многие века...). Похоронен по скифскому обычаю под высоким курганом. Гений Гомера, видимо, увековечил реального, безусловно выдающегося «скифа», образ которого нам знаком по мифам Древней Греции, реальные Ахилл и его сын Неоптолем были пионерами греческой колонизации берегов Понта, особенно берегов северо-восточных. Иначе почему бы у древних авторов Тендровская коса и сам остров Тендра назывались «Бегом Ахилла»? Почему одно из названий острова Змеиного у древних греков — также «Бег Ахилла»? Почему многие лесные массивы северного Причерноморья (преимущественно, кедровые и сосновые, у древних авторов зовутся «Рощами Ахилла»? И еще: древний маяк у входа в Днестровский лиман (тогда — морской залив) носил имя Ахиллова сына Неоптолема — почему?

Видимо, потому, что были настоящий Ахилл и его сын, при том были они людьми очень известными, в том числе в том древнем, доантичном мире. Слишком много конкретных деталей, связанных с их именами, заставляют верить в то, что они были людьми реальными и достославными в свое время. Иначе откуда взяться легендам? А легенды прекрасны! В них целый остров поднят из морской пучины для Понтарха — царя черноморского — Ахилла. А на острове том белом — храм возведен величественный и таинственный, среди рощи тополиной и кедровой. Храм — не легенда, он был точно такой же, какой был в недальних Томах (Констанце), только больше, красивее. Вокруг реального храма, как и вокруг имени Ахилла, сложились легенды. Легенды о баснословных богатствах храма, охраняемых чайками, особой храбрости и силы воинами и... хитроумными ловушками, от которых неизменно гибли все посягнувшие на эти богатства. Так что если был реальный Ахилл, то, конечно, он мог быть далеким предком бесспорно реального Александра Македонского, в котором, безусловно, воплотилось немало черт, приписываемых Ахиллу...

В употреблении Геродота и других древнегреческих авторов «скиф» — собирательное название для представителей многих народов Восточной Европы. Ахилл, называемый скифом – предок Александра Македонского по линии матери, Олимпиады, мог, в свою очередь, иметь своими предками белокурых индо-арийцев, пришедших в Восточную Европу во второй половине IV тысячелетия до н. э. Отец Александра, Филипп II вел свой род от самого Геракла...

Ариан Флавий в «Анабазисе» — истории Восточного похода Александра повествует о том, что его герой вскоре после высадки на побережье Малой Азии совершил путешествие к развалинам Трои. Южнее нее Александр посетил место захоронения Ахилла и его друга Патрокла. Как того требовал обычай, Александр (ему шел только двадцать первый год), трижды оббежал курган, насыпанный над останками своего далекого предка, принес богатые жертвоприношения и учинил пышные военно-спортивные игры. На берегу Эгейского моря, недалеко от входа в Дарданелльский пролив, туристам до сих пор показывают античное кладбище и холм Ахилла. А северо-восточнее раскопок гомеровской Трои — холм на месте захоронения другого героя Троянской войны — Аякса...

Был ли Александр Македонский на берегах Нижнего Истра (где сейчас стоит наш город), мог ли основать тут Ахиллию, о которой так много говорят в нашем городе? Ответ на этот вопрос однозначно отрицателен – в те времена здесь плескались воды залива Геродота. А был ли Александр Македонский где-либо еще на Истре? И на этот вопрос большинство историков отвечают отрицательно. Но все же есть и другие мнения. Греческие историки и географы Страбон (I в. н. э.) и Арриан (II в. н. э.) утверждают, что во время похода Александра на фракийцев царь трибалов Сирм женщин, детей и стариков своего рода укрыл на острове Пеуче, что в устье Истра. Туда же скрылись женщины, дети и старики некоторых фракийских племен.

Прибывший к острову на кораблях царь Македонии и Греции из-за стремительного течения реки, высоких берегов острова и ожесточенного сопротивления его защитников высадить десант не смог... (Еще одна версия уже приводилась). Но если предположить невероятное: что на месте, на котором стоит наша Килия, Александр нашел бы островок и основал бы на нем город, то... Имя бы ему было дано не Ахиллия, а Александрия, каких полно всюду, куда ходил походами Александр. Уж таким он был, этот потомок Ахилла! (Кроме всемирно знаменитой и ныне Александрии египетской, во время своего восточного похода Александр Македонский основал: Александрию на реке Исе, Александрию — Герат в Афганистане, ту, которая сейчас в г. Мары в Средней Азии, Александрию — нынешний Кандагар, Александрию — нынешний Ходжент и еще десяток Александрий менее известных, или исчезнувших с лица земли...).

Увы! Храм Ахилла и даже обломки его развалин бесповоротно утрачены еще в XIX веке. Нет, не мог храм Ахилла с острова Ахилла – Левки – Змеиного быть каким-либо образом связан со Старой или Новой Килией – остров и эти населенные пункты разделяют 90 километров моря

и суши... Когда храм на острове освящал греческую колонизацию берегов Понта, земля, на которой родилась Килия, еще не поднялась из вод древне-дунайского залива — залива Геродота. С другой стороны, когда родилась наша Килия, от храма Ахилла на острове Левка уже остались одни развалины, а легенда была почти забыта... По причинам, о которых говорилось выше, на этих берегах не был и быть не мог Александр Македонский. Там же, где он действительно побывал, как было сказано, вырастали не Ахиллии, не Кели и не Ликостомы – Килии, а Александрии, Александрополи, Александреты, ну, в крайнем случае — Александровки. История названий нашего города не составляет исключений из общих правил топо- и гидронимики. На языке эллинов, открывших Истр и залив, в который впадала великая река, слово «стома» означает устье, а ликос — волчье. История формирования дельты Истра — Дуная в заливе Геродота на разных этапах этого процесса зафиксировала ситуации, когда Истр впадал в залив пятью, шестью и даже семью устьями — стомами.

Когда сформировалось нынешнее северное русло Дуная у южного берега этого устья-стомы, возникло поселение, и византийские греки назвали его Ликостома — Волчья пасть — по бурному потоку вод могучего Дуная. Когда чуть позже, на северном берегу этого устья-стомы, возникла фактория-склад. Сначала, скорее всего византийский, со временем — славянский, киевский — возможно, времен Владимира Мономаха, и уж точно Ярослава Владимировича Галицкого (Осмомысла). Ясно одно — основали наш город не князья, не епископы, а люди простые, деловые, скорее всего — торговцы, мореходы и назвали просто склад — кели... Точнее — новый склад...

Позже у венецианцев и генуэзцев появились морские карты. Вполне объяснимо, почему на первых картах отмечалась то одна, то две Ликостомы. Выше мы уже видели, как довольно быстро не только на берегах Дуная, но и на картах четко определилось место и название городов-портов-крепостей Старая Килия и Новая Килия. Это удобно, просто, логично: сначала появились Старый Орхей, Старый Оскол, Старая Каховка, точнее Орхей, Оскол, Каховка. Очень нередко в истории от старых населенных пунктов отпочковываются новые и тогда, как правило, возникают названия – дуплеты... И для нашего края этот процесс достаточно типичен. Об этом свидетельствуют Новоселовки, Новоивановки, Новониколаевки, а не только Новая Килия...

Кстати, о названии Килия: оно далеко не уникально и относится не только к знакомым нам Старой и Новой Килии.

На территории одной только Румынии, если верить толстому подробнейшему «Гиду автодорог», значится десяток населенных пунктов, называющихся Килией, и еще два десятка, включающих это слово в сочетании с названиями местности рек, особенно рельефа.

Все они находятся на важных сухопутных и водных артериях, нередко на пересечении их. Несколько населенных пунктов с названием Килия в сочетании с местной топо- и гидрографией находятся на Черноморском побережьи Болгарии и вблизи него.

Две Килии расположены на берегах Босфора: одна – недалеко от Стамбула на европейском берегу пролива, другая также недалеко от Стамбула, но на азиатском берегу. Еще одна Килия находится на европейском берегу недалеко от брегов Мраморного моря и пролива Дарданеллы.

Все эти Килии были или остаются расположенными на оживленных торговых путях, и в основе их названий функциональный источник келия — в смысле склад, хранилище.

В книге «Румынская топонимика» профессор Иоргу Иордан приводит список из шестнадцати населенных пунктов, в основе названий которых, как убедительно доказывает ученый, первоначальный смысл слова Килия — склад, в первую очередь — склад продовольственных товаров. Надо полагать, что на огромных территориях бывшего эллинского мира Килий было множество...

Не исключено, что название Килия содержит в себе еще один топонимический источник геологического происхождения. Дело в том, что турецкое слово «кили» означает глинистый берег.

В полосе прибрежной зоны нынешней Килии глины мало. Более глубокие слои отложений, — это обнаруживается при рытье глубоких котлованов и бурении скважин, — сложены из глинисто-песчаных смесей серо-голубого цвета, по утверждению геологов, их источник — Карпаты. Но берега коренной поймы Дуная в полосе килийских Маяк — это мощные отложения желтой глины. Они-то и легли на морские карты далеких веков, их видели пираты Омар-бея и другие турки, да и не только турки...

Для местного же населения со времен т.н. трипольцев и особенно Средневековья до самого недавнего времени эти глины были поделочным материалом для неисчислимого множества изделий, которыми издавна славилась Килия.

Всевозможная посуда из обожженной глины, курительные трубки, водопроводные и дренажные трубы, черепица — «татарка», позже «мар-

сельская», кирпич — вот далеко не полный список изделий из глины, который в огромном количестве во все времена изготовлялись в Килии.

И до сих пор в районе Маяк находят плохо засыпанные колодцы, ведущие в глиняные толщи. Так начинались горизонтальные штольни, из которых добывалась глина. Зигзагообразная форма этих штолен и их выход на поверхность в укромных местах говорят о том, что они служили и убежищем...

В конце XV века на турецких морских картах появилось словосочетание «Ени Килизе» — «Новая церковь». Оно обозначило точку местонахождения нашего города. Трансформированное в Ени-Кили оно могло стать его названием.

Но к истории замечательной церкви, возможно давшей имя нашему городу, мы вернемся в следующей главе.

Сейчас, как нам кажется, можно подвести итог рассуждения о названии нашего города. В нем, в этом названии, как результат длительного исторического процесса, слились воедино реалии: склад, новая церковь и глинистый берег. Все это в несколько трансформированном виде воплощает в себе историческое название нашего города Новая Килия. Наш город и его название — результат овеществления труда и духа и это прекраснее всяких легенд! Важно и другое: на протяжении своей многовековой истории Килия и килийцы не посрамили имени своего родного города.

Коллекционерам же легендарных названий Килии мы можем предложить еще одно. Оно родилось в XVIII веке, его автор — католический епископ болгарин Филипп Станиславов. Он нашел, что имя нашего города происходит от тюркского слова гюль — роза, трансформированного в хюль — хили — Кили — Килия. Видимо, очень понравилась путешественнику Килия!

А название Ахиллия применительно к нашему городу, не сегодняшнего происхождения, оно встречается еще в средневековых документах. Вот например: у венгерского короля, современника Стефана Великого, Матея Корвина (XV в.) был ученый секретарь-хронист Бонфинус — большой поклонник античности, что видно даже из его фамилии явно «облагороженной» древней латынью (это мода и признак принадлежности к ученому миру того времени).

В одной из своих хроник этот Бонфинус описывает крепость между рек или между двух рукавов дельты Дуная (возможно, это остаток разрушенной Стефаном Великим в 1465 году). Из описания трудно понять, о какой именно Килии идет речь в хронике. К тому же по моде того вре-

мени и в силу своей склонности изъясняться высшим, «антикизированным штилем», ученый автор именует Килию возвышенно — Ахиллией. Вот еще откуда пошла гулять по миру легендарная версия названия нашего города. Морские же карты того времени — творения не вольных хронистов, а скрупулезных картографов — на них обозначены две Килии, из которых наша той же ученой латынью названа Килия Нова, реже — просто Килия...

Но очень похоже на то, что означенный средневековый автор писал не о городе, а об области, о которой ему, как эрудиту, было известно, что со времени Геродота она называлась землей Ахилла. И не только во времена Геродота, а, как уже отмечалось, и в гораздо более позднее время Овидия эту землю именовали не только Гетской пустыней, а и по старой памяти землей Ахилла. Отсюда и до Ахиллии недалеко...

Последний документ, в котором Килия официально именуется Ахиллией, — дарственная надпись господаря Молдовы Василия Лупу на Евангелии, подаренном килийскому храму Святого Николая в 1649 году (Евангелие вывезено румынами из Килии в 1878 году).

VI. РОДНОГО ГОРОДА ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

В истории каждого государства есть периоды, которые по праву можно назвать его звездными часами, история каждого города знает свой звездный час.

В долгом и мрачном Средневековье звездный час Килии короток, но ярок, как вспышка молнии, и связан он с именем и деяниями славного господаря Молдовы Стефана Великого. Немало блестящих имен в истории Молдовы Валахии. Господаря последней Мирчу, можно сказать, творца этого государства и храброго защитника его, история нарекла «старым», подразумевая, видимо, не столько годы, сколько опыт господаря, его житейскую и государственную мудрость.

Александр I Молдавский — истинный создатель государства Молдавского, заслужил прозвание «Добрый» в очень широком, емком смысле этого слова. Михай Волошский — объединитель трех княжеств — Валахии, Трансильвании и Молдовы — в единое государство — фигура очень яркая, а имя ему было дано Храбрый... В сонме господарей, румыноязычных княжеств Стефану III из рода Мушатинов господарю Молдовы — единственному народ и история присвоили звание Великий. И это — по делам его!

«Стефан III Великий... дерзнул обнажить меч на ужасного Магомета II и славными победами, одержанными им над многочисленными турецкими воинствами, вписал имя свое в историю редких героев: мужественный в опасностях, твердый в бедствиях, скромный в счастьи... Он был удивлением государей и народов, с малыми средствами творя великое», — писал о нем Н. М. Кармазин — человек государственного ума, автор «Истории государства российского», который даже о храбрейшем из храбрых князей Киевских — Святославе Игоревиче счел возможным отметить: «Святослав — образец великих полководцев, не есть пример государя Великого, ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение стихотворцев, заслуживает укоризну историка...»

Одиннадцать господарей сменились на молдавском престоле за четверть века, прошедших после смерти Александра Доброго в 1432 го-

ду и до восшествия на престол Стефана III — в 1457 году. Многие из этих господарей на миг погибли в междоусобной борьбе, многие пали жертвой убийц. Не избежал этой участи и отец Стефана, господарь Молдовы Богдан II, убитый в 1451 году коварным претендентом на молдавский престол Петром Ароном, который и стал господарем. Тяжкие это были годы для народа и государства молдавского... Мало что знает история о Стефане до того, как он стал господарем.

Молдаванин из древней династии господарей, внук Александра I (Доброго), сын господаря Богдана II, Стефан — будущий Стефан III родился в селе Борзешть на реке Тротоше недалеко от места его впадения в реку Сирет – это само сердце тогдашней Молдовы.

О Стефане III летописец Григоре Ureке пишет: «Прокняжил 47 лет, два месяца и три дня... А когда взошел на престол, было ему лет 25». И только совсем недавно найденный в отделе древних актов НАН Украины «Хронограф» позволил уточнить, что в год гибели отца — 1451 — Стефану III было 22 года, следовательно, родился он в 1429 году.

Мать же Стефана — женщина по имени Олтя, — от Олтении — Малой Валахии. Эта Олтя, видимо, не княжеского рода, потому как и дата ее рождения не зафиксирована ни в каких княжеских хрониках... Но не была Олтя и простолюдинкой, — считают историки. И еще — некоторые из них полагают, что в жилах ее текла не только валашская, но и сербская кровь... Поведение же ее в моменты критические для сына ее Стефана и государства молдавского свидетельствуют: умом она обладала государственным, характером деятельным, решительным, волей — железной — черты, кои в полной мере передала сыну...

О юноше же Стефане известно, что был он роста небольшого, но крепкого телосложения, ловкий, подвижный, сметливый, решительный — не робкого десятка. С детских лет учился владеть саблей, метко стрелял из лука, пристрастился к охоте. Взрослым любил с рогатиной и кинжалом ходить на медведя, за что получил прозвище Бурдужа — Потрошитель...

В ночь, когда убили отца, юному Стефану удалось бежать. Его приютил у себя господарь Валахии Влад Цепеш (Влад Дракул). В апреле 1457 года молодой Стефан, поддержанный своим покровителем Цепешем и большей частью молдавского боярства, сверг Петра Арона и воссел на молдавский престол. О Стефане, уже не юноше, а господаре Молдовы, тот же Григоре Ureке пишет: «Был этот Стефан Воевод невысок ростом, сердит и скор на расправу — нередко во время застолий убивал, не колеблясь... Однако же был он трезвого ума, проворным и умелым в трудах своих, откуда никто не ждал его, оттуда появлялся он... Великим

мастером в делах военных был – в самых жарких местах сражения появлялся он, в самую гущу боя врубался и люди, видя это, шли за ним стеной и редко в какой брани не побеждал он. А если случалось, что побеждали его, то не терял надежды, поднимался и все-таки побеждал».

Вот такой государь стал во главе Молдовы, с ним она воскресла, поднялась из руин. Его княжение — ее звездный час и... звездный час Килии. Первые несколько лет княжения пришлось употребить на усмирение врагов внешних, особенно короля венгерского Матеяша Корвина, да татар. Непростыми были и дела внутренние. Опорой в делах Стефану были мелкое дворянство, особенно периферийное, городской люд: купцы, ремесленники, мелкие торговцы. Как и его недавний покровитель Влад Цепеш (Дракул) Валшский, он создавал условия для управления государством: от окраин страны к столице Сучаве за считанные дни отборные гонцы доставляли известия о том, что случалось на границах, а из Сучавы или других резиденций в любой пункт государства быстро доставлялись княжеские указы и распоряжения. И стар, и млад в стране знали систему сигналов об опасности, исправно действовала служба сигнализации. Безопасными стали дороги Молдовы — на обочинах стояли колы с насаженными разбойниками и более никто не помышлял о грабежах и разбоях как на дорогах, так и в харчевнях, постоялых дворах — ханах...

Главной же опорой господаря было свободное общинное крестьянство, т. н. резеши — землю которым «нарезал» сам господарь... Сильный, беспощадный к своевольному крупному боярству, постоянно норовившему закабалить резешей, Стефан сдерживал эти его поползновения на резешскую свободу, так как знал: резеши – его главная военная сила.

На службе военный воевода называл их «мой богатыри» и заботился о том, чтобы в жизни мирной эти богатыри были хорошими хозяевами и имели чем хозяйствовать. Толковых, верных ему людей, даже невысокого звания он стремился приблизить к себе, возвысить по службе, нередко возводил в боярское звание. (Живой пример этого — род Мовилешт—Могил). Истый християнин, Стефан понимал значение церкви, силу ее влияния на народ, на судьбы государства. Энергичный, деловой, проницательный, он умел привлекать на свою сторону нужных людей, в первую очередь из не очень знатных, и быстро разоблачал врагов, особенно в верхах. Вот над этими он, не колеблясь, вершил расправу, нередко прерывая для этого заседания Дивана – высокого государственного совета и даже пиры. Торговля города и крепости были его постоянной заботой. Он защищал привилегиями купцов своей страны, старался привлечь иностранных из Западной Европы, Львова, Кафы...

Заботясь об укреплении своего государства, он заботился и о том, чтоб возрастал его международный авторитет, чтоб о нем знали современники и потомки, как о сильном, благоустроенном государстве с культурой на уровне лучшей европейской. Ктитор – строитель многих монастырей, он, заботясь о том, чтобы храмы стали и центрами грамотности, исторической памяти, во многих из них завел летописание. Ко времени именно его княжения относятся начала «Хроники Бистрицкого монастыря» два списка «Хроники монастыря «Путна», ставшего усыпальницей великого воеводы, в его княжение стали писаться «Молдаво-русская хроника», из которой, в частности, Иван III московский царь, чей сын Иван женился на дочери Стефана III Елене, должен был узнать, что государство Молдова имеет не только солидное, но и славное прошлое, а у самого Стефана — заслуженные, высокородные предки...

Эта хроника стала составной частью знаменитой русской т.н. «Воскресенской» летописи. Не только о молдавском государстве, но и о сопредельных с ним да и о более отдаленных европейских мы можем много интересного узнать из «Молдово-венгерской хроники». В этих и других письменных источниках времени славного Стефана III немало сведений о Килии, ее крепости, о событиях, связанных с историей нашего города в пору его «звездного часа»...

Могут спросить: а каковы этнические симпатии Стефана? Видимо, не без основания можно считать, что в те времена значение имела прежде всего не этническая, а религиозная принадлежность. Официальное отношение молдавского государства к представителям различных этносов достаточно четко выражено в тогдашнем «Молдавском праве», о котором подробнее будет сказано ниже.

На государственной же службе у Стефана были молдаване, сербы, русские, казаки, немцы, итальянцы. Григоре Ureке в летописи государства Молдавского отмечает: «Много русских поселил Стефан Воевод в стране своей, так что и ныне живет язык русский в Молдове. Почти треть населения говорит по-русски. И никому не делают чести попытки дискредитировать какой-либо язык». Это после походов в Покутье в 1498 году...

Кстати, такой компетентный добросовестный историк, как Григоре Ureке в своих записях о переселенцах из Покутья ни слова не говорит об украинцах. Видимо, в те времена они и сами еще не догадывались, что они украинцы!

В Килии с ее большим и оживленным портом и мощной, важной крепостью пыркэлабами были русины (поскольку строго говоря в то время еще не было украинцев) Исайя, Иванко дважды, а еще венгр Шанд-

ро, молдаване Нягу и Максим. В Четатя Албэ (Белгороде-Днестровском) – русин Дума, молдаванин Оанэ, болгарин Станчу, явно немец Хэрман. И это в самом большом городе Молдовы и в самой большой ее крепости...

Хотинским цинутом и мощной крепостью на Днестре – на традиционном татарском пути именем Стефана управляли Дума – русин, возведенный в молдавское дворянство, серб Пурич... И это далеко не полный этнический букет верой и правдой служивших Молдове высших чиновников, на которых полагался Стефан.

Понятно, что в молдавском государстве большинство начальников во главе с самим господарем Стефаном III были коренными молдаванами и почти никогда соседи — влахи.

До образования Объединенных Дунайских Принципатов (1859 год) Валахия и Молдова — различные государства. Некоторое время они даже не соприкасались границами после того, как королевство Венгрия установила свое господство над Килийской крепостью. Эти княжества разделял т.н. «венгерский коридор» от Брашова до Килии.

Молдова была суверенным государством. Ее господари правили Божьей милостью. Государство имело свои символы — герб, флаг, оно чеканило свою монету — грош и полугрош. История молдавского государства систематически, на протяжении веков отражена во многих летописях, которые писались при господарских дворах, в самых известных монастырях. Олтения — Малая Валахия, Мунтения — земля влахов — понятия географические. Политически они составляли Угро-Влахию, принадлежавшую королям Венгрии. Землями этими правили воеводы, но правили именем королей Венгрии, даже когда сама Венгрия попала в зависимость от Турецкой империи.

Так, или иначе, за пятьсот лет своего существования они воевали друг с другом чаще, чем с остальными соседями вместе взятыми, но при этом инициатором чаще всего была Валахия.

За сорок семь лет княжения Стефана III в Молдове между Валахией и Молдовой произошла двадцать одна война. В одиннадцати из этих войн валахи напали на Молдову в союзе с Оттоманской империей, причем нередко именно валашские господари подговаривали турецких султанов идти войной на Молдову.

«Во всех этих войнах, — свидетельствует Стефан III и другие политики, — валашская сторона проявляла больше жестокости, была более опасной, чем турецкая и даже татарская.

Даже когда для большей безопасности Молдовы Стефан III ставил на валашский престол валаха, которого считал своим союзником, — тот

чаще всего изменял — переходил к туркам, становился ярым врагом Молдовы и ее господаря. Такое поведение валахов (румын) стало традицией на века. Стефан III острее всех европейских, как западных, так и восточных политиков, ощутил надвигающуюся турецкую опасность, для борьбы с ней он надеялся объединить силы Востока и Запада — Москвы, Киева, Рима, Генуи, Венеции, не говоря уже о странах, сопредельных с Молдовой.

Для этого он, в частности, породнился с князем Киевским Симеоном Омельковичем, а чуть позже и с царем московским Иваном III. (Но их возможности, да и желание сотрудничать в борьбе с турецкой опасностью он, видимо, переоценил).

То же самое можно сказать о Буде, Кракове, Вене, Риме и Генуе... Не без основания Стефан считал, что одним из условий процветания и безопасности Молдовы, особенно с юга, является обладание Килией.

В июле 1462 года он, поддерживаемый... турецким флотом, попытался овладеть Килией. Попытка оказалась неудачной: венгерский гарнизон выстоял, а Стефан был ранен осколком ядра в лодыжку. От раны этой Стефан страдал до самой смерти своей...

Январь 1465 года на Нижнем Дунае был очень холодным, река покрылась толстым ледяным панцирем, а по укатанным дорогам Молдовы споро шли на юг чаты – отряды резешской пехоты, стремительно скользили сани с пушками... В трескучий мороз с 23 на 24 января, под гром артиллерийской канонады, не по суше, а по льду замерзшего Дуная стефановы войска пошли на штурм крепости. Для того, чтоб со стороны Дуная штурмовать левобережную Килию, Стефану пришлось предварительно овладеть правобережной и замком, ее прикрывающим.

Не выдержав мощного огня стефановой артиллерии и натиска его храбрецов, Новая Килия, крепость и город покорились...

Дунаю, Дунаю, чом смутен течеш?
На верші твоєму три раті стоять:
Перша рать турецька,
Друга рать татарська,
Третя рать волоська...
В волоської раті дівонька ридає,
Любити її Стефана благає...

Такую вот легенду-аллегорию на взятие Килии Стефаном сохранил в своем фольклоре украинский народ. Почему это?

Может, потому, что не только понаслышке знала Украина, особенно рождающееся казачество о Килийской эпопее Стефана...

Отмечает взятие Килии и молдавский эпос:

Палица Чудина разнесла врата Хотина,

Сабля витязя Исайи

Отворила ворота Килии...

За что боярин стал одним из пыркэлабов богатой Килии (пыркэлаб – наместник господаря).

Рад и горд был Стефан по поводу того, что овладел Килией и тем самым не только вернул Молдове ее важнейший порт, но и восстановил свое княжество в естественных пределах его. Именно в память о взятии Килии повелел воевода построить самое замечательное творение этого рода в славную эпоху Стефана – монастырь Путна в Буковине. Еще при жизни назначил Стефан этот монастырь усыпальницей своей и наделил его имениями и привилегиями многими.

Среди последних была и такая: чтоб завозилась в Путненский монастырь свежая рыба из самой Килии. При жизни славного господаря, пока была Килия молдавской, повеление это выполнялось неукоснительно...

Как свидетельствует «Славяно-румынская хроника», по обычаю того времени, Стефан отдал взятый город на три дня на потеху своему победоносному войску, после чего в Килии был установлен твердый порядок — предпосылка процветания. По законам Молдовы того времени, полным хозяином вновь присоединенной земли был господарь. (В «Старой Молдове» значительная часть земли вместе с проживающими на ней крестьянами к тому времени уже была роздана боярам). В Придунавье этого не было. Все города в государстве Молдавском — следовательно, и вновь присоединенная Килия — подчинялись только господарю и только ему платили подати. (В Молдове боярство и духовенство не владело городами подобно тому, как это имело место в соседних Польше и Венгрии). По двенадцати сел вокруг молдавских городов также принадлежали исключительно господарю, но в окрестностях Килии в те времена вряд ли можно было насчитать двенадцать сел, так что все села округи стали принадлежать господарю.

Высшую административную, юридическую и военную власть в городе и крае — цинуте осуществляли именем господаря — его наместники-пыркэлабы; учитывая величину и значение города, многоязычный состав его населения, господарь назначил в Килию не одного, а двух пыркэлабов: Исайю и Буфтю. Было и городское самоуправление, которое состояло из двенадцати пыргаров — членов Совета (от немецкого «бюргер» — горожанин), во главе с председателем — шолтузом или войтом.

Килия — большой богатый город, и важнейшим делом здесь был

сбор налогов, пошлин, штрафов. В княжестве сбором налогов ведали главный вистернак — глава налогового ведомства и семеро его помощников — советников главного вистернака по податям.

В Килию и Килийский цинут, как и в каждый город и цинут княжества, был назначен государственный чиновник по сбору податей — илишар. В сборе налогов ему должны были помогать пыркэлабы, в случае необходимости — и военной силой.

Главный налог с горожан был «дижма» — десятина — десятая часть со всех доходов, которые получал горожанин. Взималась и подушная подать. Все это т.н. «большая дань».

Кроме того, предусмотрена была и «малая дань» — сборы за помол, соль, на пушки, порох, армию. В пользу государства и князя выполнялись многочисленные повинности: по строительству крепостей, дорожно-строительная, извозная и много других. Крестьянское сословие (а в Килии и Килийском цинуте крестьяне были свободными общинниками) платило ту же дижму, но только с главных статей денежного дохода – со скота, пчел, подушную подать и подать «с дыма» — подворную. Подворная подать равнялась в мирное время 80 аспров, в военное — 120; в случае чрезвычайной опасности, которая объявлялась, когда война шла на земле княжества, — 1 золотому (200 аспров). Пара хороших волов стоила 4 — 5 золотых, пара рабочих лошадей 3 — 4 золотых.

Одной из главных повинностей свободных подданных Стефана была военная служба. Его «малое войско» состояло из боярской конницы. Бояре эти являлись на службу каждый со своей колонной — «чатой», состоящей из его родственников и его вооруженных крестьян. «Большое войско» состояло из отрядов (чат) городов. Главной же силой большого войска были отряды крестьянской пехоты из свободных крестьян — общинников-резешей. Каждый резеш-крестьянин, который пользовался землей, «нарезанной» ему господарем, был обязан по первому зову господаря являться на службу во всеоружии, одетым и обутым по времени года для похода и боя, и с месячным запасом продовольствия.

В княжестве имелась категория сел, крестьяне которых освобождались от налогов — за военную службу по первому зову, для чего надо было этим военнопоселенцам быть в постоянной боевой готовности. В приграничьи также военнопоселенцы были первым прикрытием рубежей. Они носили отличительный знак — красную шапку, за что часто назывались «роширь». Сходную службу несли т. н. «плэеши» — военнопоселенцы горных районов, охранявшие перевалы, горные проходы, важнейшие тропы. Мечь, латы, кольчуга — оружие и защита очень до-

рогие — им могли обладать бояре. Оружием крестьянской пехоты — «стефановых богатырей», как их называл сам воевода, чаще всего были сабля, нередко подобранная на поле боя, копье, рогатина, палица — «гёага», топор на длинном топорище; привычная коса, насаженная на косовище не для труда на поле хлебном, а для боя на поле ратном — превращалась в грозное оружие, которым крестьянский воин Стефана неплохо «косил» врагов, особенно турецкую, татарскую и дворянскую конницу вражеских армий. А еще крестьянский воин Стефана, как правило, был грозным лучником. Имелись на вооружении и арбалеты. Завел Стефан и артиллерию. Сначала — крепостную, затем — осадную и даже полевую. Артиллеристами служили в основном горожане. Молдавские артиллеристы были известны далеко за пределами своей страны. В 1453 г. они до последнего заряда защищали стены Константинополя от несметного воинства Мухаммеда II Завоевателя, нанесли ему большой урон и по приказу султана те их них, кто попал в плен, были казнены лютой казнью – с них живых сдирали кожу. С главного же пушкаря султанские живодеры содрали кожу так умело, что, окровавленный, он еще был жив и мог видеть чучело, сделанное из его собственной кожи...

Имелись в войске Стефана и наемники: поляки, венгры, сербы, болгары и, как утверждает «молдавская хроника» того времени, казаки.

Казаки! Слово это знакомо всем народам, соприкасавшимся с причерноморской степью. На языке поклоняющихся небу половцев-куманов — оно составное, состоящее из «ко» — небо и «зак» — защитник, защитник неба (и родной степи под ним, ее рубежей). Такими защитниками были не только половцы, но и славянские воины, охранявшие пограничные заставы, начиная с воинов князя киевского Владимира-крестителя, с Добрыни Никитича, Алеши Поповича и Ильи Муромца, которые вели близкий к казацкому образу жизни. Уже без половцев православное воинство возродилось для борьбы с татарами, турками, польской католической шляхтой (и против своих собственных «турок» — угнетателей при необходимости). И родилось это хорошо знакомое Центральной Европе казацкое воинство гораздо раньше, чем признают это официальные источники.

Как отмечалось, каждый воин Стефана должен был являться на службу с месячным запасом продовольствия, обязательно — с сухарями, мукой, салом, брынзой, пастрамой (копченым мясом)...

Грозным для любого противника было войско Стефана. Во главе со своим блестящим полководцем оно успешно било войска польских и венгерских королей, волошских господарей, полчища турок и татар...

Специалисты подсчитали: из 36 сражений, в которые водил Стефан свои войска, 34 он блестяще выиграл и только два проиграл. Блестящий полководческий талант Стефана вынуждены были признать даже могучие враги его. Турецкий хронист Ашик-паша-Заде в «Хронике дома оттоманского» пишет:

— Он сломал лук Сулейман-бея в битве у Высокого моста...

Это цветастое восточное выражение попросту означает, что в битве, имевшей место в 1475 году у города Васлуй, Стефан во главе 30-тысячной своей армии разгромил 120-тысячное турецкое войско, из которого мало кто спасся бегством. Далее турецкий хронист продолжает:

— Даже с Мехмедом II Завоевателем — Султаном он (Стефан) померился силой. Войско его было разбито, но храбро он воевал...

И тут темнит хронист, не договаривает: в битве у Рэзбоень в 1476 году едва ли 20-тысячное войско Стефана вынуждено было сражаться со 180-тысячным войском во главе с самим султаном да еще под угрозой удара с тыла 80-тысячной татарской конницы. Турецкие хронисты умолчали о том, что итог всего похода султана в Молдову был плачевным для турок. Сыном своего времени, жестоким, порой коварным был Стефан в обращении с врагами своими и своего государства:

— Когда после одного из опустошительных татарских набегов на Молдову послы крымского хана Менгли-Гирея стали требовать, чтобы господарь вернул ханского сына, попавшего в плен к молдаванам, Стефан приказал на глазах у послов отрубить голову ханскому отпрыску, затем посадил на кол самих послов и лишь последнего отправил для доклада к хану. (Послу предварительно отрубили нос и уши).

— В 1475 году, разгромив войско Сулейман-бея, Стефан все же пожалел старика — вернул ему плененного сына, но тысячи пленных турок были посажены на кол. Ряды колов с казненными составили длинную, жуткого вида, как бы походную колонну... В славящемся своим вином районе Котнарь есть широкая долина, именуемая Красной. И сейчас шумят там дубовые Кодры. При Стефане их там не было. В 1497 году Стефан наголову разгромил войско польского короля. Тысячи именитых шляхтичей были уничтожены, тысячи других, ясновельможных панов попали в плен. Стефан приказал запрячь их в плуги, которыми и было вспахано и засеяно желудями огромное поле; на нем растет сейчас великолепный т. н. «красный лес» у знаменитых Котнарь. Современники Стефана отмечают: могучим, грозным, беспощадным в бою с врагами был господарь, сам он из боя нередко выходил с тяжелыми ранениями.

Итак, самыми опасными врагами Молдовы Стефан считал турок и татар, а самыми коварными — валахов.

Но и могущественные турки, хуля Стефана, признавали его отвагу и блестящий полководческий дар. Так турецкий хронист Мехмед Тешри пишет: «Кара Богдан оглы (Черный сын Богданов) — этот гяур (неверный), сокрушил много войск своих противников, поверг короля Венгрии, ослабил валашского бея. Он был гяуром нахрапистым и грубым. Сражаясь с самим султаном Мехмедом Завоевателем, сохранил свою голову».

И этот хронист лжет — из похода в Молдову в 1476 году сам султан едва унес ноги, как известно.

Добрым благородным после боя был он к тем, с кем сражался бок о бок. После каждой битвы воздавал Стефан должное оставшимся в живых — щедро награждал верных, храбрых. Примером может служить случай с молодым воином из личной охраны господаря. Фамилия «Пурич» (интерпретируемая как молдавское слово «блоха», а по украинской версии Пуриг) — на самом деле принадлежала воину-сербу (сербов, как и албанцев — «арнаутов», часто нанимали в личную охрану знати вплоть до господарей за их верность и дисциплинированность).

В жаркой сече с многочисленным мадьярским войском короля Матеяша 6 марта 1486 года был убит под Стефаном боевой конь, самому господарю грозило пленение. В этот критический момент господаря и выручил Пурич. Он прикрыл Стефана от смертельного удара и отдал ему своего коня. Но в горячке боя низкорослый Стефан никак не мог взобраться на незнакомого рослого коня. И тогда верный Пурич предложил:

— Господарь, я пригнусь, а ты с меня, как с холмика (могилки), влезай на коня.

Оседлав таким способом коня, Стефан сказал своему верному телохранителю:

— Если, даст Бог, выйдем из боя живыми, награжу по заслугам твоим.

Оба сражались в самых опасных местах боя и остались живыми. Господарь сдержал свое слово — телохранитель Пурич был возведен в дворянское звание, став, таким образом, родоначальником нового знатного рода Мовилешт-Могил — князей светских и духовных — молдавских, валашских и... украинских!

Через год с небольшим господарь и новоявленный боярин Пурич побывали в сражении с турками на юге Бессарабии в Буджаке (Катлабуг, 1487 г.). В этом сражении молодой боярин вновь выказал отвагу и был награжден имением на берегу соседнего лимана.

Не суждено было владеть им боярину Пуричу-Могиле — имение осталось в турецкой райе. И только через три сотни лет на берегу Китайозера появилось село Апрод-Пурич (нынешняя Васильевка, Килийского района) – село русских, украинцев, молдаван.

Точно также после каждой битвы воздавал Стефан должное и памяти павших. Свидетельством этого являются десятки церквей и монастырей, возведенных по приказу господаря в память погибших воинов. Одна из таких – Килийская церковь святого Николая...

И еще о Стефане-вожде: большинство сражений дал он на своей земле. Помимо боя избегал он проливать кровь собственноручно. Даже пленив яростно ненавидимого им убийцу своего отца — Петра Арона, он передал его в руки палачей.

Но вернемся к нашей Килии. Взяв город, Стефан немедленно эстафетой уведомил все крупные черноморские города, что устья Дуная вновь принадлежат Молдове и что эти ворота в Европу открыты для мирной торговли. Повелением Стефана крутой поворот Дуная у Новой Килии на протяжении семидесяти саженей был облицован крупными каменными блоками. Получилась отличная причальная стенка. Выше и ниже ее на значительном протяжении берега Дуная были укреплены дубовыми сваями и обшиты толстыми брусьями (остатки этих свай и сейчас еще при низком уровне реки можно увидеть чуть ниже элеватора).

Купцы из ближних и дальних стран пожаловали в Килию с товарами, и из Килии в страны ближние и дальние уходили корабли с товарами. Город быстро рос — число его жителей приблизилось к пятнадцати тысячам — это был второй по величине город в княжестве (после Белгорода) и первый порт. Источники того времени называют Тульчу городишком, а Килию – крупным городом (по переписи Килийского Покровского собора число жителей города в 1938 году составляло только 18000 человек).

Летописи и современники характеризуют Стефана, как господаря авторитарного склада, жестокого, даже очень жестокого. В таком случае править государством, решать судьбы людей он должен был исходя только из собственной воли, прихоти... В отношении отдельных людей, может быть так оно и было, государственные же дела при Стефане решались на основе «молдавского права» — «обычаев земли», которые и были законом страны. Для государства, вышедшего на морские просторы, имеющего отношения со многими странами Запада и Востока, этого оказалось мало.

В 1472 году повелением Стефана иеромонах монастыря Нямц Герасий делает для господаря извлечения из византийского кодекса законов

юриста Матвея Властария. В 1495 году уже секретарь господарской канцелярии Дамиан переписывает полный кодекс Матвея Властария. Первый вариант извлечений (1472 года), наверняка, был в ходу и в Килии — главных морских воротах княжества. Список этого кодекса Стефан послал и своему свату Ивану III по просьбе последнего. Многочисленны княжьи чиновники в городе, в цинуте Килийском. Кроме главного сборщика податей — илишара был главный сборщик приблудившегося скота, он же сборщик штрафов за потравы — припэшар, помощник пыркэлаба по строительству укреплений и крепостей — присекар, несколько ослухаров — сборщиков штрафов за невыполнение законов, правил, княжьих приказов и распоряжений, значительное число мытников — таможенников во главе с главным мытником взимали таможенные сборы в порту, на рынках и дорогах со всех товаров, особые дополнительные сборы взимались с товаров, торговля которыми составляла монополию господаря: меха куницы, красная рыба, черная икра. Баснословны рыбные богатства Дуная, его плавней и лиманов — большое число специальных чиновников — песчи наров надзирают за правильным использованием рыболовных угодий, чтоб ими пользовались только те, кому разрешено. Штрафы за нарушения огромны — нередко равны стоимости нескольких пар волов... Высшая судебная власть в городе и цинуте принадлежала пыркэлабам, да и остальные княжьи чиновники были наделены и судебными функциями в пределах своей компетенции. Жизнь большого шумного города порождает множество судебных дел, поэтому были в крае и городе и профессиональные судьи, именовавшиеся «судцами» и дел у них было очень много.

Во всей Молдове и в Килии судили в те времена по нормам обычного права (Закон земли), по прецеденту. Писаное право — «Правила» — начало было зарождаться при Александре Добром. Во время последовавшей чехарды господарей процесс прервался. При Стефане — возобновился, но законы не систематизировались до самых «Правил» Василия Лупу — это через полтораста лет... Понятно, что всё немалое число чиновников всех рангов «кормилось» с города и цинута систематически, на законных основаниях. Точно так же всему чиновничеству были положены периодические подношения – «калачи» по случаю Рождества, Нового года и Пасхи. Величина, да и число «калачей», естественно, зависели от ранга и характера чиновника, которому они предназначались...

Многоязычным было население Килии уже в те времена: греки, армяне, валахи, венгры, молдаване, русы, евреи, турки, татары, цыгане были жителями города, но на улицах, площадях, базарах в ту пору зву-

чала еще и итальянская, испанская, польская, немецкая, арабская речь...

Национальная принадлежность килийца означала не только его язык, веру – как правило, она характеризовала социально-политический статус его и занятие. Источники свидетельствуют, что самым богатым сословием Килии того времени были греки и армяне, их главное занятие — торговля, как внутренняя, так и внешняя. Те и другие — прирожденные торговцы, как и в других городах, они были подданными господаря, непосредственно ему платили подати и сборы. Не только церковь Святого Николая XVII века, но и та первая — XV века построена была на деньги армянских купцов (так было и в Белгороде).

«Энциклопедия евраика» относит появление первых евреев в Килии к XVI веку. «Молдавская хроника» Стефана отмечает наличие еврейской общины в Килии уже в веке пятнадцатом. Как и армяне, греки, молдаване, евреи – подданные господаря, кроме обычных податей должны были платить дополнительный налог. Если армяне, греки, молдаване могли заниматься любым делом, то евреям разрешалось заниматься только торговлей и шинкарским делом... Они имели право жить... только в деревянных домах и молиться в синагоге, построенной из дерева... Те же документы отмечают наличие в Килии цыган и татар. Это категория отверженных. Они были лишены прав свободных граждан, должны были принадлежать хозяевам на правах практически рабов. Документы отмечают, что занятия цыган — кузнечное дело и ... воровство. О занятиях килийских татар источники молчат, но по т. н. «холопскому праву» их удел — быть холопами, т. е. почти рабами у полноправных хозяев.

Немало турок жило в Килии. Им запрещалось иметь собственную землю, дома, другую недвижимость. Запрещалось строить мечети. Им предписывалось заниматься только торговлей или быть духанщиками, матросами. Молиться Аллаху они могли только у себя в жилищах. В сходном положении были венгры, которые, однако, при Стефане создавали католическую религиозную общину. Молдаване и русы – жители города были свободными, полноправными подданными господаря. По роду занятий это были земледельцы, рыбаки, ремесленники. Многие источники утверждают, что молдаване питают отвращение к занятию торговлей, если только это не продукты их труда. (Позже Димитрий Кантемир даже напишет, что заниматься торговлей молдаванам не позволяет их гордость). Поэтому рядовые молдаване были не очень богатыми подданными. Греки, армяне, турки, евреи накопленные деньги предпочитали хранить за границей.

Большой православный город предполагал наличие православных священнослужителей. Но пока килийская церковь Святого Николая не стала церковью монастыря (это произойдет только в конце XVII века), число таковых было сравнительно небольшим. Главные духовные пастыри храма Святого Николая в делах управления города, в его жизни занимали видное место. Разделенных при жизни представителей этнических групп города и после смерти хоронили каждого на своем кладбище. Богатым процветающим городом была Килия в свой «звездный час», непросто было господарскому податному ведомству — в истерии составить «числа» — роспись налогов с такого города, — огромным был доход города Килии. Недаром о ней, да о Белгороде сам Стефан писал, что это — Молдова вся... Жадно тянутся к устьям Дуная и Днестра к Килии и Белгороду взоры польского и венгерского королей, татарских ханов и мурз. Но опаснее всех — султаны турецкие: многочисленен флот их, неисчислимы войска. Поэтому в 1474 (по другим данным — в 1479) году по велению Стефана 800 мастеров и 18 тысяч помощников за одно лето и осень построили крепость. Если верить Уреке, за двадцать шесть дней. Видимо, речь может идти о достройке и капитальном ремонте четырехбашенной прямоугольной цитадели еще Генуэзского проекта. По свидетельству современников, Стефанова цитадель была построена по последнему слову тогдашнего фортификационного искусства — мощной, величественной, вооруженной пушками, стрелявшими картечью, чугунными и каменными ядрами. На архитектурные украшения, надписи времени уже не хватило. Обновляется старая и строится новая Белгородская крепость.

В 1476 году от рождения Господа нашего Иисуса Христа завершены были ворота Великие во дни христолюбивого Стефана-воеводы и панов Луки и Хермана, а во дни Хермана и Думы — новая крепость, сообщает «Немецко-молдавская летопись» и мемориальная доска, прибитая на этих главных воротах по велению господаря.

Надпись же на одной из башен «Новой крепости» гласит: «При благочестивом господаре Стефане крепость сию построил мастер Федорко». Могучее сооружение построил этот мастер Федорко. Высокие, трехметровой толщины стены изнутри подпирал хорошо утрамбованный каменно-земляной вал, на котором устанавливались пушки, располагались защитники крепости.

«Вокруг крепости вырыт ров такой глубины, что дна его достать невозможно. Один Аллах ведает, сколь несметно количество оружия, накопленного в крепости», — пишут турецкие хронисты Ашик-паша,

Турсун-бей и Саадэт Дин (см. «Турецкие хронисты о румынских государствах», сб. док., т. 1 стр. 86, Бухарест, 1966 г.).

Известно, что в 1475 году во время неудачного похода Сулейман-бея в Молдову Килийская и Белгородская крепости отбили нападение многочисленного турецкого флота и высаженных им десантов, и тогда стареющий и страдающий жестокой подагрой султан Мухаммед II Завоеватель, желая смыть позор поражения, повелел:

— Все войско царства моего да придет в движение и направится на усмирение непокорных гяуров за Дунаем. Стефана ж, бея их доставьте мне живым (см. Ашик-бей «Хроника оттоманского дома»). Сам султан во главе 180-тысячной армии двинулся к Дунаю. 60-тысячная татарская орда перешла Днестр и принялась опустошать Молдову. Имея в тылу татар, против которых действовали разрозненные отряды Резешской (крестьянской пехоты), защищавшие свои села, Стефан с боярской конницей не смог воспрепятствовать переправе турецкого войска через Дунай, и оно вступило в Молдову. 25 июня 1476 года у села Рэзбоены, в предгории горного массива Вранча, произошла ожесточенная битва, в которой 18-тысячной коннице Стефана довелось сражаться с турецкой армией, превосходящей ее в десять раз... Стефан потерпел поражение. С несколькими соратниками ему удалось скрыться в диких чащобах Вранчи. Огнем и мечом прошло султанское войско Молдову. Страшному опустошению подвергли ее татары. И вот тут-то сказались и несгибаемая воля Стефана, и сила всенародной поддержки, оказанной ему.

Через несколько недель у него было новое боеспособное войско из его любимых богатырей от сохи и косы — резешей. С ним он изгнал татар за Днестр и нанес несколько поражений султанскому войску. Дело полного разгрома 180-тысячной турецкой армии довершили чума, ранняя холодная зима и голод... Из всей огромной армии в Истамбул вернулись полуживой султан Мухаммед II с кучкой приближенных...

Весомый вклад в дело разгрома турок в этой войне внесла и Килия. Ее защитники выдержали долгую осаду, сдерживая у стен крепости значительные силы турок и нанося им большой урон. Гарнизон крепости часто предпринимал неожиданные стремительные вылазки. В ходе одной из таких вылазок килийцы взяли в плен 500 янычар, помогли бежать из турецкого плена тысяче мадьяр, которые в этой войне были на стороне молдаван (см. «Иностранные путешественники о Валахии и Молдове», т. 1, стр. 149).

Воевода же Стефан повелел: «Павших при защите города килийцев с воинскими почестями похоронить в братской могиле на склоне

холма у Дуная» (чуть выше порта — у развалин древнего храма Св. Иоанна).

И еще: в благодарность за мужество защитников Килии, в память о подвигах их: «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа Стефан воевод, Божьей милостью господарь Земли молдавской повелел построить церковь — храм святого иерарха чудотворца Николая. Нача зидати 9 мая 1477 года. Заверши 9 мая 1479 года».

Так, по свидетельству «Немецко-молдавской хроники», а затем и летописца Григоре Уреке гласила «писанница» над главным входом в церковь.

По словам Н. Иорги, ее главный строитель и архитектор – известный византийский зодчий Иоанн Привана. (Кроме того, Иорга не исключает, что Иоанна Привана — строитель и Стефановой цитадели в Килии, и не только ее, а и других молдавских крепостей того времени. Город купцов, моряков, рыбаков, вновь построенный храм посвятил не библейскому святому, а человеку, который при жизни был добрым, помогал людям, творя свои незамысловатые «чудеса», а после смерти был наречен святым чудотворцем. Почитаем и любим был в Килии этот святой, почитаем и любим стал храм Святого Николая. Построенная в классическом молдавском стиле того времени (ее близнец 1471 года постройки и сейчас есть в городе Хырлэу запрутской Молдовы) церковь представляла собой строение из крупных каменных блоков и, отчасти, из кирпича. Окна притвора были высокими, узкими, арочными, окна собственно церкви (наоса), были большими квадратными. Над наосом, опираясь на мощные пилоны внутри его — к небу возносилась тонкая, изящная шестигранная башня-барабан, увенчанная высоким остроконечным шатром. Извне стены церкви подпирались мощными контрфорсами. Полукруглую алтарную абсиду на востоке прорезывало одно-единственное узенькое окно-бойница. Оно располагалось так, что в момент восхода солнца в день Святого Николая зимнего (сейчас 19 декабря) оно единственный раз в году светило прямо в узкое окошко, так средневековые мастера, согласно канонам храмостроения, сориентировали церковь. Главный вход, как водится в православных храмах, смотрел на запад. Высокая стрельчатая готическая арка над ним заимствована из Трансильвании от немецких мастеров. Звонница с гаммой колоколов была частью большой церковной ограды с главными воротами, выходящими прямо на берег Дуная. Весь комплекс сооружений был своеобразным бастионом, вписывался в систему обороны города. Храм был самым высоким и самым важным сооружением Килии — ее духовным и отчасти граждан-

ским центром. Иностранные купцы и моряки (а при случае — официальные лица и целые посольства) на площадке перед храмом принародно представлялись светским властям и духовным пастырям города. Если судить по старинной гравюре, хранящейся в библиотеке Национальной Академии наук Румынии, то Стефанов храм был больше, выше и величественней нынешней церкви Святого Николая в Килии. От своего предшественника — храма Святого Иоанна, разрушенного пиратами Омар-бея, храм унаследовал беломраморные плиты с библейскими заповедями, отрывкам древней хроники города. Яркий свет от церкви этой осветил весь край, утверждают древние хронисты, ибо храмы, подобные этому — воплощение воли Великого Стефана не просто дома Божьи, или прибежища монахов, это — сама красота... А еще видный издалека высокий шатер храма кораблям, спешащим в Килию, служил маяком. Так или иначе, но остается фактом, что на турецких морских картах с появлением храма Святого Николая город стал именоваться Ени Килизе — новой церковью — Новой Килией...

И еще одной древней церковью славилась Килия — крепостной гарнизонной церковью Успения Божьей Матери. Она была построена в 1479 году по проекту все того же Иоанна Приваны.

Зодчий нежно и пламенно любил свой родной Константинополь, его главный храм Святой Софии. Крепостной церкви в Килии он придал некоторые черты Святой Софии Константинопольской.

Как и Святая София Константинопольская, крепостная церковь в Килии была центральнокупольной, крестообразной в плане. Ее длина вместе с алтарем двадцать девять метров, ширина двадцать шесть с половиной и почти такая же высота — двадцать шесть и три десятых метра (с крестом). Зодчий придал своему творению оптимальные пропорции.

Изнутри четыре мощные колонны поддерживали изящный барабан купола с восемью круглыми окнами и самим куполом, который являл собой полусферу классического образца — как изначально у Софии Константинопольской, а потом у Киевской и у многих других православных храмов. Над папертью возвышался небольшой портал на четырех изящных колоннах, углообразный фронтон был увенчан крестом.

Почти все это подтверждают очертания фундамента храма (скрытые сейчас под толстой коркой асфальта). Колокольня? У той первой церкви ее могло и не быть — поблизости в крепости наверняка был набат («тоакэ» — на молдавском языке), какой и поныне звучит на подворьях старинных храмов Молдовы и Буковины.

Как и многие другие церкви и монастыри того времени, церковь Ус-

пения Божьей Матери, кроме прямых функций храма, была и оборонительным сооружением. По преданию, подземным ходом она соединялась с другим оборонительным объектом в системе фортификаций Килии — с храмом Святого Николая. Стены и свод подземного хода — кирпичные.

В 1484 году после многомесячной осады войско султана Баязида II взяло Килию. На развалинах крепостной церкви по приказу султана была отслужена благодарственная служба Аллаху. После этого на месте православной церкви была возведена мечеть. Это угловатое строение простояло до 1806 года, когда крепость была взята российскими войсками. С разрешения митрополита Кишиневского Гавриила мечеть была перестроена в православный храм Успения Божьей Матери. Воссоздать мини-копию Святой Софии Константинопольской уже никто не брался — просто с западной стороны церкви возвели небольшую двухъярусную звонницу.

В таком виде более века с четвертью крепостная церковь была очень почитаемой в Килии, несмотря на неоднократную смену власти в Придунавьи. Однако, в 1948 году она была превращена в конюшню погранзаставы, потом стала дровяным складом Гортопа. Сейчас от замечательной церкви осталась только полуразрушенная колокольня, которую в XIX веке возвели отдельно от храма в нескольких метрах западнее ее паперти.

Но не будем забегать вперед. После столь плачевного окончания похода в Молдову Мехмед II Завоеватель, защитник правоверных, недавняя гроза гяуров готовился предстать пред аллахом...

Старость, болезни, а главное — военные поражения как на Востоке, так и на Западе и Севере, истощили последние силы султана. Целые области-санджаки на Востоке гигантской империи грозили отпасть... С запада же может грянуть новый крестовый поход — этот гяур Стефан-бей пытается сколотить новый военно-политический Союз против Оттоманской империи... Одолевали султана и неурядицы в собственном дворце. Старшие сыновья Баязид и Джет при еще живом отце затеяли между собой жестокую свару о том, кому из них наследовать трон отца. Каждый из сыновей старался переманить на свою сторону султанскую гвардию — янычар, недовольных тем, что нет победоносных походов, а, значит, нет и доходов — грабежей...

После грозных событий 1476 года господарь Молдовы действительно развил интенсивную дипломатическую деятельность, стремясь организовать — нет, не новый крестовый поход против оттоманов, а что-то вро-

де системы коллективной европейской безопасности против угрозы со стороны Оттоманской империи. Но в ответ на обращения Стефана папа Римский Сикст IV вместо реальной помощи шлет молдавскому господарю льстивые послания: «Дело, совершенное тобой с такой мудростью и храбростью против неверных турок — наших общих врагов, принесло славу твоему имени, все говорят и хвалят тебя».

А обещанные деньги, которые так нужны были Стефану, как и раньше, ушли на строительство новых дворцов, украшение старых, на любовниц, обогащение многочисленных папских «законных» и «незаконных» детей, баснословно роскошные застолья и всевозможные иные удовольствия, которых не хотел лишать себя папа Римский Сикст IV.

В 1478 году Стефан послал в Италию свояка — родственника своей третьей жены гречанки Марии Мангопской — Иоанна Цамблака — дипломата, философа, богослова. Выступая в сенате Венеции, посланник зачитал письмо Стефана:

«Турки хотят отнять у нас Килию и Белгород. Эти края — Молдова вся. С ними Молдова — защитная стена королевства Венгерского и Польского. Если эти две крепости будут сохранены, то окажется возможной потеря турками Кафы и Херсонеса. Если же эти крепости падут, турки ворвутся в Европу».

Тщетными были увещевания молдавского господаря. Венецианские купцы, хотя и терпели огромные убытки от оттоманов, предпочитали искать с ними частных договоров. Король Польский, отмалчиваясь, сам готовился напасть на Молдову... Король Венгерский Матеяш Корвин отделывался молчанием, а однажды даже присвоил деньги, которые через него передал Стефану папа Римский. Молдавский господарь старался хотя бы на Влашском престоле иметь своего союзника. В короткое время он силой оружия несколько раз возводил на престол этой соседней страны своих ставленников, но всякий раз турки или перекупали, или убивали их... Короткая относительно передышка в борьбе с турецкой опасностью, которую после событий 1476 года получила Молдова, подходила к концу — в 1481 году султан Мухаммед II скончался. Престол Оттоманской империи достался Баязиду II. Его брат и соперник Джет бежал к халифу египетскому, а затем в Западную Европу. Только победоносная война могла прочно утвердить молодого султана на троне Империи. Не без основания считая, что Килия – ключ к воротам Молдавии, Валахии и Венгрии, а Белгород — ключ от Ворот Польши с Украиной, Баязид II стал готовиться к захвату этих городов-крепостей.

Ранней весной 1484 года стотысячная турецкая армия во главе с султаном выступила в поход. Чуть позже огромный (в сто кораблей) турецкий флот направился к берегам Молдовы. Вслед за наступающей весной, медленно двигалось на Север по каменистой добруджской степи султанское войско, десятки быков тащили платформы с гигантскими мортирами 700-миллиметрового калибра. На некоторое время Баязид задержался в Бабадаге — ждал подкреплений от своего ставленника — валашского господаря, ждал известий от Крымского хана, 60-тысячная орда которого должна была нагрянуть на Молдову и отвлечь силы Стефана от Килии и Белгорода. Окруженный лесистыми холмами Бабадаг был полупустым — многие правоверные, опасаясь набегов молдавского бея, покинули город. Мало кто посещал мечеть, стал разваливаться мавзолей Сары-Салтык недалеко от нее. Баязид II приказал обновить мечеть, ежедневно возносить в ней молитвы аллаху, отремонтировал и мавзолей. И было, говорят, султану видение: явился ему во сне мавзолей Сары-Салтык и были начертаны на нем знаки победы над Килией и Аккерманом. Осененный ими, двинулся Баязид со своим войском далее в поход — за широкий Дунай — Туну. Первое боевое столкновение с молдаванами произошло при переправе у Исакчи. Одновременно турецкий флот вошел в Килийское русло Дуная. Проходя мимо Килии, османские корабли подвергли город, порт и крепость интенсивному артиллерийскому обстрелу, но к блокаде не приступали — проследовали вверх — к Исакче. Гарнизон и жители Килии поняли, что их ждут жестокие испытания... У Исакчи турецкая армада сожгла небольшую Дунайскую флотилию, заведенную Стефаном, несколько ее кораблей и раненый пыркэлаб Килии Максим были захвачены турками. Оборону Килии возглавил второй пыркэлаб Иванко.

5 июля 1484 года к стенам Килии подошли главные силы турецкой армии во главе с султаном и главным визирем, корабли флота блокировали город и крепость со стороны Дуная и моря. В «Исторических исследованиях относительно Килии и Белгорода» Н. Иорга приводит свидетельство польского хрониста Иоанна Урсинуса об обороне Килии:

«Несмотря на то, что многочисленные орудия султана забрасывали крепость тяжелыми каменными ядрами весом в 250 килограммов каждое, защитники ее не уходили со стен, не покидали батарей. Несколько раз они предпринимали яростные вылазки, в ходе которых били и гнали осаждающих до самого их лагеря... Но силы сторон были очень неравными. Ничем не мог помочь Килии Стефан — он отбивался от татар и войск валашского господаря...

Через некоторое время турецкая артиллерия разрушила значительную часть крепостных укреплений и пушек. Но, несмотря и на это, защитники крепости продолжали оборонять крепость... И тогда в ход пошло золото, которым было оплачено предательство. Ашик-Заде-паша в «Хронике оттоманского дома» по этому поводу пишет: «Глубина рвов крепости неимоверна — подняться на стены невозможно. Взятие ее было бы немыслимым, если бы накануне штурма один из княжьих аминов ночью не посетил шатер визиря... Историки столетиями выясняли, кто же оказался предателем. Подозрение падало на одного из пыркэлабов. Но Максим был в турецком плену, а Иванко доблестно сражался в рядах защитников до последней возможности, раненым сумел уйти от преследования. До конца лет своих он был в чести у Стефана. Амином, открывшим ворота крепости на рассвете одиннадцатого дня обороны, был главный мытарь города — генуэзец Бартоломео по прозвищу Рукастый... Тем не менее сам Баязид II свидетельствовал:

«Взятие Килии потребовало больших человеческих жертв со стороны правоверных». Стойко защищалась не только Стефанова цитадель, но и храм Святого Николая превратился в бастион, который туркам удалось взять лишь с большим трудом... За что храм был разрушен завоевателями до основания. Попавшие в турецкий плен жители города были подвергнуты жестокой расправе – большая их часть попала на невольничьи рынки, некоторым удалось бежать в местности, оставшиеся подвластными Стефану II. Как утверждает, ссылаясь на турецкие хроники, Эвлия Челеби, счастливо ушли из Килии... казаки. Где-то у днестровских Мияк (нынешние Маяки) они переправились через Днестр, проследовали мимо Очакова на Буг и далее – на Днепр к порогам...

Султанским фирманом лишь несколько богатых килийцев — скорее всего это были богатые армяне да христианские священники, — были отпущены на волю. На три дня город был отдан на разграбление султанским аскерам (солдатам) и янычарам... Все оставшееся после этого имущество, прежде всего — недвижимость, султанским фирманом было отдано туркам. Так закончился короткий, но яркий, как блеск молнии, «звездный час» Килии, и наступил кровавый мрак турецкого ига, длившийся более трех веков. Вслед за взятием Килии последовала осада Белгорода. Ожесточенный артиллерийский обстрел крепости, несколько штурмов результатов не дали, — она защищалась даже когда были разбиты главные ворота, а в стенах зияли огромные проломы...

Султан согласился на переговоры и был заключен почётный мир. Баязид II вероломно нарушил его. 7 августа 1484 года турки вступи-

ли в город и крепость и... началась жестокая расправа со сложившими оружие. Оставшиеся в живых горожане и жители окрестных сел были проданы в рабство. 2000 девочек пополнили гаремы турецкой знати, здоровые, крепкие мальчики попали в янычарские питомники... «Если бы нам было не так далеко, — сказал царь Иван III, узнав о падении Килии и Белгорода, — и было бы можно, то мы сердечно хотели бы то дело делать и стать за христианство». В 1488—1499 годах несколько раз послы Стефана Великого были в Москве. После чего послы Иоанна III — Берсень и Балица ездили в Сучаву, но... В тех условиях прийти на помощь Молдове своим войском Россия еще не могла. А султан, покорив Килию и Белгород, отправился домой в Истамбул, но по пути остановился в Бабадаге и... там зазимовал. И, говорят, вновь было султану Баязиду II видение — мавзолей Сары-Салтык... А наутро из-под него забил ключ холодной, чистой воды, как оказалось, непростая это была вода, а волшебная: если пил ее мужчина, то уже никогда не мог покинуть Бабадага...

Многие из сопровождавших султана забыли о своих далеких семьях — остались в городке с волшебным источником... И еще гласит легенда... В третий раз явился султану во сне мавзолей Сары-Салтык, и были начертаны на нем слова от Аллаха: «Сниму с тебя, султан, чары источника только тогда, когда в городе, завоеванном тобой у гяуров, построишь мечеть во славу всемогущего и всесправедливого, дарующего победы слугам его». Немедленно послал султан гонцов в Килию с повелением как можно быстрее построить мечеть. И была в короткий срок воздвигнута мечеть — главная мечеть города — храм султана Баязида II (приблизительно на перекрестке улиц Ленина и Татарбунарской стояла она). И сняты были с послушного воле аллаха султана чары волшебного источника, бьющего из-под мавзолея Сары-Салтык.

В конце концов вернулся султан Баязид II в свой сераль к своим одалискам, к делам империи Оттоманской — как гласит турецкая легенда, а источник в Бабадаге журчит до сих пор и многие поддаются его чарам. После всех этих событий почти на три сотни лет Понт Эвксинский превратился в «турецкое озеро» под названием Кара-Дениз. Дунай надолго перестал быть великой европейской водной артерией. На значительном своем протяжении он превратился в опасную турецкую реку Туна... Жители же Придунайского края были объявлены бесправными презренными Райя... Но они, как и все православные народы Балканско-Дунайско-Карпатского региона, не смирились с судьбой, предназначенной им Оттоманской империей – в последовавшие триста с лишним лет сложи-

лось боевое содружество лучших представителей этих народов, в которое вошло и украинское казачество для борьбы за освобождение от турецкого ига.

Завоеватель же Килии и Аккермана, султан Баязид II, как то часто стало случаться с турецкими султанами, кончил плохо, его низложил собственный сын, ставший султаном Селимом I. Чтоб продлить дни своей жизни, свергнутый Баязид громко вопил в окошко своей тюремной камеры: «Знайте, правоверные, я добровольно уступил трон моему сыну Селиму. Да благословит его аллах!». Но уловка не помогла, Селим I приказал задушить отца...

VII. КИЛИЙСКАЯ РАЙЯ

По глубокому убеждению османов и согласно законов Оттоманской империи, ее простирающаяся на пол тогдашнего мира земля — освященная светом ислама и осчастливленная властью султанов — Анчук-Ерь — райская обитель. Немусульманские же земли — земли гяуров — это окутанные адской мглой Кара Ерь — черные земли, обреченные на муки. Кара-Ерь, на которые только в случае присоединения их к Оттоманской империи может пролиться благодать аллаха...

В 1484 году Килия и территория, ее окружающая, имели несчастье стать первой в Северо-Восточном Причерноморье турецкой райей — административной единицей на земле, захваченной Оттоманской империей у Молдовы. При этом Стефан III — господарь Молдовы был вынужден признать свою вассальскую зависимость от турецкого султана и его империи. Однако, эта зависимость, формально признававшая автономию Молдавского княжества в решении всех своих внутренних проблем, никакими договорными актами никогда не закреплялась, и, согласно османской концепции о райском свете и адской тьме, Молдове, как и другим подобным юридическим объектам, никакой гарантии от дальнейшей агрессии турок не давалось.

Килийская райя занимала обширную, но малонаселенную территорию между восточным берегом озера Катлабуг на западе, так называемыми Нижним Трояновым валом на севере и северо-востоке, и Дунаем на юге. Долгое время она была единственным владением Оттоманской империи на северном берегу Нижнего Дуная, относясь к Силистринскому санджаку Турции.

Со временем Силистра стала административным центром Эйлаета, или вилайета – области, состоящей из десятка санджаков и управляемой пашой. Завоеванная земля должна была давать доход в султанскую казну, кормить и вооружать огромную султанскую армию и флот. Поэтому султан через своего главного визиря, главного евнуха султанского гарема, от которого во многом зависели решения падишаха, через визирей и пашей завоеванную землю делил на три части: те, которые принадлежали ему лично, мечетям и военным поселенцам-тимариотам разного ранга.

В Килийской райе такими тимариотами — военными поселенцами были: Кара-Мехмед, который за военную службу султану поручил в пользование земли нынешнего села Шевченково. Тимариотами были Хаджи Курды — земли Камышовки, Гасан-аспага — земли села Першотравневого на Измаильщине, Галил-паша — земли села Галилешти (Десантное), на берегу моря получил огромный тимар грозный адмирал Хаджи Ибрагим — село Жебрияны (Приморское). Адмирал-пират Омарбей тоже получил огромный тимар недалеко от Килии — нынешняя Омарбия...

Тимариотом был и Ходжа-бей, который получил от Баязида II тимар в степи над морем, там, где сейчас Французский бульвар в Одессе. Ходжа-бей построил небольшую крепость, вокруг нее возникло небольшое поселение Хаджибей. Жили в нем земледельцы, скотоводы. От всего этого тимариот имел доход в 100000 акче (акче — серебряная монетка в четверть грамма). Спустя некоторое время недалеко от этого места возвысилась мощная крепость Очаков и маленькое укрепление Хаджибей исчезло. В 1764 году на том месте была построена крепость Эни Дунья с селением Хаджибей у подножья крутого обрыва. В 1794 году по указу императрицы Екатерины II и стараниями А. В. Суворова, Н. П. Деволанна, Жозефа де Рибаса на этом месте была основана Одесса.

В 1538 году образовалась Аккерманская и Бендерская райи, — они составили новый Буджакский санджак, — он по старой традиции назывался Бессарабией, — основателей валашского государства. Восточнее Днестра – Турлы по-турецки, в Причерноморье в те времена были земли татарской Очаковской орды. Со временем, когда в 1595 году была построена крепость, которая вместо неприметного поселения Смил получила громкое имя Ишмаисль — Измаил, Килийской райе пришлось поступиться территорией и рангом — она стала вдвое меньше, чем раньше и была сведена до ранга НАХИЕ — волости с селами Керман-Кьой (Фурманка), Чишмекей (Чишма), Гасан-Аслага (Першотравневе), Измаильского района и ближайшими селами, которых было очень много...

Так чем же обернулись свет Ислама и власть Султана для земли, оторгнутой от Молдовы, — земли Килийской райи? Еще не затихло сражение за город, а Оттоманская Порта, — благо, сам Султан был тут же, — уже принялась устраивать военную и административную власть в крепости, городе и крае, в общем — в новой райе. Правителю — наместнику силистринского паши в ней была назначена плата в 300 аспров в год (аспр — серебряная, местная монета еще византийского происхождения). Должность эта в райе была очень доходной, особенно в Килийской

райе, через чей порт транзитом с востока на запад и с запада на восток шла масса товаров. Поэтому на должность Килийского наместника санжак-паши, чиновника стал назначать главный евнух султанского гарема — за большие деньги разумеется... Главному судье — кадию Килийской райи полагалась оплата в 150 аспров в год, высшую духовную власть осуществлял Килийский муфтий. Как уже отмечалось, по личному повелению султана Баязида II началось строительство главной мечети, — мечети Султана Баязида II, — это на территории нынешнего ПТУ-12, улиц Ленина и Татарбунарской.

Диздар — комендант крепости отвечал за оборону крепости, ее укрепление и за порядок. Несмотря на одержанную победу, султан так боялся неукротимого Стефана, что приказал срочно восстановить пострадавшие от осады укрепления Килийской крепости и отстроить замок в Килии старой... Под началом Диздара было 700 человек солдат — аскеров, их офицеры — аги 21 человек, был и небольшой отряд янычар — 70 человек во главе с янычарским агой — сардаром. Стражниками города за пределами крепости — в форштадте командовал юс-баши.

Кехая был начальником всех спахиев — начальником конных отрядов, которым в райе раздавались за военную службу крупные земельные владения. Такими помещиками — военнопоселенцами в разное время, как отмечено выше, были Гасан-Аслага, Кара-Мехмед, Али-Ага, Селимоглы и другие. Керман-Кей и Ташлык были татарскими селами. Лучшие земли города Килии, рыболовные угодья на Дунае и лиманах, лавки, склады, рынок — вся недвижимость в крае объявлялась собственностью султана и империи, всем этим в райе ведал особый чиновник — амин, другой амин контролировал цены на рынках.

Большой Килийский порт (в Новой и Старой Килии) охраняла эскадра военных кораблей во главе с капудан-пашой-адмиралом, не забыли и о тюрьме. Ее устроили в подземелье главной крепости и подчинили главному тюремщику — зиндам-аге. Обе Килии управлялись одной администрацией из Килии Новой(нашей).

С установлением турецкого господства на берегах Нижнего Дуная, большинству местного населения — крестьянам, ремесленникам, рыбакам, мелким торговцам — молдаванам, славянам, грекам, армянам была уготована тяжкая участь бесправных туземцев — райя, которым в черте города, тем более в крепости, даже жить запрещалось. Под страхом смерти запрещалось носить оружие, и это во время, когда опасность угрожала со всех сторон, и даже крестьяне, работающие в поле, не расставались с оружием. При встрече с любым правоверным (мусульманином)

райя-христианин должен был уступать дорогу и униженно кланяться, если же встречный был начальником, то райя должен был падать ниц во прах, грязь или снег...

Официально райя был обязан платить империи несколько податей — «бир» — десятину — одну десятую доходов с хозяйства и всех видов его экономической деятельности. Начиная с 14-летнего возраста, взималась общая подушная подать харадж – «харч». С каждого немусульманина — особый подушный налог — со дня рождения, отдельно — за виноделие, рыболовство, за извоз, за то, что еврей (если еврей) и многое-многое другое...

Всякий райя по месту проживания должен был отрабатывать кулук — барщину в пользу турка-спахия, на чьей земле жил. Множество повинностей должен был отрабатывать райя: баялык — трудовую повинность в пользу армии — на строительстве крепостей, дорог — порой далеко от родного села, или города (документы свидетельствуют, что, исполняя наряд, килийцы строили Очаковскую крепость и, прокладывая дороги к ней...). Число налогов повинностей приближалось к сотне... Страшнее всего была «дань крови» — самых красивых девочек с 10—12 лет — в наложницы, самых здоровых мальчиков — в янычарские питомники.

Стремительно росла плата за султанский фирман на княжение, и в начале семнадцатого века она достигла баснословных сумм — Раду Михня за второй срок княжения (1623—1626) только официально уплатил султану столько серебра, что его едва вывезли 600 лошадей...

А ведь мзды за услуги требовали еще визири, главный евнух, главный дворецкий — кехая, мать султана и толпа других придворных... Конечно, и эти расходы в конце концов оплачивал простой трудовой народ.

Страшным бедствием для райя были бесчисленные войны, военные поборы, войсковые постои, набеги турок, татар, ногайцев, нападения местного турецкого ополчения — башибузуков, сухопутных разбойников — караджалиев и морских пиратов, которые могли его обобрать до нитки, превратить в живой товар и тут же в Килии продать в рабство, походя убить...

Законы Оттоманской империи, в частности, законы султана Сулеймана Кануни (Великолепного) — «канун-намэ», начала XVI века накладывали на райя одни обязанности и повинности и не гарантировали защиты ни от какого произвола.

Главный кормилец и защитник страны — крестьянин забыл, что такое плуг, борона, упряжка коней или волов, он был доведен до деревян-

ной мотыги. Как символ и синоним крайнего обнищания — с тех пор это выражение осталось в румынском языке (а ажунже ла саоа де леми).

Местная знать, чиновники, именитые купцы, даже пленные могли вернуть себе свободу, свои богатства, привилегии, получить новые должности от султана, его визирей, беев, приняв ислам, обернувшись мусульманами, что было делом в общем-то обычным (как известно, «мусульманином» побывал и наш славный Богдан Хмельницкий). Простому же райя не оставалось ничего другого, как, уповая на своего христианского бога (кстати, тоже сильно приниженного правоверными мусульманами), терпеть турецкое иго, либо скрываться от него в далекие горы и леса, в совсем близкие плавни. В конечном итоге и это не спасало от поработителей. Оставался один путь — вооруженная борьба с национальным, религиозным, в частности турецким гнетом. В горах и лесах балканских и карпатских героями этой вооруженной борьбы были гайдуки болгарские, сербские, венгерские, валашские, молдавские. В степях Украины и Молдовы — казачество.

VIII. КОЗАЦЬКА ДОБА

— Реальность не только в истории Украины, но и в истории Килии и всего Придунайского края XVI—XVII веков. Георгий Кониский в «Истории русов» относит основания войска казацкого к 1506 году, когда его первым гетьманом стал Пренцслав Лянцкоронский, который с войском своим оказал великие услуги королевству Польскому, побив в трех битвах турок, татар и волохов, нападавших на Галичину и Волынь (см. указанное сочинение репринтного издания 1991 года, стр. 13). Между тем, молдавские летописи отмечают, что в апреле 1457 года в честь восшествия на молдавский престол, Стефан III учинил смотр своим войскам. Пред молодым господарем среди прочих прошли полки: Сучаевский и Ясский, Котнарский и Сорокский, полки из цинутов (земель), Текучь, Дорохой и Ковурлуй. Этот последний – с юга Придунавья. А замыкал парад казачий полк во главе с княжеским стольником-гетьманом... Эти тоже несли службу, видимо, где-то на юге... (см. «Летописецул цэрий Молдаванешть», Кишинев, 1990 г., стр. 34).

Румынской академией наук, Институтом истории им. Н. Иорги в 1977 г. издан семитомный сборник «Иностранные путешественники о румынских государствах». Большая часть восьмисотстраничного шестого тома из этого многотомника воспроизводит описания «Путешествий» знаменитого турецкого путешественника Эвлия Челеби (1611—1684 гг.).

Путешественник — это скорее прикрытие. На самом деле — султанский шпион, «посол по особым поручениям». На протяжении более чем сорока лет служил он нескольким турецким султанам кряду, но большей частью Мехмеду IV (тому самому, которому адресовали свое знаменитое письмо запорожцы кошевого атамана Ивана Сирка). Главное поле деятельности Челеби — Дунайские княжества. Прежде всего, на этой земле устраивает Эвлия Челеби дела так, чтоб обеспечить Оттоманской империи спокойствие ее султанам, не забывая, конечно, и о своих корыстных интересах. Его стараниями идут на виселицу, в мешках отправляются на дно Босфора, на отрубленную голову сокращаются тела господарей, неугодных султану и его визирям, возводятся на престол угодные, чтоб со временем последовать за своими предшественниками.

Обосновывая право Оттоманской империи вершить дела на захваченных землях, Челеби нередко выступает и в качестве историка. Так в книге шестой своих путешествий (на стр. 740-й 6-го тома указанного сборника), Челеби утверждает, что среди защитников Килии от Баязидова войска летом 1484 года были и казаки.

После падения Килии, казаки ушли к Белгороду на Днестре, а затем — через Очаков на Днепр. Из опасения, что вернуться в Килию попытается Стефан, что вернутся казаки, Баязид II приказывает срочно восстанавливать разрушенные осадой укрепления Килийской крепости и даже — на случай и ее оставления турецкими войсками — заново отстроить снесенную по приказу Стефана в 1465 году Старо-Килийскую крепость... Так утверждает Челеби.

Молдавский летописец Мирон Костин сообщает о казаках того времени: «Казаки эти из рода руссов — вольные воины. Имеют они свои укрепленные места, именуемые «сечами», особенно в районе трех порогов Днепра, с которых река обрушивает воды свои на скалы, что ниже. И никто, кроме казаков (да и то не всегда), не может проводить свои суда меж этих порогов». Сведения относятся к 1492 году.

Румынский историк и писатель Богдан Петричейку-Хаджэу (в студенчестве — Фаддей Гиждэу) в монографии «Ион-воевода Лютый» в 1865 году писал: «За Днестром на границе Польши с Татарским ханством была создана маленькая республика из беглых людей, девизом которых стало уничтожение врагов христианства. Эта рыцарская республика образовалась из трех соседних народов: румын, поляков и русских, решивших забыть о своих национальных распрях, чтоб объединенными усилиями бороться против магометан. (См. указанное соч. изд. 1989 г., Кишинев).

Начатое при Стефане Великом боевое содружество молдавского запорожского войска продолжалось и в последующем: при господаре Петре Рареше – внебрачном сыне Стефана III — запорожцы вместе с молдавским войском участвовали в крупном и успешном походе против буджакских татар и ногайцев, дошли до стен Килии. Со второй половины XVI века морские и сухопутные походы запорожцев на Днестр и Нижний Дунай становятся делом обыденным. Они внушают страх ногайским мурзам, татарским ханам и самим султанам турецким, ибо как писал турецкий летописец Наима: «Можно уверенно сказать, что не найти во всем мире людей более отважных, которые бы меньше думали о жизни, или меньше боялись бы смерти. Как рассказывали люди, сведущие в военном деле, эта голь умением и храбростью в битвах превосходит все другие народы».

Особое значение имели казацкие походы в Придунавье для сохранившихся в крае со времен галицко-волынского княжества украинских корней – украинского населения. Казачество подпитывало эти неумирающие корни, вселяло надежду на освобождение от турецко-татарского ига.

Вторая половина XVI века: Оттоманская империя уже прошла апогей своего могущества, но огромной массой своей в силу набранной инерции она еще продолжает наползать на соседние народы и государства. Несметные богатства все еще стекаются в сокровищницы султанов. Теперь это Селим II, ставший падишахом в 1566 году. Народная молва не нарекла его завоевателем, как прадеда, не назвала она его ни великим, ни великолепным, как деда и отца. Придворные льстецы величали его блистательным, благороднейшим, светочем Вселенной... А народ нарек Ярыгой... Ярыгой застолий и гаремов. Султан не знал поля боя, он не любил заседаний своего Дивана (правительства), он редко садился в седло, не увлекался охотой, не учинял смотров своим войскам. Султан не вылезал из своего гарема, осушая несметное число бокалов дорогих вин и в честь своих многочисленных одалисок — знойных цыганок, томных полячек, нежных славянок, изощренных египтянок... Султану, его одалискам, евнухам и визирям, пашам, беям и янычарам денег требовалось все больше и больше.

Весной 1574 года истекал двухлетний срок правления молдавского господаря. И повелел Селим II Ярыга: «Бею (господарю) Молдовы Иону-воеводе за следующий двухлетний срок платить Блистательной порте цену двойную: 40000 золотых за право княжить, и еще 40000 — за то, что гяур неверный, — христианин». А был этот Ион-воевод, хоть и по побочной, внебрачной линии — правнуком Стефана Великого.

Молдавский хронист знатного рода боярин княжий секретарь Григорий Уреке, презирающий своего господаря — безродного байстрюка, писал об Ионе-воеводе: «Нравом походил он на прадеда своего Стефана Великого. Ему везло на поле брани и он преуспевал во всем, хотя был молод... Умом был остер и речист, и мог бы управлять не только нашей страной, но и другими более крупными...».

В новую столицу государства Яссы съехалось боярство для избрания господаря. Среди собравшихся были еще те, кто молодыми воевали под знаменами Стефана... Летописец дословно записал речь, с которой правнук Стефана обратился к собравшимся:

— Дорогие бояре и вы, мои любимые слуги! Сегодняшнее испытание превосходит все трудности, через которые мы с вами прошли. Алчность

турок дошла до того, что они запросили двойную дань. Если мы согласимся на нее, они не замедлят удвоить цену и так, пока не доконают совсем. А если не пойдем на это, нас ожидает война, опустошение, огонь и меч. Слепо подчинившись врагу, мы, несомненно, погибнем, как трусы. Если же восстанем против него и он разобьет нас, грешных, то утешением нам послужит то, что мы погибнем мужественно... Дорогие мои товарищи, станем свободными или наш след сотрут с лица земли!

Собравшиеся в один голос ответили:

— Мы готовы погибнуть вместе с тобой!

Принесли Евангелие. На нем и на хлебе, испеченном в виде распятия, поклялись сами себе, а не господарю — победить или умереть!

Султанскому же посланцу было сказано:

— Убирайся и скажи своему императору, что с сего дня мы не будем платить не только 80000, но и того, что платили до сих пор. Деньги, предназначенные для дани, пойдут на оружие и тогда... Тогда мы поговорим иначе. А пока — убирайся!

Тут же послали гонцов в Сечь с просьбой о помощи. Получив дерзкий ответ, султан приказал направить против Иона-воеводы 60000-ное султанское войско. Крымскому хану было приказано направить против Молдовы 80000 конницы, трансильванцам, валахам, полякам и венграм также было приказано вторгнуться в Молдову.

Народ ее мог надеяться только на себя, своего неукротимого господаря, да на запорожцев.

Молдавский народный эпос сохранил свой вариант обращения к запорожцам о помощи: «Ой мы, волохи, мы христиане, та не милують нас бусурмане. Вы, козаченьки, за веру дбайте, волохам-христианам на помощь прибывайте!»

Цвела ранняя молдавская весна, когда Ион-Воевода со своими 10-ю тысячами кавалеристов встретил 12 запорожских сотен гетьмана Ивана Свидриговского (Сверчевского). На веселом пиру в их честь в шатрах на весенней поляне, провозгласив тост в честь прибывших на помощь, господарь сказал:

— Вас только 1200, но каждая ваша сотня стоит тысячи (события ближайшего времени подтвердили это).

И еще просил господарь прибывших не беспокоиться о плате за их ратный труд, на что гетьман ответил:

— Не плата твоя, Ивон, привела нас сюда, плату мы считаем последним делом. А привел нас сюда воинственный жар — желание сражаться с коварным, свирепым врагом христианства.

Ионово войско пополнялось — подходила пехота — крестьяне, готовые защищать свои земли, нередко вооруженные косами. Благодаря хорошо поставленной разведке, воевода имел точные данные о силах и местонахождении врага.

В апреле 1574 года многочисленная армия турок, мунтян и трансильванцев перешла границы Молдавии, намереваясь возвести на престол в Яссах другого господаря. Однако, возле Фокшан, у Жилиште враги были разбиты.

Молдавско-казачьи войска двинулись на юг и вступили в Бухарест. Последовал ряд поражений турок: у Брэилы, Бендер, Белгорода, в степях Буджака, у стен Килии. Братство молдавско-казачьего оружия приносило прекрасные результаты.

Султан и его визири были в исступлении: их вассал, раб осмелился возглавить восстание, грозившее поразить Оттоманскую империю в самое сердце. Ахмед-Паша-Бек эль бек Румелийский (главнокомандующий вооруженными силами империи в Европе) получил приказ с отборной стотысячной армией перейти Дунай и захватить «...этого спятившего с ума разбойника и бродягу!» Стотысячная орда крымчаков, предводительствуемая Адель-Гиреем, двинулась к Днестру... Над Молдовой и ее господарем нависла смертельная опасность. Она была тем большей, что в недрах самого молдавского боярства зрело предательство, позволившее армии Ахмед-Паши беспрепятственно переправиться через Дунай у Исакчи.

10 июня (по старому стилю) 1574 года у озера Кагул началась решающая битва. Молдавско-казачье войско насчитывало 30000 человек при 110 орудиях. Ахмед-Паша привел на поле битвы 100000 при 80 орудиях. Сеча произошла страшная. О ней молдавский народный эпос повествует:

«Топоры летят со звоном,
А тугие луки стонут,
И скрывают солнце тучей
В небе стаи стрел летучих...
Бусурмане в поле бьются,
Смерти лютой предаются.
Десять ляжет, чтоб не встать,
Сотня вырастет опять,
Тыщи в поле чистом мрут,
Тыщи с саблями встают».

Победа, казалось, будет выиграна. Однако бояре, которые находились во главе молдавской 13-тысячной конницы, перешли на сторону

противника. Это предательство ожесточило молдаван-резешей. Набросившись на изменников, они стали их беспощадно уничтожать. Был убит главарь изменников Еремия Голия, которого в одном из сражений Ивон-Воевода спас от смерти, зарубив огромного турка, занесшего уже яташаган... Пока молдавская пехота и запорожцы расправлялись с предателями, налетела стотысячная татарская конница... А прославленная артиллерия Иона-Воеводы молчала — короткий, но сильный ливень смочил порох.

Быстро тают силы запорожцев и крестьянской пехоты молдаван. Воеводе предлагают скрыться, переодевшись в крестьянскую одежду, а он... идёт на переговоры с турками. Воевода требует: «Казаков отпустить в Сечь. Молдавских крестьян — по домам с миром. Себе он требует свидания с султаном. Семь раз на коране клянется Ахмед-Паша, что принимает условия. И, естественно, нарушает их.

Вероломным ударом кинжала воевода убит. Уже у мертвого янычар отсекает голову. Тело привязывают к четырем верблюдам и разрывают на части. Кровью храбреца турки смачивают свои сабли и ятаганы, чтоб сила тела и духа погибшего вошла в них...

В последовавшей резне гибнут почти поголовно казаки, их гетьман, молдавские пехотинцы. Государство же молдавское подвергается невиданному опустошению.

Султан Селим II пережил Иону-Воеводу всего на несколько месяцев — он умер от истощения и пьянства...

Господарем Молдовы стал турецкий ставленник Петр Хромой. При нем янычары и всевозможные турецкие чиновники хозяйничали в стране всюду — от княжеского двора в Яссах до глухих деревушек — грабя, насилуя, угоняя в рабство, убивая... «С тех пор между Прутом и Днестром, — спустя годы, свидетельствует летописец, — население так поредело, что до сих пор не может пополниться».

Стоит ли удивляться, что, когда в 1577 году небольшое казацко-молдавское войско во главе с Иваном Подковой вступило в Молдову, население ее встретило казаков как освободителей, охотно поверило, что Подкова — не кто иной, как чудом спасшийся Ион-воевода и возвело его на престол страны... на несколько месяцев.

Немало неприятностей доставили туркам казаки Ивана Подковы и на море. Курсируя на своих чайках и дубках у черноморских берегов и перед устьями Дуная, запорожцы перехватывали турецкие суда с войсками и запасами, а затем, войдя в Дунай, взяли крепости Килию и Силистру.

Много усилий понадобилось «Блистательной» Порте, чтобы избавиться от этого нового «Иона-Воеводы». Своих сил не хватило, пришлось просить помощи у польского короля – Иван Подкова был предательски убит.

Существенный шаг к объединению усилий молдаван, волохов и казаков в борьбе с Оттоманской империей был сделан во время княжения в Валахии господаря Михая, которого румыны по заслугам его нарекли Храбрым – вместе с Молдавией и Валахией запорожцы участвовали в коалиции ряда европейских государств, так называемой «Священной лиге», чьи усилия, если тогда и не свалили ярмо турецкого гнета, то все же нанесли существенный урон Османской империи, существенно ослабили ее. Эти события имеют отношения и к Килии – гетьман Григорий Лобода с запорожцами в 1594 году на 45 «чайках» успешно атаковал турецкие гарнизоны в Аккермане, Килии, Измаиле. Имели место в это время сухопутные походы запорожцев к Килии.

С начала же XVII века почти не было года, когда бы запорожцы не «окуривали бы стен Килийской крепости дымом своих мушкетов». Именно эти повторяющиеся регулярно события отражены в прекрасном творении украинского фольклора «Думе про казака Голоту».

Ведь, идя на Килию знаменитым «шляхом битым ордынским», не миновать было запорожцам описанных в «Думе» трех болот: первое — перед озером Китай с севера, второе — маяцкие плавни, третье — почти у самих стен крепости (так называемой «Большой крепости»), у которой плавни подступили почти вплотную; не миновать было и турецких застав Спаги Селима-Оглы с северо-запада или Кара-Мехмета — с северо-востока...

С начала XVII века запорожцы побывали у стен Килии в 1602, 1603, 1606, 1609 и в 1610 годах. В 1615 году — уже под командованием гетьмана Конашевича-Сагайдачного, в 1616, в устье Дуная он разгромил большую турецкую эскадру, после чего казаки взяли Килию.

В 1620 году двадцатилетний Богдан Хмельницкий в составе сотни своего отца участвовал в тяжелом пятичасовом бою с турками у Цецоры под Яссами. В этом бою Михайло Хмельницкий был убит, а его сын раненным попал в плен. На невольничьем рынке в Килии янычары продали его стамбульскому купцу, тот подарил красивого парня турецкому султану. Некоторое время Богдан был гребцом на султанской галере. Приняв ислам, пригодилась иезуитская школа, — Богдан избавился от оков галерника. Красивого, сильного молодого человека султан подарил своему другу — крымскому мурзе Ярысу. То ли польский король, то ли запорожские друзья старого Хмеля выкупили Богдана.

Так или иначе, в 1629 году 300 «чаек» под командованием Хмельницкого нападают на Стамбул, задав самому султану «великий страх и смятение», — отмечает «Хроника войска запорожского». На обратном пути запорожцы разгромили крепости Варну, Килию, Измаил. Килийская и Измаильская крепости при этом были так разрушены, что туркам их пришлось капитально отстраивать и дополнительно вооружать и укреплять.

Но, в следующем году, Хмельницкий с запорожцами вновь взял и сильно разрушил эти крепости. Так Зиновий — Богдан Хмельницкий в третий раз побывал в Килии...

В 1633 году Килия встречала колокольным звоном казаков Ивана Сулимы, побывавших также под Аккерманом и Измаилом... Да что там Дунай! Кошевой атаман Сулима со своими казаками побывал в Средиземном море в самом Риме...

Письмо казаков Коша Запорожского, атаманом коего был гроза турок Иван Сирко, известно на весь мир:

«Ти шайтан турецький, проклятого чорта брат і товариш, самого Люцифера секретар. Який же ти в чорта лицар, коли голою сракою їжака не вб`єш.

Не будеш ти синів християнських під собою мати, твого війська не боїмося! Землею і водою будем битися з тобою, вавилонський ти кухар, македонський колесник, єрусалимський броварник, олександрійський козолуп, великого і малого Египта свинар, вірменська свиня, кам`янецький ти кат, подільський забіяка, самого аспіда внук, нашого х... крук! Свиняча ти срака, різницька собака, нехрещений ти лоб, мать твою й...б! Оттак тобі козаки і відказали, плюгавче!

Числа не знаємо, бо календарів не маємо, місяць наш на небі, рік у книзі, день такий, як і у вас, — за те поцілуй в сраку нас!

Кошовий атаман Іван Сірко зо всім кошем запорізьким".

Не будучи уверенными в том, что такое письмо кто-то рискнет показать султану, не рискуя головой, Сирко уже не казацким, а простым стилем султану и его вассалу – крымскому хану напомнил: «А что наихвалебнеше вожди наши казацкие за тысячу миль и вящее Евксинопонт в лодках переплыли, Килию, Смилов и другие фортеции дунайские брали и в нивец обратили». (См. «Материалы музея Запорожской Сечи на острове Хортица»).

IX. СВЕТ ХРАМА

Свет храма Святого Николая Чудотворца в Килии стал зарей, предвещающей освобождение и возрождение родного города и края... На этой земле медленно уходило в прошлое время феодального строя. Великие географические открытия, революция в Нидерландах, крестьянские войны и реформация, наконец, Возрождение — Ренессанс — открыли путь новому более прогрессивному общественному строю. А на востоке Европы медленно, в муках, но неуклонно становилась на ноги, обретала мощь Россия.

Под натиском этих событий слабела, приходила в упадок Оттоманская империя, оказавшаяся к тому же далеко от переместившегося на берега Восточной Атлантики центра мировых морских путей сообщения.

Народы Дунайско-Балканского региона и Украины в свою очередь во многом способствовали ослаблению Османской империи.

Когда в конце XVI — начале XVII веков в период яростной борьбы Валашского господаря Михаем Храбрым во главе Оттоманская империя лишилась Джурджу Брэилы и других портов на Дунае и их рай, Килия и Аккерман стали главными базами снабжения турецких армий. Кроме того, через эти порты и в первую очередь, через Килию, шли хлеб, мясо, рыба и другое продовольствие в Стамбул...

Пожалуй, только теперь «Блистательная» Порта стала понимать, что ее блеск в значительной мере зависит от Килии! Процветание под турецким игом?! Но если говорить о времени высшего развития Килии за 300 лет турецкого ига, то XVII век — это «золотой век» Килии из всех лет этого тяжкого трехсотлетия.

Кроме того, в это время и до Дунайских княжеств, следовательно и до Молдовы, а через нее до Килии, дошли отголоски возрождения. В Молдове и Килии эти симптомы возрождения связаны с именем господаря Василия Лупу. Его отец — македонец. Оча Волк у себя на Родине, а затем в Валахии был мелким агой. Разбогател, вошел в среду румынской знати, женившись на богатой румынке знатного рода. Сыну своему он дал имя Василий (от греческого «базилевс» — царь), хорошее по тому време-

ни образование, немалое состояние и сумел внушить, что рожден он, чтобы царствовать...

Умом, энергией, упорством, хитростью, жестокостью, честолюбием и апломбом сын на много превосходил отца, и карьера его была головокружительной. При дворе господаря Молдовы, Моисея Могилы, — родного брата киевского митрополита и просветителя, он достиг высокой должности Ворника – управляющего делами княжьего двора.

В качестве особо доверенного лица господаря Молдовы он в 1633 году был послан в Стамбул ко двору султана с деликатной миссией окончательно утрясти дела о фирмане на повторное княжение в Яссах выше означенного Моисея Могилы. Изворотливый Василий так обделал дела в султанском серале, что в 1634 году он вернулся в Яссы с султанским фирманом на собственное княжение в Молдове. (И продлилось это княжение немалый срок – двадцать лет, что для бурного XVII века само по себе удивительно и свидетельствует о множестве незаурядных качеств Василия Лупу...).

Ставши «Божьей милостью господарем Земли Молдавской», христолюбивый, благочестивый, уже не первой молодости Василий за 50000 реалов купил у турецкого султана — покровителя всех мусульман, фирман, разрешающий жениться на мусульманке (неописуемой красоты), юной черкешенке знатного рода. От этого то брака и пошли красавицы — дочери Василия Лупу, кружившие головы королям и князьям европейских государств и гетьманам запорожским. Чтоб казаться моложе при своей юной домне — черкешенке, Василий стал красить усы, бороду, седину на голове и даже во храм, к неудовольствию церковников, заходил в колпаке...

Первый период его княжения, тем не менее, был плодотворным не только для господаря, но и для его государства. Это – время расцвета молдавской экономики и время молдавского возрождения культуры — Возрождения, которое опиралось на широкое молдавско-русско-украинское сотрудничество и привело к интенсивному и гармоничному развитию молдавской гуманитарной миссии, утверждению относительно более гуманных форм человеческого общения (разумеется, прежде всего между представителями «высшего» общества.

Во время правления Василия Лупу в Молдове появились первые мануфактуры, росли города, усложнялся городской быт. Очень полезными оказались такие нововведения в строительстве, как широкое применение жженого кирпича, черепицы, жести, потеснивших традиционные до этого лес и дранку. В обиход горожан (по крайней мере, богатых) стали

входить такие заморские товары как апельсины, лимоны, чай, кофе, маслины, более удобной стала одежда.

Дружественным связям с Киевом Молдова в значительной мере обязана открытием своей собственной славяно-греко-латинской академии. В Василианской академии изучались славянский, греческий и латинский языки, церковное пение и нотная грамота, катехизис, арифметика, риторика, поэтика, философия и теология, по некоторым источникам — молдавский язык. Преподавание велось на славянском и греческом языках. Не порвавший связи с родиной своих предков Петр Могила оказал в этом деле молдавскому господарю огромную помощь. В Яссы был послан бывший ректор Киевской академии Софроний Почицкий и другие известные в то время учителя и книжники, которые помогли впервые наладить в Молдове книгопечатание.

Помимо академии в Яссах появилось до трех десятков школ с молдавским, латинским, греческим, славянским обучением. Прекрасные образцы книгопечатного искусства были созданы в первых молдавских типографиях. Все необходимое для печати, вплоть до бумаги, прибывало из Киева, Москвы, Львова. Увидели свет «Правила» Василия Лупу — первый печатный свод законов Молдовы (1646 г.). На основе римского, византийского и молдавского права на молдавском языке его написал управляющий делами княжеского кабинета Евстратий.

Были напечатаны «сказания» Ясского митрополита Варлаама — своеобразный обширный морально-этический кодекс смешанного светско-религиозного характера, «Катехизис», несколько акафистов и другие произведения. Переводя все это с церковно-славянского на молдавский язык, Варлаам много потрудился, чтобы его переводы были понятны и простому народу.

Черты позднего Ренессанса, причудливые формы Востока и богатство народного творчества переплетаются в наиболее выдающихся светских и эклизиастических памятниках архитектуры того времени, среди которых монастырская церковь Трех святителей (св. Дмитрия, Василия, Николая) в Яссах. Ее прекрасную роспись выполнили приглашенные из Москвы так называемые жалованные иконописцы Сидор Поспелов, Яков Гаврилов, Дейко Яковлев и Пронька Микитич. Кроме келий и служебных построек на подворьи монастыря располагались княжеская типография и школа, а над главными западными воротами возвышалась колокольня с часами — первыми городскими часами в Молдове. Пользуясь добрыми на первых порах отношениями с «Блистательной» Портой, Василий Лупу добился увеличения влияния Молдавского государства на

Килию. Молдова получила право лова рыбы на Дунае, Килийский порт на некоторое время вновь стал и ее морскими воротами, больше стало в Килии молдавских купцов, ремесленников и другого люда. В этих условиях распространившееся на Молдову возрождение коснулось и Килии.

Наиболее ярким выражением этого является возрождение Храма Святого Николая на том же месте, на котором долгое время в руинах лежал храм, построенный повелением Стефана Великого. Но по порядку.

В 1624 году между Оттоманской империей и Речью Посполитой был подписан договор, по которому из Придунавья должны были быть убраны буджакские татары, своими стремительными набегами тревожившие не только Молдову, но и Речь Постолитую. Однако предводитель буджакской орды Мирза Кантемир провозгласил себя вождем лукоморья и устьев Дуная — человек решительный, упрямый и честолюбивый, не желая покинуть Буджак, поднял своих соплеменников на восстание против Порты. Только в 1637 году повстанцы были разгромлены.

На стороне турок в борьбе с мятежной дикой ордой участвовали и молдавские войска Василия Лупу... Довелось ему с войском проходить и через Килию. Вот тогда-то килийские христиане и пожаловались князю, что лишены храма, и тогда: «Изволением отца, поспешением Сына, свершением Святого духа изволил Благочестивый, христолюбивый Василий-Воевод, Божьей милостью господарь Земли Молдавской повеле создать церковь средь града Килийского. И се храм святого Иерарха, чудотворца Николая.

Нача зидати в лето 1647, месяца мая девятого дня и заверши в лето 1648 мая девятого».

Три века с четвертью беломраморная плита с этой надписью, выполненной декоративной славянской вязью с гербом Молдовы, украшала вход в храм. «Писаница» над входом в Храм — дело обычное, а вот герб Молдовы, в Килийской турецкой райе, говорит о многом: о том, что неистребимо стремление народа к свободе, что в единстве духа молдаван, русов, греков, армян и других христиан их сила, непобедимость, вера в освобождение.

Шрифтом попроще, так называемым «средним штилем» были написаны тексты на небольших также мраморных плитах, которыми был облицован вход — спуск из притвора в собственно Храм. Мрамор этих плит был белее, тексты выглядели более старыми (возможно, это — наследие еще от предыдущего храма).

Невысокий, неброский снаружи — блюли законы Оттоманской империи — согласно которым христианские храмы не должны быть выше

поднятого ятагана турецкого всадника на коне, — храм почти сливался с пологим склоном холма, у подножия которого приютился.

В целом церковь представляла собой бескупольную трехчастную постройку, характерную для церковного зодчества Молдовы XVII — XVIII веков. (В таком же ордере построена Аккерманская, так называемая «армянская» церковь, и Успенская — в Каушанах). Только шестигранная башенка с шатром, увенчанным крестом, да крест над западным фронтоном говорили о культовом предназначении строения. Сама церковь на два с половиной метра заглублена в землю (алтарная абсида полукруглого плана).

Строители храма? Конечно, их имена не могли быть высечены на мраморе рядом с княжеским. Но строители поступили, как и реальный создатель одного из семи чудес света — Александрийского маяка — они высекли свое общее имя, или прозвище: «Братья Команы» на массивном каменном монолите над тайной калиткой, ведущей на подворье храма. В конце XIX века исследователь из Императорской академии художеств А. Михалевич обнаружил этот монолит с именем строителей. (См. Архив Кишиневской духовной консистории. Дело 26417). Чтоб войти в церковь надо было от двери из притвора спуститься по двенадцати ступеням вниз. И вот тут происходило чудо превращения: церковь всего шестнадцати метров длины и шести метров ширины производила впечатление очень просторного, величественного, как подобает дому Божьему, храма. Беломраморный пол, развитый арочный свод, переходящий на востоке в полукупол, мерцание свечей и лампад в клубах благовонного дыма, прекрасная роспись, выполненная московскими мастерами, теми же, которые расписывали ясский храм Трех Святителей, усиливали впечатление величественности творения создателей замечательного храма.

К сожалению, приходится гадать, какой она была — первоначальная роспись: время, климат, а главное — крайне неблагоприятные социально-политические условия, в особенности последние 50 лет, не оставили следов старинной росписи, нанесли непоправимый ущерб храму — памятнику культуры, занесенному в особый реестр ЮНЕСКО — реестр памятников культуры мирового значения!

Церковь была построена на деньги богатых торговцев — армян и в обиходе тогда именовалась армянской. Девять наиболее именитых жертвователей выговорили себе право быть похороненными в церкви. Воля покойных была исполнена, о чем свидетельствовали девять надгробных плит с письменами на древне-армянском языке. Исследованиями, выполненными учеными Одесского Императорского общества истории и

древностей в 1844 году, установлено, что шесть из девяти плит — надгробия мужских захоронений христиан — армян, о чем свидетельствуют надписи на армянском языке. Две плиты — надгробия женских захоронений. Часть надписей на них — стихотворные. Надписи на одной из плит сделаны арабской вязью и свидетельствуют о том, что покойник — крещеный турок, Мустафа Ходжа. (См. «Записки ОИО Иид». Одесса, 1844 г.).

Причины смерти? Как свидетельствуют надписи — разные. В основном, естественные. Но в нескольких похоронены погибшие в огне пожаров. Пожаров от чего? От набегов казаков, или турецких разбойников — кирджадлиев? Такое случалось часто.

Армяне — признанные в мире мастера обработки камня, в том числе мрамора. Об этом свидетельствуют и все без исключения надгробия. Надписи поражают красотой исполнения и глубиной содержания. Женские надгробия украшены искусно вырезанными в мраморе цветами и стихотворными надписями. К сожалению, в городском музее всего две плиты, остальные погибли в недоброй памяти времен хрущевского «волюнтаризма», а позже — от варварства некоторых «реставраторов» храма...

А жаль, это памятники христианства, которое на пятьсот лет старше того, которое восприняли славяне. Это и памятники письменности на Нижнем Дунае — письменности, которой армянский народ пользуется и ныне и которая на пятьсот лет старше кириллицы...

Господарь Василий Лупу подарил Храму Святого Николая искусно выполненное евангелие с миниатюрами XVII века, взятое в качестве трофея в Бухаресте в ходе одной из многочисленных войн со своим соперником Матвеем Бессарабом — господарем Валахии. Долгое время в Николаевской церкви в Килии хранилась и реликвия — старинная серебряная лампада с именами килийских христиан, принявших муки за веру свою. Среди этих имен: Енак, Еноль, Нешо, Доно, — эти, похоже, армяне, а также Никола и отрок Константин...

Из толстых дубовых свай было сооружено подобие звонницы с колоколами, под ней — массивные, тоже дубовые ворота — в сторону берега Дуная. В верхнее горизонтальное бревно была вмонтирована икона с изображением Святого Николая, подающего руку помощи тонущему моряку или рыбаку. (См. Изм. архив Ф. 610, оп. 1. Д. 18, л. 6).

Первоначальная гамма колоколов? О ней ничего не известно. В условиях господства ислама, колокола мог заменять простой набат. Гамма колоколов храма постепенно сложилась в XIX веке. Это были колокола,

отлитые на литейном заводе братьев Рыжовых в Харькове. До 1896 года колоколов было 5. (См. «Кишиневские епархиальные ведомости», № 50, 1907 г.). Большой колокол весил 51 пуд.

Несмотря на то, что храм неоднократно подвергался разбойным нападениям и грабежам, прежде всего (но не только), со стороны турок, его служителям удавалось спасать священные, в том числе древние книги и церковную утварь. Многие из этих вещей были очень ценными, накопленными за долгие годы, когда церковь была монастырской в мужском монастыре. Кроме драгоценных лампад, паникадил и подсвечников, ювелирной работы окладов книг, а также некоторых икон, например, иконы Божьей Матери в главном иконостасе. «Кишиневские епархиальные ведомости» упоминают драгоценные и полудрагоценные камни, которыми были украшены одеяния священников, в обычное время хранившиеся в ризнице, а также серебряные тонкой ювелирной работы чаши, целовальные и нагрудные кресты и многое другое.

Еще в ходе Русско-турецкой войны 1806—1812 годов стараниями командования Российской Дунайской армии, клира и прихожан храма был написан новый, на этот раз на дереве, четырехъярусный главный иконостас. Заменивший М.И. Кутузова на посту командующего Дунайской армией адмирал Чичагов был ревностным христианином и подарил храму небольшую на двух колесах... пушку. В последующем на протяжении ста с лишним лет из нее производился салют во время крещенского водоосвящения, на праздник Богоявления, во время пасхального крестного хода и в «царские дни» (во дни рождения царствующих особо и особо важных юбилеев в империи).

Историей зафиксированы факты посещения старейшего в Килии храма гетманом Мазепой в 1709 году, генералом от артиллерии Гудовичем, после взятия Килии его войсками в октябре 1790 года.

В ходе войны 1806—1812 годов храм неоднократно посещали все командующие Дунайской армии от генерала Михельсона до Кутузова и адмирала Чичагова и чины их штабов.

Документы, приводимые «Кишиневскими епархиальными ведомостями» свидетельствуют, что церковь Святого Николая в Килии сочли своим обязательным долгом посетить Его Императорское величество Александр I (при возвращении с Венского конгресса), а также Его Императорское Величество Николай I, находившийся с войсками на Дунайском фронте в 1828 году. (С ним был и основатель города Измаила генерал С.А. Тучков).

В 1896 году ко дню коронации Николая II императрицы Александры Федоровны храм был заново освящен — к нему был пристроен новый просторный притвор с нынешней колокольней.

Храм Святого Николая — самый старый (а если иметь в виду и его предшественников) — самый древний православный храм на Нижнем Дунае. Поэтому во все прежние времена его священнослужители были главными проводниками и столпами православной веры в регионе. На грани Нового и Новейшего времени эту многотрудную миссию ревностно выполнял и выходец из старинной семьи болгарских колонистов-священнослужителей, Агура Дмитрий Васильевич (1848 г. р.).

Выпускник Кишиневской высшей духовной семинарии (1868 г. р.) Агура Дмитрий Васильевич в июле в 1873 году был рукоположен священником Килийской Свято-Николаевской церкви. В 1908 году отец Агура был назначен Благочинным третьего (Килийского) церковного округа Измаильского уезда. Совмещая духовную и административную церковную службу с преподаванием Закона Божия протоиерей Агура был образцом христианина: был главой многочисленного семейства, помогал нуждающимся словом и делом, ревностно служил государству, особенно в годы Первой Мировой войны, помогая армии, нуждающимся и пострадавшим от войны деньгами, одеждой. За все это о. Агура пользовался искренней любовью ближних. За плодотворную пастырскую деятельность протоиерей Агура был отмечен многими наградами Измаильской и Аккерманской епархии, Кишиневской духовной консистории, Священного Синода Империи.

В 1907 году отец Агура императорским указом был награжден орденом Св. Анны III степени. Сыновья отца Агуры стали священниками, преподавателями Новороссийского университета (Одесса), преподавателями гимназий. Дочери — преподавателями гимназий, школ в Одессе, Болграде, Килии, Софии... Скончался о. Агура на девяностом году жизни, был похоронен у Свято-Николаевской церкви, служению которой отдал 45 лет жизни. (Могила о. Агуры, как и братская могила православных воинов, — молдаван, запорожских казаков, русских, во многих войнах с турками погибших, на протяжении веков у стен Килии уже в новейшее время поругана потомками, родства не помнящими).

Но вернемся в век семнадцатый — в его середину.

Василий Лупу был одержим идеей объединить Молдову, Валахию и Трансильванию в единое государство. Но Оттоманская империя была еще достаточно сильна, чтобы воспрепятствовать этому. В осуществлении этого замысла не смог помочь своему свату и Богдан Хмельницкий. (В этой борьбе Хмельницкий, как известно, потерял своего сына — Ти-

моша — надежду и опору отца, а Молдавский господарь потерял не только трон, но, в конечном итоге, и жизнь...)

Молдавские полки воеводы Василия Лупу сражались под знаменами Богдана Хмельницкого (у стен Львова и под Берестечком), а запорожские казаки из молдаван — всю войну за независимость Украины. Об этом свидетельствуют хроники запорожского казачества и украинский фольклор:

«Як прийшли до нас Волошини,
Волошини на всі хорошії.
З нами вони побраталися,
В козаки записалися,
З лютим врагом битись
Разом з нами узялися!..»

Впрочем... было бы вопреки исторической правде полагать, что молдавско-казацкие отношения всегда, во все времена, во всех случаях были рыцарскими. Отнюдь, нет... Во времена, когда Молдова была вассалом Речи Посполитой, или королевства Венгрии, ее войска вместе с поляками и венграми ходили походами на земли Галиции и Подолии. А казаки-запорожцы, во времена своих походов за Днестр не всегда отличали молдаван-христиан от турок-мусульман, грабя и убивая тех и других.

Не добром отдал и Василий Лупу свою дочь Роксану за Тимоша Хмельницкого, а только после того, как Богдан пригрозил, что в Яссы за невестой пошлет 100 000 сватов с саблями и пушками. Впрочем, когда вопрос о сватовстве был в конце концов мирно улажен, в Яссы вместе с женихом прибыло 16 000 казаков.

Поселившийся к тому времени в Молдове, путешественник Булаибн-Заим (название это носит железнодорожная станция Заим на землях его владений) в своих воспоминаниях пишет: «В Яссах Тимоша и его казаков встретили колокольным благовестом. Навстречу вышел сам Патриарх в сверкающем одеянии и с крестом... Но после торжеств казаки рассеялись по полям и лесам и принялись грабить население. Турки же и евреи дрожали пред казаками, те их грабили, казнили, насиловали их жен, даже беременных, как свет не видывал...»

Впрочем, это впечатление турка на земле молдавской...

Итак, XVII век, в силу сложившихся обстоятельств — «золотой век» Килии за все 300 лет турецкого владычества, «золотой» еще и потому, что первая половина этого века — время, когда в Южной Бессарабии было относительно спокойно — большие войны бушевали далеко от этих мест.

По мере как слабела Оттоманская империя, возрастало значение крепостей на ее северных окраинах — старые расширялись и укреплялись, строились новые: расширились Хотинская, Сорокская, Бендерская, но особенно расширились и укреплялись Аккерманская и Килийская. Турецкий период истории последней (более 300 лет) характерен тем, что в течение этого времени она достраивалась по меньшей мере трижды. Кроме того, была построена и несколько раз дополнялась новыми оборонительными элементами «большая крепость».

В этом расширенном «отуреченном» виде крепость, которая находится на захваченной земле, несмотря на то, что народонаселение города сократилось в несколько раз — больше прежней и уже в интересах захватчика способна лучше выполнять свойственные крепости функции: активной защиты, обороны от нападающих извне, прежде всего огнем. Ее артиллерия разнообразна и включает мелкие, средние и огромные пушки-бомбарды, стреляющие ядрами диаметром в 600 миллиметров, весом более 250 кг. Толстые стены высотой в 10—12 метров, глубокие, широкие рвы с водой отлично могут выполнять функции пассивной защиты.

Крепость — местонахождение военной и гражданской администрации — коменданта, командиров, чиновников, тюремщиков; их местожительства (еще при Стефане там жили пыркэлабы); у крепости и экономические, а также военно-экономические функции. Для этого в ней склады, пороховой погреб, арсенал.

Наконец, это религиозный центр. Молдово-украинская летопись свидетельствует, что еще в Стефановой цитадели была небольшая церковь. А турецкий хронист Ходжа Эфенди пишет: «Всемогущий падишах, овладев крепостью, совершил службу по случаю пятницы в церкви этой крепости, точнее — на развалинах ее».

Подробнее всего описывает Килию и ее крепость «путешественник» Эвлия Челеби (это очень внимательный наблюдатель, глубокий аналитик, а еще музыкант, певец, художник, общительный светский человек, короче — талантливый разведчик высокого ранга). Какой же предстает Килия в его описаниях?

«Это прежде всего цитадель — бесценная крепость из крепкого камня у самого устья Дуная (XVII век). Южная стена — двойная, почти у самых вод Дуная протяженностью в тысячу шагов. Стены же со стороны суши, протяженностью в две тысячи шагов. Стены со стороны суши — тройные, а перед ними глубокий и широкий ров, заполненный водой. Ее самые мощные башни следующие: главная башня Мелик-Ахмед-паши

— визиря султана Баязида II, угловая — Дядя Эвлии, ее 20 пушек направлены в сторону Черного моря и Дуная; Кызыл-кале — «красная башня» из кирпича — поверху; диздар-кале — комендантская башня; Зиндан-кале — тюремная; Ясса-кале — большая башня, являющаяся складом всевозможных припасов, необходимых на случай длительной осады крепости; Фанар-кале — башня с маяком, который в мирное время светит каждую ночь. (Со временем число башен увеличивается).

В Цитадель ведут одни-единственные небольшие очень прочные ворота — в основании высокой угловой, так называемой тюремной башни, в северо-восточной стороне крепости и еще через две стены за ней. В этой квадратной цитадели за рвами и стенами находятся дома коменданта, муфтия и аспаха — кехайи, несколько казарм для гарнизона, склады для пшеницы и другого продовольствия, арсенал и цейхгауз, а больше ничего», — сообщает Челеби.

В «большую» же крепость ведут четверо ворот. Одни двойные между двумя башнями с пушками и многочисленными мушкетами. Эти ворота открываются на запад (если точно — на северо-запад). Остальные трое ворот называются водяными,так как открываются в сторону Дуная. Внутри «большой крепости» находятся 150 улиц, пересекающихся под прямым углом и образующих порядок, напоминающий шахматную доску. Все они застланы толстыми бревнами, которые перекрывают глубокие в человеческий рост болотистые рвы. Во время осад бревна убираются и улицы исчезают. Дома на перекрестках с бойницами и амбразурами приспособлены к обороне, как небольшие крепости. (Это улицы, прилегающие непосредственно к цитадели).

Вот как подробно, со знанием дела, описывает «путешественник» Челеби фортификационные сооружения...

Ну а город?

В «большой крепости» находятся 700 жалких, одно-, иногда и двухэтажных домов из дерева и камыша без садов, огородов и даже без дворов. В «большой крепости» находится главная мечеть султана Баязида и еще семь мечетей поменьше. В этой же части города находится здание суда, в котором кади судит по законам шариата и канун-намэ. Северо-западнее «большой крепости» на равнине у Дуная раскинулся форштадт — город за крепостными стенами. В нем две тысячи домов и домишек, составляющих одиннадцать махаля. У домов в этой части города есть дворы и сады, огражденные деревянными изгородями. Посреди базара находится красивая мечеть, есть и еще мечети. Всего их в Килии 17. (На месте базарной мечети в XIX веке была возведена Покровская церковь).

На берегу Дуная построена большая баня, крытая свинцовыми листами. Это самое прекрасное здание и приятное заведение города. При многих мечетях имеются медресе — школы. В этой части города находятся около 500 лавок с самыми разнообразными товарами. Для приезжих купцов есть караван-сарай, пленники и рабы здесь продаются дешево: отменно здоровый раб стоит всего 20—30 курошей. Население этой части города состоит из купцов и работорговцев. Килия — вообще крупнейший после Кафы (Феодосии) рынок рабов в Оттоманской империи. Через нее пленные мужчины, женщины, мальчики, девочки массами переправляются и на другие невольничьи рынки, в гаремы богачей и питомники янычар Стамбула. В этом отношении Килия — место печально знаменитое в огромном регионе. О нем слагаются полные печали, горестные дойны, наподобие той, из которой слова: «Чем у турка быть рабой, лучше в воду головой. Чем у турка быть рабой, лучше рыбы пусть глодают, раки тело пусть терзают».

И уж точно о Килии — печальная легенда о русской девушке, статной, русоволосой, голубоглазой Катеньке и ее подружке — кареглазой певунье украинке Машеньке, которые, чтоб не стать рабынями, с турецкого каюка кинулись в Дунай и превратились в острова (гидрология дельты Дуная относит образование этих небольших красивых островов к XVII—XVIII векам).

Население города Килия? Для Челеби — это прежде всего мусульмане: диздар, кехая, кадий, муфтий, муллы, янычары и аскеры, их беки и аги. Это именитые купцы и работорговцы, как мусульмане, так и «неверные», но богатые. О них Челеби сообщает, что они почти никогда не садятся за стол без гостей...

Ну а райя? Райя — это те, кому в крепости жить запрещалось, кто ютится в хибарах, землянках, колыбах-шалашах. Стены хижины — колыбы — сплетены из ивовых прутьев или из камыша, изнутри и снаружи замазаны глиной. Дверь выходит прямо наружу, внутри посредине — очаг, дымаря нет, за него тоже бир — налог и хижина — курная. Рядом — хлев (иногда дверь хижины ведет в хлев, так зимой теплее. Постройки эти покрывались чаще всего камышом. Райя — валахи, молдаване, иногда русы — отмечает, походя, автор.

Если верить данным латинского епископа Станислава, который побывал в Килии в 1659 году, в пределах «большой крепости» Килии было 300 домостроений, в которых проживало 1600 турок, они имели 4 мечети. В пятистах домах форштадта проживали 3000 турок и татар, в их распоряжении было 5 мечетей. В форштадте же проживали и 1600 право-

славных — разных народов, для которых имелось 2 церкви, в восьми домах форштадта жили 30 католиков. Таким образом, в Килии насчитывалось 1208 домов, а население составляло около 6230 душ. Кроме того, в городе пребывало немалое число военных, пленных, заложников, рабов, проезжих купцов, путешественников, пилигримов-паломников. По тем временам это средней величины город. Но это был город, положение которого на карте делало его связующим звеном между Востоком и Западом, Севером и Югом Европы и не только Европы... (См. Н. Иорга «Историческое исследование Килии и Аккермана». Бухарест, 1899 г.).

С момента взятия Килии турками в 1484 году прошло больше полутора сотен лет, а система управления осталась все той же. За годы турецкого владычества в Килии ее население сократилось и составляет по подсчетам Челеби 3500—4000 человек — раза в 3—4 меньше, чем при Стефане.

Приходят в Килию суда из черноморских и средиземноморских портов, из дунайских портов разных стран. Сюда везут шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые ткани, заморские вина и фрукты, драгоценности, дорогую посуду, оружие и многое другое, что надо в основном богатым. Килия же славится своей особым образом приготовленной пастрамой. Отсюда вывозят хлеб, сало, мед, воск, шерсть, молдавские вина и... живой товар — рабов.

«Очень вкусные здесь мед, мясо, сыр, белуга, копченая осетрина, черная икра, а на полях пшеница и ячмень. Много тут белого хлеба. На невольничьем рынке много белых рабынь и невольников — мальчиков... Все население города живет куплей-продажей, промышляет торговлей с волохами и молдаванами». (Автор четко отличает волохов от молдаван. Так было еще в XVIII веке).

Самые разные деньги имеют хождение в Килии: испанские дублоны, французские ливры, бельгийские гульдены, польские злотые, австрийские таллеры, естественно, турецкие пиастры, куроши, бешлики (1 коп.). Но самой распространенной монетой была маленькая местная килийская акча — в четверть грамма серебра весом. (Трудно сказать, почему, но именно эта, самая распространенная тогда в Килии монета сейчас является нумизматической редкостью).

Основная крупная мера веса — кантар килийский — семь с половиной турецких бешменов (отсюда и механические весы — безмен) — 44 ока — 132 российских фунта. Мера длины — турецкий ендере — вроде европейского «локтя» — четверть российского аршина.

Вот такой предстает наша Килия в описаниях наблюдательного, хитрого «путешественника» Эвлия Челеби, заставшем город в период его короткого «золотого века», той долгой мрачной эпохи турецкого владычества.

Но «золотой век» Килии кончился значительно раньше, чем наступил конец XVII века. Город нищал. Нищета стала уделом не только местных рая, но и самих турецких завоевателей, нередко и янычар.

Образовалась целая прослойка мусульман — бедняков, «садакли», живущих на подаяния. И это было узаконено турецким законом — имущий правоверный был обязан подавать милостыню «садакли», численность которых быстро росла. И такое положение стало характерным для всей Оттоманской империи. Она в значительной мере утратила наступательный порыв и в больших войнах все чаще терпела поражения. Но грабить, насиловать, убивать орды султана еще могли.

В 1672 году была превращена в турецкий пашалык Подолия. Украинский народ не смирился с рабской долей. И тогда в 1677—1678 годах турецкие войска совместно с крымскими татарами хлынули на правобережную Украину, подвергнув ее опустошению. И после вхождения Украины в состав Московского государства во второй половине XVII века походы запорожских казаков на Дунай продолжаются с нарастающей силой.

В 1659, 1664, 1671 и 1673 годах у стен Килии побывали запорожцы под предводительством кошевого атамана — легендарного Ивана Сирка. Дело Ивана Сирка продолжил фастовский полковник Семен Палий. Турецкий хронист сообщает, что при одном лишь упоминании имени Палия турки и татары убегают три дня без остановки. На протяжении 80—90 годов полковник Палий несколько раз приводил запорожцев под стены Килии. В 1690 году взял город у турок.

Благовест колоколов церкви Святого Николая, ставшей к тому времени Храмом большого мужского монастыря, встречал освободителей. «Козача доба» в борьбе за освобождение Придунавья от турецкого ига не завершилась и в следующем XVIII веке. Она ярко проявила себя уже в составе сил государства Российского — Российской империи, приблизив освобождение края от турецкого ига.

X. ЭТОТ ОГНЕННЫЙ ВЕК НАДЕЖДЫ

Таким его сделали шесть войн с Турцией (пять из них вела Россия), и не поддающееся точному учету число походов гайдуков, казаков, крестьянских волнений, турецких карательных экспедиций против них и татарских набегов. Что касается надежд — надежд православных народов Карпатско-Дунайско-Балканского региона на освобождение от турецкого ига, то в большинстве своем они, так или иначе, связывались с православной Россией...

После Переяславского Союза Украины с Россией Зиновий — Богдан Хмельницкий при поддержке последней, освободил от поляков всю Украину, включая Галичину, на некоторое время присмирели и турки с татарами. Вот тогда-то послы Молдовы и Валахии, посланцы греческого народа и балканских славян прибыли в Москву. Все они просили русского царя принять их страны под свою высокую руку (полагая, что она, эта рука, достаточно мощна, чтоб немедленно сокрушить турецкое ярмо): «И чтоб совокупилось все христианство воедино...»

Наследовавший Василия Лупу господарь Молдовы, Георге Штефан — властолюбивый, помышлявший восстановить Молдову в границах своего тезки Стефана Великого, заключил в 1656 году договор с русским царем Алексеем Михайловичем, по которому последний своими войсками обязывался изгнать турок с земли молдавской, вернуть ей навсегда Буджак с крепостями — Белгородом и Килией. При этом Молдова не должна была платить России никакой дани...

В связи с этими событиями пришла в движение беднота дунайских княжеств — она стала массами убегать в Южную Бессарабию, которую, опасаясь россиян, стали покидать многие турки и татары.

В 1662 году в опустевшее татарское военное поселение Керман-кей пришли и обосновались в нем беженцы из центральной Молдовы. А из северной Молдовы на землю, покинутую турком-тимариотом, пришли молдаване, основавшие село Чамушир (нынешнее Приозерное).

В 1677 году Россия начала войну против крымского хана.

— Если бы в ходе этой войны российские войска оказались около Аккермана, — говорил валашский господарь Шербан-водэ, — то 300000

румын, болгар, греков, сербов взялись бы за оружие и путь к Царьграду был бы проложен.

Но всем этим планам и желаниям не суждено было осуществиться — в войну вмешалась Турция, и Россия потерпела поражение. По условиям Бахчисарайского мира 1681 года, она должна была отдать Турции украинскую территорию между Днепром и Днестром и до линии, проходившей несколько южнее Киева... Вопреки обычаю, Оттоманская порта не превратила эти территории в райю, а предоставила им некоторую автономию, посадив на эти земли гетманом сначала Юрия Хмельницкого, а через два года в Истамбуле булава гетмана этой части Украины была вручена новому молдавскому господарю Дука-воеводу... Он стал именоваться: «Господарь земли Молдовы и Украины» в ранге трехбунчужного паши (молдавские господари приравнивались к пашам двухбунчужным).

Молдавско-турецкий бей повелел построить себе в Немирове и Цыгановке роскошные палаты, а в Каневе возвел даже небольшую крепость. Немало молдавских бояр наехало на Днепр, получив там обширные поместья. Между Яссами и Немировым делил свое время Дука-водэ. Земли эти на картах Украины (когда еще практически неизвестны были названия «Малороссия» и «Новороссия», на некоторое время появилось название «Новая Молдавия»... — такая в Украине была руина... Но... «Неисповедимы пути Господни», в особенности для вассала, изменчиво счастье его... В турецко-австрийской войне союзником Оттоманской империи Дука-водэ дошел до самой Вены. Но под ее стенами военное счастье изменило привыкшим к победам оттоманам — польский король Ян Соблесский спас Вену.

Для турок это событие стало началом упадка их империи. Молдавский господарь, он же — украинский гетман, на обратном пути из-под Вены попал в плен к своему молдавскому сопернику Мирону Хашдеу, был выдан полякам и скончался в плену во Львове при неясных обстоятельствах.

Когда до Немирова дошли вести о разгроме турок под Веной, казаки изгнали наместника Дуки-воеводы и во главе с наказным гетманом Куницким двинулись на соединение с молдавским войском Петричейку-воеводы. Сжигая по пути кочевья буджакских татар, объединенное войско дошло до села Тобак недалеко от озера Ялпуг. В столкновении с авангардом турецкой армии, отступающей из-под Вены, молдавско-казачьи отряды победили, но от главных турецко-татарских сил, подоспевших к устью Ларги, потерпели сокрушительное поражение...

Наконец, летом 1696 года Российский флот, построенный по приказу Петра I в Воронеже и спущенный в Азовское море, царские войска, донские и запорожские казаки овладели Азовом — Россия начала свое движение к северо-западному Причерноморью, Дунаю, Балканам. Отлично понимая экономическое и геополитическое значение региона, молодой Петр наказывал российскому послу в Турции Украинцеву, пользуясь азовской победой, требовать у Порты:

— Свободного прохода в Белгород и в Килию.

Вновь воспрянул освободительный дух православных народов, порабощенных Оттоманской империей.

В этих условиях блистательная Порта решила превратить небольшую крепость Ишмасль в мощный опорный пункт, преграждающий России путь на Балканы.

Построенная руками подневольных райя по проектам европейских фортификаторов, первоклассная по тем временам крепость получила наименование Измаил. Были усилены также гарнизоны и артиллерия крепостей Кинбурна, Очакова, Аккермана, Килии, Тульчи, Бабадага, Исакчи. И все же, с постройкой Измаильской крепости, Килия и ее порт стали играть все более второстепенную роль — роль прикрытия Измаила, роль его форпоста...

В 1709 году молдавским господарем стал Дмитрий Кантемир, со второй попытки получивший утвердительный фирман султана. Представитель старинного рода ногайских каганов, берущий свое родовое начало чуть ли не с Тимура — Темира — Тамерлана Великого, Кантемиры еще в XVI веке прибыли в Молдову из-под Херсонеса Таврического, быстро породнились с высшей молдавской знатью. Так возник еще один род молдавской знати — Кантемиреште, сыгравший важную роль как в истории Молдовы, так и в истории России. Дмитрий был уже, даже, не первым из этого рода господарем Молдовы. Молодость свою он провел в Истамбуле — заложником при султанском Серале. Отлично усвоил все тонкости восточного придворного этикета, был посвящен во многие дворцовые тайны. Один из образованнейших европейцев своего времени, политик, полководец, поэт, писатель, эрудированнейший историк, философ — истинный энциклопедист, он видел настоятельную необходимость коренных реформ в государстве, во главе которого оказался. Возможность осуществления этих реформ и избавления Молдовы от турецкого ига Кантемир видел в союзе с Россией Петра Первого.

Вскоре, после восшествия на молдавский престол, Дмитрий послал в Петербург к Петру делегацию молодых бояр — своих сподвижников и сторонников, которым поручил просить русского царя о помощи в деле

борьбы за освобождение Молдовы от турок. 3(14) апреля 1711 года, после детальных переговоров в Луцке был подписан молдавско-российский секретный договор, согласно которому Молдова должна была быть освобождена от турецкого ига, восстановлена в своих исторических границах:

«Согласно старинного разграничения Молдовы, земли, которыми будет владеть господарь, — это земли между Днестром, Каменицей, Бендерами со всем Буджаком, по Дунаю до границ Мунтении, Трансильвании и окраин Польши, соответственно разграничительных линий с этими странами» (статья 11 договора). Предусматривался возврат Молдове всех ее крепостей, захваченных турками и то, что все крепости и княжества, города и другие укрепленные места будут охраняться княжескими гарнизонами, или, с согласия господаря — войсками Его Царского величества (статья 12 договора). Договор предусматривал также, что Молдова не будет платить России никакой дани, а Россия не будет вмешиваться во внутренние дела княжества, Дмитрий Кантемир будет господарем Молдовы пожизненно, а после его смерти бояре выберут господаря из числа его потомков. Обе стороны, клянясь на Святой Троице, — за себя и своих наследников, — заверяли, что ни при каких обстоятельствах не нарушат статей договора... Впоследствии этот договор, как и все международные договоры Российской империи, вошел в «Полное собрание законов Российской Империи» (см. т. IV этого собрания. С-П-Б, 1830 г. Библиотека им. Салтыкова-Щедрина).

Все последующие события, имевшие место в царствование Петра Великого, подтверждают его искреннее следование духу и букве этого договора. Что касается так называемого «Завещания» Петра Великого, в котором он, якобы, наказывал наследникам престола включить земли Дунайско-Карпатско-Балканского региона в состав Российской империи, то это — фальшивка (однако фальшивка, имеющая широкое распространение).

Впервые разработали и ввели ее в международный, антирусский оборот спецслужбы «Хитрого фрица» — прусского короля Фридриха Великого, желающего натравить Европу на Россию, так как еще во времена царствования дочери Петра Великого Елизаветы Петровны, он был многократно бит российскими воинами и едва не лишился Восточной Пруссии, короны да и жизни. После него все завоеватели, ходившие на Россию войной и на голову разгромленные: Наполеон I и... Гитлер вновь и вновь, в той или иной формулировке, раздували эту идею, разумеется, для оправдания своей агрессии, не вышла она из антирусского оборота и ныне.

Святую же идею единения всех православных, особенно славян под эгидой России первой выдвинула Российская православная церковь с тех пор, как стала независимой от Константинопольского патриархата, чью землю, как известно, захватила оттоманская Турция в 1453 году полностью. Все, что есть истинно свободолюбивого и святого в православном мире с тех пор, поддерживает эту спасительную для православия и славянства идею.

А молдавское боярство в отношении договора с Россией и господаря, подписавшего его, раскололось. Старая, наиболее богатая и именитая часть бояр, рассчитывая получить от султана вознаграждение побольше, а, может быть, и фирман на княжение в скором времени предала господаря и отечество. Той же весной 1711 года, пока Петр I готовился к походу в Молдову, казацкие, в основном запорожские полки, совершили глубокую разведку боем, дойдя до самой Килии, которая встречала их колокольным звоном. Сведения, которые собрали казаки, были неутешительными: зима в крае была холодной и бесснежной — степные речки пересохли еще прошлой осенью, многие колодцы тоже, местный скот мрет от бескормицы, а местное население — райя — ест траву... За Дунаем — сильная турецкая армия, ей готовы прийти на помощь татары. Засевший в Бендерах Карл XII подбивал султана к походу на Москву...

Царь Петр не принял во внимание эти сведения. Его стратегический план предусматривал продвижение 40-тысячного российского войска с севера Молдовы — вдоль реки Прут, до Дуная. Затем по линии Дуная с целью отсечь от Оттоманской империи дунайские княжества — Молдову и Валахию, взять Бендерскую крепость с ее крупным гарнизоном.

В июне 1711 года Российская армия во главе с самим царем, сопровождаемым многочисленной свитой, вступила в пределы Молдовы. По этому случаю Дмитрий Кантемир обратился к молдавскому народу с воззванием:

— Вот появился Петр Алексеевич, русский царь, который со своей непобедимой армией пришел, чтоб освободить христианские народы от рабства. Мы должны влиться в военный союз с ним для борьбы за свою свободу...

Русскую армию встречали приветливо, но кормили очень скудно — самим есть было нечего, интенданты и фуражиры ни за какие деньги у местного населения купить ничего съестного не могли.

В Яссах царя и его свиту встретили пышными банкетами. Французское шампанское, венгерский «токай» лились рекой. Царь поражал всех умением пить, молдавский же господарь, — отмечают хронисты, — отстать стеснялся и несколько раз упивался до упаду... Буквально.

В недавнем прошлом у Петра были многие победы над блестящим Карлом XII, забывалась первая Нарва... Позади был недавний великий триумф виктории под Полтавой. Видимо, эйфория кружила голову царя больше вина... Так или иначе, по свидетельству историков, к этому походу Петр готовился с необычной для него тщательностью: российская армия выступила в поход лишь с недельным запасом провианта (обычно она имела двухмесячный), и совсем без фуража (благо, не забыли о мощной полевой артиллерии). С вступлением российской армии в Молдову, «поднялись жители Оргеева, Сорок, Лэпушаны и пошли с русскими», — пишет молдавский гетман и хронист Ион Некулче...

Вместе с армией Петра против турок сражались молдавские полки Федора Наку, Хыржеу, Абазина, отряды братьев Василе и Ионице Танских, Апостола Кигеча, Иваненка и других... О национальном составе молдавского войска красноречиво свидетельствуют фамилии...

Когда началась война, Петр I получил много писем от сербов, болгар, греков, румын — все ожидали освобождения...

Но не выполнил своих обязательств валашский союзник, господарь Константин Брынковяну, — его четырех сыновей успел взять в заложники султан! Брынковяну не выставил в помощь молдаванам и россиянам 30-тысячную армию, и не пропустил шедших на соединение с русской армией сербов, хорватов и черногорцев. (Это не спасло от гибели от рук османов семейства К. Брынковяну).

Султан приказал двинуть в Молдову 200-тысячную армию и повелел крымскому хану выступить со своей ордой ей в помощь. Три дня у деревни Станилешты русское войско отбивало атаки превосходящих сил противника. Огонь русской артиллерии был столь сокрушительным, что янычары взбунтовались, отказавшись идти в новые атаки. Очень нелегкими для русского царя, тем более для Дмитрия Кантемира были условия мира... После этих событий высшее молдавское боярство почти полностью утратило доверие в глазах турецких султанов и они стали давать фирманы на княжение в Молдове и Валахии, богатым иностранцам → тем, кто больше платил. Чаще всего это были так называемые фанариоты — богачи, греки, издавна обосновавшиеся в районе Стамбульского маяка — по-турецки «фанар» или их неоплатные должники. Такой господарь-фанариот из раза в раз платил за фирман все возрастающие суммы, а затем старался содрать их с молдавского народа в виде законных и особенно незаконных поборов. Официально установленных налогов было при фанариотах «всего четыре»: 1) господарю; 2) его жене; 3) боярам; 4) казне. Каждому из них должны были платить:

подушную подать;

фумарит — за каждую дымовую трубу (по усмотрению получателя);

дижму — десятую часть всего, что производится в хозяйстве плательщика: с масла, сыра, воска, сала — отдельно.

Вама — пошлина со всего, что выносится на продажу;

безмен — плата за место под постройками;

браниште — уборка сена в пользу вышеуказанных инстанций;

уборка всего урожая этих лиц, включая виноград;

содержание почтово-разъездных станций, эстафет;

плата за виноградный пресс;

плата за проигранный процесс;

султанский и господарский военный извоз;

сбор на ремонт господарских и боярских дворцов и дворов;

дополнительный сбор, если денег не хватает;

сбор «на сапоги» налогосборщикам...

Даже самих молдавских бояр фанариоты превратили в служилых людей... В жалобе императрице Екатерине II бояре Молдовы писали, что фанариоты взяли за правило налоги, установленные султаном, увеличивать в пять раз. (Если султан требовал 40 000 голов крупного рогатого скота, то пригнать на сборные пункты крестьяне должны были 200 000 голов. Если султан приказывал поставить 100 000 мер пшеницы, то крестьяне Молдовы должны были ссыпать 500 000 мер... К началу XIX века сельское хозяйство Молдовы было настолько подорвано, что Российская Дунайская армия должна была ввозить для себя продовольствие из-за Днестра...

Настоящими хозяевами в Молдове стали наместники султана при дворе у господаря-каймаканы и кредиторы господаря-фанариота.

Молдавские господари потеряли право иметь армию. Они располагали только личной охраной, чаще всего набираемой из воинственных феодальных родов Албании (арнаутов, славящихся своей храбростью и относительной неподкупностью).

Вот и сбегали крестьяне, на плечи которых всей тяжестью лег беспредел фанариотского режима, — порой целыми селами сбегали за Днестр, на Дунай, а то и за Дунай (там угнетатель был один — турок, а не два и не множество, как в княжестве...).

Но и после этих событий Дунайско-Карпатский регион остался одним из главных направлений внешней политики России.

Освобождение народов этого региона от турецкого ига приближалось неотвратимо, неотвратимо падало и могущество Оттоманской империи,

еще недавно казавшееся несокрушимым. Северные пределы гигантского конгломерата стали районами боевых действий нескончаемой цепи войн. Подрывало мощь империи и разрастающееся всенародное движение порабощенных народов за свержение турецкого ига.

Болгарское слово гайдутин, сербское — гайдук, румынское — хайдук, венгерское — куруц, греческое — арами, украинское — казак — все они означали одно и то же — борец за свободу. Это движение известно не только в горах Балканских, Родопских, Карпатских, а и в степях буджакских и украинских, и в плавнях дунайских (и было оно не только против поработителей чужеземных, но и против своих собственных).

Не только украинские казаки-голоты, молдавские гайдуки-кодряны, да бужоры, но даже женщины нередко становились предводительницами гайдуцких отрядов. Болгарский эпос воспевает Елену и Сирму воеводок — храбрых предводительниц гайдутских сотен, знает таких героинь молдавский и румынский эпосы.

Строчки из румынской дойны повествуют о гайдуке Бодяне из дунайских плавней:

Истинно, люди, говорю вам:

— Вчера сто золотых отнял у боярина и беднякам отдал их, чтоб и они купили себе калачи!

А вот слова из другой дойны:

Когда богатого я встречал,
Палицу на него поднимал,
Золотые отнимал.
Когда же бедного встречал,
Палицу подальше убирал,
Золотые ему отдавал.

Ну а что собой представляла Килия в начале XVIII века?

В «Описании Молдовы», вышедшем из-под пера Дмитрия Кантемира, советника Петра I, в 1716 году, довольно подробно исследуется происхождение названия города, отмечается его упадок к указанному времени — упадок города и крепости, но не порта, который некоторое время еще оставался крупнейшим на Дунае. В него заходили многочисленные торговые суда из дунайских и черноморских портов, заходили в Килию и корабли с разнообразными товарами из Египта, Венеции, Генуи, Рагузы (Дубровника), Марселя, Кадиска.

Население города по-прежнему многонационально. Кроме турок, в городе проживали евреи, армяне, валахи, молдаване, русские, греки. О системе управления в городе говорится, что она та же, что и от века... О

крепости говорится, что она сильно пострадала от пожара. Кто его учинил, автор не уточняет, но не без основания можно утверждать, что его учинили казаки еще в 1711 году.

На прилагаемой подробной карте Килия обозначена недалеко от берега Черного моря. Во второй половине 30-х годов XVIII века Россия (Российская империя), оказалась вновь в состоянии сделать очередной шаг в освобождении Дунайско-Карпатского региона от господства османов.

К тому же подвернулась хоть и обусловленная многими специальными условиями просьба, подписанная многими именитыми боярами Молдовы, просьба об аннексии Молдовы Россией. Подписанная боярами Лупу, Дука, Кантакузин, Кантемир, адресованная Петербургу, эта просьба именовалась меморандумом и состояла из двенадцати пунктов — условий. Наряду с другими побудительными причинами к войне с Турцией, Петербург внял и этому меморандуму. В результате грянула новая русско-турецкая война 1735—1739 гг.

После серии неудач, российские войска все же взяли крепость Хотин, вступили в Яссы. С молдавским боярством было заключено соглашение о том, что один из внуков Дмитрия Кантемира, прибывших с русскими войсками — Константин или Дмитрий — будет избран господарем Молдовы. Однако событие не состоялось ввиду того, что по Белградскому миру с Турцией России возвращались Азов и низовья Днепра, но Молдову русские войска должны были покинуть. В этой войне Килия вновь, уже в который раз, наряду с Белгород-Аккерманом играла роль тыловой базы снабжения турецких войск на театре боевых действий.

В 1708 году петровские войска жестоко подавили восстание донских казаков — булавинцев. Большая их группа, в основном приверженцы старообрядческой веры, с казаком Некрасом во главе ушли на Кубань. Но вскоре и туда пришли петровские войска и чиновники.

И тогда некрасовцы двинулись в дальний путь к берегам Дуная — подальше от тяжких петровских налогов, рекрутчины, четверть вековой службы в армии, от гонений на старую «не испорченную» никоновской реформой веру.

Через много верст нелегкого пути у благодатных, богатых рыбой вод лимана Разельм в Добродже староверы основали село Журиловку. Часть из них переправились через Дунай и со временем недалеко от Измаила в дунайских плавнях основали село Старая Некрасовка. Некоторые же добрались до Килии и поселились у Дуная северо-западнее Килийского форштадта. Самые энергичные, не желающие иметь дело ни с какими

властями, пробились в глухой угол плавней между Дунайским заливом и Жебриянским озером и основали там рыбацкое поселение. Пройдет еще несколько лет, и в 1746 году русские морские картографы нанесут это поселение на карту под названием Липованское — будущее Вилково.

Население Килийской райи росло и за счет беглецов из Молдовы, в которой свирепствовал грабительский, жестокий фанариотский режим. Беглецы пополняли молдавское население форштадта Килии, селились вдоль Дуная (нынешняя улица Севастопольская и ее многочисленные тупики и переулки), беглецы из Молдовы поселялись в селах соплеменников Кытай и Дервишколе на восточном берегу Китай-озера, подселились даже в татарском Керман-Киое (Фурманке), образовав молдавскую общину этого села.

От помещичьего гнета и царской рекрутчины бежали в Придунавье, в том числе и в Килию, крестьяне с Украины. С течением времени их приток становился все ощутимее. Смешивались они с русскими и молдаванами, но чаще предпочитали селиться отдельно на дальнем склоне дунайской поймы, именуемой турками Мияк — место, пахнущее парным молоком и маслом.., а также коровьим навозом. Довольно быстро турецкий Мияк стал украинскими Маяками с уютными украинскими хатами, вишневыми и ореховыми садами. Оттоманская Порта не желала смириться с проникновением Российской империи в северо-западное Причерноморье и в 1768 году объявила ей войну.

В связи с этим императрица Екатерина II обратилась к населению Молдовы, Валахии и Нижнего Подунавья с манифестом, в котором просила оказать помощь российским войскам.

Наиболее успешно действовала в этой войне против Турции 1-я Дунайская армия генерала, вскоре фельдмаршала, П.А. Румянцева. Летом 1770 года у Рябой могилы, на турецких картах Курган-горести, на реке Ларге и у Кагула были разгромлены превосходящие силы турок Халил-паши и многочисленная татарская конница свирепого опытного рубаки Каплан-Гирея. К сожалению, россияне часто не видели разницу между врагами — турками и валахами или молдаванами. Как пишет штабной инженер Дунайской армии Мартос: «Недисциплина войск, злоупотребление чинов, беспорядки внутреннего управления оставили следы опустошений, что отвратило сердце доброго молдавского народа от русских». (См. «Русский архив» 1897 г., кн. 7, стр. 311).

В этих сражениях храбрым и умелым военачальником проявил себя молодой генерал-майор Григорий Александрович Потемкин, еще совсем незадолго до этого бывший на Сечи Грицком Нечесой. 5 августа 1770 го-

да его кавалерийская бригада в составе корпуса генерала князя Репнина восьмидневной осады и жестокого боя заняла город и крепость Килию. Впоследствии, биографы светлейшего утверждали, что командир бригады Потемкин не захотел ночевать на взятом его войсками городе — очень неуютно, грязной, полной блох показалась ему оставленная турками Килия и он предпочел ей палатку в степи...

П.А. Румянцев отписал Екатерине II: «По осьмидневной жестокой обороне против атакующего корпуса под предводительством генерал-поручика князя Репнина, крепость Килия покорилась победоносному оружию Вашего Императорского величества на капитуляцию, которую с моего разрешения князь Репнин учинил с тамошним гарнизоном.

...Князь Репнин получил от крепости ключи и обнял своими войсками стены, ворота, артиллерию, военные припасы, склады с провиантом. Более ста лодок, взятых у турок, отправлены в Тульчу. Жителям же города дана полная воля выезжать или оставаться. Но не все жители выбираются, даже турки купеческого промысла ждут разрешения остаться под защитой наших войск». (Центральный военно-исторический архив, фонд В4АД, 1968, л. 348).

Когда в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. российские войска оказались на подступах к Придунавью, то выяснилось, что картами этого театра военных действий штабы не располагают. Тогда императрица Екатерина II приказала кошевому атаману Войска запорожского срочно снарядить в Северо-Западное Причерноморье и на Дунай разведывательную экспедицию, чтоб произвести исследование местности, климата, морских течений, направлений господствующих ветров, зарисовать берега и все подробно записать в журналы. Предписывалось также фиксировать местонахождение населенных пунктов, особенно крепостей, глубины у берегов, места, удобные для высадки десантов...

Для заинтересованности казаков Ее Императорское Величество пожаловало со своей стороны тем, кто пойдет на первой «чайке» 1000 рублей, на второй — 500, остальным по 300 рублей награды сколько их будет в экспедиции.

В середине апреля двадцать «чаек» по 50 казаков в каждой со специальными писарями и журналами ушли в разведку. Пройдя незамеченными мимо турецких берегов и крепостей, зафиксировав все, что положено в бортовые журналы, флотилия во главе с полковником Сидловским 2 июня 1771 года прибыла в Килию. Сводный журнал с разведданными был предъявлен командиру корпуса генерал-майору Вейсману, а затем все документы вместе с авторами-писарями эстафетой были отпра-

влены в Петербург. Начальник экспедиции, полковник Сидловский и все главные ее участники были награждены большими именными золотыми медалями, отчеканенными по личному указанию императрицы.

Девятнадцать, дошедших до Килии «чаек», практически составили первую в истории Российскую Дунайскую казачью флотилию, к которой в 1772 году присоединились еще двадцать «чаек» с экипажами из запорожцев. Запорожцы приняли участие во многих десантных операциях, особенно отличились они в бою за Мачин 25 августа 1771 года. В этом бою была разгромлена турецкая речная флотилия. Четыре турецких галеры были потоплены, несколько галер и других судов стали трофеями казаков. Кроме того, ими был уничтожен и турецкий конный отряд берегового сопровождения разгромленной турецкой флотилии. За эти дела базирующийся на Килии отряд запорожцев получил от фельдмаршала Румянцева крупное денежное вознаграждение и 300 медалей. Но и последовавший после войны Кючук-Кайнаржицкий мир, подписанный с Турцией в 1774 году, не принес Придунайскому краю освобождение от турецкого ига. Русские войска ушли за Буг, который стал границей между двумя империями.

После всех этих событий Килия впадает в запустение: пустынна акватория порта, заилен огражденный молом канал, ведущий в крепостной ров, обвалившиеся местами стены так называемой «большой крепости» заменены покосившимся частоколом, несколько каюков сиротливо приткнулись к необорудованному берегу. И только цитадель все еще грозно возвышается над Дунаем — на юге и западе, над заболоченной низиной — на востоке и над захудалым городом — на севере. Гарнизон крепости был усилен, артиллерийский парк пополнен. На этот раз модернизацию осуществляли французские фортификаторы, возможно те же, которые укрепляли и Измаил.

Со стороны Дуная цитадель отгородилась еще одной стеной, а «большая крепость» со стороны Дуная (на западе) обрела стену впервые. Со стороны степи с северо-востока две новые высокие прямоугольные башни, а перед ними еще и углообразный бастион с орудийными батареями прикрывали старинную цитадель. За ее стенами вдоль крутого поворота Дуная были сооружены обширные платформы для тяжелых орудий.

С севера и северо-запада со стороны степи и форштадта по северному берегу и ныне сохранившейся «гырлы», а тогда — естественному широкому рву была возведена еще одна стена с полубашнями, а перед этой стеной вырыт еще один ров. Перед всем этим напротив главных ворот встал мощный углообразный форт с платформами для орудий и бойницами для стрелков.

Геология Килии и местоположение крепости совсем рядом с городом практически исключали возможность применения защитниками крепости фугасов и минных галерей, но зато всевозможные саперные ловушки — капканы ждали атакующих перед стенами крепости, в промежутках между ними и в лабиринте ее закоулков (на месте некоторых из них до сих пор случаются провалы, принимаемые фантазерами за начало тоннелей чуть ли не под Дунаем).

Комендантом Килийской крепости, города и округи (нахья) к тому времени был двубучужный паша (генерал-лейтенант по российской табели о рангах) Кара-Мехмед-тимариот, владеющий обширным имением на землях нынешнего села Шевченково. Человеком он был энергичным, волевым, опытным, преданным султану и аллаху военачальником, что сполна подтвердили события обороны не только Килии, но и Измаила.

Гарнизон Килии был многочисленным, его костяк составляли известные своим фанатизмом и свирепостью янычары.

Вот такую твердыню предстояло штурмовать пехоте генерал-аншефа Меллера-Закомельского, артиллеристам генерал-лейтенанта Гудовича и черноморским казакам атамана Антона Головатого. Исходные позиции атакующих располагались чуть не до горизонта открытой, в значительной мере заболоченной местности. В сборнике «М.И. Кутузов: письма, записки» (СПБ, Библиотека им. Салтыкова-Щедрина) можно обнаружить несколько интересных документов того времени, касающихся Килии: «От выходцев волохов из Бендер слышно, что около Измаила, Килии и Аккермана турок около 40 000 человек).

Генерал-майор Голенищев-Кутузов. 1789 г. Марта 3 дня».

С приближением Российско-Дунайской армии генерал-аншефа И.И. Меллер-Закомельского к великой реке, разведывательные действия русской армии относительно дунайских крепостей становятся систематическими.

Об итогах агентурной разведки Кутузов 2 мая 1790 года докладывает тому же Закомельскому: «На сих днях возворотился из-под Килии посланный мной. Пробился он к городу не ближе двадцати верст и пробыл у знакомого всего несколько часов».

Все же за короткое время на 28 апреля поведал он следующее: «Недавно прибыло в Килию войска пешего и конного семь байраков (полков), а в каком онные числа людей ему неизвестно. Город укрепляют турами наподобие Аккермана. Из Измаила прибыло в Килию три канонерских судна из находящейся там турецкой флотилии, да слышал он, что прибыл из Царьграда к Сулинскому гирлу двадцать судов военных.

Разглашено от начальников турецких в Килии, что российских войск к Дунаю сего лета ожидать не можно, ибо де удержаны будут другим неприятелем. Его светлости фельдмаршалу (Г.А. Потемкину) я о сем рапорта не отправлял.

Генерал-майор Голенищев-Кутузов».

Князь Потемкин Таврический колеблется, куда направить удар, генерал-аншеф Меллер-Закомельский ждет приказа от светлейшего, а Кутузов уже действует. 29 сентября 1790 года он рапортом доложил генерал-аншефу: «Я сего дня переменил лагерь и стал по правую сторону Тальницкого озера, инако Хаджи-гел, называемого, несколько пониже Траянова вала, расстоянием от Измаила в сорока верстах. Партия отселя ходила сего числа к Килии, где видели человек до тридцати конных турок, выехавших, но которые далее версты от крепости не отделялись. Я надеялся, что неприятель покусится подбирать тела вчерашнего дня убитых и это побудило меня послать партию. По Измаильской дороге ничего не замечено, все состоит благополучно».

(Источник — тот же).

Значит, готовясь к штурму Килии, прозорливый Кутузов вел систематическую разведку неприятеля, как всегда, был осмотрительным, но порой действия «партий» носили и характер, по-существу, разведки боем. Нет, не довелось дивизии Кутузова брать Килию. Как лучшая в Дунайской армии, она получила приказ Потемкина идти на Измаил, сосредоточиваясь на направлении Килийских ворот его «новой крепости», которые будут штурмовать в ходе суворовского штурма Измаила...

Но и в историю Килии вот так впервые было вписано имя победителя Наполеона. В первый, но не в последний раз...

В той войне генерал-майор Меллер И.И. стал героем штурма Очакова — по его плану велась осада и был осуществлен успешный штурм этой турецкой твердыни. За эти ратные победы в трудной войне генерал был удостоен баронского титула, а к своей фамилии получил почетную приставку Закомельский.

В июле 1790 года генерал-майор Меллер-Закомельский был назначен командующим левого — приморского, придунайского крыла вступившей в Бессарабию российской Дунайской армии. Генерал-майор М.И. Кутузов, оставаясь командиром шестой пехотной дивизии этой армии, одновременно стал командующим всей пехоты ее левого крыла.

30 сентября 1790 года фельдъегерь доставил в штаб Дунайской армии генерала Меллера-Закомельского в Татарбунарах приказ военного

министра Екатерины II и главнокомандующего всеми вооруженными силами на юге империи Светлейшего князя Потемкина Таврического:

«Приложите, Ваше высокопревосходительство, все старания достать скорее Килию в руки!»

Измаил был ключом к Балканам, но к нему нельзя было подступиться, не овладев ключом к Дунаю — Килией (к тому времени Килийский рукав, где-то в 50-х годах XVIII века, прорвавшийся к морю сквозь гряды Летя и Кара-Орман, стал главным рукавом дельты великой европейской реки). Это хорошо понимал Потемкин и потому он торопил генерал-аншефа Меллера-Закомельского... казачьи разъезды которого подошли к Килии 3 октября к вечеру. 4-го подошла кавалерия, за ней — пехота с легкими орудиями. Войска стали обкладывать крепость с севера и северо-востока. Часть войск, батареи осадной артиллерии с генерал-аншефом Гудовичем остались в Татарбунарах в ожидании обозов с порохом, ядрами, бомбами, патронами со складов в Аккермане.

Опаздывал и генерал Хозэ Рибас с галерным флотом и 48 казацкими «дубками» атамана Головатого — на Черном море свирепствовал жестокий осенний шторм... благоприятствующий желанному опозданию к штурму — Рибас на штурм и не рвался...

Исполнительный, горячий Меллер-Закомельский, не дождавшись ответа на ультиматум о сдаче крепости, не дождавшись и тяжелой осадной артиллерии, срочно вызванного к себе генерала Гудовича, 6 октября 1790 года приказал своим войскам штурмовать крепостные укрепления. Он лично повел в атаку егерей Лифляндского полка и... упал, тяжело раненый. Командование войсками взял на себя генерал, подоспевший к этому времени, генерал Гудович Иван Васильевич — штурм продолжался.

Не имея должной огневой поддержки, войска несли большие потери, а успех все не обозначался и генерал приказал трубить отбой. Наступившие ночь и следующий день ушли на организацию нового штурма. Теперь для этого было достаточно войск техники: из Татарбунар подошли батареи осадной артиллерии.

В прибывшей для штурма Килийской крепости артиллерийской колонне были: 10-орудийная батарея мощных дальнобойных пушек, которые могли стрелять как полуторапудовыми ядрами, так и разрывными бомбами. Шесть мортир (для навесной стрельбы) могли извергнуть двухпудовые разрывные бомбы опасные, как для стен и башен крепости, так и для сооружений за высокими стенами, не говоря уже о живой силе. А еще прибыла батарея секретной конструкции пушек — знаменитых,

грозных шуваловских единорогов. Жерла этих пушек были овальной формы. При стрельбе они извергали картечь, которая разлеталась широкими веерами, нанося живой силе противника страшные потери.

По подсказке местных жителей на остров, что западнее Килии (тогда остров Коффа — на Дунайском рукаве того же названия, сейчас — малый Степовой за Дунайцом), перекатили орудия.

С рассветом 8 октября артиллерия начала методический обстрел крепости. Двухпудовые разрывные ядра-бомбы крушили ее стены, бастионы и башни. Шквал картечи из знаменитых шуваловских единорогов с овальными жерлами наносили страшный урон пехоте противника, столпившейся в переулках «Большой крепости» и в тесной цитадели. Пушки с острова поражали цитадель с самой слабозащищенной стороны — со стороны Дуная. Огонь этих орудий заставил уйти и турецкие корабли, оказывавшие крепости огневую поддержку.

И все же мощная цитадель долго не сдавалась. Более того, несколько раз раскрывались широкие южные ворота цитадели, и враг кидался в яростные вылазки — контратаки.

Однако день ото дня все слабее огрызалась грозная цитадель, рушились ее стены и башни, редели защитники, догорали на Дунае не успевшие удрать галеры турецкой флотилии.

18 октября 1790 года российские войска предприняли общий штурм крепости, решившей ее судьбу. Большая часть гарнизона была уничтожена.

Восемь тысяч турок во главе с двубунчужным пашой Кара Мехмедом сочли за благо капитулировать, но... На почетных началах (был и такой обычай в те времена), в полном вооружении и при знаменах турки проследовали в Измаил, — пополнили его гарнизон. (Кара Мехмед, как и крымский хан Каплан Гирей и шесть его сыновей, были убиты в ожесточенной схватке с русскими во время штурма Измаила).

Немалые потери в ходе штурмов и осады Килии понесли корпуса генералов Меллера-Закомельского и Гудовича, а также казаки Черноморского казачьего войска. Тела павших в бою за Килию отпели в монастырской церкви Святого Николая, после чего похоронили в братской могиле около церкви. (Уже в наше время «благодарные потомки» осквернили братскую могилу, надругались над останками героев, вывороти их из земли и построив на этом месте выгребные ямы и отхожие места! Большего кощунства не придумать!).

На некоторое время генерал Гудович был назначен комендантом крепости, города и окружающего района. По его приказу начато было пере-

селение татар и ногаев, живших в Килийской райе по берегам Дуная и лиманов — за Днестр.

Прибыли, наконец, в Килию казачьи «чайки» и «дубки». Базируясь в Килии, они отличились в боях за Бабадаг и Тульчу, а затем и за Измаил... А генерал Рибас... последовал к Измаилу, не заходя в Килию...

А.В. Суворов не преминул поздравить... Потемкина со взятием Килии. Сама императрица Екатерина II «с удовольствием усмотрела взятие Килии». По этому случаю «было отслужено торжественное молебствие и дан артиллерийский салют».

Честь по заслугам, ведь овладение Килией — героическая прелюдия славы Измаила.

Во второй половине ноября Потемкин поручил штурм Измаила А.В. Суворову, передав под его командование и войска Гудовича, а после увенчавшегося победой штурма Измаила герой этого штурма М.И. Кутузов был назначен комендантом города и крепости Измаил, Измаильской и Килийской райи.

Турецкое население в ходе войны в большинстве своем разбежалось, продолжалось выселение татар и ногаев, с самыми различными просьбами к коменданту обращались в основном христиане. Большинство просьб удовлетворялось ко благу обеих сторон.

В начале 1791 года по ходатайству коменданта Измаила генерала Кутузова монастырская церковь Святого Николая в Килии указом Екатерины II была наделена 206 десятинами земли из имения Халил-бея (Галилешть — Десантное), а также угодьями для лова рыбы в Катлабугском лимане у села Кышла (Кислицы, Измаильского района).

Как известно, русско-турецкая война (1787—1792 гг.) завершилась Ясским миром, январь 1792 года. Мечта Екатерины II о создании империи всех славян со столицей в Константинополе (для которой уже подрастал император Константин — средний внук Екатерины), и на этот раз не осуществилась: козни Англии и Австрии помешали этому. И все же Кючук-Кайнаржицкий и Ясский мирные договоры серьезно изменили статус Дуная, да и Черного моря. В каком смысле? С 1476 года — с момента превращения Крымского ханства в вассала Оттоманской империи, Черное море практически стало «турецким озером», хотя на картах осталось его прежнее название (на турецких картах оно называлось Кара Дениз), а Дунай (по-турецки Дуна или Туна) почти на всем судоходном протяжении перестал быть общеевропейской водной артерией. Только после Ясского мира Дунай вновь стал превращаться в международный водный путь. Наиболее интенсивно его стали использовать австрийцы.

Одна за другой основывались австрийские дунайские судоходные компании и торговые дома на великой реке. Австрийцы даже попытались организовать навигацию на притоках Нижнего Дуная — реках Сирет, Прут и по Днестру. Князь Насау Зинген, аббат Каспари, купцы Вильшофен и Вильдерманы — пионеры в этом деле. Последние сначала организовали в Килии филиал своей компании, а затем целая ветвь этого предприимчивого рода поселилась в нашем городе и развила энергичную и разнообразную предпринимательскую деятельность, полезную для города и его округи. Через дунайские порты, в том числе Килию, постепенно вновь включаются в международную торговлю Валахия и Молдова. В конце XVIII века через дунайские порты они отправляют в разные страны 70000 голов крупного рогатого скота на семь миллионов лей шерсти, свыше тысяч овец, полмиллиона заячьих шкурок и, разумеется, миллионы пудов хлеба ежегодно. А через эти же порты в дунайские княжества поступают сотни тонн кофе, чая, сахара, тысячи тюков хлопка, большое количество шелка, перца, корицы, красителей, маслин, цитрусовых и других товаров.

А Россия? Признавая первостепенное стратегическое значение Дуная, Россия с подозрением относилась к Дунаю, как торговому пути, гидрологическим исследованиям на нем, к гидроинженерным проектам на великой европейской магистрали. Такое положение сохранялось долгое время и после того, как Россия сама закрепилась в начале этого европейского водного пути. Причина? Одесса! Быстро растущий порт и город, которому Россия не хотела создавать на Дунае конкурентов.

Что касается Черного моря, то Россия ценой огромных усилий и жертв, пробившись к его восточным северным и отчасти северозападным берегам, вновь превратила турецкое озеро в Понт Эвксинский — море для себя, Европы и мира... Если, конечно, нет войны и проливы открыты... Для того, чтобы закрепиться на Нижнем Дунае, России пришлось в очень сложных условиях вести еще одну изнурительную долгую войну с Оттоманской империей, в ходе которой Килии довелось сыграть не последнюю роль. Но прежде чем перейти к этой странице истории нашего края и города, необходимо коснуться еще одной довольно щекотливой проблемы — проблемы Задунайской Сечи.

Дунай — река со времен старины глубокой, воспетая украинским фольклором, особенно песенным и «думами». На их основе, как известно, создана прекрасная украинская оперная классика — «Запорожец за Дунаем». Почему такое внимание Дунаю? Да потому, что история формирования украинского этноса, его культуры, история Украины органи-

чески связана не только с Днепром — Славутичем, а и с этой рекой. Тому свидетельство и трагическая история Задунайской Сечи.

Существует легенда, согласно которой первая попытка основать Сечь за Дунаем, была сделана еще казаками гетмана Ивана Мазепы в 1709 году, после их бегства с Днепра... Что касается истории, подтвержденной документами, то напуганная страшным пожаром пугачевщины, императрица Екатерина II повелела уничтожить Запорожскую Сечь. Самодержавица знала, что Сечь — это средоточие не только шляхтенного казачества, но главное и казацкой «голоты», и «босоты», от которой можно было бы ожидать событий пострашнее пугачевщины... В июле 1775 года корпуса князя Прозоровского и генерала Текели окружили Сечь и приступили к ее разрушению. Казацкая «Дума» гласит, что при этом многие казаки обратились к кошевому атаману Петру Калнышевскому:

Дозволь, батьку отамане,
Нам на башти стати...
На что кошевой ответствовал:
Не дозволю, миле браття,
Вам на башти стати:
Однакове християнство
Грішно вигубляти!

Мудрый был кошевой и крепкий духом и телом, пошел на Соловки, в каменный мешок, где скончался на 112-м году жизни, но не допустил братоубийства. Сечь была разрушена, большинство рядовых казаков разошлись по своим зимникам и хуторам или согласились служить в царских полках. Большинство старшин также согласились служить императрице — многие были возведенные в российское дворянство, а чины получили согласно петровской «Табели о рангах», если только не попали в фавориты любвеобильной императрицы, как это произошло с недавним Грицьком Нечесой, вскоре ставшим светлейшим князем Григорием Александровичем Потемкиным-Таврическим... Ну а часть старшины, в основном той, которая метила в ясновельможные и не соглашалась на чины согласно «Табели о рангах», да часть «босоты» казацкой, которую соблазнили казацкой волей под турецким султанатом...

В лодочки посідали,
Та й за Дунай махнули!

Было их всех немало — более двух тысяч. Впрочем, если придерживаться исторической истины, то не сразу за Дунай — сначала султан разрешил им поселиться на Днестре — турецкой Турле... Но Екатерина II,

которую к тому времени в Оттоманской империи часто называли Бичем Аллаха, разгневалась по поводу того, что султан поселил мятежных казаков слишком близко от границ ее империи. Страшась ее гнева, султан повелел казакам покинуть облюбованные им берега Турлы между Бендерами и Аккерманом (Чебаркуль, Чобручи, Волонтировка, Паланку...) и искать пристанища подальше от России. В 1777 году запорожцы попробовали поселиться за Сулинским гирлом на Кара-Ормане недалеко от села Липованское (будущее Вилково), но между казаками и старообрядцами произошли кровавые столкновения, после чего казаки переселились в низовья реки Сирет, недалеко от ее впадения в Дунай. Не прижилась новая Сечь и там, так же как и в брэильских плавнях, а затем в Катерлезе, недалеко от Георгиевского русла дельты Дуная у самого Черного моря.

В конце концов, казалось уже надолго основали казаки новую Сечь на высоком сухом месте на старом русле, через которое в давно минувшие времена Дунай вливался в Древне-Дунайский залив — на Дунайце между озером Разелм и Георгиевским руслом Дуная. И тут не обошлось без кровопролития — запорожцы выбили из этих мест старообрядцев-некрасовцев...

Кошевым атаманом в то время был старый запорожец Самийло Калныболоцкий. Задунайская Сечь подчинялась брэильскому паше, но ее кошевой султанатским фирманом был наделен властью двубунчужного паши такой же, как господари Валахии и Молдовы... Таким образом, он вполне мог считать себя ясновельможным. (По петровской «Табели о рангах» ему светил чин никак не более полковничьего...).

И в новой Сечи чтили казаки традиции Сечи Запорожской: как и там, в Задунайской было сорок куреней, церковь Покров Святой Богородицы, грамоты и султанские фирманы о казачьей вольности, причиндалы кошевого — пернач и бунчук. Ежегодно первого октября торжественно, как и в Сечи Запорожской выбирали задунайские казаки кошевого и все старшины. Веселым, иногда буйным загулом завершались выборы, которые совпадали с храмовым праздником Покров...

По договору с султанатом, Задунайская Сечь, в отличие от дунайских княжеств XVIII века, имела свое войско, в основном пехоту, немногочисленную конницу, артиллерию и небольшую военную флотилию. В случае войны, Задунайская Сечь обязана была выставлять от одной до тридцати тысяч войска, которое получало от султана жалование, оружие, обмундирование и пищевое довольствие. Чем больше слабела Оттоманская порта, тем чаще доводилось казакам-задунайцам ходить по-

ходами на гайдуков, на подавление крестьянских и национальных антитурецких восстаний...

Особенно неприятно было идти казакам на войну против единоверцев — на войну с Россией. Недаром в казацкой «думе» пелось:

Ой, наробили славні запорожці
Та великого жалю,
Що не знали якому царю поклонятися
Турецькому?
Під ним добре жити,
Та одне — не добре —
Брату брата бити...

А такое случалось — русско-турецкие войны следовали одна за другой. (В 1807 году генерал Ланжерон жаловался, что его 15-тысячный корпус не смог взять крепость Брэилу, которую обороняли 300 казаков). Когда же задунайцы не воевали под зеленым знаменем султана, они, как и большинство жителей Придунавья, занимались главным образом рыболовством, охотой, со временем — земледелием, особенно огородничеством. Немалое значение имели также садоводство, виноградарство, пчеловодство. Старшине запорожских корней было вольготно на султанских землях и хлебах, среди же «бесшабашной босоты», которую притесняла старшина, все больше нарастало чувство ностальгии по родине и желание сменить старшину на представителей своего круга. О ностальгии убедительнее всего говорит фольклор:

Ой там, за Дунаєм,
Крутим бережком
Ой, там розмовляє
Сокіл з козаком.
Ой, ти сокіл, соколоньку,
Братику ти мій,
Чи не був, ти, брате,
На моїй стороні.
Чи плаче, чи тужить
Дівча по мені?

И бежали задунайцы на левый берег Дуная — в Килию, Кара-Мехмет, Липованское (Вилково) — там появилась украинская слободка, в Измаил в дебри дунайских плавней...

Некоторое время после Ясского мира 1792 года казалось, что в отношениях между Оттоманской и Российской империями наступило «потепление»: Турция не бряцала оружием, Россия выговорила себе право

покровительства над православными Балкано-Дунайского региона. Но, замышляя поход на Москву, Наполеон I решил в своих геополитических интересах разыграть «турецкую карту». Он убедил султана Селима III, что в союзе с ним Турция сможет вернуть себе утраченное Причерноморье и Крым. И высокая Порта пошла на резкое обострение отношений с Россией. Без ведома последней она сменила господарей Молдовы и Валахии, закрыла черноморские проливы для российских судов, стала стягивать к Днестру свои войска... В 1802 году султан приказал перенести местопребывание задунайского коша в Татарбунары, а казакам — занять позиции на Днестре... Оттоманская Порта взвинтила старые и ввела новые налоги и поборы, так что в 1802 году Молдова лишь официально платила Оттоманской империи сумму в пять раз большую, чем в 1791 году. Молдавские бояре и духовенство засыпали Петербург мольбами о защите Молдовы от опустошения и об освобождении от османов...

Усилились гонения на балканских православных — по балканским владениям Оттоманской империи прокатилась волна антихристианских погромов, унесшая жизни многих тысяч подзащитных русского царя. В ответ на эти действия в ноябре 1806 года российские войска получили приказ перейти Днестр, после чего Турция объявила войну России. Это поставило Российскую империю в сложное положение — ее вооруженные силы уже давно были втянуты в крупномасштабные боевые действия на главном, западном направлении. Для эффективных боевых действий на открывшихся Кавказском и Дунайском фронтах сил явно недоставало. Поздней осенью 1806 года российские войска осадили Аккерман. Турки оборонялись упорно, одновременно методически уничтожали город и его население. 1 декабря 13-я пехотная дивизия генерала А.Э. Ришелье заняла город, от которого почти ничего не осталось, как и от его населения. После тяжелого марша с боевыми стычками у Байрамчи (Николаевка Новороссийская) и Татарбунар, дивизия Ришелье 9 декабря 1806 года вошла в Килию. На этот раз — без боя. К тому времени некогда грозные бастионы, стены и башни крепости были во многих местах разрушены, окружающий крепость ров — сухой, наполовину засыпанный, заросший травой...

Боевые действия на дунайском фронте то затихали, то вспыхивали вновь — война опасным для России образом затягивалась. Командованию дунайской армии катастрофически не хватало войск. Поэтому ее командующий, генерал Михельсон с помощью генерал-губернатора Новороссии Ришелье, принялся формировать волонтерские полки из аккерманцев, килийцев: бывших черноморских казаков, беглецов из Сечи

Задунайской, а также крестьян, которые из разных губерний России, Украины, Молдовы бежали от крепостников — помещиков. В формировании этих волонтерских полков активное участие принял, в частности, капитан интендантской службы, в прошлом — один из мужественных участников легендарного суворовского штурма Измаила, И.П. Котляревский. 20 февраля 1807 года император Александр I подписал Указ о создании Усть-Дунайского казачьего войска. Его первым двум полкам были вручены боевые знамена, печати с изображением Дуная в виде дуги, креста с традиционным солнцем и полумесяцем. Надпись по кругу печати гласила: «Буджакское Усть-Дунайское войско. 1807 год». Канцелярия войска располагалась в наскоро отремонтированной цитадели Килийской крепости. В периметре ее прямоугольника, протяженностью в 1700 метров имелось четыре бастиона и пять башен. Крепостная мечеть сразу же была приспособлена под гарнизонную крепость. На территории крепости находилось пять казарм для гарнизона, обширное и прочное караульное помещение, в этом же строении размещался штаб. В крепости также имелся вместительный каменный интендантский склад, два арсенальных здания, обширный каменный пороховой погреб в три отсека, восемь небольших домов для офицеров. Когда в 1806 году война началась, главнокомандующий дунайской армии генерал Михельсон послал в Задунайскую Сечь «Открытый пригласительный лист», в котором призывал казаков переходить на сторону российской армии. На этот призыв откликнулось более 500 казаков, которые во главе с сотниками Иваном Губой и Фомой Бучинским перешли Дунай и вскоре влились в состав Усть-Дунайского войска. Таким образом, Задунайское казачество оказалось расколотым: одна часть его разбежалась по плавням и некоторым левобережным населенным пунктам, в которых еще раньше обосновались беглецы в правобережья, другая стала Усть-Дунайским войском, треть осталась на службе у султана...

Организационно Усть-Дунайское войско было почти точной копией войска запорожского. Его атаманом был назначен майор российской армии Подлесецкий, т.к. никакого казацкого самоуправления в этом войске уже не было. Оно полностью подчинялось российской Дунайской армии, а его старшина назначалась.

Часть этого войска под командованием хорунжего Ивана Гайдабуры дислоцировалась в Килии. Другая часть составляла морской отряд, базирующийся на Килию и Измаил. Основные же силы Дунайского казачества под командованием самого майора Подлесецкого действовала в районе Галац — Брэила.

Формируемое в Килии Усть-Дунайское казачье войско отличилось в боях за Измаил. На островах дельты, при осаде и взятии задунайских турецких крепостей, оно пополнялось новыми полками ибо в них была большая нужда. После того, как герцог де Ришелье вернулся к обязанностям генерал-губернатора Новороссии, комендантом Килии, ее крепости и округи некоторое время был любимец и соотечественник Ришелье, генерал Ланжерон. Он не был силен в русском языке, совсем не знал молдавского и турецкого, рутинные проблемы края его утомляли, их масштабы казались ему мизерными. Считая себя великим полководцем, генерал добился перевода в действующую армию.

Между тем война затягивалась. В ходе ее в Оттоманской империи сменилось три султана: свергнутого в 1807 году Селима III, образованного, но мягкого, вялого, сменил Мустафа IV, которого в свою очередь, в 1808 году заменил Мухаммед II. Этот жесткий, изворотливый, коварный султан правил империей до 1839 года. Часто сменялись и командующие турецкой армией на Дунае. Российской Дунайской армии тоже долгое время не везло на командующих. Генерал Михельсон (которому в 1775 году старшина уральского казачества выдала связанного Пугачева) полководческими талантами не отличался, он и сам признавал это и, командуя Дунайской армией, предоставлял своим генералам полную свободу действий, коей они пользовались каждый по своему усмотрению. Сам же командующий предпочел скончаться от старости и невоздержания в еде...

Сменивший Михельсона старик Прозоровский вскоре тоже скончался вдали от боевых действий. Впавшему в старческий маразм фельдмаршалу Каменскому все же хватило благородства уйти на пенсию по собственному желанию...

Удачно, но очень короткое время командовал армией талантливый, суворовской выучки, генерал Багратион. Командуя Дунайской армией, он не только нанес туркам несколько поражений (правда, исход войны не решивших), но и женился на такой же, как сам темпераментной княжне из старинного богатого валашского рода Вэкэрешть... Полководческий талант Багратиона понадобился на главном — западном стратегическом направлении, куда он и был направлен командовать второй армией...

Сменивший его молодой 32-летний генерал Каминский (младший) был талантливым военачальником, но ему недолго довелось командовать Дунайской армией — он скоропостижно умер от сокрушительной лихорадки... В Дунайской армии были и другие молодые, подающие

надежды военачальники, но... Сердце генерала Милорадовича заполонила красавица-княжна Филипеску, и генералу было не до войны...

К тому же, отцу своей возлюбленной — ярому франкофилу и баснословному богачу — генерал задолжал огромную сумму денег, и командующий самой крупной группировкой российской Дунайской армии не замечал, что суть его донесений Петербургу раньше доходит до... Парижа.

Зажигательные валашско-молдавско-греко-армяно-турецко-албанских кровей бухарестские красавицы полонили сердца не только Багратиона и Милорадовича, но и многих других генералов российской Дунайской армии да так, что за дружеским застольем на вопрос: «Как поживает Ваша жена, Ваше превосходительство?» Его превосходительство нередко отвечал вопросом: «Какая? Та что в Петербурге или здешняя?»

А интриги Парижа становились все опаснее. Их плел сам Наполеон. Поверенный Франции в Стамбуле передал султану Махмуду II письмо Наполеона с предложением не подписывать мира с Россией, за что обещал вернуть Оттоманской империи все земли, отобранные у нее Россией за последние 60 лет...

Примерно то же обещал Турции и австрийский император через своего посла.

А на восток, к границе государства Российского, уже двигались корпуса наполеоновской армии нашествия... В этих условиях России очень нужен был мир с Турцией. Но такой мир мог быть заключен только после быстрой и решительной победы над турками, такой победы, после которой турки сами срочно запросили бы мира и без проволочек подписали бы его... Как отмечалось выше, генерал Ланжерон тяготился скромной должностью коменданта Килии и округи: ну что ему до того, что обновляется главный иконостас Николаевской церкви — старинная фресковая роспись заменяется масляной по дереву, горожане обратились с просьбой о перестройке крепостной мечети в православную церковь, а при чем здесь он, генерал?! Строительство шлюза между Дунаем и озером Хаджи-Гел (южная часть Китай-озера) — т. н. Коффа, и даже формирование новых полков — все это мелочь! Ему, полководцу, нужна целая армия, ну хотя бы Дунайская! И вот он в Бухаресте. Со смертью молодого Каменского Ланжерон развивает бурную деятельность: суетится, критикует, негодует, а решающей победы над турками, которая нужна все больше, — нет. Только гениальный Кутузов в феврале 1811 года, принявший под свою команду Дунайскую армию (всего шесть дивизий), смог этими ограниченными силами нанести туркам поражение, решившее исход всей войны, поражение у Рущука (Русе) — Журжу.

Кутузов выманил основные силы турок — 60 000, на левый берег Дуная в Валахию, нанес им большие потери артиллерийским огнем и наглухо заблокировал остатки этой группировки, оказавшейся без продовольствия, боеприпасов и в летнем обмундировании... тем временем, корпус генерала Маркова, переправленный через Дунай, произвел страшное опустошение в тылах оттоманов, отрезав окончательно пути отступления турецкой армии, из которой сумел вырваться только ее главнокомандующий Ахмед-паша (Ахмедка), хорошо знакомый Кутузову еще по предыдущей русско-турецкой войне, а теперь — великий визирь Высокой Порты.

После этого турки запросили мира. Впрочем, ведя эти боевые действия, Кутузов воевал уже не с турецким султаном, а с французским императором, у которого выиграл первое важное сражение будущей, формально еще не объявленной, войны. В этом же аспекте правомерно рассматривать и многообразную интенсивную административно-хозяйственную деятельность Кутузова в тылах Дунайской армии. В отличие от недовольного его приездом в Бухарест Ланжерона, Кутузов уделял этой работе много внимания. Заботясь об упрочении южного фланга России в стремительно приближающейся войне с Наполеоном, М.И. Кутузов сделал все, чтобы этот фланг был надежно обеспечен. Поэтому из Рени, Измаила, Килии, Аккермана и бывших придунайских турецких рай было завершено выселение турок, татар, ногайцев. В городах и крепостях были созданы хорошие условия для войск, которые в возможной войне на этом фланге должны будут преградить путь любому врагу. По распоряжению Кутузова в буджакские степи и дунайские плавни были разосланы опытные офицеры инженерной, интендантской, административной службы, которые должны были определить места для будущих поселенцев: русских, украинцев, молдаван, болгар, сербов, гагаузов, албанцев и других — в недалеком будущем жителей опустошенного и опустевшего края — тех, кому этот край возвращать к жизни.

И в буджакской степи, и в дунайских плавнях не раз задания такого рода выполняли капитан И.П. Котляревский. Казаки усть-дунайцы, часто перевозя будущего автора «Энеиды» через Дунай, приглашали его к себе на службу, даже обещали сделать его своим старшиной. Еще в апреле 1811 года М.И. Кутузов добился у царя льгот для поселенцев, прибывающих из-за Дуная: 60 десятин земли в вечное наследственное пользование — каждой семье, полное освобождение от военной службы и полную свободу вероисповедания. Результаты не замедлили сказаться: через год в крае обосновались 20 000 поселенцев, прибывших из-за Дуная.

Как человек своего времени и представитель своего класса, М.И. Кутузов жестоко подавлял всякое сопротивление власти в завоеванном крае, всякое социально-политическое движение, угрожающее самодержавно-помещичьему строю. Зимой 1812 года, когда Дунай замерз, Кутузов направил в плавни и тигечские кодры значительные силы своей армии для ликвидации гайдуцких отрядов Бужора, тревоживших южнобессарабских помещиков.

Пойманный предводитель гайдуков, герой молдавского эпоса по приказу Кутузова был казнен... А мирные переговоры с Высокой Портой, как и предшествовавшая им война, были долгими и мучительными. И тут искусство Кутузова-дипломата оказалось столь же блестящим, как и искусство Кутузова-полководца. Столь нужный России мир был заключен 16 мая 1812 года — за 26 дней до вторжения наполеоновских полчищ в пределы России. Договор подтверждал права России на защиту православных жителей балканского полуострова: особый статус Молдовы и Валахии — возможность смены их господаре лишь с согласия России и другие особые права России в этих княжествах. Турция обязывалась освободить население этих княжеств от всех налогов в течение двух лет: сербы — участники антитурецкого восстания получали амнистию, их страна — автономию в решении внутренних вопросов; российские купцы — право свободной торговли по всему Дунаю. Турция обязывалась не воевать на стороне Франции, и самое главное — к Российской империи отошла Бессарабия. Кстати, и на листе наполеоновского атласа 1812 года слово «Бессарабия» обозначает всю территорию между Прутом, а не только Буджак. А Михаил Илларионович Кутузов вместо наград за славные военные и дипломатические победы над Оттоманской империей получил опалу. Он тепло попрощался с войсками и штабом Дунайской армии, передавая их... адмиралу Чичагову. Императору Александру I М.И. Кутузов написал специальную реляцию об особых заслугах вилковчан в минувшей войне. Полководец подчеркивал, что: «Еще в 1807 году жители селения Вилково оказали свое усердие, переводя в килийские гирла суда флотилии нашей, перевозя на своих лодках по реке Дунай провиант и прочие казенные потребности к флотилии и сухопутным войскам без всякой от казны платы, оставляя даже свои промыслы. Народ сей единоверующий с нами, мужественный, по многим обстоятельствам заслуживающий немалого внимания...» И не ожидая царского внимания к этому мужественному народу, Кутузов своею властью предоставил вилковчанам право безвозмездно пользоваться рыболовными угодьями малой дельты Дуная.

В той войне вилковчане также принимали участие непосредственно в боевых действиях, они, например, дерзким налетом захватили турецкую батарею в Сулине, чем обеспечили доступ российского флота в это гирло Дуная. Своей помощью российской армии вилковчане вызвали озлобление части задунайских казаков. Дело дошло до того, что те совершили налет на Вилково, сожгли часть поселения и увели в турецкие владения группу женщин и детей...

Не успела еще закончиться война, а демографическая обстановка в Бессарабии, особенно на юге края, стала быстро меняться. На земли, покинутые турками, татарами, ногайцами, стали массами поселяться беглые крестьяне из Молдовы, Валахии, Украины, России, а также беглецы из балканских стран, казаки из Задунайской Сечи. Не было отбоя и от добровольцев в Усть-Дунайское войско — оно росло так быстро, что это напугало царизм и он решил избавиться от этого, быстро разбухающего войска. Летом 1807 года царским указом это войско было реформировано. Первые два полка его было приказано перебросить на Кубань, дальнейший набор в это войско прекратить. Но многие усть-дунайцы не захотели покидать благодатный придунайский край. Они основали казачьи села — Дракуля (Трудовое), Новониколаевка Килийского района, Староказачье Белгород-Днестровского района. Они заселяли селения, покинутые турецкими военнопоселенцами — спахиями, тимариотами и другими. Так случилось с Кара-Мехметом (Шевченково) Килийского района, Акмангитом (Белолесье) Татарбунарского района, с самими Татарбунарами, Байрамчой (Николаевка Новороссийская) Белгород-Днестровского района и рядом других поселений юга Бессарабии. Многие казаки осели в Килии, Вилково, Измаиле, Аккермане... Так или иначе всем им, их потомкам принадлежит большая заслуга в возрождении юга Бессарабии после присоединения края к России. Итак, в том, что касается территориальных приобретений в результате последней русско-турецкой войны, то в своем указе по этому поводу император Александр I признавал следующее: «Россия включила в свои границы плодородную территорию с многочисленным населением, включая известные крепости: Хотин, Килию, Измаил, Аккерман и множество городов».

Тогда, по горячим следам, российский император признавал: «Россия включила...» Это совсем не то, что полтора века спустя уклончиво мямлила советская историческая наука и вся пропаганда: «В 1812 году молдавский народ соединил свою судьбу с великим русским народом...» или: «В 1812 году Бессарабия навеки соединила свою судьбу с Россией...»

На самом же деле, после Ясского мира (январь 1792 года) так называемый «восточный вопрос» на некоторое время перестал быть злободневным. Так было до Тильзитского мира с Наполеоном (июнь 1807 года). Но условия этого мира, ущемившие российские политические и экономические интересы побудили Александра I, с подачи своего «союзника» Наполеона, вновь вернуться к проблеме расчленения Оттоманской империи. Первоначальные аппетиты России были громадными: «Княжества дунайские вместе с Бессарабией должны быть на вечные времена присоединены к Империи Российской», — заявлено было турецкой стороне осенью 1809 года. (См. Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Дунайские княжества», д. 5, л. 120-121).

9 октября 1811 года уже М.И. Кутузов получил от канцлера, министра иностранных дел А.П. Румянцева указания: «Приобретения наши ограничить одною Молдавиею с Бессарабией». (См. вышеуказанный архив. Фонд дипломатической канцелярии, д. 15, л. 28—29).

Но и это не было последней чертой, на которую отступила русская дипломатия в процессе долгих мучительных переговоров с турецкой стороной. 22 марта 1812 года канцлер Румянцев прислал Кутузову новые условия мира, на которые соглашался российский император: «Река Сирет должна служить границей между двумя империями». (См. «Внешняя политика России в XIX, начале XX века», т. IV, стр. 737).

Наконец, 3 апреля 1812 года уже сам Александр I предписал М.И. Кутузову: «В самой же крайности дозволяю Вам заключить мир, положа границею Прут до впадения онного в Дунай». (См. М.И. Кутузов. Сборник документов, т. 3, стр. 850. М., 1952 г.). Так что в ходе переговоров, завершившихся подписанием Бухарестского мира 16 мая 1812 года, очень непросто установить, где кончается сила права и где начинается право силы...

Короче говоря, с присоединением Бессарабии к России возник и болезненный т.н. «Бессарабский вопрос». Первой его подняла «Блистательная» Порта. (Каждая из сторон которой он, этот вопрос, касается, толкует его по-своему). Хитрый, изворотливый султан Мухаммед II с подачи французских советников и самого Наполеона I представлял дело так, будто бы в ходе бухарестских переговоров о мире его бессовестным образом надули российские дипломаты и военные с помощью подкупленных дипломатов и других чиновников турецкой стороны на этих переговорах, — чиновников, которые писали, переводили документы, составляли карты и делали надписи на них. Хитроумный султан утверждал, что, соглашаясь на передачу Бессарабии Российской империи, он

имел ввиду традиционный историко-географический смысл слова «Бессарабия» — обозначающий Страну бессарабов, в общем Буджак — земли между Прутом и Днестром, Дунаем и верхним Траяновым валом. Порта утверждала, что турецким дипломатам, каймакану (наместнику) султана при господарях Молдовы и Валахии, Панайоту Морузи и его брату Дмитрию Морузи — главному драгоману (секретарю-переводчику) турецкой стороны на мирных переговорах, а также Манук-бею — богатому влиятельному армянину Манукяну, который не раз оказывал «деликатные» услуги турецкому султану, его главному визирю, на этот раз Кутузов уплатил огромные деньги за то, чтобы все они «не заметили» и не объяснили султану, что в российском толковании слово Бессарабия означает совсем не то, что в турецком... Почему султан и подписал договор...

Изворотливый султан Мухаммед II «забыл», что, отправляя турецкую делегацию на последний раунд переговоров о мире с Россией, он самолично дал указание Главному визирю (премьеру правительства) Ахмеду-паше, возглавляющему турецкую делегацию, передать российской стороне следующее: «Отдаю Прут и ничего более (к тому времени российская сторона настаивала на границе по реке Сирет), Прут — или война! Мы и без того до сих пор жертвовали страшно многим — один лишь Измаил окупит все ваши расходы на войну. А вам отдаются еще: крепости Килия, Аккерман, Бендеры, Хотин и прекрасная область Буджак, а также Гречень, Кодру, Лэпушна, Орхей, Сорока, части районов Яссы и Кырлигэтура — на левобережьи реки Прут». (См. И. Нистор «История Бессарабии», 1911 г., стр. 171). Сам этот румынский историк и политик отмечает, что это — вся территория между Прутом и Днестром.

Так или иначе, за реальное или приписываемое им деяние братья Морузи поплатились головами, перебежавшие же к русским члены их семей получили от русского царя дворец в Кишиневе и огромные владения на юге Бессарабии. Манук-бей-Манукян со своими многочисленными домочадцами сумел вовремя скрыться в Бессарабии от султанского гнева. Это семейство получило от русского царя обширные владения в Хынчештах под Кишиневом и в Таврической губернии. Князья Морузи впоследствии породнились даже с германским императорским домом, а последний прямой отпрыск искателя приключений Манукяна умер в благодатной Одессе лет через сто после событий, описанных выше...

Турецкая версия возникновения пресловутого «бессарабского вопроса» — жульничество, рассчитанное на простаков, начисто опровергается

документами — строгими, достоверными документами. Из этих документов явствует, что в ноябре 1811 года турки были готовы отдать России Бессарабию до Прута, но без Подунавья с его Измаилом, Килией и Аккерманом. В марте 1812 года турки уступали и Аккерман, в апреле были готовы уступить всю Бессарабию до Дуная, но настаивали на том, чтоб у Кагула построить себе новую крепость... Для того, чтобы получить то, что Россия получила, Кутузову пришлось в порядке дипломатического аргумента предъявить турецкой стороне на переговорах письмо Наполеона I российскому императору, из которого следовало, что он, Наполеон, предлагает поделить Оттоманскую империю между Францией и Россией так, чтоб последней отошли дунайские княжества целиком и многое другое на Балканах, кроме Греции! После консультации с султаном, турецкая сторона 16 мая 1812 года договор подписала. В договоре однозначно оговаривалась передача России территории, которую ограничивал: «Прут с того места, в котором он вступает в пределы Молдовы, до его слияния с Дунаем, затем от этого места, левый берег этой реки до ее впадения в море, будут представлять собой границу между двумя империями — Российской и Турецкой». Эта разграничительная линия четко легла на прилагаемые к договору карты. Позже текст этого договора с описанием разграничительной линии вошел в знаменитый «Полный свод законов Российской империи». Так что никакого обмана ни с какой стороны в процессе переговоров не было и в помине. Искусство дипломатии, веские аргументы в пользу отстаиваемой Кутузовым позиции — да! Но не надувательство!»

Претензии Молдавского княжества по поводу того, что Бессарабия была присоединена к России впервые была высказана в «Меморандуме» Боярского собрания Молдовы — ее Дивана господарю Молдовы фанариоту Калимаки Скарлату 26 октября 1812 года: «Захваченная территория есть тело и сердце страны и имеет большое значение для населения и домашних животных всей страны, будучи ее житницей. Там расположены поля пшеницы и ячменя в то время, как остальная Молдова — это земля, на которой выращивается кукуруза. Молдова лишается шести цинутов: самого большого Оргеевского или Лэпушнянского, второго по величине — Сорокского, третьего — Хотарниченского, четвертого — Греченского (на юго-западе Бессарабии), пятого — Кодру (севернее Кишинева), шестого — Ясского, его восточной части (по левому берегу реки Прут) и, естественно, — Хотинского и Буджакского края. Все это — более половины Молдавского княжества. Что ж, бояр можно понять и как молдаван, и как собственников.

О жалобах консервативного молдавского боярства на присоединение Бессарабии к России даже через сто лет после этого события румынский историк Н. Иорга писал: «Жаловалось боярство, лишенное идеала и чувства патриотизма. О потере самой богатой части Молдовы сожалели помещики».

Когда Наполеон I вторгся в Россию, митрополит молдавской православной церкви Вениамин обратился к тому же господарю с требованием, чтоб тот обратился к щедрому на обещания французскому императору и просил у него возвращения Бессарабии Молдове... Господарь Молдовы Скарлат промолчал! После разгрома Наполеона всесильный канцлер Австрийской империи Метерних, говорят, подумывал о том, как поднять «Бессарабский вопрос» на первом Венском конгрессе, делившем посленаполеоновскую Европу. Но и Метерних благоразумно промолчал...

Румынская интерпретация злополучного «Бессарабского вопроса» родилась значительно позже самой Румынии — где-то в конце XIX века. Румынские историки некоторое время просто пересказывали версию турецкую, их же «собственная» свелась к тому, что: «В 1812 году побежденная Турция расплатилась с победительницей Россией не своей, а румынской территорией. Но в 1812 году, когда разрабатывался и был подписан российско-турецкий договор, до образования Объединенных принципатов было еще почти полвека, а до независимого от Оттоманской империи Румынского королевства — промежуток времени в 66 лет с двумя русско-турецкими войнами, многими реформами, государственным переворотом в принципатах и со многими другими событиями.

Вообще названия «Молдова», «молдаванин» были широко распространены в Европе уже более века, когда понятий «Мунтения», «Мунтян», «Ардял» (Трансильвания), «Арделян», тем более «Румыния» и «румын» и в помине не было. Государство между Дунаем и Южными Карпатами действительно появилось раньше Молдовы, но называлось оно вначале именем князей-основателей: «Страной Бессарабов» (оно охватывало и Нижнее Подунавье, и на эту и только на эту территорию еще в XVIII веке распространялось название «Бессарабия»)... после смены династии Бессарабов за страной закрепилось название «Валахия», а попутно-географическое Мунтения — топоним от особенностей рельефа (гористая).

По мнению исследователей истории румынского языка, на территории между Дунаем и Карпатами слово «румын» применительно к чело-

веку означало зависимый, крепостной (см. В. Стати «Стефан Великий». Кишинев. 2004 г.).

Земля между Восточными Карпатами и Днестром, как свидетельствуют венгерские летописи, землей молдавской называлась, т.к. на ней жили независимые молдаване еще до образования Молдавского княжества (1359 г.). Те же летописи и многие государственные документы того же времени и нескольких последующих веков свидетельствуют, что земли между Дунаем и Карпатами принадлежали королям венгерским и назывались Угро-Влахией. Валашские же господари были вассалами венгерских королей. Название Румыния было присвоено этому государству только после русско-турецкой войны 1877—1878 годов (см. там же).

О валахах же, особо некоторых их господарях, Стефан говорил, что они для Молдовы — «то же, что и турки» (см. Летописцул Молдовы). Тенденция же подмены понятий «Молдова», «молдаванин», понятиями «Румыния», «румын» стала проявляться к середине XIX века и тогда же многие видные молдаване — деятели культуры и политики обоснованно выступили против такой подмены. По этому поводу писатель Алеку Руссу писал: «Бедный Стефан, где он чтоб видел — мы уже румыны... Мы уже, как говорят в народе, ни турки, ни турлаки».

Непримиримо относился к смешению понятий «Молдова» — «Румыния», «молдаванин» — «валах» — «румын» классик молдавской литературы Василе Александри, да и сам первый принцепс Объединенных принципатов Александр Куза... Что и припомнили ему заговорщики, вынудившие воевода отречься от престола и эмигрировать... Только в 1862 году Бухарест был объявлен единой столицей принципатов и в нем собралась первая сессия парламента единого государства. На банкете по этому поводу слова «румын», «Румыния» произносились неофициально, однако послы многих европейских государств в Бухаресте получили указания от своих правительств эти слова не употреблять даже в неофициальных разговорах, так как государства с таким названием нет на карте мира... Кто может отрицать эти факты, эти реалии того времени? Разве что невежды или же фальсификаторы истории.

А историческая истина, объективная и неопровержимая, состоит в том, что тогда, в мае 1812 года, не только Россия получила желаемое — мир с Турцией и Бессарабию, но и многострадальная Бессарабия, после более чем 300-летнего кошмарного турецкого ига, получила мир и избавление от этого кошмара. В тех конкретных исторических условиях это избавление могло произойти только так, как произошло — путем при-

соединения Бессарабии к России. Тогда господарский «Диван» Молдовы высказался по этому поводу однозначно, четко (хотя и напыщенно): «От всей души земля Молдавская обращает к небу благодарность славной победоносной защитнице веры христианской, освободительнице и спасительнице — Российской армии Его императорского Величества, даровавшей счастье освобождения верующим православным».

Благостная для всех православных истина выражена словами этими, — истина не на одно то, давно минувшее время... закономерен вопрос: а как молдаване, нет, не бояре, не члены Высшего Государственного совета, а простые люди, жившие тогда по обеим берегам Прута, восприняли присоединение Бессарабии к России? Для того, чтобы понять их отношение к этому событию, надо иметь в виду, что тогда они были вовсе не румынами в современном понятии, а на карте Европы была не Румыния, а Валахия — Мунтения и малая Валахия — Олтения. А это вовсе не равнозначно Королевству Румынии, или хотя бы Объединенным принципатам Молдовы и Мунтении.

Избавления от турецкого ига молдавский народ ждал и радовался ему наверняка больше своих бояр. Но с другой стороны, присоединение Бессарабии к России нарушало сложившееся на протяжении веков единство молдавского народа по крови, языку, культуре, вере. В сознании людей, живущих по обе стороны Прута, этот факт не мог не восприниматься как разрыв единой семьи, единого тела. Тогда это ощущение разрыва ярче всего выразило устное народное творчество. Вот только один фрагмент такого фольклора:

Этот Прут нас разделяет,
Этот Прут не высыхает...
Но однажды мы возьмем
И до дна его испьем!

Но это — только во второй половине XIX века. А после в 1812 году Прут еще больше века не был рубежом, наглухо пресекшим связи бессарабских молдаван, бессарабцев вообще, со своими запрутскими братьями. Много просвещенных молдаван творили, как для народа запрутской Молдовы, так и для народа Бессарабии, — И. Крянгэ, К. Негруци — не исключения...

С другой стороны, среди творцов Объединенных принципатов, а затем и Румынии был бессарабец по матери М. Когыльничану... А что касается многих и многих простых людей — крестьян из Северной и Центральной Бессарабии, запрутской Молдовы и Валахии, то для них, как и для многих крестьян Украины, европейских губерний России, юг Бесса-

рабии, Придунавье, Килия были и после 1812 года «землей обетованной», в которую они бежали, спасаясь от крепостного гнета. Для них Прут и Днестр, отделяющие их от крепостников-помещиков были реками спасения, типичные для Придунавья фамилии Запорожан, Коломиец, Ботошану, Бырлэдяну, Молдовану, Влаху, Влахуцэ и многие другие однозначно говорят о том, откуда в наши края пришли предки людей, носившие эти фамилии...

Главный же урок многовекового исторического опыта православных народов, особенно православного славянства состоит в том, что их свобода, независимость — сама их жизнь в решающей мере зависит от их единства. Тогда для установления этого единства много крови было пролито. В летопись боевой славы России были занесены особо отличившиеся в русско-турецких войнах за освобождение Бессарабии полки: Десятый гренадерский Малороссийский генерал-фельдмаршала, графа Румянцева-Задунайского полк, Одиннадцатый гренадерский Фанагорийский, генералиссимуса князя Суворова полк, Одиннадцатый пехотный псковский генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского полк, Шестьдесят второй пехотный Суздальский генералиссимуса князя Суворова полк, Четвертый драгунский Новотроицко-Екатеринославский генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк, Первый Донской казачий генералиссимуса князя Суворова полк, Сто двадцать девятый пехотный Бессарабский полк, Сто тридцать второй Бендерский пехотный полк, Сто восемьдесят девятый пехотный Измаильский полк, Сто девяносто первый пехотный Ларго-Кагульский полк, Восьмой гусарский Лубенский полк... Да, великая ратная слава родилась в кровопролитных боях за освобождение Бессарабии! Немалая ее доля добыта сынами Украины!

XI. ПОД КОРОНОЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Более чем трехсотлетнее турецкое иго, бесчисленные войны привели Бессарабию в страшное запустение. Пустовало главное богатство края — земля. Площадь территории, присоединенной к России, равнялась 45630 квадратным километрам (на 7400 квадратных километров больше того, что осталось под властью молдавского княжества), проживало на ней 482630 человек.

Из миллионов десятин земли кое-как преимущественно деревянной сохой, а то и мотыгой обрабатывались сто тысяч десятин...

Обмельчали города, край не знал промышленности, даже в зачаточном виде, почти исчезли ремесла...

«Мое намерение состоит в том, чтоб даровать области гражданское управление, сообразно с ее нравами, обычаями и ее законами. Все состояния жителей имеют равное право на сие наследие своих предков и на мое к ним благоволение и все: духовенство, дворянство, граждане и народ должны найти равную защиту и покров в сем новом образовании. Мирному земледельцу, промыслам и торговле будет оказано полное покровительство. Я хочу, чтоб сия плодородная земля оживилась новой жизнью. Ожидаю того от усердия моего уполномоченного, и от единодушного содействия всех жителей Бессарабии», — писал в Рескрипте Александр I.

Соответственно этим принципам, Бессарабия царским указом была объявлена областью, пользующейся значительной административной и судебной автономией с традиционным административным делением на «цинуты». (Килийская райя также стала цинутом). Царскими указами гарантировалась сохранность молдавского языка, законов и обычаев края. (В общем, в пределах классического молдавского права). Герб Бессарабской области представлял собой щит, верхнюю часть которого занимала корона российской империи, нижнюю — молдавский герб — голова зубра со звездой меж рогами — на поле золотистом. Во главе гражданской администрации новой области был поставлен молдавский боярин Скарлат-Стурдза (в чине бригадного генерала Российской армии), ему был придан и традиционный боярский совет — «диван», в который пер-

воначально вошли крупнейшие бессарабские бояре — помещики: Гика, Балш, Катаржиу и другие — все первого класса...

Вся система «традиционной молдавской» власти целиком и полностью подчинялась военному губернатору.

Когда в 1806 году российские войска вошли в Кишинев, он был захудалым городишком с тремя тысячами жителей на земле монастыря Галата. Монастырь отдавал значительную часть своей земли на откуп боярину Макареску, а тот — своему зятю Стражеску. Владельцами обширных поместий в округе были бояре Стурзы, Кантакузины, помещики Дическу, Рышкану, Крупенские и другие.

Первоначально административным центром Бессарабского края был город Бендеры. Но быстро, хоть и беспорядочно росла численность населения Кишинева — в 1818 году она достигла 18000 человек, туда перебралось высшее духовенство Бессарабии и многие семьи крупных дворян, так что царское правительство сочло необходимым сделать центром Бессарабской области Кишинев, что и произошло в 1818 году.

Вице-губернатор Бессарабского края в 1819—1826 годах Вигель так описывает старый — нижний город по берегам речки Бык: «Из лазаретов, бань, прачечных нечистоты выбрасываются прямо на улицы. Везде мусор, дохлые животные, и никто это не убирает. Для стока воды после дождя нет даже канав, никакого освещения, пыль летом, болотная грязь в остальные времена года.

Серьезнейшее препятствие для прохожих — тысячи бродячих собак, в том числе бешеных, которые днем и ночью носятся по городу, наполняя его лаем и нападая на прохожих».

Но в город продолжали поселяться помещики, лица духовные, чиновники, купцы, предприниматели.

Главная часть города, это новые спланированные военными инженерами улицы: Московская, Киевская, Подольская, Армянская, Болгарская, Бендерская и другие улицы «верхнего города».

Застраиваются в «верхнем городе» и улицы Измаильская и Килийская... Планируются и насаждаются городские парки.

В 1836 году был освящен построенный по проекту академика архитектуры Мельникова собор с величавой четырехъярусной колокольней перед ним — тоже Покровский, как и килийский, им же спроектированный.

В 1856 году число жителей Кишинева перевалило за 63000 и по этому показателю к тому моменту город занял пятое место в Российской империи, пропустив вперед только Москву, Санкт-Петербург, Одессу и Ригу. (См. И.Г. Будак «История Кишинева». Кишинев, 1956 г.).

Что касается Килии, то Н.Ф. Михайличенко в интересной книге «Ходатай за пользу общую и государеву» (М., 2004 г., стр. 46) приводит строки записи вице-губернатора Бессарабии Ф.Ф. Вигеля, посетившего Килию в 1825 году. Немецко-шведского происхождения чиновник с пренебрежением пишет: «С самого присоединения сего края ни один губернатор не посещал Килии, посему появление всякого путешественника в ней почиталось происшествием. Меня встретил полицейский офицер. По единственной улице, ведущей из форштадта в крепость, имел я торжественный въезд. Все жители высыпали из домов и бежали за мной».

После Венского конгресса Александр I перестал играть в либерализм, что отразилось и на положении Бессарабской области. Ее наместником был назначен генерал Бахметьев, до этого — Подольский генерал-губернатор. При нем сильное влияние в делах управления краем приобрела... его жена полуполячка, полугречанка. Администрация края оказалась напичкана нечистыми на руку, нахрапистыми родственниками этой женщины. Они принялись грабить край не менее ретиво, чем недавние фанариоты времен турецкого владычества. Это признавали и некоторые российские генералы и чиновники. Один из видных реформаторов генерал Киселев отмечал:

— Там, в Бессарабии, все продается, все имеет свою цену. Исправники грабят потому, что они сами платят за занятие поста от 20000 до 30000 рублей.

Хотя царским указом жители Бессарабии на три года освобождались от налогов, исправники цинутов из местных бояр собирали их в свою пользу.

И даже небезызвестный министр царского правительства Л. Кассо признавал:

— Грабежи оккупационной армии увеличиваются... Бессарабия превращена нашей армией в голую степь и живущие здесь народы не поддерживают больше наши интересы, — выражал опасение министр.

Все явственнее становились русификаторские тенденции администрации области. На новые богатые, но запустевшие земли, в крае, жители которого к тому же на три года были освобождены от податей и воинской повинности, хлынул поток переселенцев. Согласно переписи, проведенной по царскому указу в 1817 году в крае проживало 71048 молдавских семей, 3027 еврейских, 1940 русских старообрядческих, 640 греческих, 530 армянских, 482 болгарских, не считая военных.

Тем временем было разработано и в 1818 году введено «Уложение об образовании Бессарабской области», в котором получили дальнейшее

развитие принципы либерального административного устройства, присоединенного к империи края. Сам царь приезжал в Кишинев на торжества по случаю введения в силу нового «Уложения» — своеобразной конституции для Бессарабии, сходной с теми, которыми царизм облагодетельствовал Царство Польское, Финляндию, Грузию и о которой сама необъятная Россия и мечтать не смела.

В системе административного деления края сохранились прежние традиционные «цинуты», во главе которых были исправники из числа местного дворянства. Те в округа назначали окружных начальников, представителями власти в селах были сельские старосты. В городах властные функции выполняли городские думы с городским головой. Население городов делилось на девять сословий, верхними из которых было духовенство и крупное дворянство. В самом низу сословной лестницы — цыгане и жиды — низы еврейских общин городов...

Все административные должности от сельского старосты до членов высшего боярского Совета согласно «Уложения» были выборными. Но электорат был строго ограничен — состоял из землевладельцев, в собственности которых было не менее трехсот десятин земли... На юге Бессарабии, как в области, пограничной с Оттоманской империей, к тому же обезлюдевшей в результате войн и после выселения турок, татар и ногайцев, административные функции выполняли преимущественно чины военные. В последующем, при царе Николае I особенно с введением в 1829 году «Регламента» графа Воронцова для Бессарабии, «автономия» края стала эфемерной.

А Придунайский край, Килия? Еще весной 1808 года комендант Килии майор Лавров приказал своим чиновникам произвести дотошную перепись населения и инвентаризацию хозяйства города и округи.

Результатом явились два документа: «Перепись находящихся в Килии на жительстве обывателей с показанием, каких наций и закона (конфессии) и чем пропитание имеют» и «Ведомость домам, лавкам и магазинам во владении жителей форштадта».

Согласно «Переписи» на июль 1808 года в Килии насчитывалось 312 хозяйств и приблизительно 1560 жителей, без русских и иностранных купцов, пребывающих в городе временно по делам торговли. В форштадте (за пределами цитадели) к «большой крепости» у Дуная имелось 107 лавок, 20 торговых складов, 4 кофейни, одна баня, 12 каменных домов, в том числе полутора и двухэтажных. 77% жителей Килии и форштадта — молдаване, 18,5% — русские и украинцы. Остальные — татары, болгары, греки, армяне, евреи, сербы, арнауты (албанцы), цыгане.

Пропитание имели: 34,6% — от рыболовства, 17,6% — от хлебопашества. Некоторые обыватели одновременно были огородниками и рыболовами. Ремесленники: строители, столяры, плотники, горшечники, сапожники, портные, а также цирюльники, пекари, мельники, пивовары и виноделы составляли около 8% жителей города. Значительная часть жителей Килии занималась торговлей. Из них 47% — мелкие лавочники, торгующие разными товарами, треть торговцев продавали вино и водку местного изготовления и привозные. Десятая часть торговцев торговала продовольственными товарами, 4% — рыбой. Неучтенными остались лотошники, зеленщики и водовозы (сакажи). Документы отмечают, что 1% горожан жил за счет церковных доходов. Это священники, игумен, сотня монахов мужского монастыря при церкви Святого Николая. За ним окончательно были закреплены рыболовные угодья и земля, дарованные еще М.И. Кутузовым в 1790 году. Монастырь сдавал в аренду 14 лавок, владел многими мастерскими, хлебопекарней, баней, просфирной, заезжим двором, виноградными прессами и другими источниками дохода. До 1812 года Килия была самым крупным городом и практически административным центром Придунайского края.

Майор Лавров — не только комендант города Килии и крепости, но и начальник округи — территории от моря до Траянова вала, позаботился о том, чтоб переписи были проведены и во всех населенных пунктах округи. Полученные данные могли бы сослужить хорошую службу в деле развития города и округи. Близость Килии к быстро развивающейся Одессе сказывалась благотворительно и на развитии нашего города — одесские коммерсанты Хиони, Метакса, Ерхаевич основали в Килии филиалы своих фирм. Они владели в нашем городе двадцатью тремя магазинами, торговыми складами, кофейнями, домами и другим имуществом. Тремя магазинами, кофейнями, общественной баней, четырьмя домами, самым большим заезжим двором владел крупный килийский коммерсант М. Семенов. (Через сто лет на деньги купцов Семеновых и Цып в Килии на центральной площади будет построена элегантная часовня — капличка — в ознаменование столетия присоединения Бессарабии к России). Богатыми коммерсантами были болгарин Греку и Тодоров, русские «липоване» Егоров и Алексеев, еврей Цыновал, быстро разбогател, ушел со службы исправник Килийской округи Г. Константинов... Укоренившийся в Килии иностранный капитал на первых порах был представлен богатым торговым домом еврея австрийского происхождения Вильдермана. В последующем килийские Вильдерманы стали крупнейшими лесоторговцами на всем юге Бессарабии.

После Бухарестского мира Килийскую крепость отнесли ко второму разряду сооружений такого рода. Во время нашествия Наполеона на Россию гарнизон города и крепости был многочисленным, чтоб быть надежным заслоном на случай нападения Турции.

Некоторое время в крепости находился штаб командующего дунайской армии, адмирала Чичагова. Дотошный по натуре, он вмешивался во многие мелкие вопросы жизни города, не всегда с толком, но всегда шумно. Ввиду того, что население Килии увеличивалось, одной Николаевской церкви оказалось мало. Жители города обратились к деятельному адмиралу с просьбой о перестройке крепостной мечети в православную церковь.

Просьба пошла по инстанциям государственной и церковной власти, адмирал уехал в действующую армию (где, упустив Наполеона на Березине, как известно, добыл лавры сомнительной славы, увековеченной Крыловым в басне «Щука и кот»), а Успенская церковь была освящена только в 1825 году.

Город тем временем довольно быстро рос, на строительство его домов даже стали идти камни крепостных стен (а еще, при обжиге из этих камней получалась прекрасная известь, что ускорило развал крепости).

Однако, не в последнюю очередь ввиду частой смены военно-гражданского начальства Килии и округи, город хоть и рос, но рос сумбурно, в целом сохраняя восточный азиатский облик.

Но элемент востока в нем, ввиду отсутствия соответствующих жителей, быстро разрушался, захламляя кривые улочки, старые махаля, заплывшие крепостные рвы...

В 1819 году число жителей нашего города достигло 3620 человек. Килийский округ был самым большим на юге Бессарабии, в его составе было 16 сел. Из них село Кара-Мехмет считалось небольшим, небогатым селом. После бегства богатого военнопоселенца — тимариота турка, тут первыми поселились несколько семей усть-дунайских казаков — украинцев...

Зажиточным считалось село Кытай (Червоный Яр). Как и северная часть озера, оно называется по родовому имени вождя одного из татарских племен со времен Орды, кочевавших вокруг озера. После того, как ушли татары из поселения Керман-Кьой (Фурмановка), там поселились молдаване и украинцы. Килийской округе принадлежали села: Чемашир (Приозерное), Хаджи-Курда (Камышовка), Хаджи Ибрагим (Жебрияны — Приморское), Карачук — Карячка (Мирное), Галил-паша — Галилешты — Десантное), Липованское официально стало именоваться

Вилковом (через 25 лет оно будет возведено в разряд городских посадов).

В 1830 году Килия, как и все придунайские города, была подчинена Измаильскому градоначальству, возглавляемому генералом С.А. Тучковым.

Это был не просто энергичный генерал, а образованный человек, мыслитель, поэт, блестящий администратор, сметливый опытный хозяйственник, дипломат. В молодости он был хорошо знаком с автором «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищевым, во многом разделял его взгляды...

Был он и членом уничтоженной по приказу Екатерины II масонской ложи, а после Отечественной войны 1812 года — организатором масонской ложи «Овидий» в Бессарабии и на юге Украины.

Неустанной плодотворной деятельности этого человека во многом обязан Измаил тем, что в исторически краткий промежуток времени стал не только административным центром всего Придунайского края, но и его центром культуры.

Сама изначальная планировка города Измаила с его прямым широким главным проспектом (теперь — Суворова) и несколькими параллельными ему улицами, с монументальными зданиями под колоннами — данью русской архитектурной классике — это тоже память потомкам от генерала С.А. Тучкова...

Очередная русско-турецкая война вызвала у турок на Балканах взрыв славянофобии: свирепствовали турецкие чиновники, аги — офицеры, солдатня — газли, аскеры, янычары. Особенно свирепствовали башибузуки — местная вооруженная охрана и кирджали — разбойники. Вооруженные до зубов, они наводили ужас на местное население — болгар, сербов, македонцев, вырезая целые деревни...

В 1812 году только с Балкан на юг Бессарабии прибыло более 2000 переселенцев. Их число росло из года в год. Они появились в Рени, Измаиле, Килии, подселились в села своих земляков, прибывших сюда еще в XVIII веке, заселяли поселения, брошенные татарами и ногайцами или основывали новые села на казенных землях (Еникьой — Новоселовка, например). Не ждали их в Подунавье молочные реки с кисельными берегами, но были они людьми бывалыми, энергичными, проворными — их вклад в хозяйственном освоении новых земель Российской империи на юге Бессарабии был весомым. Царское правительство, в свою очередь, было заинтересовано в том, чтобы поселенцы были обеспечены землей в мере достаточной для снабжения себя самих и армии продовольствием,

фуражом, транспортом — предстояли новые войны с Оттоманской империей... Царским указом 29 декабря 1819 года все колонисты юга России объявлялись лично свободными землевладельцами, которые навечно наделялись 60 десятинами земли подворно. На 50 лет колонисты освобождались от налогов, воинской и других повинностей.

Колониям было дано право довольно широкого самоуправления и культурно-национальной автономии. Изначально каждому хозяйству выделялось 5000 рублей на обустройство. Впоследствии колонисты раньше других категорий крестьян получили возможность пользоваться банковским кредитом, в том числе из специально организованных колониальных банков. Указом царя определялся район колонизации — государственные земли Буджака. Последнее вызвало отток колонистов из Рени, Измаила, Килии, Вилково, Аккермана, на которые льготы не распространялись. В Килийском округе статусом колонистов пользовались болгары и гагаузы с Еникьой и большого красивого села Чикирлиг-Китай (Суворово), гагаузского села Старые Трояны. Эти села входили не только в Килийский административный округ — «цинут», но и в колонистскую Южно-Буджакскую Околию. Много позже немецкие колонисты, основавшие село Парапора и заменившие усть-дунайцев в Новониколаевке, также пользовались статусом колонистов, определенным царским указом 29 декабря 1819 года.

История болгарской колонизации юга Бессарабии не знает случаев столкновения между колонистами и властями, хотя начинали болгары осваивать эти земли с кола, вбитого в сухую, голую степь. В сходных условиях немцы-колонисты иногда пытались бунтовать. И тогда им доводилось знакомиться с казачьими ногайками... При всяком ударе все немцы единодушно восклицали: «Ах, Езус» (см. Русский архив. Кн. 8. 1897 г., стр. 518).

Развитие немецких и болгарских колоний недалеко от Килии явилось немаловажной предпосылкой к тому, что Килия стала самым крупным на Нижнем Дунае экспортером хлеба... Сухопутные же пути сообщения обходили Килию. Вскоре после того, как Измаил обрел статус города, широкий тракт Аккерман — Измаил пролег через Байрамчу (Николаевку Новороссийскую), Татарбунары в обход Килии. В 1821 году на этом тракте неподалеку от озера Ялпуг был основан город Болград, ставший столицей болгарских колоний в Бессарабии, быстро рос Измаил.

Не только болгары и немцы пополняли население края. На благодатные вольные земли Килийской округи прибывали тысячи «беженарей» из России, Украины, Румынии, Молдовы, из Центральной и Север-

ной Бессарабии. Но статусом колонистов они не пользовались, в лучшем случае, подобно казакам-усть-дунайцам, им определялся статус государственных крестьян.

В 1824 году проект генерал-губернатора Новороссии графа Воронцова предусматривал размещение в Южной Бессарабии 20000 государственных крестьян. Но их семьям выделялось только по 30 десятин земли и не в частную собственность, а в общинное пользование...

Трудом этих трудолюбивых, талантливых людей возрождался и расцветал Придунайский край, несмотря на то, что стихийные и социальные бедствия нередко обрушивались на край, напоминая о том, что со времен незапамятных он — «Край на пути всех бед...»

Примеры? Вот только некоторые.

В 1829—1830 годах Придунайский край, особо его портовые города, посещаемые иностранными судами, несмотря на строгие карантинные меры, поразила чума. Возможно и потому, что Килия в крупных портах не значилась, ее городская дума смогла отрапортовать главе Измаильского градоначальства, генералу С.А. Тучкову: «Благодаря Богу чума ослабела (к зиме 1830 года): больных 3, смертных случаев мало» (см. Изм. архив: Ф. 56, д. 600, стр. 4).

В 1848 году чума вновь посетила Придунавье. А рапорт Килийской городской думы на этот раз гласил: «Заболеваний чумой не обнаружено». (См. там же: д. 608, стр. 7).

Щедра земля буджакская, придунайская, но... нужны дожди в меру. А в конце 20 — начале 30 годов на этот край обрушилась испепеляющая засуха продолжительностью в несколько лет — последовал голод. (Даже у колонистов не хватило общественных запасов зерна). И ушли из родных Троян большинство его жителей — основали Новые Трояны. А многие болгарские колонисты подали прошения о возвращении на свою задунайскую прародину. (См. Изм. архив, ф. 56, д. 49, стр. 11—212).

Кроме генерала Инзова Ивана Никитича не часто посещали в общем-то еще глухой бессарабский юг знаменитости, особенно гражданские. Тем примечательнее, что... Поздней осенью, а точнее ранней, необычно теплой в тот 1821 год зимой, путешествие из Аккермана через Татарбунары, Измаил и Болград совершил молодой А.С. Пушкин, которого в служебную поездку взял аудитор (военный следователь) подполковник Липранди А.С.

«В Татарбунары мы приехали с рассветом, — пишет подполковник, — и остановились отдохнуть и пообедать. Пока нам варили курицу, я

ходил к фонтану, а Пушкин что-то писал, по обычаю, на маленьких лоскутках бумаги... Здесь же Пушкин услышал о Вилково, сильно заинтересовался и неотступно желал, чтоб заехали туда и даже несколько надулся, но я ему сказал, что теперь это делать никак нельзя, ибо завертывая в Вилково, мы теряем более суток. В настоящее время года, при темноте, от Вилкова до Килии по дороге, или лучше сказать, по тропинке, ведущей по самым берегам Дуная, ночью ехать невозможно. Он вскоре осознал это, повеселел, и мы отправились в Измаил... Сменив в Татарбунарах лошадей, — продолжает свой рассказ подполковник Липранди, — мы в тот же день, проехав село Китай (Червоный Яр), часов в 10 вечера прибыли в Измаил. На ночлег разместились у негоцианта Славича — полусерба, полуарнаута (арнаут — албанец)».

Далее об этом путешествии Пушкина по югу Бессарабии рассказывает влюбленный в поэта и в Буджак пушкинист, Н.Ф. Михайличенко.

В течение трех дней (с 19 по 21 декабря), пока Липранди занимался своими аудиторскими делами, А.С. Пушкин с огромным интересом знакомился с Измаилом. Он обошел берег Дуная, крепость, ее часовни и церкви, развалины мечетей. Комендант и строитель Измаила, генерал Тучков С.А. пригласил поэта к себе домой и Пушкин был в восторге от богатейшей библиотеки хозяина и от бесед с ним.

По вечерам же в доме Славича Пушкин допоздна увлеченно записывал свои наблюдения, рассказы бывалого хозяина о нравах и обычаях людей края, перлы его богатого фольклора. Со слов свояченицы Славича поэт записал и старинную славянско-арнаутскую (албанскую) песню, которую от госпожи Ирены слышали на древнем иллирийском наречии...

Не избегал Александр Сергеевич в Измаиле (тогда еще Тучкове) и прогулок увеселительных с посещением местного казино. В последнюю свою измаильскую ночь, под впечатлением увиденного и услышанного в поездке, А.С. Пушкин сочинил свое «Послание к Овидию», — пишет Н. Ф. Михайличенко.

Вот поэтическая картина увиденного Пушкиным на нашем бессарабском юге:

Здесь долго светится небесная глазурь,
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый
Сын юга, виноград блистает пурпуровый,
Уж пасмурный декабрь на русские луга

Свои расстлал пушистые снега,
Зима дышала там, а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною.
Младою зеленью пестрел увядший луг,
Свободные поля взрывал уж ранний плуг.
Чуть веял холодок под вечер,
Едва прозрачный лед над озером тускнел,
Кристаллом покрывал недвижные струи.

Ну а Килия: слышал ли, знал ли о ней А. С. Пушкин? Слышал и знал. Свидетельство тому — небольшая повесть «Кирджали». Это о знаменитом, отчаянном разбойнике. «Жена и ребенок его, — пишет Пушкин, — живут недалеко от Килии — в болгарской деревне». В какой? Сейчас ближайшее к Килии болгарское село – Новоселовка (Еникей). Но тогда болгарские колонисты жили и в Керманкее (Фурманке) и совсем близко от нашего города – в Мияках (Маяках), и в Омарбии, которые были еще отдельными селами (да и в самой Килии тогда селились болгары). И еще — никак не уйти от размышления: а проедь тогда, в декабре 1821 года, Пушкин через Вилково и Килию, как того очень хотел, в какие поэтические строчки вылились бы впечатления гениального поэта от романтичного Вилково и древней Килии? Но чего не было, того не было.

В четверг, 22 декабря, Липранди с Пушкиным из Измаила направились в Болград, куда они и прибыли часов через пять быстрой езды – прямо во двор попечителя болгарских колонистов – майора Камчатского пехотного полка, С.Н. Малявинского. Некоторые пушкинисты утверждают, что А.С. Пушкин был не в городе Болграде – военные строители еще только трассировали улицы этого города. Действительно, город только еще намечался, но болгарские колонисты там уже жили довольно давно. Это была самая старая – «Туканская» (местная) махаля будущего города на его южной окраине над озером Ялпуг. Тут уже стоял и дом главного попечителя и чуть ли не из-под самого дома в озеро низвергался ключ чистой воды. (Еще недавно в полосе города били пару десятков таких ключей).

В пушкинских дневниках есть и упоминание о дубовой роще в Болграде над озером на границе со степью. Это роща — одна на много верст кругом, ее ни с чем не спутать. Значит, был поэт действительно в Болграде, а не в соседнем старинном селе Тобак (Табаки).

Бережно хранят болградцы память о великом поэте: в городе улица Пушкина, прекраснейший парк имени поэта, в парке том — бюст и дуб

поэта. А замечательный человек: учитель, краевед, исследователь, открыватель знаменитой стоянки древнего человека — Гумельник, Памукчи Вадим Никодимович, — охотник и поэт написал стихи, даже о двух пушкинских дубах, а не об одном — вот как расцвела легенда!

Растут два дуба вековых в болградском парке над лиманом:
Один вознесся стройным великаном,
Тень свою простер он над фонтаном,
Другой растет подальше — за курганом.
Он более ветвист и ниже станом,
Но в землю врос таким же великаном, не знающим волос седых.
Однажды, проезжая на перекладных,
Великий Пушкин в роще отдыхал –
Дуб молодой на Пушкина взирал...
Уехал Пушкин в Кишинев – сюда он больше не езжал,
А дуб стоял, креп, вырастал и жителям всегда напоминал,
Что Александр Сергеич Пушкин в краях наших побывал!

Мятежный дух А.С. Пушкина рвался в Бессарабию, на Дунай, на Балканы и в 1829 году, когда там шла очередная русско-турецкая война, находящийся при армии Николай I не разрешил поэту прибыть в Бессарабию... И тогда А.С. Пушкин самовольно добрался на Кавказский фронт. В итоге не о Бессарабии, а о Кавказе была написана серия прекрасных произведений гения.

XII. НОВАЯ РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА И ЗАШТАТНЫЙ ГОРОД КИЛИЯ

Черноморские проливы и Балканский полуостров продолжали оставаться яблоком раздора между Россией и Турцией. Для усиления своего влияния в регионе царизм использовал национально-освободительное движение народов полуострова: греков, болгар, сербов и то, что Турция часто нарушала условия ранее заключенных с Россией договоров — в частности в нарушение Бухарестского договора она ввела свои войска в Валахию, Молдову. В марте 1826 года Россия в ультимативной форме потребовала у Турции вывода войск из дунайских княжеств и представления Сербии прав автономии, что было обусловлено Бухарестским миром.

Султан Махмуд II не торопился с ответом на ультиматум и форсировал модернизацию своей армии.

В конечном итоге, турки вынуждены были сесть за стол переговоров. В июле того же года была подписана выгодная для России и народов Балкано-Карпатского региона Аккерманская конвенция, однако, и после этого русско-турецкие отношения развивались так, что 14 апреля 1828 года Россия объявила Турции войну. Российская армия на Кавказском и Балканском фронтах добилась значительных успехов, оказавшись в августе 1829 года на подступах к Истамбулу.

Турция запросила мира и он был подписан в Адрианполе. Положение жителей дунайских княжеств значительно улучшилось: они были освобождены от натуральных поставок Порте, уменьшилась денежная дань («харч»). Султан не имел права вмешиваться во внутренние дела княжеств. Они же – заводили свою погранохрану и даже армию: пехоту и кавалерию, а несколько позже — и артиллерию... Княжества получили полную свободу торговли с другими странами.

Российская граница устанавливалась по Сулинскому рукаву Дуная. За Россией официально признавались права «покровительницы» княжеств и гаранта их автономии, для чего в частности Российская армия оставалась на территории княжеств, а также в Бабадаге и нескольких других крепостях Добруджи. Как нельзя лучше пригодилось России в этой войне и задунайское казачество, тем более что в общем-то в пользу

России, как оказалось, разрешился и давно назревший конфликт между старой верхушкой Задунайской Сечи и более молодым большинством, — разрешился мирным путем в 1827 году на Покрова. На раде простой казак-райя сказал: «Довольно запорожцам верховодить! Многие кошевые были все из них, давайте, мужики, поставим кошевым нашего... Ну хоть бы и моего кума, куренного атамана Осипа Гладкого!» Большинством своим рада избрала кошевым атаманом Задунайской Сечи выходца из села Золотоноша Полтавской губернии Осипа Гладкого. Сын бедного крестьянина, глава многодетной семьи, он много чего испытал: крестьянствовал на небольшом наделе, гнул спину на помещика, ходил в Крым по соль чумаком, был мастеровым в Одессе и Керчи, оттуда бежал за Дунай. Там среди большинства таких же выдвинулся в куренные, наконец, — в кошевые атаманы...

Выполняя наказ царя, комендант Измаила, генерал Тучков послал задунайцам новый призыв переходить на сторону российской армии, когда начнется новая русско-турецкая война.

И вот она грянула. Султан приказал кошевому направить 13000 казаков на защиту Силистры. Головатый собрал 2000 тех, кто соглашался служить султану и отвел их по назначению, сам же вернулся в Сечь, собрал отряд верных ему казаков в 500 человек и, забрав алтарь дунавецкой церкви Покров, сечевые клейноды и причиндалы кошевого, обойдя Катерлез и Сулину по килийскому руслу, привел казаков в Измаил. Сам царь и генерал Тучков милостиво приняли атамана и его казаков...

В войне 1828—1829 гг. Гладкий, получивший чин полковника, и его казаки, отлично знавшие плавни, во многом способствовали успехам русского оружия на Дунае. Впоследствии Головатый был наказным атаманом уже Азовского казачьего войска, в 1848 году уже в генеральском звании ушел в отставку. Задунайскую Сечь же постигла страшная участь: приказом султана она была сожжена и срыта до основания, не успевшие скрыться ее жители — вырезаны до последнего...

Историки дают неоднозначную оценку Задунайской Сечи — нередко — в зависимости от веяний времени... Однозначно же то, что в истории украинской колонизации Нижнего Подунавья она сыграла выдающуюся роль, как один из важных опорных пунктов этой самой, несущей краю возрождение, колонизации.

Украинский фольклор сохранил об этом такие поэтические строки:

За буджакськими степами
Ідуть наші з бунчуками.
А я нивою сухою
Іду з плугом і косою.

В десятках сел правобережья и во многих населенных пунктах левобережья: Измаиле, Килии, Вилково, Кара-Мехмете (Шевченково), Татарбунарах и некоторых других живут потомки задунайских казаков... Так что «їхав козак за Дунай» не просто так, приключений ради (хотя случалось и такое), не только ради воли казацкой на чужбине. Объективно он, терпя лишения, нередко ценой жизни выполнял историческую миссию — быть пионером в деле возрождения Придунайского края.

Гигантский труд надо было положить, чтоб на обширных новых землях можно было заняться привычным крестьянским трудом: поднять буджакскую целину, оросить каменистую добруджскую степь или вырубить джунгли дунайских плавней, осушить их хляби. В этих самых плавнях не привилось привычное для украинцев овцеводство, в сухой степи ни к чему были серпы, привычные для Украины цепы... Поселенцам довелось осваивать пригодную для уборки колосовых на больших площадях косу, молотить не цепами, а «гарманить» молотильными досками — «диканями» и катками — «бутуками». Так в плавни и степь вдыхалась жизнь.

Военный 1829 год на Дунае знаменателен тем, что в составе Российской дунайской военной флотилии появились первые пароходы. Это были переданные из Черноморского флота «Надежда» и «Лиман». Первая была водоизмещением в 111 тонн, ее построенная на заводе Берда из Санкт-Петербурга машина была мощностью в «двадцать конских сил» позволяла пароходу развивать без парусов до 5,5 узла.

Построенный в Николаеве «Лиман» водоизмещением в 251 тонну при машине мощностью в 40 «конских сил» мог развить ту же, что и «Надежда», скорость — 5,5 узла. Оба парохода подвозили боеприпасы и другие необходимые для войны грузы, поддерживали связь между нижнедунайскими портами. Сведений об их вооружении и непосредственном участии в военных действиях нет. 15 апреля на траверсе Силистры произошел бой между российскими (не паровыми) и турецкими судами, в котором российская сторона впервые применила ракетное оружие и очень эффективно – турецкая флотилия в панике кинулась наутек, в тот же день ракеты были применены и против отряда турецких судов подошедшего со стороны Рущука (Руссе). По андрианопольскому миру (2 сентября 1829 года) граница Российской империи по Дунаю прошла по Сулинскому руслу реки и порт Сулина стал главной базой Российской Дунайской военной флотилии.

Поскольку Россия не предпринимала на Килийском русле Дуная никаких дноуглубительных работ, судоходство осуществлялось исключи-

тельно через Сулину, морской бар которой естественным образом поддерживался на отметке в 3—3,5 метра глубины.

Что касается коммерческого флота и торговли с участием российских дунайских портов, то она развивалась довольно быстро. В 1853 году с января по октябрь (до начала новой войны с Турцией — т. н. «Крымской») в Измаильский порт пришли 388 морских судов и 77 речных в основном из придунайских стран. Они доставили товаров на два миллиона шестьдесят семь тысяч рублей серебром. Сулинский порт принял 253 морских и 22 речных судна. Кроме военных грузов для российской армии они доставили товаров на семьсот тридцать тысяч рублей.

В Ренийский порт – 161 морское судно и 422 речных. На них товаров было доставлено на 575 388 рублей. (См. Изм. архив: Ф. 63, д. 234, листы 13—14).

И до российского участка Дуная дошла промышленная революция. В начале мая 1835 года из одесского порта рейсом на Дунай через Сулину вышел только что построенный в Англии большой комфортабельный пароход «Петр Великий». Его пассажирами были генерал-губернатор Новороссии М.С. Воронцов со свитой. К закату следующего дня пароход прибыл в Измаил. Но это был всего лишь рекогносцировочно-прогулочный рейс...

Только в 1846 году через Сулину пролегла опытная линия грузопассажирского сообщения Одесса-Галац. Первым на эту линию вышел грузопассажирский пакетбот «Петр Великий» водоизмещением в 270 тонн. По сообщениям одесской прессы того времени «Петр Великий» был красивым и довольно комфортабельным пароходом. С началом крымской войны «Петр Великий» был вооружен и поставлен на охрану входа в Днепро-Бугский лиман...

В 1849 году в состав Российской Дунайской флотилии вошел первый на Дунае полностью боевой корабль «Ординарец», на его палубе были установлены 4 пушки, а в 1851 году в состав Российской Дунайской флотилии вошел железный военный корабль «Прут» также с четырьмя орудиями на палубе. 11 октября 1853 года эти боевые корабли подверглись неспровоцированному артобстрелу из турецкой крепости Исакча. С этого столкновения собственно и началась Крымская война, в которой «Прут» принимал в последующем самое активное участие.

А после закончившейся русско-турецкой войны 1828—1829 годов бурное развитие Измаила под руководством генерала Тучкова отодвинуло Килию в число заштатных городов. Со своими 4146 жителями она и

была объявлена таковым в 1830 году с подчинением Измаильскому градоначальству.

Кроме Килии Измаильскому градоначальству были подчинены город Рени, посад Вилково и 13 сел на землях между Траяновым валом, озером Сасык, Черным морем и Дунаем. До 1936 года начальником этой своеобразной военно-административной единицы был генерал-лейтенант Тучков. С его уходом на пенсию, должность была передана генерал-губернатору Бессарабии генералу Федорову, что сделало Килию еще более заштатной.

И после войны 1828—1829 гг. Килийская крепость продолжала числиться во втором разряде подобного рода военных объектов.

По рапорту коменданта крепости и гарнизона на 1 января 1860 года в составе гарнизона были следующие подразделения: две роты первого батальона 51 егерского полка (320 рядовых при 8 офицерах во главе с подполковником Милерсом, 24 унтерах и 9 музыкантах. Подполковник был командиром крепости и начальником гарнизона). В Килийском гарнизоне несла службу и команда Первого Черноморского полка (пехота), 244 рядовых при 8 офицерах и 9 унтерах.

Гарнизон Килии состоял также из двух сотен Второго Башкирского конного полка при 4 офицерах и 5 унтерах.

На вооружении крепости были 12 орудий 9-й артбригады — 65 человек артприслуги, при 17 унтерах и 6 офицерах. Личный же состав всего гарнизона вместе с интендантами, нестроевыми, музыкантами и запасными насчитывал 804 человека. (См. Изм. архив, ф. 601, д. 3, листы 16—17).

Для такого города, как Килия, гарнизон такой численностью не мог не повлиять на демографию не только города, но и округи...

Как зеницу ока, царизм охранял монопольные коммерческие интересы Одессы — этой быстрорастущей жемчужины России у Черного моря, зорко следя за тем, чтоб на запад от нее на берегах моря и Нижнего Дуная не поднялся какой-нибудь ее конкурент... Последняя русско-турецкая война и Киселевский «Органический регламент» создали очень выгодные условия для включения дунайских княжеств в интенсивные торговые отношения через Галац, Брэилу, Джурджу и другие дунайские порты. Все они стали быстро расти. Придунайские территории княжеств перестали быть турецкими райями. Их порты, причалы, верфи объявлялись свободными для захода всех кораблей стран, дружественных «Высокой Порте». Была установлена единая система таможенной и карантинной службы, требования которой были очень жесткими. Поэтому,

несмотря на многочисленную российскую и румынскую пограничную стражу, процветала контрабандная торговля.

Претендующая на владение всем Дунаем Австрия по договору с Сербией в 1835 году взорвала скалы порогов «Железные ворота» и со следующего года ее пароходы и корабли могли ходить по всему Дунаю до Галац и далее — до черноморских и средиземноморских портов, но, минуя Килию, так как самое мощное Килийское русло Дуная было ограничено судоходным — его фарватеры во многих местах были мелкими и крайне неустойчивыми, требовались огромные дноуглубительные работы, на которые Россия по разным причинам, а главным образом, чтоб не создавать конкуренцию Одессе, не соглашалась. Главная же причина застоя Килии — это самодержавно-крепостной строй Российской империи, для которого Подунавье и Килия — отдаленная периферия, стратегический район развертывания на случай войны. Поэтому с 1830 года до середины XIX века население Галац, Брэилы, Джурджу выросло в 4—5 раз, а население Килии за это время увеличилось с 4146 человек до 4149 в 1836, до 5932 — в 1844, после чего население города уменьшилось. И все же только после русско-турецкой войны 1828-1829 года начинается развитие Килии как пусть небольшого, даже заштатного, но города.

Были снесены жалкие лачуги у крепостного рва и оттрассирована улица Портовая (Железнякова). От нее на север военные инженеры оттрассировали еще четыре прямые улицы. Самая широкая — главная уже тогда была наименована Большой Дунайской, совсем рядом с Дунаем параллельно с Большой, пролегла Малая Дунайская. Справа от главной — улица, выходящая к «новому базару» именовалась Ярмарочной, а во второй половине XIX века стала именоваться Гагаринской по имени его сиятельства, князя Юрия Евгеньевича Гагарина. Да, парадоксально порой складывается история... Предки космонавта № 1, чье имя сейчас носит улица, были крепостными князей Гагариных в имении, которое включало несколько деревень и находилось в Гжатском уезде Калужской губернии. Многие гагаринские крепостные после отмены крепостного права, в том числе и предки космонавта № 1, были записаны, как Гагарины...

В пору стремительного развития Одессы, почуяв портофранковские доходы, там обосновался уже несколько захудалый калужский помещик, но предприимчивый делец Юрий Евгеньевич Гагарин. Впоследствии хороший нюх на барыши и несколько авантюристический склад характера привели его на Дунай — в Измаил и Килию. Но об этом — ни-

же. От Аккерманских ворот Килийской крепости начиналась еще одна прямая улица — Крепостная (Суворова), которая выходила на просторы «нового рынка», а с 1836 года — на новую соборную площадь восточной окраиной города была улица Степовая (Первомайская). Долгое время она оставалась односторонней.

До 1912 года все эти улицы были немощеными, без тротуаров, практически не освещались. О хаосе улиц, что подальше от центра, поближе к окраинам и говорить не приходится. Благо, в городе не было высоких зданий и днем в путанице улиц и переулков, в море зелени садов и плавней ориентирами были колокольни крепостной церкви и Покровского собора, освященного в 1836 году. Тогда этот памятник архитектуры должен был не просто удовлетворять духовные потребности растущего города, но и соединить в единый архитектурный ансамбль, вытягивающийся с юга на север новый город на месте путаницы старых турецких махаля... Говорят, к архитектурному оформлению собора и города имеет отношение архитектор С. П. Мельников.

В первоначальном виде церковь представляла собой типичную для этого зодчего крестообразную, центральнокупольную, эклизиастическую конструкцию, подобную тем, которые были спроектированы автором для храмов в Болграде, Кишиневе, Измаиле, с той лишь разницей, что в архитектурном отношении килийский храм был самым скромным и самым маленьким.

Уже к концу 40-х годов XIX века Килия настолько разрослась, что явилась настоятельная необходимость расширить церковь Покрова Божьей Матери. Сделано было это посредством удлинения храма в западном направлении. Это автоматически вызвало необходимость пристроить притвор, а над ним возвести колокольню, точнее — колоколенку. Так храм утратил свой первоначальный вид и черты российского архитектурного классицизма, столь любимые первостроителем.

В начале 80-х годов, уже при румынской власти, церковь еще раз достраивается: вновь удлиняется наос, строится обширный притвор, а над ним довольно высокая колокольня вполне ординарного стиля. В этом виде храм существует и поныне. Мастера Бырладской школы иконописи, ведущие свои традиции едва ли не с времен Галицкой Руси, на дереве написали богатой позолотой прекрасный иконостас, и поныне являющийся украшением храма.

А единого архитектурного ансамбля при строительстве новой Килии не получилось по многим причинам: осуществление проекта слишком затянулось, как во времени, так и в пространстве (очень уж длинные

улицы для вполне заштатного волостного города, отторжение территории на 20 лет после Крымской войны, да и не только — это помешало строить красиво). Даже когда только началась перестройка города, многие здания казенных «присутственных мест» строились по плану простых жилых домов или же казарм. От мещанских хат они отличались разве что размерами и материалом.

Наиболее распространенными строительными материалами были саман (лампач), чамур — замес соломы на глине и земле, дерн, плетни из камыша или лозняка, обмазанные тем же чамуром.

Каменные и кирпичные здания были наперечет. Во влажном климате плавней в течение веков выработалась такая архитектура жилых построек, которая предохраняла стены из местных материалов, о которых говорилось выше, довольно широким напуском чаще всего камышовой крыши — прямоугольной, четырехскатной без фронтонов. Напуски опирались на деревянные колонны. Черепичные крыши были редкостью — «марсельская» красная черепица ввозилась из Марселя, жестяные были редкостью еще большей. Окошки липованских хат снаружи нередко прикрывались ставнями как в российской глубинке... Как правило, планировка дома предусматривала светлицу — «велику хату», «касса маре»; сени — тинду, комору — камаруцу, которая была на самом деле и маленькой зимней кухней, и повседневную большую комнату с обширной печью, не менее обширной простой деревянной кроватью с горкой подушек, лавками вдоль стен, иногда со столом посредине комнаты (но чаще в доме был один стол — в «светлице»). Для завтрака, а особенно для обеда и ужина обычно выкатывали низенький круглый столик, вокруг которого усаживалась вся семья, чаще всего многочисленная...

Те, кто первоначально планировали город, предусмотрели и разбивку обширного парка. Он должен был расположиться по обе стороны крепостного рва и в самом рву. Как и ров, парк должен был своими оконечностями выходить к берегам Дуная выше и ниже крепости — это в южной части города. На севере, далеко от городской черты, находились пригородные села Омарбия и Демьяновка, несколько ближе — Натягайловка — часть нынешней улицы Кирова и Маяки — тогда ближнее пригородное село. Уже тогда (и надолго) обозначился главный профиль развития города — торговля. В 40-х годах прошлого века в Килии было около трех десятков довольно крупных магазинов, множество мелких лавок, четыре десятка питейных заведений обслуживали жаждущих. К услугам заезжего люда было несколько заезжих дворов, гостиниц и

множество мелких заведений подобного рода. Два дня в неделю в Килии были базарными: по понедельникам работал «старый базар», на перекрестке улиц Большой Дунайской и Казино (Ленина и Полины Осипенко) и на площади вокруг. Площадь эта была обширнее нынешней — простиралась от Николаевской церкви и Малой Дунайской. Дважды в году в Килии бывали ярмарки: весенняя — Николаевская — с 9 по 16 мая (по старому стилю) и осенняя — Параскевы-пятницы — с 14 по 21 октября. (Ее нередко называли и Покровской). Особенно многолюдной бывала осенняя ярмарка. На «старом базаре» ей было тесно и потому на огромной площади вокруг Покровского собора возник «новый базар». Обе ярмарки были разнотоварными. Из Одессы, Измаила, из городов, более отдаленных, и из-за границы привозили на базары и ярмарки самые различные промышленные товары. Килия же торговала традиционными для нее: хлебом, рыбой, овощами, салом, медом, фруктами, некоторыми ремесленными товарами — такими, как разнообразные ивовые корзины, рогожи, различные другие рогожные изделия, разнообразные гончарные изделия и кухонной утварью, которыми славилась Килия.

Самой крупной статьей промышленной торговли был кирпич, который с 1844 года изготовлялся на первом в Килии кирпичном заводе. До этого кирпич в Килию доставлялся из Измаила. Несколько позже в Килии был основан черепичный завод. Его керамическая продукция была легкой, прочной, красивой, звонкой, не уступала по качеству знаменитой «марсельской», откуда до этого завозился этот товар.

Килия занимала второе после Вилково место по вылову рыбы. Кроме самих рыбаков, рыбой торговал и Килийский рыбозавод, продукция которого поступала в Кишинев, Киев и, если верить надписи на обломке его вывески (в нашем музее), даже ко двору Его царского Величества.

Крупнейшей статьей доходов был лес. С базаров, ярмарок, а главное — прямо с лесопилок и лесных складов килийских лесопромышленников во все концы юга Бессарабии вывозились лесоматериалы и лес-кругляк в огромных количествах.

Все больше зерна: пшеницы, ячменя, кукурузы вывозилось из Килии. К причалам Килийского порта за хлебом приходили суда из Одессы, Генуи, Стамбула, Триеста, с островов греческого архипеллага. География экспорта хлеба непрерывно расширялась, масштабы росли. Дело шло к тому, что Килия превращалась в крупнейшего экспортера хлеба на Дунае.

Росла и численность населения: в 1844 году Килия насчитывала 5932 жителя, как отмечалось выше. Росла и численность населения

Вилковского посада. Сюда прибывали старообрядцы из Саратовской, Казанской, Черниговской и других губерний, из Подолии, Херсонщины. Упорным трудом вилковчане отвоевывали у Дуная землю, река и море давали людям пищу.

Еще в 1828 году в годовом отчете бессарабский губернатор отписывал царю: «Вилковцы ведут немаловажный торг вяленою и соленою осетриной и белугой, также икрою, клеем и жиром, отправляя оные в Австрию, Турцию и во внутренние российские губернии...»

18 апреля 1840 года указом императора Николая I Вилковский посад был преобразован в город. Большинство его жителей перешли из сословия государственных крестьян в мещане. В новоявленном городе проживало 550 человек взрослого населения, которые располагали 15 неводами и 112 крючками для лова крупной рыбы. Крупные рыботорговцы города были произведены в купцы третьей гильдии. Самым богатым из них был Н. Широков. Сам он жил в Варшаве, а его обширным хозяйством на Дунае управляли его управляющие. В том же 1840 году «палата государственных имений», ведавшая материальными ценностями на государственных землях сдала Широкову на откуп все рыбные угодья нижней Килийской дельты Дуная в результате чего Широков стал собственником 35 рыбообрабатывающих пунктов, в каждом из которых работало по 20—30 человек. В 1847 году Широков основал в Вилково на Базарчуке крупный рыбозавод, на котором работало более трехсот человек. Управляющие Широкова умели выжимать из рабочих высокие прибыли — труд на заводе оплачивался... рыбой, которую тут же за бесценок скупал завод. Тем временем, численность взрослого населения Вилково выросла до 1000 человек. На юге Бессарабии, в Буджаке, особенно в Подунавье государство еще располагало большими площадями «свободной» земли. На них поселялись колонисты, государственные крестьяне, казаки. В эту среду ежегодно вливалась и масса беглых крестьян — крепостных из Украины, России, Молдовы.

Именно эти категории крестьян составляли сельское население юга Бессарабии в том числе Килийской округи, то есть были главной производственной силой края — их трудом преображался еще недавно пустынный край — основывались новые села, распахивались заброшенные и целинные земли, увеличивались сборы урожая. Десятками тысяч десятин земли владели в Аккерманском и Измаильском уездах помещики Стурдзы, Гагарины, Толстые, Морузи, Кантакузины. В Килийской округе таких поместий не было. Самым крупным поместьем в 8000 де-

сятин земли владел помещик Ф. Тульчианов (ныне земли сел Трудовое и Десантное), поменьше были поместья Васильевых и Генераловых в Васильевке, Филиппова и Константинова в Килии, графини Стангоп-Толстой в Килии.

Но на юге Бессарабии не было владельческих крестьян и, следовательно, даже до отмены крепостного права не было барщины. Формы отчуждения малоземельных крестьян были чисто экономические: испольщина (издольщина), арендаторство. Бессарабские помещики весьма охотно принимали беженцев из России, Украины, с севера Бессарабии, из Молдовы Запрутской и Валахии — потому что поместья были огромными, а рабочих рук не хватало.

Огромными были природные богатства края, огромные богатства создавались трудом людей, но и нищета была уделом многих: безработных, грузчиков, поденщиков, издольщиков многих других обездоленных, поэтому и в нашем благодатном юге социальные конфликты были неизбежны.

Традиционной формой борьбы бедных с богатыми долгое время оставалось гайдучество. О его масштабах можно судить по тому, что ни один годовой отчет бессарабских губернаторов не обходится без жалоб на это явление, хотя губернаторы старались преуменьшить его размах.

Народ же слагал песни и легенды о героях этого движения. В 20—30-е годы XIX века всю Бессарабию обошел, громя усадьбы помещиков, отряд гайдука Урсу и его сподвижника Богаченко. В середине века то же самое предпринимал отряд гайдука Тобылтока. Его численность порой доходила до 200 человек. Современник отмечал: «Тобылток грабил смело и беспощадно, но только богатых, а большую часть добра отдавал бедным».

На нашем юге наиболее известным гайдуком был Грозеску. Его отряд успешно действовал в днестровских и в дунайских плавнях, и в степных просторах Буджака...

Своих героев дунайских плавней жители Придунавья на протяжении более полувека нарекали одним и тем же именем «кокош» — петух, хотя это были предводители многих отрядов, действовавших как в плавнях, так и в степях.

«Кокошей» не сдерживали и границы по Дунаю и Пруту — их отряды доходили до Кодров Тигеча и возвращались на юг Бессарабии.

В заключение этого небольшого раздела о заштатной Килии первой половины XIX века нельзя обойти самый больной для нашего города и его округи вопрос — развитие культуры и ее основы — образования

(впрочем, какое там развитие — глубокий застой!). Конечно, можно говорить и об объективных причинах такого положения в крае: очень пестрый этнический состав населения края и города, к тому же, этот этнический конгломерат был не только очень пестрым в культурном отношении, но и постоянно меняющимся. В одном он был стабильным — те, кто его пополняли, как правило, не отличались высокой грамотностью, культурой вообще.

Люди, подобно Христо Ботеву — болгарскому просветителю и революционеру или Ипполиту Дебу, сосланному в Килию за участие в кружке Петрашевского, были редким исключением.

Сказывалось и то, что крупные центры культуры Одесса и Яссы были далеко от Килии, Кишинев не на много ближе, к тому же центром культуры в первой четверти XIX века его можно назвать с натяжкой (первая общеобразовательная школа в нем была основана только в 1813 году). Главная же причина застоя в развитии культуры края — царское самодержавие. Министр просвещения царской России того времени Шишков не уставал повторять: «Обучение грамоте народа принесло бы больше вреда, чем пользы».

К тому же, несмотря на провозглашенное самим царем уважение к традициям и языку края (а большая часть его жителей были молдаване), царизм практически с самого начала преследовал цель — русификацию края, его коренного населения. Ее проводниками были сам царь Николай I, его высшие чиновники в крае, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф Воронцов, военный губернатор Бессарабии генерал Федоров, попечители учебных округов, элита российской общественности в крае.

Примером может служить П.Н. Батюшков, который считал, что: «При условии правильности развития школьного дела в духе российской народности надеемся, что Бессарабия сольется с общим великим отечеством нашим — Россией».

При таком подходе к школьному делу украинцы, молдаване, представители других народностей и национальностей, живущие в крае, лишились не только образования, своей культуры, но и родного языка...

Церковные иерархи Бессарабии также приложили руку к делу русификации края. Искореняя молдавский язык из сферы богослужения бессарабской церкви, митрополит Лебедев несколько лет топил печи своего митрополичьего дворца в Кишиневе богословскими книгами на молдавском языке...

Но с не меньшей определенностью можно утверждать, что систематическое приобщение населения края к достижениям мировой, европей-

ской и русской культуре началось только после его освобождения от турецкого ига.

О языке основной массы населения края уже в 1812 г. командующий Дунайской армии адмирал Чичагов приказал: «Все сделки должны заключаться на русском и молдавском языке».

Русско-молдавское двуязычие было предусмотрено и законом 1818 года об административной судейской автономии Бессарабии. До аграрной реформы 1861 года обучение в школах Бессарабии в зависимости от конкретных этнических условий велось на русском и молдавском языках. С начала 60-х годов русификация осуществлялась более акцентировано: молдавский язык даже в молдовоязычных районах стал изучаться лишь как предмет, затем через несколько лет из школьной программы изъят целиком...

В 1858 году в Бессарабии действовали 399 школ — начальных, уездных – одно-, двух- и трехклассных.

Необходимо заметить, что программа обучения в одноклассном училище проходилась за три учебных года. Выпускники такого училища были достаточно грамотными, чтоб умудренным жизненным опытом занимать любую должность в селе. Программа двухклассного училища, — такие бывали в волостных центрах, — выполнялась за пять учебных лет. По окончании этого курса выпускник, как правило, грамотно и красиво писал, хорошо читал и считал, знал историю империи, географию России да и мира. На уроках «естественной истории» постигались основы знаний по биологии, ботанике, физике и даже астрономии. Преподавались рисование, музыка и пение, основы домоводства, сельского хозяйства и ремесел — в первую очередь плотницкого дела (не «на пальцах», а в хорошо оборудованных мастерских). Из трехклассного училища выходил не просто грамотный, но весьма разносторонне подготовленный, культурный молодой человек или девица... Не только русские или молдаване имели возможность учиться на родном языке. Немцы, болгары, греки, евреи Бессарабии также могли учиться на родном языке. Но... Не было такой возможности у украинцев — украинских школ не было... Царь Николай I был убежден: украинского языка нет в природе — «украинский язык — это испорченный русский».

До советской власти высших учебных заведений в Бессарабии не было. Но высшая духовная семинария в Кишиневе (курс обучения 10 лет) давала довольно высокое образование не только в духовном плане.

Естественно, образование в Бессарабии, как и во всей империи, адресовалось прежде всего по сословному принципу: дворяне, военные, чи-

новники учились в «своих» учебных заведениях. Имелись в Бессарабии и коммерческие, и сельскохозяйственные, в том числе и виноградарские школы – не только для дворян, помещиков, коммерсантов, представителей дунайского казачества. (В Фараоновке и Кайре имелись даже начальные школы для казаков-ромов). Подчеркиваем: все это, хотя и немногочисленное и недостаточное для просвещения всех живущих в Бессарабии людей, многообразие учебных заведений пришло в край только с царской властью!

Килию же государственная школьная система образования упорно обходила. Еще в 1828 году трехклассные училища с гимназической программой открылись в Аккермане и Измаиле, в Килии также открылась только в самом конце XIX века (1880 г.).

Уже в первой половине XIX века крупнейшим культурным центром стала Одесса с ее Первым Ришельевским лицеем — с 1834 года — Новороссийским императорским университетом с ее «Императорским обществом изучения истории и древностей», оперным театром, многими гимназиями, публичной библиотекой, археологическим музеем.

Для болгарских колонистов таким центром культуры становился город Болград.

Общепризнанными центрами культуры на юге Бессарабии становятся Аккерман и Измаил. Молдавско-украинско-русская по этническому составу населения Килия центром культуры упорно не становилась. Со своим многонациональным фольклором, русско-украинским «суржиком», местным говором молдавского языка, с причудливым переплетением обычаев многонационального населения, Килия стала Клондайком для многочисленных этнографических, лингвистических, фольклорных исследований (чаще всего любительских).

Правда, церковно-приходская школа при храме Святого Николая мужского монастыря в Килии открылась раньше, чем в Измаиле, но первое полусветское учебное заведение закрытого типа, и, естественно, платное, было открыто в нашем городе только в 1845 году. Килия не знала и профессиональных школ, публичных библиотек (Измаильская открыта в 1830 году), тем более, театров. (Стараниями быстрорастущей довольно состоятельной еврейской общины города, Килия становилась и к началу XX века стала заметным центром еврейской национальной культуры: это был шаг и в общекультурном развитии города). В 1836 году царское правительство последний раз вспомнило о двуязычном статусе относительной Бессарабской автономии, издав Закон об облегчениях для жителей Бессарабии, которые не знают русского языка, облегчение

состояло в том, что двуязычие было продлено еще на семь лет, после чего всякое делопроизводство на молдавском языке должно было прекратиться.

Последующая история России, до самого падения царизма — это время все усиливающегося пресса руссификации Бессарабии, как и других «национальных окраин» империи. Относительный подъем культуры в Бессарабии, связанный с «органическим регламентом» графа Киселева и секретаря комиссии по его составлению — ученого, художника, историка, писателя Георге Асаки (1786—1869 гг.), превращение и Кишинева в важный культурный центр Бессарабии к середине XIX века практически не повлияли на развитие культуры в Килии — город так и остался заштатным.

XIII. БЕЛОЕ ПЯТНО

Представляет собой история Придунавья периода 1857—1877 годов в трудах российских дореволюционных историков, а особенно историков советских, — и это в лучшем случае. Причина? Те двадцать лет край не был в составе Российской империи, а в составе Молдовы, Объединенных принципатов Молдовы и Валахии, наконец, — Румынии. Всему этому предшествовала Крымская война (1853—1857 гг.). Как и в двух предыдущих русско-турецких войнах XIX века, в этой, Бессарабия и особенно Придунайский край играли важную военно-стратегическую роль, как район концентрации и развертывания вооруженных сил России на этом направлении, как исходный рубеж для наступления и ближайший тыл русской армии.

Но это не все!

В ходе войны до самого ее окончания, экономические, в значительной мере людские ресурсы края были поставлены на службу войне. Жители края ремонтировали старые и строили новые дороги и мосты, строили укрепления, рыли окопы, выполняли транспортные работы. Край еще хорошо помнил турецкий и фанариотский гнет, и люди, боясь возвращения турок, многие такие работы выполняли на добровольных началах.

В частности, в начале Крымской войны многие жители Килии и Вилково участвовали в строительстве скрытого слежного пути через плавни между Базарчуком и Сулиной, по которому должны были скрытно перебрасываться русские войска. Но строительство было прекращено — отпала необходимость такого пути.

Дунайское казачье войско во время этой войны выполняло самую разнообразную боевую работу: несло сторожевую и гарнизонную службу, совершало боевые рейды за Дунай, непрерывно вело разведку противника.

В боях на Нижнем Дунае особенно отличилась конно-ракетная батарея из отряда генерала Ушакова. Она своим огнем наводила страх на турецкую конницу, сожгла несколько турецких судов, пытавшихся прорваться на Нижний Дунай как сверху, так и со стороны моря. Помня о

русской артиллерии, не пытались пройти в Дунай английские и французские корабли и пароходы, казаки Второго Усть-Дунайского полка приняли активное участие в обороне Одессы.

В апреле 1854 года они выдержали артобстрел с англофранцузской эскадры. Их артиллерия участвовала в потоплении английского фрегата «Тигр». В 1855 году оба полка дунайского казачества были награждены почетными знаменами «За храбрость». Но, как известно, Россия эту войну проиграла.

По условиям Парижского мира 1856 года значительная часть юга Бессарабии была передана Молдавскому княжеству, которому переходили и казачьи станицы Николаевка и Парапора. Управление же Усть-Дунайского войска переехало в станицу Николаевка-Новороссийская.

Среди других вопросов Парижский конгресс, подводивший итоги войны, решил и вопрос о Бессарабии. Вокруг него разгорелась острая дипломатическая борьба. Споры порой были столь горячими, что грозили срывом конгресса. В конечном итоге по договору, подписанному 18 марта 1857 года, дунайские княжества остались под турецким владычеством, а южная часть Бессарабии — Измаильский, часть Кагульского, Болградского и Аккерманского уездов были переданы Молдавскому княжеству, устья Дуная — Турции, о чем будет сказано ниже. По настоянию Англии и Франции, был изменен режим судоходства на Дунае. Суда всех стран получили право свободного плавания и беспошлинной торговли на реке. Контроль над судоходством вменялся специальной «Дунайской комиссии» европейских государств. Россия от Дуная оттеснялась, лишаясь важных экономических и стратегических позиций. В регионе существенно усиливалось влияние Англии, Франции, Австро-Венгрии. Одесса в гораздо меньшей мере, чем до этого, оказывалась защищенной от иностранной конкуренции. В своем официозе Министерство иностранных дел России заявило: «Южная Бессарабия была отторгнута от России не по каким-либо историческим причинам, а по тому, что Россию решили лишить выхода к Дунаю».

Итак, Молдове была возвращена территория площадью в 10288 квадратных верст с населением 127330 человек.

«С Богом вперед, за Прут — землю отцов вернуть!». Со словами этого марша В. Александри вступали молдавские войска на возвращенные земли... Возвращенные не Румынии, которой еще не было, а Молдове. Немало проблем в связи с этим возникло перед населением края, который попадал под двойное румынско-турецкое администрирование, и практически — двойное налогообложение. Ввиду того, что ни в одном

документе Парижского конгресса не был оговорен Статус дельты Дуная, получилось так, что ее острова практически остались под властью Турции. Раздел Вилково прошел по Белгородскому каналу. Из-за этого в сложном положении оказались вилковские, килийские и другие рыбаки. Они платили налоги Молдове (затем Румынии), как ее граждане и поборы Турции «за лов рыбы в ее водах...». Неопределенным остался и статус острова Змеиный, а русский гарнизон, всеми забытый на острове, оставался там бессменно до 1877 года... Многие колонисты юга Бессарабии — болгары, сербы, албанцы, македонцы — только недавно бежавшие от турецкого ига на Балканах и обосновавшиеся на юге Бессарабии, из опасения вновь попасть под оттоманское владычество, массами, порой целыми селами покидали едва обжитые места и уходили за Днестр, в Приазовье, в Крым. Ушли из Придунайского края и были причислены к Новороссийскому войску казаки. В связи с такими эмиграционными процессами уменьшилась численность населения края, а в связи с наплывом чиновников из Молдовы, а затем из Румынии, заменивших чиновников из России, как абсолютно, так и относительно увеличилась численность румыноязычного населения, более чем на треть уменьшилась численность городского населения в крае.

В 1859 году Килия стала принадлежать новому государству — Объединенным принципатам. Турция, как сюзерен, отказалась признавать за этим государством название «Румыния» или «Великий принципат Дакия», согласившись лишь на более скромное название «Объединенные принципаты», да и то лишь на время княжения Иона Кузы. Килия осталась центром волости (пласа), в подчинении Измаильского Жудеца, а практически — главе княжеской, затем королевской администрации — префекту. Населенные пункты с числом жителей 500 и более были объявлены коммунами, которые управлялись выборными коммунальными советами и их исполнительными органами — примариями во главе с примарями. Секретари (нотари) примарий назначались префектами... В Килии действовала городская примария.

Таким образом, в жизни южнобессарабцев произошли неожиданные и резкие изменения, к которым старожилам края предстояло привыкнуть. Дело не только в том, что они стали подданными другого государства, которое в свою очередь за короткое время проделало путь от протектората Оттоманской империи, до объединенного Румынского государства и от него — до независимого Румынского королевства — государства национального, унитарного — очень непохожего на Российскую империю с ее крепостным правом и администрацией. Это была конституцион-

ная монархия, в которой избирался парламент, а местная муниципальная власть обладала весьма широкой автономией.

Многие новые подданные оказались в очень непривычной для себя роли избирателей, а некоторые стали муниципальными деятелями и даже парламентариями. Законодательство Румынского государства, в том числе и касающееся собственности, было более европейским, чем российское, более европейской была и система просвещения в Румынии. В свою очередь для нового государства, которое все еще находилось в состоянии динамичного процесса становления и развития реформ, весьма необычным оказался южно-бессарабский конгломерат народов, их проблемы, даже статусы в государстве. Беспристрастный анализ позволяет утверждать, что в короткое время Румыния немало сделала для своих новых граждан в области законодательства. Самой сложной проблемой новой власти в Южной Бессарабии, видимо, как всегда, была проблема аграрная. Для осуществления аграрной реформы Иона Кузы необходим был земельный фонд. В принципатах на юге Бессарабии его нелегко было изыскать — это не российские просторы и даже не юг Украины с его обширными государственными землями. Земельный фонд для реформы создавался посредством секуляризации церковных земель и пересмотра существующего в крае порядка землевладения, в т. ч. помещичьего. При осуществлении секуляризации лишился своих обширных владений и мужской монастырь, храмом которого была Николаевская церковь. Вследствие этого монастырь перестал вообще существовать. Зато сама Никольская церковь была повышена в ранге — стала соборной... В 1864 году была создана новая епархия Нижнего Дуная с центром в Измаиле, а при ней открылась духовная семинария, разумеется, — в Измаиле... Болезненным образом аграрная реформа И. Кузы коснулась болгарских колонистов — от хозяйств многих из них отошли «отрезки» земли...

В 1874 году уже при князе Кароле I Гогенцоллерне последовала новая частная аграрная реформа, по которой земля сельских общин передавалась в частную собственность. По этой реформе каждый крестьянский двор мог получить за выкуп 28 десятин земли, но это только в том случае, если хозяин был румыном, а главное — богатым... и присягал королю. Что касается Килии, то согласно архивным документам Министерства внутренних дел Румынии, которое ведало делами управления и «организацией» собственности на присоединенных землях, в 1857 году нашему городу вместе с Вилково принадлежало 4790 десятин пахотной и 3510 десятин неиспользуемой земли.

Население этих населенных пунктов состояло из 3479 душ мужского и 3452 душ женского пола. Из документов следует, что Вилково был переведен в ранг посада... В целом, в крае возросло налоговое бремя — налоги с крестьянского двора превысили 60% его дохода.

Других серьезных неприятностей в Килии и округе того времени документы не отмечают. В недалеком же Болграде в 1860 году попытка румынских властей привлечь болгарских колонистов к службе в армии, от которой они были освобождены Российской империей, вызвала волнение среди местного населения. Сам премьер-министр Румынии — бессарабец по матери — Михаил Когылничану не смог уговорить болградцев подчиниться румынскому закону о воинской службе. В следующем году дело дошло до стрельбы и экзекуций...

Немало проблем возникло в Кагульском, Измаильском, Болградском и Аккерманском уездах в связи с тем, что граница между молдавской и российской Бессарабиями рассекла земли многих имений и населенных пунктов. Килии и округи эта проблема, к счастью, не коснулась.

Безусловно, впечатляют (если судить по официальным отчетам властей) успехи, достигнутые в 1857—1877 гг. на юге Бессарабии в области просвещения.

На юг Бессарабии распространилось действовавшее в Молдове, а затем в Румынии «положение» о том, что обучение грамоте является обязательным. А «положение» о свободе выбора языка обучения для национальных меньшинств предоставляло возможность такого выбора болгарам, немцам, грекам, евреям — заметим, национальным общностям не бедным...

Наиболее широко возможностью такого выбора воспользовались болгары (немцы, французы, евреи предпочли преимущественно другой путь — получение образования в Европе: Австрии, Германии, Италии, Франции). Итак... Еще в 1856 году в Болграде существовала одна-единственная начальная церковно-приходская школа, в которой учителями были священник, псаломщик и служка — картина для края обычная. А уже в 1858 году в том же Болграде было основано две обычные мужские начальные школы с болгарским языком обучения. Но главное — стараниями болгар-колонистов, наконец, открылась Центральная школа в ранге гимназии. В этой школе работало двадцать педагогов, многие из которых были выпускниками Одесского, Харьковского, Петербургского, Бухарестского, Ясского, Пражского, Лейпцигского, Гейдельбергского университетов — подбор, которому могла бы позавидовать любая столичная гимназия!

Преподавание велось на румынском, болгарском и русском языках. Интернат гимназии был рассчитан на 50 человек. Это был практически пансионат, в котором иногородние гимназисты жили на полном содержании. Гимназии было выделено обширное имение, землю которого она со временем выкупила. Пашни, огород, сад, сенокос в имении гимназии поддерживались в образцовом порядке, на них велись и полезные для всей округи агрономические опыты.

В хозяйстве гимназии имелись также высокопродуктивная свиноферма и молочная ферма, несколько (пять) рыболовных угодий на озерах Ялпуг и Когурлуй. Гимназия располагала прекрасными лабораториями: физической, химической и ботанико-биологической. Богатая гимназическая библиотека пополнялась ежегодно литературой, учебниками и журналами, выписываемыми прямо из Москвы, Кишинева, Бухареста, Вены, Берлина, Парижа, Праги...

Типография гимназии печатала переводы лучших учебников на болгарском языке не только для себя, но и для школ в 42 болгарских селах. Для болгарского населения типография печатала сборники переводов лучших журналов, а также сборники текущих законодательных актов Румынии для болгар. Гимназия издавала четыре собственные газеты на болгарском и румынском языках.

С 1868 по 1876 год один за другим основываются журналы «Общтруд», «Эхо на Болград», «Български глас».

В гимназии учились не только дети болгарских колонистов, но и русские, украинцы, молдаване, гагаузы со всего юга Бессарабии. Гимназия очень много сделала для развития женского образования в крае в целом — для эмансипации женщин, особенно болгарок и гагаузок... (В 1886 году в Болграде открылись первые две женские начальные школы с болгарским языком обучения).

Активная образовательная, культурно-просветительская деятельность гимназии в конечном итоге привела к тому, что в обширной округе образовалась интеллектуальная прослойка, которой ранее не было.

В этой среде родились театральные, просветительные медико-санитарные, благотворительные общества, чье влияние сказалось на культуре целого края. Но это — не все. Когда в 1875 году на Балканах поднялась новая мощная волна движения за свержение турецкого ига, эти общества послали в Болгарию и Сербию дружины медико-санитарной помощи, активно способствовали формированию добровольных боевых дружин для борьбы с турецкими поработителями.

Естественно, что Болград стал важным центром такого рода. Коррес-

пондент газеты «Одесский вестник» С.С. Бобчев в номере от 13 августа 1876 года свидетельствует: «Болград — сердце, сильно чувствующее и глубоко страдающее ввиду всех мучений и страданий, которым подвергаются задунайские болгары». Когда же, после войны 1877—1878 годов Болгария обрела независимость, туда с юга Бессарабии приехали многие специалисты — болгары: политики, учителя, агрономы, инженеры, медики, юристы, которые на освобожденной родине стали ее учителями, военными, учеными, законодателями, политическими руководителями вплоть до министров и премьеров. Их альма-матер Болградская гимназия в этом отношении — явление особенное. Но и в целом после 1857 года в крае были достигнуты довольно крупные успехи в деле просвещения.

Начальные школы были открыты во всех селах края. Для некоторых из этих школ были построены типовые здания, которые сохранились до сих пор. Быстро росло число учителей, занятия велись — в зависимости от этнического большинства в населенных пунктах — на болгарском, греческом, еврейском, немецком, русском языках. Румынский язык как государственный изучался во всех школах. (Документы, правда, молчат о том, велось ли где-либо обучение на украинском языке). Однако, бесспорно, никогда до или после этого обучение на юге Бессарабии не велось на стольких языках. Не только в Болграде, но и в некоторых других населенных пунктах были открыты женские начальные школы.

Лицеи и коммерческие училища открылись в Аккермане и Измаиле. Такое несомненно интенсивное развитие системы образования происходило в условиях, когда сама Румыния переживала бурную модернизацию румынского языка. Происходил переход от славянской к латинской графике (первыми были заменены латинские буквы «м» (прописная), «н» и «д»), кроме того, в румынском языке слова славянского корня заменялись словами латинского корня, вообще, румынский язык интенсивно насыщался, даже засорялся французизмами.

Ну, а в Килии и округе дела просвещенческие обстояли из рук вон плохо — в 1871—1875 годах, кроме церковно-приходских, имелись всего две начальные школы. В них обучались 60 мальчиков и 40 девочек. В селах округи грамотными были только священники. Видимо, дело не только в официальной просвещенческой политике государства, а и в реальных конкретных условиях и возможностях ее осуществления на местах.

В «столице» болгарских колонистов, в чиновничьем Измаиле и у заштатной Килии — городе грузчиков, огородников, рыбаков, строителей, разнорабочих эти условия и возможности были разными. (Верно и то,

что немногочисленные сельские начальные школы заканчивали лишь 5 — 6% поступивших в них детей).

Высокой активностью характеризуется общественно-политическая жизнь края в те годы. В самых разных сферах и на разных уровнях происходила эта деятельность: от местных театральных, благотворительных, просветительских обществ, муниципалитетов и примарий, до парламента и сената страны. Но участвует в этой жизни, в основном, интеллигенция: учителя, врачи, агрономы, инженеры, юристы, чиновники, священнослужители... Для этой прослойки свобода слова, печати, собраний, организаций, право избирать, быть избранными, право на образование, свободное передвижение, доступность информации, отсутствие цензуры были в общем-то реальностью...

В 1867 году Придунайский край посетил основатель династии Гогенцолленров в Румынии, принцепс (с 1881 года — король) Карол I. Он «открыл» первые 10 километров спрямленного Сулинского рукава. После чего в Килию он не попал, — его манила экзотика Вилково... В 1868 году он повторил свой визит в «Бессарабскую Венецию», где наслаждался рыбацкой ухой, другими деликатесами дельты, дегустировал как раз тогда входивший в обиход «новачок», стрелял уток...

Следствием этих визитов явилось возвращение Вилкову статуса города... Не только просвещение, но и серьезная экономическая жизнь, кроме торговли, обходила Килию.

Не знала Килия шоссейных дорог. В те времена они вообще были мало похожи на современные, но и такие пролегали далеко-далеко от нашего города...

Строила свои железные дороги Румыния: Бухарест — Брэила — Галац, Бухарест — Чернавода — Констанца, но это было так далеко от Килии!

Тянула свои стратегические дороги на запад и юго-запад Российская империя. Но и они, естественно, обходили Придунайский край. По Дунаю поплыли первые пароходы — развивалось австрийское, румынское пароходство, основывались первые судоверфи в Галаце, Констанце, а в Измаиле, Килии, Вилково потомственные мастера — золотые руки, как и 100 лет назад, вытесывали, смолили свои рыбацкие лодки...

Акватории этих портов мелели, захламлялись, рушились склады, на приколе догнивали остовы старых судов...

После проигранной Крымской войны, Российская Дунайская военная флотилия на время составила основные силы Российского Черноморского флота...

Но для обеспечения интересов России в бассейне хотя бы только Черного моря этих сил было крайне недостаточно, а строить мощные военные корабли запрещал Парижский договор... И тогда было основано «Российское общество пароходства и торговли», новые суда которого при необходимости могли быть сравнительно легко вооружены и превращены в легкие крейсера и, как показала практика, в носители первых в мире минных катеров... К тому же, капитанами на судах «РОПИТа» нередко плавали опытные морские офицеры — черноморцы и дунайцы, оттуда же комплектовались и первые экипажи...

Новое пароходное общество в опытном порядке попыталось организовать коммерческие рейсы: Одесса — Сулина — Галац — Брэила с заходом также в Рени, Измаил, Килию, но опыт не удался — рейсы были крайне убыточными, ибо Румыния вывозила южно-бессарабский хлеб сама — в Австрию, Германию, Турцию, к тому же судами в основном этих стран.

А уже порядком устаревший пароход «Прут» в 1878 году после того, как Южная Бессарабия вернулась в состав Российской Дунайской военной флотилии и продолжил службу в ее составе до конца 1892 года. Переведенный в Севастополь, он был переоборудован в плавучую тюрьму. В 1905 году в нее угодили некоторые матросы восставшего броненосца «Потемкин»...

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов на Дунае прошли боевое испытание и вооруженные 305-миллиметровыми орудиями броненосцы береговой обороны оригинальной конструкции адмирала-кораблестроителя Попова (т.н. «поповки») — очень устойчивые на плаву, но очень неустойчивые на курсе. Их круглые в плане корпуса были диаметром более 36 метров...

...Невероятно тяжелым, вредным для здоровья и примитивным был труд грузчиков — хамалов, подводчиков — кэрущашей, грузивших хлеб, главное богатство края, в основном, на иностранные суда. Отсутствие каких-либо рабочих организаций делало рабочую массу беззащитной перед хлеботорговцами, судовладельцами и главарями артелей грузчиков в «вэтафами». Плата за тяжкий труд была мизерной (нередко ее пропивали тут же в хозяйских кабаках), долги — неоплатными...

В 1875 году брэильские портовые рабочие объявили забастовку — впервые на Дунае. Она перекинулась во все порты Нижнего Дуная, длилась долго — хозяева вынуждены были уступить — обещали установить твердые расценки на основные виды погрузочных работ. Обещания, однако, повисли в воздухе. Медленно, но неумолимо приближалась

новая русско-турецкая война. В 1871 году, воспользовавшись разгромом Франции в войне с Германией, Россия денонсировала Парижский договор 1856 года. Кровавое турецкое иго до предела накалило обстановку на Балканах. Все энергичнее заявляла о своих правах на полную независимость от Оттоманской империи Румыния. Приближение военной грозы ощущал и Придунайский край. Со второй половины 60-х годов тут работал великий болгарский патриот Христо Ботев. В небольшом селе Задунаевка, в Болграде, Измаиле звучали его пламенные призывы к болгарам, к славянам, ко всем демократам помочь его Родине освободиться от турецкого гнета.

Эти призывы находили живой отклик в сердцах болгарских колонистов, россиян, сербов, черногорцев: организовывались кружки, санитарные и боевые дружины...

В 1875 и в 1876 годах вспыхнули антитурецкие восстания в Боснии, Македонии, Болгарии, в поддержку повстанцев выступили Сербия, Черногория. Оттоманская империя учинила невиданно жестокую расправу над повстанцами, залила Балканы славянской кровью. К войне за независимость готовилась Румыния.

Не завершившая военную реформу, военные приготовления Россия более не могла оставаться в стороне от событий, развернувшихся на Балканах. В спешном порядке из Бендер, через Заим и Романовку (Бессарабка), к Дунаю и Пруту в Рени она тянула стратегическую железную дорогу (среди строителей был и молодой инженер-путеец Гагарин-Михайловский, будущий главный строитель Транссибирской магистрали).

12 апреля 1877 года Россия объявила Турции войну. В разгоревшейся тяжелой кровопролитной войне Рени, Измаил, Килия, Вилково вновь стали тыловыми базами снабжения уже не только российской, но и румынской армии. Немало южнобессарабцев, особенно болгарских колонистов, ушли на войну добровольцами. Как и в предыдущих русско-турецких войнах, в этой отличились вилковчане, особенно рыбаки Поливанов и Гайдуков. Они обозначили фарватеры, которыми прошли российские мониторы и минные катера, ходили в разведку в турецкие порты, за что были награждены русским командованием медалями «За усердие». (За помощь, оказанную вилковчанами российской армии и проявленное при этом мужество, император Александр II указом передал вилковчанам в вечное и безвозмездное пользование воды нижней дельты Килийского рукава Дуная с островами до Старо-Стамбульского гирла). Отгремела и эта война. Россия и ее союзники одержали в ней нелегкую победу. Окончательные итоги подвела Берлинская конферен-

ция в 1878 году. Несмотря на бурные протесты Румынии — союзницы России в той войне, несмотря на слезные жалобы Румынии на то, что у нее отнимают ценнейшее достояние, российская сторона была твердой во мнении, что: «Парижский мир 1857 года нарушен его участниками — и Петербург не собирается вставать на страже его бренных останков в виде пункта о вхождении Южной Бессарабии в состав Молдавского княжества...».

Юг Бессарабии был возвращен Российской империи.

В утешение Румыния была компенсирована передачей ей большей части Добруджи с Констанцей, Тульчей, Сулиной, островами дельты Дуная.

9 сентября 1878 года (по старому стилю) с 10 часов утра, после молебна, совершенного епископом Кишиневским и Хотинским Павлом в Измаиле на берегу Дуная, бессарабский военный губернатор, свиты Его Величества генерал Шебеко юг Бессарабии официально провозгласил вновь достоянием России. Пограничная стража заняла линии Прута и Дуная, а чины всех ведомств Российской империи в крае вновь приступили к исполнению своих обязанностей.

Россия возвратила себе край, которого реформы, особенно экономические, коснулись поверхностно, край, который упорно обходили благоустроенные сухопутные водные пути. Следовательно, даже важная и перспективная для края отрасль производства — сельское хозяйство — была лишена выхода на внешний рынок. Естественно, край практически был лишен и инфраструктуры, необходимой для нормального экономического, социального развития: банков, бирж, связи и эффективной торговой сети.

XIV. ВНОВЬ ПОД СЕНЬЮ КОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Итак, Придунайский край был присоединен к остальной Бессарабии. Но это была далеко не та Бессарабия, что в 1857: первые железные дороги связали ее с Украиной, Россией и даже с Румынией. Выросли ее города, изменился статус края — в 1873 году царским указом она была низведена в один ряд с другими 80 губерниями империи, оказавшись разве что более экономически отсталой, чем некоторые другие губернии. Канула в лету былая, пусть и относительная автономия края. И Россия стала иной: в ней набирали размах реформы 60—70-х годов...

Наконец-то послереформенная Россия стала прозревать — увидела в Бессарабии не только выгодное геополитическое пространство, но и край, в котором так заманчиво сочетались плодородная, способная давать всевозможные плоды земля, близость и доступность удобных водных путей и почти готовые порты, равнины, по которым можно без сверхзатрат тянуть железные и шоссейные дороги (с последними, впрочем, не спешили...).

В Придунайский край, его порты, в том числе Килию ринулись предприимчивые деловые люди и принялись энергично осваивать новое поле деятельности: князья Гагарины, графы Толстые, нетитулованные хлеботорговцы, предприниматели, коммерсанты-греки Гиллесы, евреи Гамшиевичи, Кицисы, Бродские и другие. Килия быстро становилась крупным центром торговли рыбой, мясом, фруктами, овощами, но прежде всего хлебом. Этим быстро богатели оптовые хлеботорговцы. Их не блещущие архитектурными красотами, но вместительные, прочные склады -магазины стали занимать целые кварталы и не только на подступах к порту — порой даже теснили особняки хозяев...

С воссоединением Подунавья с остальной Бессарабией чиновничью прослойку города и волости пополняют не только великороссы, но и представители местных интеллигентских кругов: адвокат и городской голова Зарзэр, математик, артиллерист, профессор Секриеру, городской голова Бостан. Вместо уехавших в Румынское королевство предпринимателей, торговцев этим бизнесом занялись люди местные: Ивановы, Ставровы, Митешовы, Брунченки и другие.

Хлеботорговля поддерживала существование многотысячного трудового люда: возчиков, грузчиков, различных других складских и портовых рабочих, готовых задешево предположить свои рабочие руки и спины. Их хижины стыдливо прятались в зелени кривых улочек и переулков, сбегающих к Дунаю, прячущихся за крепостными валами.

Много хлеба скапливалось в Килии — больше, чем в Рени и Измаиле вместе взятых. Узким местом, сдерживающим дальнейший рост хлеботорговли, был экспорт хлеба, транспорт, точнее его недостаточность, которая становилась все более острой. Хлеб в Килию свозили, понятно, гужевым транспортом. Особенно опасным был обратный путь продавцов зерна, когда они были при деньгах и чаще всего на подпитии... Разбойные нападения были делом довольно обычным...

На русском участке Дуная до конца 70-х годов перевозились большими лодками, до пятидесяти их принадлежало измаильскому хозяину Балашову. На линии Рени — Измаил — Килия один раз в неделю ходило небольшое палубное парусно-весельное судно «Святой Николай», а линию Одесса — Рени — Измаил (по Сулинскому рукаву) обслуживало судно чуть побольше — «Миконос 2». Измаильская городская управа взимала полукопеечный денежный сбор с каждого пуда груза, проходящего через Измаильский порт. На эти деньги мостились улицы города.

Килийская же хлеботорговля испытывала все более острую нужду в надежном водном транспорте — хлеба из богатой округи — ближней и дальней поступало все больше...

Вот тут-то и появился в Придунавье надворный советник князь Юрий Евгеньевич Гагарин.

Отпрыск одного из знатнейших, но поиздержавшихся дворянских родов России, не молодой уже, но моложавого вида князь Евгений Юрьевич Гагарин женился на внучке молдавского князя Александра Стурзы — прелестной Ольге Стурза — владелице обширных имений на обеих берегах Днестра...

Поправив таким образом свои финансовые дела и используя свои и тестя полезные связи, Юрий Евгеньевич основал в Измаиле торговый дом «Князь Юрий Гагарин и К?». Главным предметом торговли этого дома стал бессарабский хлеб.

Свои хлеботорговые конторы и склады разворотливый князь имел в Измаиле, Рени, Аккермане и Одессе, но главные были в Килии — из них в нашем городе довольно быстро возникла целая улица «Гагаринская»...

Стараниями князя царское правительство в июне 1881 года утвердило «Положение о срочном товаро-пассажирском сообщении между горо-

дами Одессой и Измаилом с заходом в Килию и Рени». Этим «Положением» князь обязывался принадлежащим ему пароходом «Ольга» (назван именем молодой красивой, а главное, богатой жены князя) поддерживать регулярное товаро-пассажирское сообщение на линии. «Дело» оказалось прибыльным и перспективным, поэтому государственный совет соединенных департаментов экономики и законов рассмотрел проект предложений министерством финансов об установлении срочного пароходного сообщения между Одессой и дунайскими портами, и решил представить его на утверждение императору Александру III. В редакции чинов этой высокой инстанции документ получил название «Положение о срочном товаро-пассажирском и буксирном Черноморско-Дунайском пароходстве».

21 ноября 1883 года Его Императорское Величество Александр III на предложенном документе изволил начертать: «Быть по сему». Так было положено начало Черноморско-Дунайскому пароходству. А вскоре Гагаринское пароходство открыло и первую международную линию: из Килии до порта Систово с заходом в Вилково, Сулину, Галац, Брэилу, Чернавода, Силистрия, Туртукай, Рущук (Русе). На этой линии курсировали пароходы «Юрий» и «Ольга», пароход «Измаил» на этой же линии замыкал кольцо, связывая Измаил и Галац через Рени.

Флотилия князя Гагарина увеличивалась: в 1886 году в Ньюкасле был построен быстроходный винтовый пароход «Болгария», чистой вместимостью в 444 тонны. После этого с той же верфи на Дунай пришла целая серия усовершенствованных грузопассажирских пароходов «Румыния», «Сербия» и «Черногория», а Гагаринское пароходство было реорганизовано в акционерное общество, в которое, однако, могли быть приняты только российские акционеры...

К 1889 году флотилия общества состояла из восьми судов, из которых «Ольга» и «Измаил» регулярно обслуживали линию Одесса — Аккерман — Вилково — Килия — Измаил — Рени. «Русь», «Болгария» и еще четыре парохода ходили по Дунаю в русские, румынские, болгарские и сербские порты. В 1891 году Гагаринская флотилия пополнилась самым большим пароходом «Князь Гагарин» чистой грузоподъемностью 653 тонны. Это парусно-паровое двухмачтовое судно было построено в Гамбурге, ходило оно во все западно-черноморские и восточно-средиземноморские порты, нередко и с пилигримами — в «святые места».

С открытием регулярного пароходного сообщения через Килию, перед ней открылась реальная перспектива стать крупным международным центром хлеботорговли. И еще одно важное событие произошло в

связи с основанием гагаринского пароходства — между Килией и Одессой открылось регулярное почтовое сообщение.

Долгое время после присоединения Бессарабии к России в нашем граничащем с Оттоманской империей малонаселенном крае властные функции осуществлялись военной администрацией фельдмаршала Кутузова, генералов Ланжерона и Тучкова, адмирала Чичагова и других военных чинов, обходящихся фельдъегерской связью. В Килии и ее округе в первой половине XIX века гражданской почтовой службы практически не существовало (до конца 30-х годов ее практически не было и в быстро растущей Одессе).

До 1857 года частные почтовые отправления из Килии чаще всего оказией попадали в уездный Измаил, которому подчинялся наш город, а уж оттуда почтовая служба на тройках отправляла эту корреспонденцию в Одессу и Кишинев. В течение почти 21 года после Крымской войны, когда Придунайский край был в составе Принципатов, делались попытки наладить в крае регулярные почтовые сообщения. Но так как порты Нижнего Дуная в те годы пришли в запустение, а сухопутные дороги были такими, что на них безнадежно увязали в грязи или ломались на ухабах даже коляски и кареты румынских министров, отважившихся посетить край, регулярное почтовое сообщение наладить так и не удалось.

В 1878 году Южно-Бессарабский край вернулся в имперское лоно России — страны уже довольно капиталистической, но как отмечалось выше — только с основанием Черноморско-Дунайского пароходства Килия реально и надежно включилась в почтовую систему России. Регулярно, два раза в неделю пароходы торгового дома «Князь Гагарин и К» увозили почту из Килии в Одессу и доставляли почту оттуда в наш город. Так было практически до начала Первой мировой войны, с той разницей, что, начиная с 1903 года, когда акционерная компания Гагарина стала Российским государственным Дунайским пароходством, почтовое сообщение на линии Килия — Одесса — Килия стала осуществляться чаще (через день).

В начале 90-х годов конкурентная борьба на Среднем и Нижнем Дунае обострилась — было основано Румынское Дунайское пароходство. Оно имело на Дунае свою судоремонтно-судостроительную базу — верфь в Галаце, на российском участке Дуная; для этого понадобилось еще шестьдесят лет с двумя Мировыми войнами и тремя революциями...

В 1890 году были завершены дноуглубительные работы на Белгородском русле Малой Килийской дельты. Это русло на короткое время стало каналом, открывшим для России свободный доступ в Дунай, минуя Су-

лину. После того, как в октябре 1914 года союзник Германии — Турция пропустила в Черное море немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау», обстрелявшие ряд российских черноморских портов, Россия затопила в Белгородском канале несколько старых судов, чтоб воспрепятствовать немецким крейсерам прорыв в Дунай. Белгородский морской канал был выведен из строя.

Но поскольку с началом Первой Мировой войны Измаил, Килия, Вилково стали военно-морскими базами и боевым кораблям нужен был выход в море, адмирал Потапов приказал прорыть канал (известный как «Потаповский»).

Уже к концу XIX века Килия обрела вполне городской вид. Застройка улиц велась по планам военных инженеров, жилые кварталы были довольно короткими и пересекались под прямым углом, так что «с птичьего полета» эта часть города несомненно несколько напоминала шахматную доску или лист тетради в клеточку.

Два базара у двух главных храмов города предопределили довольно необычное явление в градостроении: два экономических и гражданских центра. Их соединяли четыре прямые улицы, в том числе главная — Большая Дунайская. Ее парадное лицо определяли такие здания, как громада дома Кара-Махметского хлеботорговца Брунченко с многочисленными магазинами и складами на первом этаже (здание потеснило площадь старого базара) и с «номерами» ресторанами — на втором (нынешним жителям здание известно как мореходка, потом общежитие ПТУ-12).

На главной улице рядом с этим зданием вознеслось роскошное здание богатого лесопромышленника и хлеботорговца Бродского. Вместе с флигелями, конюшнями, различными службами, усадьба выходила на две улицы, ее двор был замощен кирпичом, господский дом отделен от служб цветниками и небольшим садом (РАЙСУД). Далее два почти одинаковых строения принадлежали двоюродным братьям Кицисам (оба Вильгельмы). По направлению к порту, тесня церковное подворье храма Святого Николая, тянулись здания с лавками, небольшими гостиницами, еще ближе к порту — кабаки, расчетные конторки хлеботорговцев.

На противоположной стороне улицы, не очень четко очерчивая сравнительно небольшую площадь «старого базара», выстроились магазинчики и мастерские, а к молодому парку, руинам крепости потянулась линия довольно больших богатых жилых домов. Среди них и сейчас выделяется величиной и претензией на архитектурный стиль дом хлеботорговцев и... стоматологов Давидовичей (нынешняя стоматологическая по-

ликлиника). Следующий квартал — жилые дома, отнюдь не бедняков. (За последние сто лет они поменяли столько хозяев, что установить, кому принадлежали изначально, трудно). Половину следующего квартала занимали рестораны и ресторанчики на разный вкус и карман, ставшие известными, как увеселительные заведения Камилатиса, некоторые, как утверждают старожилы, — пикантного свойства... Предпоследняя на этой стороне улицы усадьба принадлежала помещикам Филипповым. Богатую и примечательную историю имеет здание, которое сейчас известно пока еще как школа № 2 (Ленина, 2). Было построено оно в самом начале улицы, в конце XIX века (1897) для графини Александры Валерьяновны Толстой. Она — из семьи Толстых — тех самых знаменитых — правда, родственница не самая близкая. Ее первый брак был не столь счастливым, как у княгини Ольги Гагариной, ее именем не называли пароходы или улицы. Во втором браке Александра Валерьяновна стала еще и Стагоп, после чего уехала в Швейцарию и Италию (в зависимости от времени года). Но до этого она сотворила великое и благородное для нашего города дело. На предложение быть патронессой общества килийских экспортеров хлеба она согласилась с условием, что они построят в Килии здание для первого в городе трехклассного мужского училища (старое здание школы номер 1), больницу и на случай ее приезда в город, резиденцию.

Все это и было построено в конце XIX века — начале века XX. В резиденции графини (Ленина, 2) поселился и долгие годы блаженствовал ее управляющий, а затем крупнейший хлебопромышленник Гиллес, здание школы № 1 получилось не ахти каким, хотя и прослужило около 70 лет, а вот больница... Больница была прекрасной: светлые палаты, паркетные полы, ослепительная чистота. В приемном покое портрет Александры Валерьяновны. Перед ним неугасающая лампада...

И всегда зимой и летом были цветы (больница славилась не только своими врачами, но и особой чистотой, небольшой оранжереей и цветниками). Так было до 1940 года, когда портрет было приказано убрать...

В 80-х годах XX века этому замечательному лечебному заведению по праву вернули имя, которое вот уже более сотни лет в Килии произносится с благоговением... Теперь только глубокими стариками. С начала XXI века больница заброшена.

На север от центральной площади Большая Дунайская застраивалась не такими претенциозными зданиями, как описано выше: жилые дома, магазины, нередко — то и другое — в одном.

Украшением этой улицы и всего города была построенная в конце XIX века «Большая синагога» — единственное из построенных в то время здание, которое по праву можно было бы отнести к памятникам архитектуры. К сожалению, здание погибло. (В 1941 оно было превращено в еврейское гетто, окончательно уничтожено здание в первом послевоенном десятилетии).

По архитектурным достоинствам построенный на этом месте клуб КССРЗ не идет ни в какое сравнение с погибшей Главной синагогой даже после того, как он стал розовым... На противоположной стороне улицы (чуть наискосок) дом и аптека других Бродских — аптекарей (ныне — отдел соцзащиты РГА).

На Малой Дунайской от Старой Базарной площади тянулись жилые дома и заезжие дворы — гостиницы с подворьями для обозов, магазины Константиновых, Цып, Семеновых. Самым известным на этой улице был дом Гамшиевича, угол Дунайской и Кооперативной — хозяин его был едва ли не самым богатым горожанином — хлеботорговцем, лесопромышленником. Соборно-базарную площадь обрамляли строения пожарной части, здание городской управы (ныне — детская библиотека), дома и магазины Кацев, Коганов, рестораны и шинки Феферманов, Митешовых, Ставровых и других деловых людей Килии. С восточной стороны соборно-базарную площадь отделяла от толоки паровая мельница.

Покровский собор отгородился от нового базара не только монументальной оградой, но и кольцом лавок и балаганов всех тех же Кацев, Феферманов, Митешовых и Ставровых... На выезде из города находилась кузница и «последний кабак у заставы» (развилка нынешних улиц Красногвардейская и Колхозная). «Архитектура», планировка и стройматериалы большинства домов и домишек простого люда Килии особых изменений по сравнению с серединой XIX века не претерпели, во дворах виноделов и огородников появились полупогреба с толстой камышовой крышей. Номенклатура хозяйственных построек во дворах также. На убегавших же в плавни, на толоку и в степь улочках врастали в землю подслеповатые лачуги — полуземлянки, камышовые крыши которых едва возвышались над землей. Таким было лицо и морщины, язвы и гримасы нашего волостного города в конце XIX века.

Тем не менее это был город, в котором, если верить Энциклопедическому словарю Брокгауза — Эфрона, в 1894 году проживало 4798 мужчин и 4943 женщины, городу принадлежало 10097 десятин земли, на которых удобными считалось 8897 десятин.

Наряду с огородничеством, в конце девятнадцатого века Килия была и крупным на Нижнем Дунае центром виноградарства и виноделия. Об-

щая площадь виноградников, принадлежащих горожанам, составляла более 400 десятин. Крупным виноградарем и виноделом в Килии был А. Исаченко; славилось виноградниками имение Тульчиановых в Николаевке Килийской волости. Не только профессиональные специалисты, но и чиновники (городской голова Зарзэр), учителя и даже священники (Отец Дмитрий Агура) занимались виноградарством и виноделием.

Крупномасштабное виноградарство и виноделие удачно сочетали с ресторанным делом килийские деловые люди того времени Ставровы, Ивановы, Митешовы — из всех видов сельскохозяйственной деятельности виноградарство было самым доходным. Если верить статистике того времени, ведро бессарабского вина в зависимости от качества стоило от семнадцати копеек до рубля восьмидесяти пяти... Знатоки же утверждали, что местные вина Придунавья цветом, вкусом и крепостью напоминали североитальянские.

Порт, хлеботорговые конторы Гамшиевичей, Бродских, Давидовичей, Вильдерманов (они же крупные лесопромышленники), хлебоэкспортные конторы Кицисов, Гиллеса, Бренера, Кахане, торговые дома Кацев, Коганов, Брайловских, два рынка, работающих еженедельно, и две ярмарки в году. Кроме того, 2 гончарных и 3 кирпичных завода, 3 паровые и 72 ветряные мельницы, маслобойки, пекарни, многочисленные сапожные, швейные, столярные мастерские, определяли все более наполненный экономический пульс города. Тот же источник сообщает, что в 1894 году в город было ввезено товаров на 83203 рубля серебром, а вывезено из города товаров на 1834067 рублей. Это была торговля, развивающаяся почти взрывообразно (таможенные сборы от экспорта в тот год были божескими — составили 21 тыс. рублей — просто бархатный режим).

Естественно, процветание относилось далеко не ко всем килийцам, ибо та же бесстрастная статистика свидетельствует, что в процветающей Килии недоимка только государству составляла 34250 рублей. Доход, поступивший в городскую казну, составлял сумму, несопоставимую со стоимостью вывезенного из Килии добра: 42000 рублей против почти 2 млн. рублей. В тот год лишь учтенный оборот внутригородской торговли составил 376 тыс. рублей... Факты свидетельствуют: Килия была городом, в котором энергичные дельцы делали деньги, сколачивали состояния. Забота же о духовной жизни большинства ее жителей возлагалась — нет, не на школы — на церкви — они были настоящими духовными центрами для своих прихожан.

В городе и его пригородах работало 5 церквей, 4 синагоги и дом евангельских христиан — баптистов со штатом священников и других слу-

жителей культов около 50 человек. Что касается школ, то их в Килии было: одно мужское трехклассное (6 классов) училище, одно двухклассное (5 классов), одна церковно-приходская школа и один хедер — начальная школа при главной синагоге, всех учителей — 25 человек... Очень мало для такого города, как Килия, гораздо меньше, чем в Измаиле, Аккермане или в Болграде. И все же о том, что Килия процветала (без кавычек), свидетельствуют данные Первой всероссийской переписи населения. Она отмечает, что в 1897 году население города составляло 11618 человек, то есть по сравнению с 1894 годом выросло на 777 человек.

Перепись подтвердила пестрый национальный состав населения города. Относительное большинство населения — украинцы — 4555, вторая по численности этническая группа — молдаване — 2495, на третьем месте — русские — 2200. Кроме того, в городе жили 2144 еврея, 87 болгар, остальные — сербы, греки, армяне, немцы, албанцы, поляки, цыгане и представители других наций и народностей.

В числе жителей Килии 88 лиц дворянского звания. Больше всего мещан — 11017 человек, значительная часть населения города — крестьяне — их 314. Это, в основном, огородники, виноградари и садоводы. Хлеборобов в Килии было мало — хлеб выращивали крестьяне округи. Ко времени переписи в Килии проживало 97 иностранцев из европейских стран и из Турции — Килия была довольно крупным центром международной торговли — хлебной торговли и торговли мясом, скотом.

По переписи в Килии числилось всего одно лицо купеческого звания. Те, кто имели дело с зерном, делились на две категории: экспортеры хлеба: Кицисы, доктор Фрадис, доктор Кахане и другие. Те же, кто экспортировали зерно, но в то же время имели мельницы и хлебопекарни, по тогдашней терминологии назывались хлебопромышленниками: Бродские, Вильдерманы и Гамшиевичи...

Хлебным воротилой особого рода был Гиллес. Первоначально управляющий имением графини А. В. Толстой, он выкупил это имение, кроме того, он за бесценок арендовал огромные земельные площади, тут же сдавая земли «с половины», зерно экспортировал. Барыши получались баснословные, ибо в 1899 году за Гиллесом числилось арендованной земли в Ташбунаре (Каменка, Измаильского района) 900 десятин, в Вайсале (Василевка, Болградского района) 374 десятины, в Каракурте (Жовтневое), того же района 1132 десятины, в Фурманке — 432 десятины. Арендовал он землю и в других селах нашего района. За аренду он платил по 3 рубля за десятину в год, ему же половинщики платили по 4—5 рублей в год и, отдавая полурожая властям Измаила, Килии, Болграда, крестьяне ча-

сто жаловались на то, что Гиллес не платит им и то, что обусловлено договорами об аренде...

Архивные документы часто отмечают, что по этим жалобам на места выезжали административные и судебные чиновники. Но архивные документы молчат о том, в чью пользу выносились решения по этим жалобам...

Так или иначе, остается фактом, что к концу XIX века Килия стала крупнейшим экспортером зерна на Дунае. 3 млн. пудов зерна ежегодно вывозилось в Одессу, за границу в урожайные годы экспортировалось до 12 млн. пудов. Не весь этот хлеб был излишками в крае, особенно в засушливые годы, а такими были 1893,1894,1899 годы. Но принцип: «Не доедим, но вывезем» и в Придунайском крае действовал неукоснительно. В больших количествах вывозился скот, шерсть, овощи, фрукты, рыба, черная икра. Ввозились иконы, «колониальные» товары, металл, машины, запасные части к ним, горючее, ткани...

Как известно, на грани веков Россия ввязалась в ожесточенную «хлебную» войну с американскими, канадскими, аргентинскими экспортерами (за европейский, ближневосточный и северо-африканский хлебные рынки). Россия выиграла эту войну и не в малой степени благодаря дешевому бессарабскому хлебу и еще более дешевым рабочим рукам.

Возрастающий объем оборота капитала обеспечивали местные отделения Государственного, Дворянского, Крестьянского акционерного, коммерческого банков Одессы, богатые хлеботорговцы — экспортеры предпочитали иметь дело с зарубежными — швейцарскими, английскими, американскими, греческими, на худой конец — турецкими банками... от того-то в Килии рядом с баснословным богатством немногих соседствовала нищета очень многих. Прослойка тех, кого можно назвать «средним классом», была тонкой...

С промышленностью в Килии дела явно не пошли. Гамшиевич, Вильдерман, один из Бродских числятся в Килии лесопромышленниками, но у них дальше распила отличного карпатского леса, плоты из которого неизменно покрывали Дунаец, дело не пошло. Торговали они кругляком и фасованным лесом действительно по всему Буджаку, а дальше с этим лесом имели дело строители, столяры, плотники по всему краю.

Нельзя считать серьезной промышленностью несколько паровых мельниц, маслобойки, кирпичные и черепичные заводики — их обороты не шли ни в какое сравнение с оборотами хлеботорговли. Да что там Килия! Считанные доли процента от объема промышленного производства

Империи приходилось в конце XIX века на всю Бессарабию... Еще хуже обстояли дела с просвещением. В начале века XX к трехклассному и двухклассному училищу в городе прибавилось еще два одноклассных мужских да 2 или 3 церковно-приходские школы. В пределах нынешних границ района в те времена действовали одноклассное училище в селе Китай (Червоный Яр), в котором просветительством занимались один учитель и местный священник. Одноклассное училище действовало в большом селе Кара-Мехмет. Небольшая частная прогимназия О.Н. Нако несла свет просвещения в Вилково. Человек творческой, ищущей натуры Ольга Николаевна Нако (в девичестве Гурцова) попала в Бессарабию из Одессы после замужества (муж А. Нако историк, литератор, бессарабский помещик).

В бессарабской глухомани того времени Ольга Нако изучила молдавский язык, увлеклась изучением богатого бессарабского фольклора, быта, обычаев. Результатом оказались интересные научные статьи в килийской и одесской прессе и даже литературные произведения.

После того, как в 1878 году юг Бессарабии возвратился в состав России, Ольга Николаевна оказалась в Вилково, где в собственной школе занялась благородным делом просветительства, положив в основу гуманистическую методику Л. В. Толстого. В 1903 году она даже совершает паломничество в Ясную Поляну и несколько раз подолгу беседует с великим властителем людских душ...

Учебные заведения Измаильского уезда, в том числе Килийской волости контролировались инспектором народных училищ пятого района Южнобессарабского учебного округа Бессарабской губернии.

В этих условиях для получения не то высшего, но хотя бы среднего образования приходилось покидать родные места. Таким образом, из края вымывались не только деньги, но и интеллект — «мозги», как сейчас принято говорить. В городе, большинство населения которого были украинцы и молдаване, и речи не было о национальных школах...

Всероссийская перепись 1897 г. свидетельствует, что среди молдаван уровень грамотности был 2,6%, среди украинцев не доходил до 9%. Грамотных русских в городе было 31%, евреев — 36%. Среди немецких колонистов грамотных было 50%. Самой грамотной прослойкой в крае были поляки — 54,6%, но их было мало. И школа, и церковь, и печать были орудиями русификации многонационального населения города и края. Кстати, о печати: мало где в России она была в столь жалком состоянии, как в Бессарабии, особенно в Килии. Первый официоз «Бессарабские областные ведомости» стал печататься в 1854 году, только на рус-

ском языке (2—3 раза в неделю) с июля 1867 года печатался журнал «Кишиневские епархиальные ведомости» на русском и на молдавском. Через 3 года его печатание на молдавском прекратилось...

С 1884 года в Кишиневе на протяжении трех лет печаталась на румынском языке газета «Месажерул Бассарабией». Первыми печатными газетами в XX веке были «Бессарабский вестник» и крайне правая черносотенная, антисемитская газета «Бессарабец». Последнюю издавал печально знаменитый организатор еврейских погромов М. Крушеван. В Аккермане и Измаиле печатались небольшие по объему «Измаильские ведомости» и «Аккерманские ведомости». И только в Болграде печатались несколько газет для болгарских колонистов. Разнообразную типографическую продукцию выпускали в Килии типографии Мильграмма, Цалиса (сейчас там магазин и детсадик «Березка»), но своей газеты Килия не имела. Зачинателем комплексного изучения природных богатств Придунайского края и дельты Дуная является ученый-почвовед и ботаник В.В. Докучаев (1846—1903). В ходе своей второй экспедиции в Бессарабию (1898), несмотря на скудность выделенных средств, ученый провел изучение климата, почв и растительности Буджака и дельты Дуная. Результаты этих исследований не утратили практического значения до сих пор. «Едва ли можно найти в европейской России местность более интересную в почвенном и вообще естественно-историческом отношении», — пишет ученый о нашем крае...

В конце XIX века Придунайский край привлек внимание выдающегося украинского писателя-демократа М. М. Коцюбинского (1864—1913). От его матери — молдаванки, Гликерии Акимовны Абаз, юный Коцюбинский усвоил молдавский язык, народные песни, сказки, сказания. В 1892 году Коцюбинский работал на Нижнем Днестре, Дунае и Пруте. Спасая виноградники от вредителя — филлоксеры. Впечатления писателя о крае, его людях, их быте, устном народном творчестве легли в основу цикла произведений «Бессарабские рассказы».

Нижний Дунай, места, где находилась Задунайская Сечь, люди и фольклор края произвели большое впечатление на В. Г. Короленко. Многое из того, что он видел в крае, отражено в сборнике рассказов «Наши на Дунае». Во время своего знаменитого «пешего хождения по югу России» не обошел наш край стороной и А. М. Горький. Со второй половины XIX века истории, археологии, архитектуре края уделяет внимание и «Одесское императорское общество истории и древностей», на страницах его «Ученых записок» печатаются статьи о церкви Святого Николая, как о выдающемся памятнике культуры...

Богатые этнографические, фольклорные материалы о крае собрала Ольга Николаевна Нако, много лет руководившая вилковской прогимназией. Результатом ее работы стал интересный сборник «Из бессарабской старины». Человек либеральных взглядов, интеллигент просветительских наклонностей, она была знакома с Л. Н. Толстым на склоне лет его. Много рассказывала ему о нашем крае и утверждала, что «Лев Николаевич живо интересовался жизнью нашего края, сожалел о том, что в молодости болезнь прервала его командировку в Дунайскую армию в начале т.н. Крымской войны». После выздоровления, как известно, молодой офицер-артиллерист Толстой был направлен в Севастополь... Много сил отдал исследованию дельты Дуная видный румынский ученый, основоположник румынской гидрологической науки Григоре Антипа. Во время его экспедиций на Нижний Дунай Килия была даже базовым пунктом этой экспедиции.

Историей и археологией Килии глубоко интересовался основоположник археологической науки в Румынии В. Пырван. В 1899 г. историк с мировым именем Николае Иорга исследованию истории нашего города посвятил свой труд «Исследования истории Килии и Аккермана». В целом же на рубеже XIX и XX веков культура нашего города и округи находилась на том уровне, который, как и четверть века до этого, делал край Клондайком для любителей этнографической и фольклорной экзотики. Фольклор тот происходит из многих источников, и каждая его составная часть отличается определенными чертами, наиболее сохранившимися у русских старообрядцев. Русский, украинский, болгарский, как правило, создан еще в местах, откуда он вместе с колонистами пришел в наши края. Это фольклор на балканские бытовые темы или обрядовой.

В болгарском, кроме этого, порой звучат ностальгические нотки по родным Балканам, Родопам, Добрудже. В украинском тема «Запорожец за Дунаем» столь распространена, что, как известно, родила даже классику — оперу «Запорожец за Дунаем». Нетрудно заметить, что русский и болгарский фольклор явно переселенческий. Украинский органически связан с многовековой историей казачества и его походами на и за Дунай. Молдавский же, безусловно, автохтонного общемолдавского происхождения и распространения. Это относится ко всем его разновидностям, но особенно хорошо, ярко это проявляется в тех его творениях, в которых он прославляет своих национальных героев — гайдуков или, безусловно, популярного своего героя Стефана Великого. Не счесть дойн, баллад, песен, преданий, сказаний, героем которых является Стефан Великий.

Впереди, подобно змею,
На коне, что всех белее
Славный Стефан мчится мимо,
Господарь неутомимый.
Порты враг непобедимый,
Он несется на коне,
С той пищалью на спине,
Чтоб спасенье дать стране.

Это уже творение устного народного творчества XIX. В нем Стефан с пищалью, он похож на привычного в XVIII— XIX веках гайдука...

И через века порабощения не забыли молдаване того, кто был самым решительным и победоносным борцом за свободу и независимость Молдовы и ее народа... Интенсивное градостроительство второй половины XIX века, как уже отмечалось, не оставило нам памятников архитектуры государственного значения. То немногое, что вошло в реестр памятников архитектуры местного значения (здание суда и несколько его ровесников) носит на себе явный отпечаток мещанского вкуса. К великому сожалению, не избежала этого и пристроенная к храму Святого Николая колокольня (архитектор Семенчишин). Ее эклектический архитектурный стиль кричаще дисгармонирует не только с молдавской классикой древнего творения народных мастеров, к которому очень искусственно приделана, но и со славяно-византийской традицией в церковной архитектуре вообще. Кроме того, колокольня вопиюще диспропорциональна основной конструкции по высоте. Что это? Выражение эстетического невежества или сознательное стремление подавить национальный дух древнего памятника?

Славилась же новая звонница прекрасной гаммой колоколов — подарком молодого императора Николая II, о чем свидетельствует дарственная литая надпись на каждом колоколе. Самый большой колокол этой гаммы весил 90 пудов.

До 30-х годов XX века Килия не знала никаких скульптурных памятников, прекрасным живым памятником становился городской парк, в который романтично вписывался поросший высоко травой и кустарником крепостной ров и остатки стен старой крепости. Сквозь зелень и золото весной, летом и осенью, сквозь ажур ветвей зимой хорошо просматривались красночерепичные крыши новой больницы и маковка еще не очень старой колокольни и самой Успенской церкви. К сожаленью, сумбурное развитие порта сделало неосуществимым первоначальный план выхода парка к берегам Дуная. Испытывающая постоянный зуд делания

денег, почти до самого конца XIX века Килия была городом исключительно верноподданным, практически не знала никакого движения — ни политического, ни национального, даже культурологического.

Одесса, Кишинев, Измаил даже липованские села в Добрудже и дунайских плавнях были пристанищем народников всех оттенков и периодов. Килия ничего подобного не знала.

Одесса, Кишинев, Измаил знали рабочие организации, социалистические кружки. Килию и это обошло. Мимо Килии проходила нелегальная литература. Килия знала только пути экспорта хлеба, она трудилась в поте лица, наращивая несметные богатства для немногих, мозоли, латки, долги, недоимки, болезни — для тех, кто эти богатства создавал.

XV. МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Старинные хроники свидетельствуют: порубежья веков, тысячелетий во все времена вызывали глубокий интерес, ажиотаж, надежду, страх, панику, даже массовое умопомешательство...

Задолго до наступления второго тысячелетия новой эры Европу лихорадило: люди бросали работу, покидали села, иногда города, уходили в дебри лесов, в пустыни, часто в смятении и ужасе или в религиозном экстазе взбирались на горы, холмы — ждали чуда, знамения, пришествия Христа или сатаны, конца света... Естественно, что и в пророчествах, часто ужасных, недостатка не было...

Порубежье веков вызывали явления в чем-то похожие, а еще желание оглянуться на век прошедший, заглянуть в наступающий, встретить его чем-то необычным, может быть, этим необычным задобрить... Время наступления века двадцатого в общем не составляло исключения. Больше всех в Европе в новый век торопилась, кажется, Франция. Задолго до наступления нового века, но и навстречу ему, в небо Парижа вознеслась Эйфелева башня...

Россия и Соединенные Штаты Америки к встрече нового века подошли более прагматично: Евро-азийская империя спешила опоясать полмира Транссибирской магистралью, а заокеанская республика воткнула в небо Нью-Йорка небоскребы...

На грани XIX и XX веков М.И. Врубель представил на суд общественности свое новое творение — своего «Демона». Возможно, как раз в таинственном, противоречивом, мятежном, грозно-ураганном Демоне Врубель силой своего провидческого таланта великого художника предугадал скрытый в тумане времени образ противоречивого, мятежного, ураганного 20 века...

Ну а люди того времени, как они встречали Новый год, а с ним и новый век? Три императора великих держав: очень дряхлый австрийский Франц-Иосиф, воинственный Вильгельм II германский и набожный российский Николай II. Эта троица встречала новый год, а с ним и новый век очень похоже — во дворцах Шен Брун, Сан-Суси и в Зимнем гремели, сверкали балы. Придворный «свет» блистал шитыми золотом мун-

дирами сановников, потоками жемчуга, звездопадами бриллиантов на нарядах придворных дам. Эта публика на все голоса громогласным хором желала венценосцам, их августейшим семействам «Многая лета!». Особенно старались в изъявлении верноподданнических чувств власть-имущие в Зимнем, да и во всей необъятной империи — приближалось 300-летие царствования дома Романовых... Его представители желали царствовать еще триста лет, как минимум... Очень жестоко обошелся XX век с этими венценосцами...

Тогда, на переломе веков, еще молодому Его Императорскому Величеству, Николаю Второму Романову пелись пышные дифирамбы, в частности, приписывались особые заслуги «в патронаже делу» — в развитии промышленности, транспорта и торговли. О том, как встречали Новый год с новым веком толстосумы: американские Морганы, немецкие Крупы, английский и французские Ротшильды можно догадаться (хотя как конкретно, нам неведомо). А вот главные финансовые воротилы России встречали это событие в главном купеческом клубе белокаменной.

Это в особняке, который в старину принадлежал Елизаветинскому фельдмаршалу, графу Салтыкову на Большой Дмитриевской. (У москвичей она звалась еще Клубной — на ней располагались также Английский и Дворянский клубы). А в Килии был свой аналог Клубной московской — улица Казино (нынешняя ул. Полины Осипенко) название достаточно выразительно! Московский купеческий клуб — клуб общероссийских денежных мешков, обладатели несметных капиталов любили обильно и вкусно поесть и с размахом гульнуть. Не станем описывать всего разнообразия яств, которые поглощались в московском купеческом клубе, но на всю Россию только там и только по заказу за сутки, испекали 12-ярусную кулебяку с начинкой из цыплят, разнообразной изысканной дичи, грибов, гусиной и налимьей печенкой, молодой телятины, отпоенной молоком, мясом молочных поросят, подкармливаемых кашицей из грецких орехов. (Современная пицца — травяная жованка в сравнении с фирменной кулебякой Московского купеческого клуба).

Морем изысканных вин, шампанского, наливок, водки запивалась прорва поглощаемой пищи. Все — под музыку, величальные песни, танцы русских, цыганских, венгерских, румынских хоров и ансамблей, под соло на столах томных девиц и зажигательных танцовщиц...

В ту ночь за полминуты до ухода старого года и века, весь этот разгул замер — наступила тишина! И... Достоверно известно, что в момент наступления нового года и века коммерц-советник небезызвестный Савва Морозов провозгласил тост: «За деловых людей — предпринимате-

лей!» То есть — за себя, в первую очередь. Тост, ой, как не сработал! Ну а в мире противоположном, в общем-то еще неявном? 20 век застал Володеньку Ульянова, которого в узком кругу соратников уже называли Стариком, в довольно комфортабельной шушенской ссылке (любимая Наденька — рядом, письма, посылки, переводы от мамы, прогулки по живописным енисейским местам и даже охота...) Встречи с братьями по духу, книги, библиотека просвещенного купца. Но Сибирь — не Швейцария и не Париж, и Ульяновы с нетерпением ожидали освобождения, его должен был принести 1901 год — накануне оканчивался срок ссылки. В ночь на Новый год и новый век за дружеским застольем, наверняка, подымался ну если не бокал, то стакан: «За свободу!». Вопреки опасениям с новым годом пришла и свобода, а с ней и Псков, Швейцария, Франция, Англия — Европа и «Искра», из которой, как известно, возгорелось пламя, да еще какое!

Накануне нового века Иосиф (Сосо) Джугашвили был исключен из Тбилисской семинарии, перебивался с хлеба на воду, с трудом устроился наблюдателем в Тбилисскую астрообсерваторию. Это тоже не рог изобилия. И если только Сосо встречал Новый год, то тост его был не за астрономию. В ту пору был он еще и поэтом — подражал грузинскому классику Чхеидзе и, говорят, неплохо. Но вряд ли был новогодний тост «За поэзию!».

Был он скрытен и немногословен, о чем мечтал в ночь под Новый год и век, за что были его тосты и были ли? Неизвестно... Но... 21 декабря 1969 года Уинстон Черчилль в парламентской речи, посвященной 90-летию И.В. Сталина, отметит: «Он принял Россию при сохе и лучине, а оставил вооруженной атомным оружием и на пороге космического века»... Какой пророк мог это предсказать? (А с другой стороны, в конце жизни диктатор знал, что могущественная империя исторически не намного переживет его самого...). Об этом вспоминал один из его отравителей Н.С. Хрущев.

Новогодние тосты украинских Терещенок, Яхненок, Семеренок, бессарабских Дическу, Рышкану, Пуришкевича, килийских Зарзэров, Константиновых и других были в целом сходными с прозвучавшими в Зимнем, Московском купеческом клубе — их авторы были верноподданными царя и не бедняками... Вот так на одной шестой обитаемой суши и в заштатной Килии наступил Новый год и новый век!

Новый век обещал Российской империи... много юбилеев, чуть ли не с порога: полстолетия великой реформы 1861 года, полстолетия, за которое Россия в экономическом отношении проделала путь, равный ве-

ку, а, может быть, и больший... Близкими были и вековые юбилеи Бородинской битвы и... присоединения Бессарабии. Этот последний для империи был, может быть, и не ахти каким большим, но все же примечательным.

Как и во всей Бессарабии, отцы города нашего и прочие именитые граждане верноподданной Килии просто сгорали от нетерпения отличиться и случай представился досрочно — коронация нового императора Николая II (14 мая 1896 года). К этой дате было приурочено освящение колокольни Килийского храма Святого Николая, о чем его императорское Величество были заранее оповещены... Наступивший Новый год и век с самого начала не стал оправдывать надежд и тостов не то что сильных мира того, но и самых обыкновенных граждан империи, Малороссии и Килии, подымавших тост: «За счастливый Новый год!». В 1901 году в мире разразился невиданно жестокий экономический кризис, а на юге Украины и в Бессарабии страшная засуха, после которой, естественно, последовал голод. Разорилось множество мелких и средних предпринимателей, еще больше обнищало малоземельное, безземельное и безлошадное крестьянство. Ухудшились условия работы там, где ее еще можно было найти, уменьшились и без того низкие заработки возчиков зерна, грузчиков, рабочих мельниц, швейных и сапожных мастерских. И тогда грянула первая в XX веке забастовка. С 30 июня 1901 года в течение недели дружно бастовали рабочие паровых мельниц, которых хозяева замучили непомерными и нечеловеческими условиями труда. Забастовку выиграли рабочие. Годами «голубой дорогой» мимо Килии в Россию шла нелегальщина и никто в нашем городе не интересовался ею...

С начала XX века все изменилось — «Искра» и иная нелегальщина нашли читателей в Килии и округе, да и не только в округе. Документ из госархива Молдовы свидетельствует: «В Кишиневе 4 апреля 1904 года в трактире «Москва» задержан с нелегальной литературой, с которой покушался ознакомить посетителей трактира с преступной целью житель города Килии Измаильского уезда Антон Прокофьевич Корниенко 29-ти лет. При обыске у него обнаружили нелегальные издания Одесского комитета РСДРП. Задержанный заключен под стражу в Кишиневскую тюрьму...»

Уже в 60-х годах XX века несколько номеров «Искры» обнаружил при разборке старого дома житель села Дмитровка Беженарь В.Ф. В том же 1904 году и до Килии докатилась мобилизация на войну с Японией. Многие жители города и волости сложили головы за тридевять земель от

родного края, многие вернулись с войны увечными. В архиве сохранилась жалоба крестьян Килийской волости — участников русско-японской войны, в которой они писали:

«Отправляя нас на войну с Японией государь император обещал позаботиться о наших семьях и наделить их землей. Ныне последнюю, арендованную, отнимает. За неграмотных и за себя просят жители села Покровка Килийской волости Наум Глодаренко, Иосиф Сиротский». (Эту землю у недоимщиков отнимали в пользу хлеботорговца Гиллеса). (См. сб. док. «Придунайский край в начале века». Изд. «Одесса», 1964 г., стр. 126).

Устное народное творчество бессарабцев отозвалось на кровавые события той войны:

«Мы попали в Порт-Артур, в знаменитый Порт-Артур.
Много войска положили, много жизней загубили.
И детей отцов лишили...»

Разжигание межнациональной розни было излюбленным методом борьбы царизма с прогрессивным общественным движением, с различными формами социального протеста. Отсюда война еврейских погромов, прокатившихся по России, Украине и Бессарабии, начиная с кровавых событий в Кишиневе 6—8 апреля 1903 года, спровоцированных черносотенцами Крушеваном, Пуришкевичем и другими во главе с начальником Кишиневского охранного отделения. Еврейские погромы произошли в Бендерах, Аккермане. Несмотря на то, что в Килии проживало более 2000 евреев, среди которых и богатые, наш многонациональный город не знал такого позорного явления, как еврейские погромы. Увы, ни один политолог и ни один самый прозорливый прорицатель не увидел в этих грозных событиях предзнаменования тех апокалиптических потрясений, которые XX век принес миру, стране, Бессарабии, Килии.

События периода демократической революции 1905—1907 гг. на Дунае и в Килии — лишь слабые отголоски того, что произошло в России. В ответ на события «кровавого воскресенья» в Петербурге, забастовку солидарности провели таможенники, грузчики и возчики Килийского порта. В разгар событий на броненосце «Потемкин» на стоянке в Вилковском порту забастовала команда парохода «Болгария», объявив о своей солидарности с рабочими, охваченной всеобщей забастовкой Одессы и с матросами мятежного броненосца. Для себя же моряки «Болгарии» выдвинули, однако, только экономические требования: 8-часовой рабочий день, увеличение оплаты труда, страхование жизни.

Проявив упорство, забастовщики добились победы, несмотря на то, что им противостоял не частный хозяин, а Российское Дунайское государственное пароходство, основанное в 1903 году, вынуждено было уступить. После того, как в Констанце команда «Потемкина» покинула броненосец, многие его моряки нашли пристанище в липованских селах дунайской дельты, Никита Помалюсь — в селе Галилешты Килийской волости.

До восстаний, поджогов в Килийской волости дело не дошло, но жалобы и отдельные эксцессы все же имели место. Летом 1905 года бессарабскому генерал-губернатору в Кишиневе поступила жалоба от жителей Галилешт, Нерушай, Дракуля, Карачук (Карячка) Килийской волости на помещика Тульчианова, который замучил безземельных и малоземельных крестьян этих сел грабительскими условиями аренды земли: 3 рубля в год и полурожая с десятины. Отдельно взималась плата за пользование молотилкой, косилкой, теребилкой, веялкой помещика. Кроме того, крестьян штрафовали за потраву, недогруз арбы, за плохую работу, неповиновение. Помещик и его слуги избивали крестьян плетями. Власти остались глухи к жалобам крестьян, — произвол со стороны помещика продолжался.

И тогда, 7 мая 1906 года, крестьяне Галилешт силой отстранили от власти старосту села и податного агента. Помещик вызвал из Измаила войска... (В 1905 году бессарабский генерал-губернатор распорядился расквартировать в каждом уездном городе батальон пехоты и сотню казаков на случай «беспорядков»). Кроме Галилешт (Десантного) в 1906 году «беспорядки» произошли еще в Кара-Мехмете, причина та же, что в Галилештах — непомерная арендная плата за землю. И еще один неординарный случай произошел в селе Галилешты в том же 1906 году. Студент сельскохозяйственного института Брошеван не только подбил крестьян на описанные выше «беспорядки», но и... женился на единственной дочери помещика Тульчианова. Та получила в приданое поместье у села Галилешты. Молодой хозяин сразу резко снизил арендную плату за землю, а большая часть поступающей суммы шла... в партийную кассу РСДРП.

В целом же события 1905—1907 годов мало что изменили в социально-экономической и политической жизни Килии и волости.

В разгар столыпинской аграрной реформы за пределами Килии появилось несколько хуторов, которые со временем слились с селом Салман, Парапора. Несколько хуторов появилось на островах Кислицком и Степовом. И еще любопытный штрих, в Уссурийском крае появилось многочисленное семейство Заамурченко — поселенцы, прибывшие из села

Салман... В целом же аграрная реформа привела к увеличению производства и экспорта хлеба в Придунавьи за счет богатых хозяйств! Во всей Бессарабии только в 1910 году крестьяне (в основном богатые — те, кто имели что дать в заклад) с участием «крестьянского банка» купили у разоряющихся крестьян и деградирующих помещиков, как, например, в Килии — помещики Филипповы, 43 тысячи десятин земли и 316 тысяч десятин арендовали.

В 1908 году в Аккерман и российские дунайские порты прибыло 940 иностранных судов, которые доставили более 200000 тонн груза. 700000 тонн груза было доставлено в эти порты 2400 судами каботажного плавания. Почти все суда ушли из этих портов с грузом хлеба, а больше половины этого грузооборота пришлось на Килийский порт...

После того, как планы царя Николая II и его ближайшего окружения на приращение империи на Дальнем Востоке с треском провалились, царизм вновь обратил свой взор к Балканам и Черноморским проливам, еще раньше это сделали Германия и Австро-Венгрия... В этих условиях Придунавье с Килией вновь с неизбежностью должны были стать районами стратегического развертывания русских войск в приближающейся войне...

В связи с этим, даже стали поговаривать о проектах строительства новой военно-морской базы где-то в районе Жебриян и рокадной железнодорожной ветки: Арциз — Измаил и ответвления от нее — к новой базе.

Проекты, как известно, остались на бумаге — события разворачивались быстрее, чем ворочалась государственная машина империи...

Что касается промышленности, то ее в Килии по-прежнему представляли те же кирпичные заводики и паровые мельницы, волночесалки...

Тревожные события начала века ничему не научили хозяев мельниц. Условия работы на паровых мельницах Килии, края и всей Бессарабии были очень тяжелыми. Об этом постарались хозяева. Они заключили между собой специальную конвенцию о штрафах и строго придерживались ее. «За непослушание» на рабочего накладывался штраф в один рубль, за опоздание на работу — 75 копеек, за прочие дисциплинарные нарушения с рабочих удерживали 50 копеек, за карточную игру — 25...

1 июля 1910 года рабочие паровых мельниц Килии объявили забастовку.

«Мельницы стоят, но эксцессов нет», — отмечала полиция города. Забастовка продолжалась 15 дней. Хозяевам пришлось отменить штрафы «за непослушание» и снизить остальные, кроме карточного. Даже в

тихой патриархальной Килии свирепствовал столыпинский полицейский режим:

«У учителей Лазаря Менделевича, Шмуля Гендельмана и Ревекки Лейбович по донесению городового Цыпы произведен обыск, при этом найдены брошюры преступного содержания, в том числе со статьей «Кто не желает дать народу землю и за кого стоит «черная сотня?», — сообщает полицейская хроника...

После событий 1905 года некоторые положительные сдвиги произошли в школьном деле нашего города: трехклассное мужское училище выросло до четырехклассного, а частное женское просветителей Свитенок — в шестиклассную женскую прогимназию (1906 г.). Однако и после революции империя делала вид, что никого, кроме русских, в Килии нет — во всех школах преподавание велось только на русском языке, религиозная служба в церквях — также.

Несмотря на то, что в Бессарабии несколько оживилось печатное дело и появилось несколько новых газет: «Бессарабия», «Бессарабская жизнь», «Молдаванин», «Просветитель» и другие, Килия своей газеты не заимела.

Так начал отсчитывать свои первые дни и годы XX век в Килии.

Тогда, в его начале, никто не мог предположить, что он так жестоко посмеется над всеми пророками и всеми теми, кто в его честь провозглашал тосты.

На грани XIX и XX веков население Килии представляло собой яркий, пестрый этнический букет из более чем двадцати этнических групп. Самой многочисленной из них уже тогда была украинская, превысившая по численности местную коренную — молдаван, ставшей второй.

Евреи в этническом букете города по численности были на третьем месте. На четвертом месте были русские-старообрядцы и православные нового обряда. Быстро, хотя и не в городе, а в Килийской волости росло число болгар и гагаузов.

В 1910 году этнический букет Килийщины пополнили немцы, экзотической розой в этом букете со времен средневековья были ромы — цыгане...

Нравы, обычаи, образ жизни этих этнических групп к тому времени еще не успел утратить своей самобытности и заслуживает того, чтоб о нем рассказать далеким потомкам...

Что мы и попытаемся сделать, прежде чем завершить первую книгу истории Килии. Описание этнического букета нашего города начнем с берега Дуная, на котором издавна селились молдаване.

XVI. МОЛДАВАНЕ

Летописи Молдовы, ряд хроник зарубежных государств и записки путешественников со времен Стефана Великого (XV век) свидетельствуют, что жилища килийских молдаван образовывали улицы и переулки, прилегающие к Дунаю. (Нетрудно убедиться, что так было еще до самого начала XX века). Однако...

Памятники культуры, в их развитии в связи с эпохами, лингвистические и фонетические особенности речи килийской молдавской общности, несмотря на многовековые инородные наслоения и мощный пресс русификации за последние два столетия, наконец, летописные источники, однозначно свидетельствуют о присутствии давнего коренного элемента в составе килийской молдавской общности. Диалектологические же особенности языка жителей молдавских сел района многое могут поведать о том, откуда в наш край пришли их первые носители.

На страницах письменной истории молдаване впервые появляются в X веке нашей эры под названием влахов, волохов и не на северных, а на южных берегах Дуная, что подтверждает указ византийского императора Василия Второго в 972 году. В «Географии» византийского же историка и географа Никиты Хониата в 1164 году упоминаются уже влахи, живущие на территории между Карпатами и Днестром. Изначальная венгерская летопись «Свершения мадьяр» отмечает, что в Северной Трансильвании и Марамуреше в X веке проживали в близком соседстве волохи и славяне. Само слово Молдова применительно к реке и земле на восток от Меридианальных Карпат впервые встречается в изначальной молдавской летописи (Бистрицкой), когда описываются события 30-х годов XIV века. Речь идет о наместнике венгерского короля, посланного из Марамуреша, — Драгоше. Земля, куда он «со товарищи» пришел, ему понравилась и «так начабыти земля молдавская», — пишет летописец. (Само же слово «Молдова» этимологически состоит из двух древних фракогетских слов: «мол» — илистая, мутная и «дава» — вода, речка...).

В 1334 году торговый договор, составленный во Львове, упоминает имя Александра Молдована. Последнее, скорее всего, не фамилия, а указания на землю, откуда происходит этот самый Александр. Под тем же самым годом Бистрицкая летопись упоминает город под названием Молдова (нынешняя Бая). После 1359 года, которым задокументировано основание Молдавского государства, его название все чаще фигурирует в официальных документах, хотя и слово «волох» применительно к молдаванам встречается не редко, особенно в восточных источниках.

Ну, а Килия? Какое и с каких пор она имеет отношение к молдаванам? Точнее — они к ней?

Компетентные, очень добросовестные румынские историки, академики К. Журеску и П. Панаит, основываясь на фрагментах Галицко-Волынской летописи, приводимых в летописи Молдовы, утверждают, что волохи — молдаване, как и славяне, византийцы и латыны — изначальные жители Килии. (Остатки материальной культуры того времени — одни на всех жителей без этнических различий, — если говорить о керамике!). Иначе говоря, молдаване — автохтоны, коренные жители наших краев, и тут прошли все завершающие этапы формирования этого этноса.

Ведь даже татаро-монгольское нашествие не смогло вырвать из Придунавья славяно-молдавских корней. Когда же в 1345 году венгерско-волошское войско выбило татар за Днестр, волохи (молдаване) и славяне стали главной силой, чей труд вдохнул в эти земли жизнь. Присутствие молдаван в Килии отмечают многие авторы: путешествующий рыцарь Шильдбергер в 1396 году, адмирал Валеранд де Ваверин в 1445 году и многие другие.

Понятно, что в пестром этнографическом конгломерате Килии времен Стефана Великого молдаване и славяне составляли большинство ее населения. Поэтому пыркэлабами (наместниками господаря) назначались славянин и молдаванин: Исайя и Буфтя, Иванко и Максим... После того, как молдаване и славяне на берегах Дуная стали презренными турецкими райя, им было под страхом смерти запрещено селиться и даже бывать в пределах цитадели и Большой крепости, их лачуги разбежались по форштадту, огородам и плавням. Поэтому именно на них первых натыкались все те, кто сухопутным или водным путем попадали в город — путешественники, монахи, шпионы, купцы, моряки, богомольцы, военные.

Когда в 1806 году Килия стала российской, молдаване составляли более 70% ее населения, как свидетельствует «Опись» первого коменданта Килии майора Лаврова. В последующем этот относительный показатель уменьшается (за исключением времени, когда Придунавье было в составе Молдовы, Объединенных принципатов, Румынии в 1858—1878 гг.). Слияние пригородных украинских сел Маяки, Омарбия, Натягайловка с городом, наплыв россиян в годы Первой мировой войны изменили соотношение этносов в Килии не в пользу молдаван, которые к тому же в наибольшей мере испытали мощный пресс русификации.

Современным специалистам по истории молдавского языка, этимологии, диалектологии, в интересах объективной науки и политики (если только последней присуща объективность), во-первых, было бы полезно решить проблему о ранних (первичных) молдавских говорах на территории Килии и округи XII—XIII веков.

Затем в исторической последовательности исследовать процесс формирования свойственных Килии и молдавским селам округи вторичных молдавских говоров — процесса, который последние более чем 500 лет происходил в условиях форсированного отуречивания, русификации, румынизации, советизации, а ныне — что греха таить, несмотря на соответствующее украинское законодательство, испытывает давление украинизации. Результат этого виден особенно в Килии — где вы, молдавский язык и культура?

Итак, молдаване — старейшая и, так уж сложилось исторически, беднейшая этническая общность нашего города. Первая Всероссийская перепись насчитывает их в нашем городе 2495 человек обоего пола (1897 год). Последняя Всесоюзная (1989 год) — 2859 душ и ни одной школы. Во все времена это прежде всего огородники, хлеборобы, рыбаки, садоводы, виноградари, водовозы, поденщики, грузчики...

О материальном достатке многих из них говорит местный молдавский фольклор:

Нет ни хлеба, ни земли.

Ну, хоть сам в нее иди...

А если и владел молдаванин клочком земли, то нередко таким, как описывает тот же фольклор:

Склон зеленый да овраг,

Ой, земля моя, мой враг.

Чтобы ты сгинула в огне —

Хуже мачехи ты мне!

Что к этому можно прибавить? Орудия труда, особенно малоземельного крестьянина, тем более поденщика-батрака?

Тяжела ты, широка, потогонная сапа,

Мозоли после тебя и нужда, нужда, нужда...

Владеющий землей крестьянин — молдаванин, русский, украинец дома был тем, кто ухаживал за скотом, особенно рабочим, следил за тем, чтоб исправными были хата, повозка, плуг, другой инвентарь. В поле он был главным пахарем, на огороде — главным огородником, на уборке урожая — косцом, на молотьбе — главным распорядителем, вплоть до засыпки зерна на чердак и зернохранилище, кукурузы — в сусуяк. Если же зерно шло на продажу, то он был продавцом. Покупателем он был, когда приобретался тяжелый инвентарь, рабочий и продуктивный скот. Во всем этом сыновья и прежде всего старший, были помощниками, постепенно учась быть хозяевами. Хозяин дома имел дело с государством, его чиновниками, прежде всего с налоговыми, и полицией при необходимости.

Жена была, точнее, считалась хозяйкой дома, фактически же — главной слугой в молдавском, и не только в молдавском доме. Неисчислимое множество обязанностей возлагалось на нее: ублажать мужа, воспитывать детей, особенно дочек, повседневно заботиться о пище для всей семьи, готовить ее. В семье бедной — часто из ничего, занимая у соседей пару горстей муки на мамалыгу или на «затирку», несколько ложек олеи, щепотку соли, а то и несколько жаринок на растопку очага.

Обшивать, обстирывать, обмывать всех в семье, вычесывать вшей, ухаживать за малыми детьми, при необходимости, быть лекарем-универсалом — все это входило, прежде всего в обязанности жены-матери.

По хозяйству? Уход за коровой — кормилицей семьи (пока подрастет старшая дочь), за птицей, другой мелкой живностью в хозяйстве. Приготовление ряженки, сметаны, сыра, сливок, сбивание сливочного масла, торговля излишками всего этого, если таковые бывали, выпечка хлеба, заготовка на зиму и многое-многое другое входило в обязанности жены, матери многих, иногда десятка детей. Нет, в молдавской семье жена не была таким приниженным слугой мужчины, как скажем в болгарской или гагаузской семье того времени, но все же.

В поле и на огороде жена была занята нередко больше мужа, хотя как будто и не на основной работе.

Дети учились труду родителей чуть ли не с пеленок. Сначала, играя в различные «хозяйственные» игры, в которых коробочка на паре катушек от ниток была повозкой, пара кочанов — упряжкой добрых коней, железка — плугом. У девочек куклы — детишками. Детство кончалось рано, наступало время тяжкого труда ради хлеба насущного.

Городской быт пролетаризованного, тем более люмпенизированного люда оставлял все меньше места изысканным блюдам молдавской кухни в меню килийских молдаван. Изобретательный на горькие шутки молдаванин свое повседневное меню описывал просто:

Хлеб, соль, лук, вода —

Вот и вся наша еда.

Впрочем, хлеб в данном случае скорее — символ! Каждодневным вареным хлебом рядовой молдавской семьи была мамалыга. К ней шли молоко, простокваша. В зажиточных семьях — ряженка, иногда сметана, топленое сливочное масло, яичница, шкварки, брынза. Но куда чаще ели мамалыгу с «мождеем» — толченый чеснок на уксусном растворе, в совсем бедных семьях — мамалыгу в «собственной юшке». Этот раствор для макания мамалыги получался, если в казанок, из которого только что вывалена горячая мамалыга, на пригорелую мамалыжную корочку налить кружку холодной воды, круто посолить и заправить эту жижу толченым чесноком.

Пшеничный хлеб, особенно белый, на столе рядовой молдавской семьи был редкостью. Нормальным считался хлеб темный, даже очень темный — с примесью кукурузной, ржаной, ячменной муки. Пшеничная мука употреблялась для праздничной, особенно пасхальной выпечки: пасок, куличей, пирогов с творогом, луком, укропом, картошкой, реже с яйцами, летом — с вишнями, шелковицей, клубникой, абрикосами. Плацинды пекли и жарили по субботам и воскресеньям, вертуту — по большим праздникам, зимой — с тыквенной начинкой. Когда не было хлеба, обходились лепешками — «турте» из кукурузной муки с небольшой добавкой другой, да с тыквой пекли так называемый «мэлай».

Праздничное меню молдаван состояло из борща (самым роскóшным считался борщ с жирной уткой — символ достатка и изысканности).

Самые различные овощные блюда типа овощных рагу — токаны, от турок остались острые мясные рагу. Запивали все это чаще всего вином,

если оно было. Маленький стаканчик его не возбранялся даже детям, особенно мальчикам, взрослые для себя исходили из того, что «Бог троицу любит», за праздничным столом — тройную.

Местная молдавская кухня избегала распространенных за Прутом «чорб» — пресных овощных супов, зато чечевичные, фасолевые и мясные, при случае, имели широкое распространение. А когда килийская молдаванка достигала в кулинарном деле умения приготовить тертую фасоль с чесноком или луком, то считалось, что она смело может выходить замуж за самого прихотливого гурмана.

Мучные похлебки, затирки, «ленивые» и просто вареники — с творогом, со сметаной и топленным сливочным маслом и без оного, вареники с картошкой, вишнями, клубникой, шелковицей — теперь трудно выяснить молдавского ли, украинского ли происхождения эти популярные на столе молдаванина блюда. Вне зависимости от этнической принадлежности килийца рыба, самая разная и в разном виде, занимала важное место в повседневном и праздничном меню. В рядовых семьях хоть раз в год, обычно к Рождеству, закалывали кабана. И не только для украинца, но и для молдаванина «краща риба — ковбаса!» и множество блюд из свинины.

Добрый обычай состоял в том, что тот, кто резал кабана, кусками мяса в обязательном порядке наделял соседей, не делали этого только богачи. Так что порой отведать свежей свининки могли те, чьей пищей круглый год были мамалыга, мэлай, лук, соль да вода.

Одежда молдавской этнической общности, как и быт в целом, под натиском социальных прессов и увеличивающейся массы товаров промышленного производства теряла свои национальные черты — повседневная рабочая одежда мужчин, в меньшей мере женщин, изнашивалась до того, что являла собой причудливую смесь латок, дыр и расползающегося гнилья из ниток.

Оригинальны и напоминают средневековые легкие платья женщин с картин знаменитых художников, платья-сорочки молдаванок из домотканного полотна с глубоким вырезом и еще с разрезом от него почти до пояса. Зимняя одежда, чаще всего домотканного сукна темных оттенков, душегрейка — кептар, пиджак — «сачек». Поверх всего в холодную погоду «бурнуз» — стеганка вроде «ватника». Только в бурнузе вместо ваты была овечья шерсть.

Мужские брюки подпоясывались, как правило, красным домотканным шерстяным поясом в несколько оборотов, бахрома или кисточки украшали концы такого пояса — «брыу».

Свитка-манта была зимней верхней одеждой, она же нередко служила и одеялом. В холодное время года часто выручал кептар из овчины, только с меньшим, чем у женщин набором узоров. С весны до осени большинство молдаван ходило босыми, в холодное время года обувью большинства были постолы, заказывалась сапожнику или покупалась обувь фабричного изготовления, как правило, перед свадьбой.

В домах у многих молдаван стояли деревянные ткацкие станки и молдаванки были прилежными умелыми ткачихами еще в первой половине XX века. Далеко за пределами края были известны молдавские шерстяные коврики ярких расцветок. Многие остроглазые молдаванки были виртуозными вышивальщицами и кружевницами. Элементы национальной одежды и узоры вышивок на ней дольше сохранились у женщин. Более того, последние перекочевали даже на праздничную одежду городских барынь.

Обязательным украшением молдавской «каса маре» — светлицы были вышитые полотенца и хотя бы один килим, а в домах побогаче килимами застилались даже праздничные столы.

XVII. ПРАЗДНИКИ

Праздники скрашивали тяжкую жизнь большинства трудового люда. Особенно любили отдохнуть, развлечься от души, весело попраздновать молдаване. В строгий ритуал религиозных праздников они, как и украинцы, вплели множество элементов народных забав и древних обычаев.

В Килии после долгих, напряженных летних и осенних трудов следовала целая серия храмовых праздников: в октябре двух Покровских церквей, да храмовый праздник крепостной Успенской церкви, потом начинались храмовые праздники в селах, поздним ноябрем отправлялись килийцы на праздник святых Михаила и Гавриила в Старую Килию — погранстража смотрела на это сквозь пальцы. Но октябрьские — ноябрьские храмовые праздники были лишь разминкой к загульным, прямо-таки обжорным зимним праздникам, начиная с рождественских. На рождественские праздники, даже в средней руки семье застолья были обильными. В меню причудливо сочетались блюда молдавской, украинской, русской, еврейской кухни — интернациональные холодцы, колбасы, копчености, маленькие, тающие во рту молдавские голубчики — «сэрмэлуце, по-еврейски фаршированная щука и гусиная шейка, мясные гуляши, тушенные в печи, всевозможная выпечка, местные вина — обильнее, чем на свадьбах. С обязательным «на посошок!» («ла ботул калулуй!»), нередко в лошадиных дозах. Гостей развлекали колядники, группы с рождественской звездой, «козой» и «Иродом» — все очень живописные.

Веселыми были и новогодние праздники. Особенно ждали их дети, потому что под Новый год разносили «вечерю» и детворе это сулило подарки от дедушек, бабушек, крестных и некоторых других родственников, которым положено было приносить «вечерю». В Килии не очень-то был распространен молдавский «плугушор», как впрочем, и во всей южной Бессарабии — в ходу были украинские колядки. Новогодняя елка устраивалась в семьях интеллигенции.

Шумным, загульным, обжорным был в Килии, в том числе и в ее молдавской общности, праздник Крещения и Святого Иоанна-крестителя — благо Иваны имелись почти в каждом доме.

Самым зрелищным моментом этого праздника было ныряние за крестом во время Иордани. В суровые зимы, какие в то время бывали часто, когда Дунай покрывался толстым слоем льда, на неглубоком месте, недалеко от берега прорубалась широкая крестообразная прорубь (где-то между Николаевской церковью и портом). К моменту главного действа прорубь очищалась от корочки льда — в нее и ныряли добровольцы наперегонки за крестом. Тому, кто доставал крест, доставалась небольшая денежная премия и огромная слава. Отогревались ныряльщики, как правило, в сторожке церкви.

Иногда, когда Дунай в январе не был замерзшим, добровольцев-ныряльщиков к месту Иордани доставляли из порта на лодках, в шубах поверх нательного белья. Ныряние происходило с лодки, после чего ныряльщики доставлялись в жарко натопленную сторожку порта, где и «согревались». Священники Николаевской и крепостной Успенской церквей, как правило, Иордань служили вместе. Покровские храмы — на Дунайце — Тайманчуке, с крестным ходом.

Масленица — праздник проводов зимы, встречи весны запоминался килийцам не по обжираловке (в конце с едой во многих семьях было уже туговато), да и блины русские молдаванам были мало известны — в этом случае обходились «бабкой». Проводы масленицы запоминались, прежде всего, кавалькадой наездников. Их кони, седла, плети к этому событию специально холились, чистились до блеска, украшались. У седоков бывали даже шпоры, часто самодельные, иногда в постолах.

После изнурительного, в особенности для бедняков, Великого поста наступал настоящий праздник весны — Пасха. Его ждали с нетерпением, как голодные насыщения. Ритуал этого праздника сейчас всем хорошо известен, он мало изменился по сравнению с прошлым. К этому главному христианскому празднику готовились загодя и очень тщательно — материально и духовно. С материальной точки зрения для праздника надо было накопить белой муки, яиц, сахара, хорошего подсолнечного и сливочного масла — да мало ли чего еще... У кого была возможность, коптили окорок и мясные балыки...

Время со страстного четверга до Святого Воскресения было большим испытанием для всех, кто занимается приготовлением пищи и печением, запахи вкусной пищи во время поста были большим искушением...

О детишках и говорить нечего — в такие дни у них слюнок был полон рот. Да, что греха таить — стоило взрослым чуть-чуть отвлечься, как детишки, несмотря на запрет взрослых и Божий страх, грешили, запустив палец в сладкое пасхальное тесто или отломив кусочек от поджа-

ренного, просаленного теста, каким были завернуты окорока, вынимаемые из печей... А подготовка к празднику кипела: варились и окрашивались пасхальные яйца, расписывались писанки, неотразимые запахи источали только что испеченные паски и куличи. Но кроме приготовления пищи, извлекались из сундуков самые праздничные одежды, проветривались от нафталина, разглаживались, а еще — предпраздничная уборка — самая трудоемкая после долгой зимы, перед пасхальными праздниками. И все это вперемешку с многотрудными деяниями, ритуалами духовными: молитвы, ночные бдения и многое другое, что тогда исполняли за редким исключением не только взрослые, но и дети...

Пасхальную ночь люди, особенно старики, старались провести в церкви (а вдруг не доживут до следующей Пасхи).

С первого призывного звона и до полуночи шли и шли в церковь люди, — со всем, что надлежало освящению и даже с подстилками, чтоб можно было и вздремнуть.

Страстные бдения и пасхальная ночь в храме привлекали и детей, особенно подростков. В толчее можно было сбежать от взрослых, чтобы побегать, пошалить — подшмалить зажженной свечкой чубы уснувших дружков, а то — и забраться на колокольню...

Пасхальное богослужение заканчивалось освящением принесенных прихожанами куличей, пасок, яиц, жаркого — птицы и даже поросят.

Домой возвращались, стараясь чтоб не погасла свечка. Взрослые ставили эти свечи на пороге дома, «чтоб и покойникам было видно — они тоже встречают Пасху...»

По возвращении домой семья «разговлялась» — сначала освященными яйцами, разговление сопровождалось поцелуями трехкратными, пожеланиями счастья, здоровья. После разговления следовало долгое, обильнейшее застолье — с возлиянием также обильным. Иногда застолье переходило в обжорство, для самых не знающих меры пасхальное обжорство кончалось порой смертью... Умерший в первый день Пасхи считался особо счастливым человеком — душа его, по поверью, попадала прямо в рай...

Пасхальные развлечения были довольно многообразными. Кроме гуляний, в Килии они происходили на центральных улицах, в парке, на дамбах и даже на плотах и островах, можно было покататься на каруселях, а чаще — на обычных качелях. Перед Пасхой их устраивали на площадях, пустырях, у многих ворот. Могли покачаться на качелях не только хозяева и те, кто их строил в складчину, но и посторонние — за крашенку или за «так». Происходили на Пасху и состязания. Самые интересные — по борьбе — определялись чемпионы квартала, «махалы»,

улицы и города (или села). Эти соревнования вызывали большой интерес — речь шла прежде всего о славе до следующей Пасхи, а еще были призы, подарки, гулянка в честь победителей. На толоке устраивались скачки. После раздачи призов победителям следовал обед. Особо популярными были скачки во Фридрихсдорфе (Новониколаевке), которая славилась отличными, даже породистыми лошадьми...

В Килии 30-х годов, если Пасха была ранней, то к ней приурочивалось открытие футбольного сезона: если поздней, то на второй или третий день Пасхи устраивался какой-нибудь ответственный, интересный футбольный матч... Понятно, что такие пасхальные праздники привлекали не одних только молдаван.

Проводы у молдаван Килии праздновались по новоправославному чину и не совпадали с украинскими старообрядческими по времени. Но у всех у них нередко завершались основательной выпивкой...

Красивым, здоровым был праздник Троицы, нередко он проходил «на природе», усадьба, дом в этот праздник пахли природой.

Килийские молдаване, как и русские, и украинцы умели и труд превращать в праздник. Когда урожай был хорошим, весело работалось на обмолоте — «гармановке», красивым, веселым был труд на уборке винограда. Сколько заманчивых видов на свадьбы, крестины, именины строилось вокруг чанов и бочек со сладким, душистым «мустом» — виноградным соком... За 40 дней до того, как он становился вином.

Как и все полусельские жители, килийские молдаване были сильны коллективизмом, взаимовыручкой, взаимопомощью и не только в рамках своей этнической общности. Особенно это проявлялось в «клаках» — коллективном труде, например, накидывании потолка на строящуюся хату «ла чамур». Труд этот тяжел, грязен, его скрашивали шуткой, кружкой кваса, стаканчиком вина, доброжелательностью, словом и делом. В завершение — обязательно веселое застолье.

Когда вино было готово и наступала пора ранних зимних вечеров и длинных ночей, наступала и пора вечерниц — «шезэторь». Нередко они проводились в домах, в которых девицы заждались женихов или подросли молодые кандидатки в невесты. Прядение, вязание, вышивание на этих вечерах сопровождались шутками, песнями, рассказами о необычном, особенно о страшном, не обходилось без новостей и сплетен. Девушки выставляли легкую закуску, парни приносили вино. Вечерницы, конечно, были местом, где можно было познакомиться с девушкой, присмотреться к возможной невесте, они были и полем деятельности будущих свах, да что греха таить — и сводниц.

Один из любимых видов отдыха у молдаван — танцы. Где? Чаще всего — «ла колц» («на углу»), не на любом — на определенном, традиционном, за которым закрепилась такая функция. Под какую музыку? Чаще всего — под гармонь с барабаном, иногда — и со скрипкой, кларнетами, а иногда — под духовой оркестр! Одевались на жок нарядно. Не только девушки, но и молодые женщины приходили в нарядных блузках «иях» из тонкого домотканого полотна, а еще лучше — из шелка. Эта «ия» представляла собой, как правило, шедевр национального искусства вышивки шелком и блестками. Шедевром подобного рода была и юбка, поверх которой одевалась «катринка», также ярко расшитые и украшенные два своеобразных фартушка (спереди и сзади) цветом несколько темнее юбки. Талию охватывал не широкий, яркий пояс-шарф. Одежду дополнял короткий — выше талии яркий лиф, который застегивался на одну пуговку. На аккуратно причесанной с несколькими завитушками голове бусы, а еще лучше жемчуг, золотые монетки и уж, конечно, розочка или искусственный букетик наподобие свадебного.

У парней на картузе с лакированным козырьком — тоже цветочек — живой или искусственный. Особым шиком считалось павлинье перо...

Приходили на жок и замужние женщины, но танцевать им полагалось со своими мужьями или со знакомыми молодухами. Мужчины же вольны были приглашать на танец девушек и других женщин. Поглядеть на свои молодые чада, приглядеться к возможным женихам или невестам на жок приходили и люди пожилые. Когда молодежь танцевала, они чинно беседовали и чинно шутили. На жок пожилые приходили в выходных одеждах, женщины вместо косынок или платков повязывали головы полотенцами наподобие свадебных. Женщины из богатых семей шею и грудь украшали т.н. салбой — набором ожерелий из золотых монет. Это не только, чтобы себя показать, но для дочки жениха приманить...

Одевались на танцы нарядно и так, чтоб удобно было танцевать. Девушки допускались на танцы любого «угла», парни знали свой. За появление на чужом можно было схлопотать синяки и шишки. Или надо было поставить «выкупное ведро» вина, разумеется — за девушку, из-за которой парень рисковал идти на чужой «угол». Танцевальная музыка? «Жок», «Молдовеняска», «Сырба», «Булгэряска», «Казачок» — полный южнобессарабский интернациональный танцевальный репертуар, плюс «городские» танцы — вальс, танго. В ротонде килийского городского парка по воскресеньям играл военный духовой оркестр. Его репертуар включал преимущественно городские танцы, иногда — классику.

«Угол» был местом не только танцев, но и знакомств, ухаживания, вплоть до договора о том, чтоб у девушки провести ночь в постели. Это что-то вроде венгерского «привыкания», но, как правило, без прямого секса!

Молдавская свадьба — важнейший семейный праздник, самый яркий, музыкально-драматургический, хореографический шедевр народного творчества и важнейший в жизни людей религиозный и юридический акт. Ритуал молдавской свадьбы вобрал в себя освященные православием нормы морали, касающиеся семьи и брака, наиболее яркие элементы средневекового быта и празднеств молдавского боярства, казавшихся народу воплощением богатства, власти, счастья, отголоски обычаев, уходящих своими корнями в незапамятную древность, лучшие творения музыкального, танцевального, устного народного творчества талантливого народа. На многонациональном юге ее искрометный церемониал пополнился самыми яркими элементами свадебных ритуалов украинцев, русских, евреев. Она описана этнографами, фольклористами, писателями, поэтами, искусствоведами. В наше время, к счастью, церемониал этой свадьбы возрождается в полном объеме и во всем блеске.

Как и всякой другой, молдавской свадьбе предшествовала длительная подготовка, начинавшаяся, естественно, со знакомства будущих жениха и невесты. Нередко случалось так, что их родители — друзья или соседи, и жених, и невеста знакомы с детства, нередко вместе росли, играли, возможно, в жениха и невесту. В иных случаях знакомство могло произойти на «углу» — на танцах, на «клаке» — вечернице или совершенно случайно. В любом случае, мнение родителей обеих сторон чаще всего имело решающее значение, когда речь шла о браке. Как правило, чем богаче были семьи кандидатов в женихи и невесты, тем большее значение имел фактор расчета.

Устное же народное творчество, то есть мнение народа, безусловно, решающим считало любовь!

Лист пиона золотистый,
Мне отец велит жениться.
Замуж девушка готова —
С ней бычок и с ней корова.
Я сказал своим родным:
— Лучше буду холостым!
Мне хоть бедная жена —
Лишь бы нравилась она!

Случалось и так, что страстная любовь молодых и нежелание родителей, особенно невестиных, приводили к тому, что жених «похищал» невесту, с ее страстного желания и при ее активном содействии.

Еще в начале XX века в молдавских селах Бессарабии бытовал своеобразный «пожарный» способ выхода слишком доверчивой молодухи из «деликатного положения» — когда она беременна, а он отказывается жениться.

В этом случае молодуха могла незаметно пробраться в дом «отказника» и притаиться на печи. Обнаруженная, она считалась уже женой.

За непростым процессом выбора невесты, следовало сватовство. У молдаван, в том числе килийских, сватовство не предусматривало особых сценических процедур, как у украинцев или процедур меркантильно-юридических, как у евреев. Но если стороны приходили к соглашению, что нередко было предопределено заранее, то сватовство завершалось приличной гулянкой. Тут же, не сходя с места, «пропивали» невесту.

Девушки на выданье носили особые красивые платки — «нэфрама». Ими элегантно прикрывалась голова так, чтоб была видна кудрявая челка и косы. Когда во время обручального торжества у невесты накрывали стол, то сверх всего на него ставили две красивые тарелки: на одну родители кладут эту самую нэфраму и кольцо, на другую жених кладет деньги, а то и украшения.

Если жених невесте нравится, она берет деньги и украшения, что означает согласие выйти замуж за парня. Помимо всего прочего, состоявшееся обручение отмечалось стрельбой из ружей, чтоб о нем узнало все село.

Финансовые, хозяйственные, организационные вопросы будущей свадьбы решались «в рабочем порядке» по веками выработанному трафарету.

На молдавской свадьбе музыка, музыканты — дело, пожалуй, более важное, чем даже еда (но не питье!). Духовые оркестры, цыганские ансамбли были явлением редким. Веселого гармониста, темпераментного барабанщика, иногда лирического скрипача да кларнетиста — этого было вполне достаточно, чтоб свадьба пела и гуляла весело, неутомимо. Музыканты не обязательно должны были владеть инструментами виртуозно — чаще всего они не были профессионалами, но веселыми затейниками они должны были быть обязательно.

Лучшее время свадьбы — осень, когда закрома еще полны и молодое вино «выигралось». А вообще — в любое время года, кроме постов и

уборочной страды. В пятницу, накануне свадьбы, «ворничеи» — шаферы выполняли роль герольдов — по одному от жениха и невесты с ассистентами. Выглядели «ворничеи» очень импозантно: нарядно одетые, с цветами и лентами на фуражке или смушковой шапке, верхом на нарядно убранных конях, с красивой плетью и при особом аксессуаре — плоске. Это круглая уплощенная деревянная бутыль для вина, литра на два-три с пробкой-стаканчиком. Плоска украшалась резьбой, иногда инкрустацией, красиво переплеталась ремешками с яркими кисточками — она была предметом зависти мальчишек, вожделения для взрослых.

Первая часть речи, с которой ворничел обращался к приглашенным, была торжественной и трафаретной: «Просили боярин (жених) и боярыня (невеста) пожаловать на их свадьбу!» После чего могла последовать и часть неофициальная — просьба помочь в подготовке, особо — в приготовлении пищи. Весь ритуал тогдашней молдавской свадьбы являл собой последовательно разыгрываемые сцены из боярской жизни, участники этого церемониала, начиная с жениха и невесты, должны были играть определенные роли. Впрочем, уже в конце прошлого XIX века элементы «боярского» представления обрели скорее комичный, шаржированный характер.

После довольно длительного предсвадебного аврала первый день свадьбы начинался в субботу под вечер — разыгрывалась единственная процедура: жених привозил приданое невесты. Он приезжал за ним на повозке вместе с нанашем и нанашей, со своими дружками. В невестином доме компанию встречали легким застольем, скорее «сладким столом». После этого на подводу укладывался сундук с носильными вещами невесты, перины, матрацы, одеяла, покрывала, подушки, простыни, килимы, ковры, нарядные полотенца, легкая мебель — каждый предмет выносился с танцами, розыгрышем, нередко с легким выкупом и комплиментами в адрес невесты — владелицы, а то и искусницы. Если перечень предметов приданого был длинным и предметы громоздкими, мебель, к примеру, то проблемы вывоза решались и после свадьбы, иногда — со скандалом из-за несоответствия между обещанным и реально переданным имуществом.

Самым насыщенным был второй — воскресный день свадьбы. В доме невесты ее с утра наряжали в свадебный наряд, готовили к не простому ритуалу, к тому же ритуалу противоречивому — молодежь хотела повеселиться, люди постарше, придавая особое значение свадебному церемониалу, особенно венчанию, в этот день с утра ничего не ели. Когда прибывший с положенной свитой жених с посаженными просили невесту,

невестины подружки ее не отдавали сразу — требовали выкупа. Следовала довольно длительная и шумная, порой смешная процедура «торговли» невестой, ее выкупа женихом. Он одаривал невесту ценными подарками, ее подружек — деньгами, дешевой косметикой, бижутерией. По этикету одного раунда «торговли-выкупа» было мало — невестины подружки наперебой расхваливали «товар» — следовал второй раунд выкупа женихом своей невесты. Режиссеры-распорядители, как правило, точно улавливали деликатный момент, когда надо было прекращать «торг». Наступал торжественный момент, когда молодые представали пред очи невестиных родителей для благословения. Благословение подкреплялось крестом, иконой и Библией, после чего мать невесты брала со стола тарелку с пшеницей и калач. Калачом она трижды обводила вокруг головы жениха и невесты, пшеницей их посыпала, после чего действо повторял отец невесты. Наступала очередь действовать невесте: она брала горсть пшеницы и разбрасывала ее перед собой крестообразным движением руки и обходила стол. Это действо она повторяла дважды, после чего, в основном для молодежи, следовало легкое угощение, а после чего свадьба следовала в городскую управу для гражданской регистрации брака, если она не осуществлялась ранее «в рабочем порядке».

Благословение жениха и невесты родителями последней предусматривало еще и такое действо: перед сидящими на стульях родителями стелили нарядный ковер, жених и невеста на него опускались на колени, гости встают, один из них речитативом поет прощение «ертэчуне», при этом невеста и ее родители должны плакать.

Благословение дается по окончании речитатива — прощения...

Наступал самый ответственный момент свадьбы — венчание. Оно происходило в храме, чьей прихожанкой была невеста, в котором она была крещена. Проследовать в управу можно было и пешком, но куда предпочтительнее был пышный свадебный кортеж, не на обычных рабочих, а на особых — праздничных нарядных повозках, с музыкой!

«Страшная» опасность подстерегала невесту при дальних переходах и переездах. Неожиданно мог повстречаться встречный свадебный кортеж, при этом невесты ни за что не должны были, хотя бы краем глаза увидеть друг дружку (встреча в церковной ограде «роковых» последствий не влекла). А на дороге ворничеи, мамы, посаженные, дружки все время были начеку! При малейшей «опасности» невест плотно накрывали припасенными на такой случай покрывалами, шалями, платками.

После венчания свадьба следовала в дом жениха. На этом пути дорогу молодым часто переливали водой, чем чаще — тем лучше: таким об-

разом, с пути молодых смывались неприятности, невзгоды, беды их будущей совместной жизни. Переливающих путь молодых доброжелателей жених должен был одаривать звонкой монетой.

Вступление молодых, особенно невесты, во двор в дом жениха происходило по особому церемониалу. От ворот по ковру молодые проходили к порогу дома, но не переступали его. Им накидывали на шею длинное красивое полотенце и за его концы отец и мать жениха и оба нанаша перетягивали молодых через порог. Невесте при этом, для порядка, полагалось слегка сопротивляться, а жених должен был ее приглашать, подбадривать. В конце концов, молодые порог переступали, после чего следовали в «каса маре» к накрытым столам (по пути их, как и в доме невесты, посыпали пшеницей). В «каса маре», перед накрытыми столами разыгрывалось очередное действо: над головой невесты переламывался калач, она становилась на колени, на голову ей клали красивую подушечку и жених трижды обходил коленопреклоненную невесту, всякий раз касаясь подушечки плетью. После легкого застолья часть свадьбы провожала домой посаженных, молодежь оставалась танцевать до захода солнца.

Вечером начиналось главное свадебное застолье — «маса маре». Начиналось оно чинно — сопровождалось дарениями жениху и невесте от родителей, нанашулов, близких родственников и до последнего гостя за последним столом. Каждое дарение, особенно денежное, объявлялось, даритель сопровождал его цветистыми пожеланиями. Ворничеи подносили каждому дарителю персонально стаканчик вина на подносе. По окончании дарения застолье разворачивалось в полную силу и продолжалось «до упаду» — нередко буквально. Молодые могли уйти в спальню и незаметно, без особого церемониала.

В отличие от старообрядцев и болгар, на утро после первой брачной ночи молодая жена-молдаванка не обязана была публично демонстрировать свою ночную сорочку. Возможные возникающие проблемы решались в семейном кругу, как правило, без немедленного развода, но не обязательно без последствий.

В понедельник свадьба гуляла в доме у невесты. Если она была последней дочкой, то дело нередко кончалось пьяной гульбой в ряженом, иногда непристойном виде. Во вторник учинялось похмелье с куриным бульоном.

Конечно же, церемониал молдавской и всякой другой свадьбы, в огромной степени зависел от финансовых возможностей жениха и невесты. «Приймы» — переход жениха на жительство в дом невесты было де-

лом довольно распространенным. Далеко не всегда молодая молдавская семья после свадьбы могла обосноваться в собственном доме, вести свое собственное хозяйство. Нередко в доме родителей жениха, реже — невесты, теснилось несколько семей.

Старинный обряд похорон у молдаван предусматривал: омывающий покойника, — это не должен быть родственник, — получает кольцо его и мыло, оставшееся от омовения. Лицо покойника покрывается домотканым полотенцем, мужчинам на голову кладется шапка. У ворот стелится полотно в два — три метра — при выносе покойника по этому настилу должна пройти вся процессия. Постлан может быть и ковер. Полотно или ковер этот дарится какому-нибудь бедняку... В старину везти покойника на кладбище положено было двумя парами волов, лучше всего не в телеге, а на санях, как в глубокой древности... у славян!

Опустив тело в могилу, передавали через яму живую курицу, которую после этого также отдавали бедняку — вследствие такого действа, считалось, что душа покойного легко улетит на небо...

Калач со свечкой, полотенце на поминках были положены каждому участнику поминок. Обычай этот, как известно и до сих пор сохранился почти в неприкосновенности.

Как и сейчас, умерших поминали в 40 день после смерти, но кроме стола для всех поминающих ставился отдельно новый стол, обильно накрытый всякими яствами. Одному из поминающих — небогатому дарили новый комплект одежды. Тому, кто в нее облачался, доставался и новый стол. Его несли в дом облачившегося, служился молебен и участники такого ритуала съедали и выпивали все, что было на новом богатом столе. Богатые семьи, ради долгой памяти об усопшем, возводили мосты или копали колодцы, которые село называло именем усопшего...

Таковы основные штрихи коллективного портрета самой старой — молдавской этнической общности Килии на рубеже XIX и XX веков.

В конце XIX начале XX веков в нашем крае работали многие светила румынской науки: гидролог, геолог, палеонтолог Г. Антипа, археолог с мировым именем В. Пырван, крупнейший румынский историк Н. Иорга, профессор математики, генерал С. Секриеру и другие. Однако Первая всероссийская перепись 1897 года свидетельствует: 94,4% килийских молдаван были неграмотными вследствие нищеты и русификации. Понадобились поистине революционные преобразования XX века, чтобы из среды молдаван Килийщины вышли талантливые писатели, поэты, ученые, артисты, художники-профессионалы.

XVIII. ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА

Историки склоняются к мнению, что появление евреев на берегах Нижнего Дуная (Данувы у евреев) относится ко времени не позже первого века новой эры, — если верить истории раннего христианства. На этих берегах апостольскую деятельность свою вершил Андрей Первозванный. Из арабских же источников известно (да и из «Повести временных лет» также), что иудаизм задолго до крещения Руси стал религией хозарской знати, что обеспечило иудейским купцам контроль над средним отрезком «Великого шелкового пути».

Если в русском эпосе есть былины, героем которых является витязь Саул, былинный Илья Муромец сражается, как о том свидетельствует тот же эпос, не только с Соловьем-разбойником, но и с богатым Жидовином, если на пути «из варяг в греки» среди полян вообще встречаются люди с родовым именем Жидята, а другие люди носят имя Жидислав и встречаются Жидиславичи, то разве их обладатели не относятся к иудейской общности? Так почему же в городе на перекрестке морских, речных и сухопутных путей — в Килии, находящейся на великом шелковом пути, важный участок которого уже освоен иудейскими купцами не быть иудеям?

Они действительно были и на протяжении первого тысячелетия новой эры вели упорную борьбу за влияние в центрально-европейской зоне этого пути, соперничая с купцами византийскими, генуэзскими, немецкими, венецианскими, которые часто тоже были евреями. Молдавское законодательство — «Закон земли молдавской» времен Александра Доброго и особенно Стефана Великого — подробно формулирует юридический статус евреев в государстве молдавском XV века. Жили евреи во всех городах-торгах Молдовы, вдоль всего Волошского торгового пути. Могло ли быть такое, чтобы в Килии — главных морских воротах княжества на берегу моря и великой европейской водной артерии не вели своих дел евреи, если известно, что мудрый Стефан благоволил к представителям этого ученого и предприимчивого народа, имея евреев даже своими личными лекарями?

Почтенный же реб Исаак Бен-Вениамин был у Стефана Великого даже логофетом — главой исполнительной власти и «министром ино-

странных дел». При Василии Лупу, в связи с общим оживлением экономики, нововведениями в городском быту, в особенности в связи с возникновением мануфактур, значение деятельности евреев-предпринимателей возросло.

Возросла и организованность еврейских общин, при том — на государственном уровне. Указом господаря во главе каждой общины был поставлен «баш-хахам». Хотя подбирался он из числа наиболее уважаемых раввинов, функции его были больше светские, в том числе — по сбору специального налога с евреев — «рупты».

Когда же в конце XVIII века Ясский мир между Российской и Оттоманскими империями вновь превратил Дунай в великую европейскую водную артерию, в Килии открыли филиал своего торгового дома австрийские Вильдерманы. Присоединение Бессарабии к России превратило Килию в поле деятельности многих еврейских фирм из Одессы, других российских городов и зарубежья.

Среди обосновавшихся в Килии было и семейство почтенного равви (учителя) Каханэ, вскоре ставшего и крупнейшим экспортером килийского зерна. Равви Каханэ стал и основателем первой в Килии синагоги — самой почитаемой — Бейт Мидраш. (Звучание фамилии Каханэ указывает на то, что корни ее караимские уходят в древние времена, когда изгнанные из Израиля евреи распространили свою веру на знать Хазарского каганата и сами стали представителями этой знати).

В 1897 год согласно Первой всероссийской переписи, в Килии проживало уже 2144 человека еврейской народности. Уже в то время это была наиболее организованная этническая общность города, которая в его экономической, особенно торговой сфере играла решающую роль.

Как и в Украине, в целом килийские евреи говорили на «идише» — средневерхненемецком с небольшой примесью «иврита» и большой главных килийских — молдавского, украинского и «липованского» «суржиков».

Хотя в начале XX века не так уж много членов еврейской общины Килии умели говорить, читать и писать на древнееврейском языке, на улицах города, особенно на скамеечках, на завалинках у синагог можно было видеть евреев в длинной верхней одежде темного цвета, в особого рода шапочках, известных в народе, как ермолки или в фетровых шляпах темного цвета. Этим отдавалась дань старине. В жилище еврея на восточной стороне обязательно висела застекленная рамка с текстом «Торы» и звездой Давида со львами столбами и коронами. Таким образом верующие евреи знали, в какую сторону стать лицом для молитвы...

На Большой Дунайской и прилегающих улицах, от старого до нового базара, располагались дома и домишки этой этнической общности. Ее составляли люди очень разные по своему социальному статусу: хлеботорговцы и предприниматели Бродские (здание суда), два двоюродных брата Кицисы — оба Вильгельмы — крупнейшие экспортеры хлеба (два похожих дома с общим двором рядом с судом и... замок на собственном острове в Средиземном море). Через дорогу (сейчас стоматполиклиника) — экспортеры хлеба и... стоматологи Давидовичи, у площади нового базара — крупнейшие коммерсанты Кацы (старика Ицхака величали даже дэр гройссер — Великий!). И еще немало было таких в Килии владельцев мельниц и маслобоек, кирпичных и черепичных заводов, универмагов, ресторанов и лесопилок — во все времена до 1940 года они в общем-то были настоящими хозяевами города. Но неизмеримо больше было простых людей — замечательных сапожников, столяров, плотников, часовщиков, портных, печатников, мелких торговцев, вплоть до продававших кипяток для чая — на чайник и даже на стакан. Был это и цвет интеллигенции города: врачи, адвокаты, учителя синагогальных школ, служащие богатых частных контор, музыканты, спортсмены. И эта самая дифференцированная в социальном отношении общность была и самой организованной, монолитной, религиозно-этнической общностью нашего города.

В организационном отношении килийские евреи составляли традиционную общину, управляемую выборным советом — кагалом, состоящим из семи самых уважаемых людей. Кагал ведал синагогами, их в Килии было четыре, во главе с Главной — самым красивым зданием города (на месте нынешнего горсовета), школами, организацией помощи бедным, домами для престарелых, библиотекой — самой первой в нашем городе, похоронным обществом, еврейским кладбищем.

Конечно, ни в XIX веке, ни тем более XX, кагал, учитывая «эмансипацию» евреев, не регламентировал жизнь каждого члена общины так жестко, как во времена античные или в средневековье.

Но за грубое нарушение «Торы» или «Талмуда», за нанесение серьезного ущерба общине, общинный суд — бет-дин, мог вынести нарушителю порицание, назначить денежный штраф или даже провозгласить ему херем — проклятие. Оно объявлялось именем Бога и звучало как кара Господня: «Будь он проклят устами Бога великого, сильного, страшного. Да поспешит к нему несчастье Божье. Создатель, истреби и уничтожь его». Страшно, не правда ли? (До XVII века общинный суд мог приговорить виновного и к смерти и привести приговор в исполнение).

На евреев общины кагал накладывал не только штрафы, но и устанавливал определенные налоги, например, сбор с продажи кошерного мяса.

Из еврейского ростовщичества, как известно, в Европе родилось банковское дело (как впрочем и в Новом свете). Кагал следил за тем, чтобы, занимаясь ростовщичеством, евреи не нарушали предписаний «Ветхого Завета»: «С иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости». (Второзаконие, 15,3). Или даже: «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост». (Второзаконие: 23,20). Последнее предполагало для «брата своего» не разорительные проценты.

Святая святых еврейской общины, разумеется и Килийской - общинная касса, куда поступали денежные сборы. Она выросла в сбербанк во главе с доктором Н. Рабиновичем и К. Ловентоном. А деньги эти были немалыми, потому что огромными были доходы экспортеров хлеба Кицисов, Каханэ и других представителей еврейской общины, огромными были доходы Гамшиевичей, Вильдерманов, Бродских, Давидовичей и других, числившихся в т.н. хлебопромышленниках и лесопромышленниках, которые не только скупали и перепродавали хлеб, но имели мельницы, хлебопекарни, лесопилки и т. п. А доходы «чистых» коммерсантов Кацев, Коганов и других! Так что денег общины хватало на многое — на благотворительность, образование, культуру, спорт и на сионистскую деятельность. В 1897 году книга Герцеля «Еврейское государство» стала настольной не только для миллионов евреев в мире, но и для миллионов прогрессивно настроенных людей самых разных национальностей. Она стала руководством к действию для воссоздания еврейского государства на Земле Обетованной. Эти идеи пламенных приверженцев и в Килийской общине стали одной из главных сторон ее многоплановой деятельности.

Возникли и развернули свою работу молодежные, спортивные, рабочие организации. Предпосылкой к возникновению этого движения была, понятно, не только книга Герцеля, учредительный Лозаннский съезд и создание «Всемирной еврейской лиги». На местах предпосылкой послужили деятельность синагог, синагогальных школ (хедеров), организация библиотек как центров интеллектуального, духовного общения не только евреев, но и всех передовых, прогрессивно мыслящих представителей общества. Все это типично и для Килии, ее еврейской общины. Следствием этого уже в веке XX явилось возникновение таких организаций, как «Гордония», спортивного общества «Макаби» — памяти стойких в вере Израиля — Маккавеев, «Бейтар», «Хашмоная». С

конца XIX века килийская община активно участвовала в сборе средств на покупку земли в Ерец Израел для организации выезда поселенцев — добровольцев на Землю Обетованную. Уже во второй алии (потоке) поселенцев в 1897 году из Килии туда выехала семья Меира Страхилевича и его сына Циви.

Килийская община посылала своих делегатов на губернские съезды сионистских организаций Бессарабии в Кишиневе и на Всероссийский съезд в Минске.

После экономической деятельности наибольшее значение для нашего города имел общекультурный вклад общины. Она содержала синагогальные школы, общеобразовательную начальную школу — «тарбут», детские садики. В 1922 году в Килии открылась 4-классная смешанная полугимназия. Много старания и денег затратила еврейская община, чтоб добиться разрешения на строительство этой школы. Несколько раз ходоки из Килии (не с пустыми руками, разумеется) были у самого премьера Румынии Анжелеску. Разрешение было получено при условии, что полугимназии присвоят имя этого отнюдь не щепетильного сановника.

Еще в 1910 году Мильгамм открыл в нашем городе первый кинотеатр «Иллюзион» (потом — «Маяк»), немало классических еврейских, русских и западноевропейских драматических произведений поставил любительский драмтеатр общины. Нередко община приглашала в Килию профессиональных драматических артистов из Аккермана, Кишинева.

В 1932 году на сцене кинотеатра «Иллюзион» пел знаменитый лирический тенор Вертинский (тогда — эмигрант, приютившийся в Румынии). Аккомпанировал певцу камерный оркестр еврейской общины. Дело было летом, чем-то не понравилась Килия певцу и он вспоминал о ней, как о пыльном еврейском городе...

Члены общины составили несколько прекрасных струнных квинтетов, далеко за пределами Килии был известен ее духовой оркестр. Еще в конце XIX века на средства Перльштейна была основана библиотека, читателями которой были не только евреи, но и русские, украинцы, молдаване, в том числе такие, как отец и сыновья Зарзэры, молодой Е.Н. Буков, И.С. и Д.И. Соловьевы и многие другие известные килийцы. Небольшая чисто румынская публичная библиотека при культпросветцентре «Михай Витязул» (недавний магазин спорттоваров) организовалась только во второй половине 30-х годов. Спортивное общество «Макаби» с его секциями атлетики, борьбы, спортивной гимнастики, шах-

матно-шашечной объединяло до 300 человек юношей, девушек, подростков. Членами этого общества были и братья Изя, Мекка и Сеня Кицисы, последний впоследствии известный адвокат. Позже «Макаби» возникло и спортивное общество «Олимпия».

Культурная почва Килийской общины родила выдающегося драматурга, писателя, критика, журналиста Я. Ботошанского, журналиста, публициста, а главное писателя — И.А. Константинопольского, в чьих произведениях оживают картины нашей родной Килии 30-х годов. Журналист, публицист, историк М. Яновер и многие другие выходцы из этой общины являются гордостью Килии.

Главной силой, сплачивающей людей этой очень дифференцированной общины в единое целое, была иудейская религия — носительница веры, закона, морали — бессмертная душа этого талантливого, трудолюбивого народа, навечно записанная в Торе — законе — древнееврейском каноне Ветхого Завета. «Слушай, Израиль! Бог наш, Господь един!», — неотвратимо как восход и заход солнца повторял каждый правоверный еврей слова этой молитвы. Всякий раз, благословляя пищу, еврей произносил: «И отстрой Иерусалим, святой город в наши дни!» Трижды в день, повернувшись лицом в сторону Иерусалима, еврей обращался к своему Богу: «Протруби в большой шафар, возвещая о свободе нашей! И подыми знамя, под которым соберется народ наш, рассеянный повсюду. И собери нас всех с четырех сторон света в нашей земле!»

Так почти в течение почти двух тысяч лет всякий еврей трудом и молитвой выполнял обет возрождения Эрец Израел. Шесть дней недели люди этой этнической общности упорно трудились, седьмой отдавали Всевышнему. Это была суббота — шабот. Ведь Бог евреев не только заповедал: «Помни день субботний!» Он особо подчеркнул значение этого дня-праздника — основы твердого распорядка всего уклада жизни каждого еврея, каждой еврейской общины: «Моше, — сказал Бог, — есть драгоценный дар в сокровищнице моей — шабот. Хочу дать его народу твоему. Иди и скажи им это». И каждый еврей строжайше выполнял повеление Бога своего.

Накануне, в пятницу, в точно предписанный промежуток времени, женщины в еврейской семье возжигали свечи, каждая по две, девушки по одной — начинался шабот. Произносились благословения, творились молитвы. На следующий день, с появлением первых трех звезд на небе, творилась молитва «Моарив» и шабот завершался. Так было неукоснительно везде, где был хотя бы один еврей. О сверхчрезвычайных случаях, когда, несмотря на субботу, правоверному еврею позарез надо было

что-либо сделать, говорили: «Если в субботу видишь еврея, запрягающего лошадь, — не спрашивай, почему!» Неукоснительно соблюдаемый на протяжении тысячелетий ритуал субботы, выработал в этом народе дисциплину, исполнительность, обязательность, высокое чувство долга.

В субботу царствует Тора! Евреи надевали лучшие одежды, шли в синагогу, молились радостно, без спешки, отходя душой от повседневной суеты — в субботу была власть синагоги...

Во все другие дни была власть рынка! Он приковывал мысли, он не давал поднять голову над морем суеты, заставляя думать только о деньгах, делать деньги, нередко обманывать: о плохом товаре говорить, что он хорош, про хороший — что ему цены нет, а у соседа товар плохой... В общем, Тора не для базара — там иногда можно было даже подраться — Тора от базара далеко.

В отношении пищи религия накладывает на евреев ряд ограничений и правил. Глава XIV «Второзакония» запрещает употреблять в пищу свинину, зайчатину, мясо пернатой дичи, непокрытой чешуей рыбы, например, осетрину и осетровую икру, раков и устриц.

Животные, чье мясо правоверному еврею разрешалась есть, должны быть зарезаны по горлу самым острым ножом, быстро, чтоб живое существо долго не мучилось.

В еврейских общинах имелись специальные разрешенные раввинами резчики — Шойхет. Зарезанное животное должно быть тщательно осмотрено, особенно его внутренности, а из внутренних органов, особенно тщательно осматривались легкие, чтоб удостовериться, нет ли какой болезни. Есть мясо больного животного запрещалось — оно было «трефным», мясо здорового животного было «кошерным». Но и из кошерного мяса должны были быть удалены жилы и некоторые части жира, для полного удаления крови мясо вымачивалось и солилось — Тора строжайше запрещает есть мясо с кровью. Для удаления крови вымачиванию и подсаливанию подвергалась также и рыба. Тора также запрещает есть молочное вместе с мясным, более того, для приготовления мясных и молочных блюд евреи должны использовать разную посуду. По принятии молочной пищи можно есть мясную только выполоскав рот, но после мясной пищи есть молочную разрешается не ранее чем через 6 часов. Старые евреи пили вино только собственного приготовления или приготовленное единоверцами.

Каждую пятницу и накануне праздников еврейские хозяйки пекли белый хлеб — халы — вкусный, воздушный, причудливых форм.

Поскольку в субботу евреи не варят, то субботний обед — «чулент»

приготовляется в пятницу. Его первое блюдо — рыба, чаще всего фаршированная щука, десерт — знаменитый еврейский «цимес» — блюдо из бобов, риса, изюма и мяса на меду, а также «кухель» — сдобный пирог с яблоками.

Со всеми своими характерными чертами и особенностями еврейская община Килии органически вписалась в пеструю этническую структуру нашего города, так что история Килии ни в какие времена не знала еврейских погромов.

Первый по иудейскому календарю праздник, естественно, Новый год — Рош Ашана. Он приурочен к началу осени и празднуется 13—14 сентября — Елула. Для верующего иудея это не только праздник, в который отмечается рубеж года, а дни глубокого морально-этического анализа. В эти дни, как утверждает приуроченная к ним молитва «Унетат токеф» (произведение глубоко философское и высоко поэтическое), определяется предназначение каждого человека. Главная суть этих дней — не веселье, а строгие, критические раздумья над прожитым, молитвы и установки на год предстоящий, ибо не только Всевышний, но и сам человек своими поступками определяет свою судьбу. Древняя легенда гласит, что именно в Елуле Бог начал творение Мира, шестой день творения пришелся уже на первый день месяца Тиштр, в этот день и был сотворен Адам. С этого дня начинается иудейское летоисчисление. Весь Елул в синагогах звучат шафары — роговые трубы, это символизирует всесилие Всевышнего, чьему суду будут подвергнуты деяния каждого. Звуки шафаров в месяце Елуле напоминают человеку, что он сотворен для добрых дел и покаяния в злых, что если добрые дела человека превысят злые, то он может воскреснуть и жить в мире. Ну а чтоб наступивший год был сладким, в праздник этот едят яблоки с медом.

Через 10 дней покаяния и добрых дел после Рош Ашана наступает судный день — Иом кипур — суббота всех суббот. Этот день всеобщего покаяния, день прощения всех грехов, самый святой из всех святых праздников иудеев. Длится он двадцать пять часов — до первых трех звезд следующего дня. Эти двадцать пять часов — время строгого поста — полного воздержания от пищи, питья, мытья, косметики, каких-либо удовольствий, время, полностью отдаваемое молитвам и покаянию. Талмуд строго определяет строгий перечень этих молитв, порядок их творения, тональность голоса и даже одежду молящегося при этом. Заключительная молитва Иом кипур «Нелия» читается перед киотом, когда заходящее солнце касается вершин деревьев. Когда же появляются три звезды, читается повседневная молитва «Маарив», после чего следует ужин.

Совершение всего положенного по ритуалу судного дня должно вселить в душу верующего уверенность в том, что наступивший год будет для него хорошим. Итак, начало года для верующего еврея — время серьезное, даже суровое, поэтому через четыре дня после судного дня, словно для снятия психологической нагрузки, следует праздник радости Сукот (кучки), праздник в шатрах, «ибо в шатрах жили сыны израилевы, вышедшие из Мицраима — Египта». По случаю этого праздника строится палатка или подобие ее. Это сооружение украшается цветами, гирляндами, ветками, картинками. В ней и празднуется этот веселый праздник с обильными застольями. В меню праздничного стола входят прежде всего дары осени — всевозможные фрукты, ибо это и праздник осени. Ветки четырех видов деревьев и кустарников должны украшать палатку и жилище в обязательном порядке (в Израиле это — пальма, инжир, мирт и верба). С ветвями четырех растений ходили в этот праздник и килийские евреи, распевая псалмы серии «Хашанот».

В начале октября, на седьмой день после праздника Сукот, наступал праздник Симхат Тора — в память о дне, в который, по преданию, Моисей принес сынам израилевым скрижали с десятью заповедями. Праздник в честь мужественных Маккавеев праздновался восемь дней начала декабря. Это праздник крепкого, необоримого духа сынов Израиля, позволяющего им преодолевать все невзгоды — праздник веселого оптимистического настроения. В эти дни в домах горят свечи, светятся все светильники.

Много песен и частушек посвящено дням Хануки, есть среди них и такая:

Ханука, Ханука — праздник славный,
Светлому, веселому сыщется ли равный?
Вечерами долгими мы в юлу играем,
Вкусные оладушки уплетаем.

Кроме оладушек в праздничное меню Хануки входят многочисленные сладкие блюда и печенья, особенно на постном масле: пончики, хрустики и многое, многое другое, в приготовлении чего еврейские хозяйки были великими мастерицами. Свой опыт в приготовлении этих сладостей они щедро передавали килийским россиянкам, молдаванкам, украинкам.

В феврале община праздновала еще один Новый год — наступление нового года деревьев, праздник, в честь начала пробуждения природы, когда порой даже в наших краях можно сажать некоторые деревья. В этот праздник на Земле Обетованной положено есть фрукты, в наших

краях — сухофрукты и привозные цитрусовые и предвкушать наступление настоящей весны и самого веселого праздника — Пурима.

Пурим празднуется в середине месяца Адар — это в конце марта, близко ко дню весеннего равноденствия. Для этого праздника надо много продуктов, чтоб стол был обильным, а меню — разнообразным. В этот праздник дом верующего еврея открыт для множества гостей — взрослых, молодежи и детей. Пурим — праздник, в честь прекрасной и благородной Эсфири, спасшей еврейский народ от уничтожения, задуманного персидским царедворцем Аманом. 13 адара — день поста Эсфири. Он начинается еще накануне вечером с чтения «Свитка Эсфири», чтимого иудеями почти так же, как Тора. Настоящее веселье начиналось в полдень следующего дня за обильным столом. Его «гвоздем», естественно, в зажиточной семье, была запеченная в печи или духовке индюшка. Еды вареной, тушеной, жареной, печеной на столе в честь Пурима бывало столько, что хватало для сменяющихся гостей и многочисленных поздравителей — часто ряженых. Среди сладостей к Пуриму обязательными были «амановы ушки» — особое печенье с начинкой и оттянутыми уголками. Веселая музыка, песни, шутки, розыгрыши, сценки с масками сопровождали веселье по случаю Пурима. Обязательными были поздравительные подарки — «шоломонес» родственникам, знакомым, бедным. В подарочный набор входили еда, сладости, немного денег. В этот праздник и бедные имели возможность вкусно и сытно поесть.

Праздник Пасхи — Песах у иудеев, как и у всех народов, которые его празднуют, своими корнями уходит в первобытную древность. Но в истории евреев, это прежде всего, праздник избавления народа от египетского плена. Как правило, Песах приходится на апрель и празднуется восемь дней, из которых первый ритуал праздника расписан и особо строго соблюдается. Пасхальный стол накрывается особенно тщательно, на столе и в комнате все должно быть ослепительно чистым. Перед каждым сидящим за столом должен стоять стакан или бокал, перед главой семьи — тарель или блюдо с предметами, необходимыми для выполнения предписанного ритуала. В строгом порядке должны быть расположены три пластинки мацы, переложенные полотенцами, обязательно полотняными, и полотенцами же накрытые. На тарели должны быть травы горькие, в том числе укроп и хрен. Тут же смесь измельченных фруктов: яблоки, орехи, миндаль, пряности. Обязательно вино, две ноги ягненка — в жареном и вареном виде с небольшим количеством мяса — они олицетворяют пасхального ягненка и жертвенного агнца. Маца — олицетворение пресных лепешек из «манны небесной», которой питались евреи

во время исхода и сорокалетнего странствия по Синайской пустыне. За пасхальным столом верующему еврею положено было выпить четыре стаканчика вина или «шприца», а сидеть положено было, как свободному человеку — опираясь на подушки. Соблюсти ритуал пасхального застолья — седера в первый день Пасхи было непросто.

В конце мая — начале июня празднуется Шавуот — еврейская Троица. В истории евреев это еще и праздник, знаменующий день получения евреями Торы.

Из семейных праздников у евреев важнейшие — дни рождения, в первую очередь мальчиков. Мальчики в еврейской семье — награда от Бога. «Что стрелы в руке сильного, — то сыновья молодые. Блажен человек, который пополнил ими колчан свой» (26-й псалм). Большой праздник — день обрезания. Это таинство так важно, что до его совершения новорожденный еще как бы и не совсем человек. Во всяком случае не полноценный иудей, ибо на нем нет знака принадлежности к избранному народу. Отмечается праздник совершеннолетия девочек («басмицва») в день 12-летия. Значительно важнее праздник бармицва — совершеннолетие представителей мужского рода, которое наступает в 13 лет.

Важнейший и самый яркий семейный праздник у евреев, как и у других народов, свадьба. Освященный талмудом брачный возраст для девочек — 12 лет (в этом возрасте, если верить написанному в Евангелии юной Марии — Мириам явился архангел Гавриил с Благой вестью). Еврейских девочек, в особенности из бедных, многодетных семей, именно в этом возрасте выдавали замуж за богатых стариков или увечных, богатых молодых людей. Для представителей мужского рода талмуд устанавливает брачный возраст 13 лет. Обычно родители избегали женить сыновей в таком возрасте, но иногда случалось так, что далеко не первой молодости, но богатая матрона, можно сказать, покупала себе мужа — отрока из бедной семьи: тут все зависело от денег, которые могла предложить невеста или ее семья и от настырности сватов.

Ритуал еврейской свадьбы носит торжественный, праздничный и... деловой характер. Прежде всего, очень по-деловому происходил подбор невест и женихов. Более чем 3000-летняя религиозная традиция, почти 2000-летняя распыленность евреев в мире и другие серьезные факторы сделали процесс подбора пар делом очень нелегким, что породило институт профессиональных сватов — «шатхен». Первая задача — учет всех потенциальных женихов и невест в местечке, городе, а нередко и в обширном регионе, досконального изучение положительных и отрицательных «параметров» их рода, запросов их семей. Только после всего этого

можно было предложить свои услуги родителям потенциальных женихов и невест.

Как правило, эти «шатхен» были талантливыми маклерами — специалистами по рекламе «товара». Решающее значение в деле подбора пар играло имущество, богатство женихов, невест, их родителей. Но в порыве рекламирования сват мог привести и такие факторы, как знание женихом «торы» и «талмуда». Перспектива невесты заполучить выгодного, желанного жениха увеличивалась, если артистически и настойчиво рекламировалась ее красота, кроткий нрав, кулинарное искусство и т. п.

А любовь? Далеко не всегда молодые знали и видели друг друга до официальной помолвки, а то и свадьбы. Помолвка по существу решалась в ходе встреч «шатхена» с отцами предполагаемых жениха и невесты. При этом нередко происходила почти откровенная энергичная, настойчивая торговля, в результате которой заключалась устная сделка, именуемая авортом. Взаимно данное слово — аворт закреплялось ритуальным действом — битьем тарелочек в процессе легкого застолья (тарелочки выбирались подешевле и клались в матерчатый мешочек, дабы последствия битья было легко ликвидировать), после чего нередко производился расчет со сватом, особенно если он был из дальних мест. Если еврейскому парню девушка приглянулась настолько, что возникла мысль послать сватов, он мог спросить: «А у вас уже били тарелочки?» А что касается этого самого взаимного аворта, то по традиции оно имело такой вес, что эта самая еврейская традиция очень неодобрительно относилась к человеку, его нарушившему, — достоинство такого сильно падало во мнении еврейской общины. Если отношения в новой семье с самого начала не складывались, то проще бывало пойти на развод сразу же после свадьбы, чем нарушить аворт до свадьбы.

Перед венчанием, в субботу, жених утром в синагоге читал пятикнижье, вернувшись из синагоги к себе домой, угощал друзей.

В тот же день вечером в доме невесты собирался и веселился девичник. На следующий день — день венчания, девичник продолжался до прибытия жениха. Прибыв к невесте, жених накрывал ее лицо платком, а родители невесты посыпали новобрачных овсом или хмелем. Зажигались два факела, и родные жениха и невесты благословляли молодых возложением своих рук на их головы.

После венчания, постившиеся с утра молодые, из одной тарелки едят «золотой суп» — из жирной курицы, только после этого начиналось свадебное пиршество. Каждый из гостей по очереди старался потанцевать с невестой, мужчины же, танцуя с женщинами, держались за платок...

В первую после свадьбы субботу знакомые провожали молодую жену в синагогу (девушки у евреев в синагогу не ходят).

Интеллигентная городская свадьба у килийских евреев, как правило, завершалась в одни сутки. Если жених и невеста были из семей малообеспеченных, то венчание происходило в синагоге, где жених и невеста и совершали семь кругов под специальным венчальным балдахином. Как и при всяком венчании, раввин спрашивал поочередно у жениха и невесты согласия на брак. Наставления же его новобрачным были подробнее и не столь трафаретными, как у православных священников.

В богатой семье свадьба включала дома же и обряд венчания.

После венчания следовало свадебное застолье — веселое, обильное, с большим разнообразием блюд, что свойственно еврейской кухне, но не загульное. Дикий шум, вопли, битье посуды, тем более физиономий — нередкий аккомпанемент, почти атрибут других килийских свадеб — исключались практически полностью. Только жених и невеста в порядке ритуала разбивали свои бокалы — «На счастье!».

Культурная городская свадьба, как правило, отлично сама себя веселила. Свадьба попроще иногда нуждалась в специальном затейнике, который назывался Бадхан. Считалось нормой, если сразу после свадьбы молодые отправлялись в свадебное путешествие. Не очень богатая килийская молодая чета могла отправиться в свадебное путешествие к своим родственникам в Измаил, Аккерман, Бендеры, Кишинев, Черновцы.

Молодоженов из семей хлебоэкспортеров, промышленников, крупных коммерсантов ждало свадебное путешествие в Вену, Париж, по Средиземноморью, в крайнем случае — в Бухарест и Пояна Брашов. А в более ранние времена можно было отправиться в Одессу, Киев. В Килии тех давних времен браки евреев регистрировались уездным раввином в Измаиле и в Килийской городской управе или примарии (до войны). Регистрация гражданского брака сопровождалась подписанием брачного контракта, условия которого касались обязательств денежно-материального характера, преимущественно со стороны невесты. Приймы в еврейских семьях случались редко, но случаи такого рода фиксировались и обуславливались в брачном контракте. Например, в такой форме: «Имя рек — (муж.) такой-то (жены) два года после свадьбы будет проживать в доме жены и там же питаться».

Умершего еврея близкие снимают с постели, раздевают, кладут на пол на соломенную подстилку, накрывают, одев в черную одежду. У изголовья зажигают свечу. Хоронят покойника, омыв его и одев рубашку

из белого холста с длинными наглухо зашитыми рукавами и в брюки с наглухо зашитыми штанинами. Затем на покойника натягивается саван, опоясываемый холстяным поясом, на голову надевают колпак из холста, а на мужчин еще и особую молитвенную накидку — талес из белой ткани с черной окантовкой и редкой черной бахромой.

Завернутое еще и в большую простыню тело кладут на носилки, которые четыре человека несут на кладбище, где опускают в гроб, уже находящийся в могиле, предварительно развязав простыню, в которой покойник был связан. Накрытый крышкой гроб и могилу засыпают землей. Семь дней родные покойного дома на низкой скамеечке или же на матраце, положенном прямо на пол, должны читать молитвы и Тору...

В старину сыновья покойного читали заупокойную молитву, кадеш, ежедневно целый год после смерти отца, затем — по истечении года, в каждую годовщину смерти отца...

Своих покойников евреи Килии хоронили на своем, хорошо ухоженном кладбище. И ни в конце века XIX, ни в первые 30 лет века XX никто в нашем городе не мог себе представить, что среди его могил и надгробий появится самая страшная, трагическая — братская могила наших сограждан евреев, погибших от рук немецко-румынских палачей, — могила, поглотившая более сотни замечательных людей.

XIX. ЭТНИЧЕСКИЙ БУКЕТ. РУССКИЕ

Первая Всероссийская перепись насчитывает их в Килии 2200 человек (1897 г.). Это чиновники, военные, полицейские, конторские служащие, учителя, торговцы, ремесленники, рыбаки, православные нового толка, чей храм — кафедральный Покровский собор. Эта часть российского этноса Килии образовалась в основном после присоединения Бессарабии к России.

Большая же часть отмеченных переписью великороссов — старообрядцы — «липоване» — более полутора тысяч жителей. (Старообрядческий Покровский храм — их глубоко почитаемая церковь). Видимо, их предки и являются основателями старообрядческой общины Килии. Скорее всего это произошло значительно раньше начала XIX века, когда документы Измаильского филиала госархива впервые (в 1820 году) отмечают наличие липован в числе жителей нашего города.

Община пополнялась единоверцами из многих губерний европейской части России, которые спасались от крепостного и религиозного гнета империи, — ведь только революция 1905—1907 годов легализовала старообрядчество и только Февральская революция формально уравняла его в правах с православием нового толка.

Улицы, населенные старообрядцами, тяготели к старообрядческому храму Покрова, спускались к протоке Тайманчук, убегали в Маяцкие плавни. В наружных ставнях на окнах, в резных наличниках и других деталях жилищ старообрядцев и сейчас еще проглядывают черты домостроения столь далекой прародины. И старообрядческая церковь Покрова первоначально была сработана полностью из дерева, как в России. Мощные дубовые кряжи, из которых возводился первый старообрядческий храм в Килии, заготовлялись в обширной дубовой роще на недальнем острове Малом Степовом (старожилы города, вероятно, еще помнят ее останки).

Уместно напомнить, что появлению старообрядцев — липован на берегах великого Дуная предшествовал раскол Русской православной церкви, произошедший вследствие Никоновской церковной реформы 1654 года.

В 1676 году произошел раскол и в среде донской казачьей вольницы, были основаны несколько старообрядческих казачьих станиц. Через 12 лет царские войска учинили над казаками-раскольниками кровавую расправу.

В 1707—1708 годах казаки-старообрядцы и православные нового обряда восстали под руководством Кондратия Булавина, восстание было с трудом и жестоко подавлено войсками петровских военачальников. И тогда один из сподвижников Булавина, талантливый военный предводитель, пользующийся большой популярностью на Дону, старообрядец Игнатий Федорович Некрасов ("Некрас") увел на Кубань около трех тысяч своих единоверцев с семьями, со своими казачьими знаменами и даже с несколькими пушками. Так появились некрасовцы. Они поселились в нескольких верстах от Азовского моря на возвышенностях среди топей кубанской дельты. Спасаясь от царских войск, небольшие группы старообрядцев ушли на запад и, преодолев много опасностей и препятствий, расселились на побережье Причерноморья и за Дунайскими плавнями в Добрудже — в пределах Турецкой империи (Журиловка, Сары-Кей, Бабадаг, Нижний и Верхний Дунаец, на косе Кара-Орман и в других местах региона).

В 1746 г. группа липован в глухомани плавней на левобережье Дуная — почти у самого моря основали село под названием Липованское — под таким названием оно появилось на российских военных картах. С начала XIX века — ВИЛКОВО.

Ну, а некрасовцы? На закате жизни их атаман написал Завет-устав, по которому надлежало жить казакам-старообрядцам. В 1738 г. Некрас скончался, а в 1740 значительная часть его приверженцев ушла от царских войск на запад в Добруджу в турецкие владения — туда, где немного раньше поселились их единоверцы, не казаки.

Жить на новом месте некрасовцы стали по завету своего любимого покойного атамана. Все дела по этому завету решал казачий круг. Каждый год он избирал (или переизбирал) атамана. Круг же избирал учителя для мальчиков и для девочек, ибо: "Некрасовцу без грамоты нельзя".

На службу турок не ходить. (Но землю некрасовцам султан выделил за службу, хоть и на условии сохранения казачьих вольностей и привилегий да еще на земле, которую ранее заняли единоверцы — липоване). Вот и довелось исполнять некрасовцам службу султанскую: воевать с православными болгарами, казаками-запорожцами и даже со своими единоверцами — липованами, когда те бунтовали против турок.

Но в целом жили по завету Некраса. Веру старую блюли строго. Корень и язык свой, грамоту свою берегли — не то, что с магометанами, — с православными нового обряда не смешивались. Стариков почитали крепко. Женщину-мать не обижали, потерявшей мужа помогали всем кругом. За насилие замужней женщины или девицы били кнутом до смерти. Жену, изменившую мужу, засовывали в мешок и топили...

Главный же завет — вернуться в Россию, но в Рóссию без царя.

После изгнания турок, татар и ногайцев с юга Бессарабии старообрядцы осваивают левобережье Нижнего Дуная, возрождая некоторые поселения, покинутые турками — тимариотами (военными пленниками турецкого султана). Так, если верить архивным документам, в 1802 г. турецкое поселение Кара-Чук возродилось, приняв название Корячевка или Карячка (Мирное). В 1803 г. на берегу моря на месте земель турецкого флотоводца Аль-Джебера-Хаджи Ибрагима возникло липованское село Жебрияны (Приморское). В 1807 г. липоване основали Муравлевку, они основали также Лески, поселились в Васильевке и Дракуле (Трудовом).

Если верить архивам, в посаде у Измаильской крепости (через год — город Тучков) некрасовцы появились в 1811 году, а вскоре появились старообрядческие села Старая и Новая Некрасовки.

Единичные случаи поселения липован в Килии, в том числе и некрасовцев отмечаются еще при турках. Но резкое увеличение численности липован в Килии началось с 1807 года, то есть — на второй год, как Килия стала российской.

В ходе русско-турецкой войны 1828—1829 годов численность липованского населения Килии быстро растет, в том числе казаков-некрасовцев.

Так что, когда в 1840 году освящается первая в городе старообрядческая церковь, то ее храмовым праздником становится Праздник Покров Божьей Матери — как в Запорожской и Задунайской Сечи...

Последним атаманом дунайских некрасовцев (Измаил, Килия, Вилкóво) был Осип Гончар — до 1831 года. (См. сборник "Липоване", стр. 29. Одесса. 2004 г.). За службу России в войне 1828—1829 годов он был приказом генерала Тучкова награжден тысячью рублями.

Кроме того, всем вернувшимся в Россию казакам-некрасовцам, указами императоров Александра I и Николая I было даровано прощение за прошлые измены.

Последним атаманом некрасовцев, чьи предки еще в XIX веке ушли в Турцию на берега Мраморного моря и жили там, был Василий Федорович Саничев.

В 1962 г. под его руководством 999 казаков-некрасовцев вышли в море и направились в Советский Союз. В море по пути на родину родился тысячный казак-некрасовец. Эта тысяча некрасовцев в конечном итоге и выполнила завет атамана Некрасова — вернулись в Россию, Россию без царя...

А что касается этнонима «липован», «липоване», то о его происхождении бытует несколько версий. По одной из них это слово — трансформация «филиппон», «филиппованин» — от имени предводителя, уведшего после раскола группу старообрядцев в пределы Речи Посполитой.

По-другой версии название произошло от липовых досок, на которых преимущественно писались старообрядческие иконы (кипарис — дерево редкое). Впрочем, даже изобретательные в лингвистическом новотворчестве старообрядцы вряд ли ответят однозначно на вопрос о происхождении названия «липован»... Бесспорно, однако, что старообрядцы-некрасовцы, липоване — коренные русские, придерживающиеся древнего православного благочестия.

Отрыв от родины, жизнь в окружении людей иной веры, иного языка, исключительная приверженность своей вере, своему языку, обусловили самобытность всей этнокультуры «липован», крепкое чувство солидарности по вере, родству, крови — приучило к взаимовыручке.

Старообрядческие семьи в те времена были многолюдными — 20—30 человек, родовые кланы — тем более. Самым интересным местом для этнографа в старообрядческом доме была светлица. Ее потолок и стены нередко расписаны красивыми узорами с маками, фиалками вперемешку с геометрическими фигурками. Предметы рукоделия глубокой старины, большая божница со старинными образами еще с далекой родины, оттуда же сундук с классической старинной одеждой — все это было в светлице. Дома свои тут россияне строили, как было принято у нас на юге и в плавнях. Придунавье — не Рязанщина и не Владимировщина — хозяйственные постройки, колодец не надо было прятать под крышу от снежных заносов, и они, как правило, были разбросанными по обширной усадьбе. В конце огорода почти всегда располагалась баня, — как в России.

Первое, с чем сталкивается человек, входящий в липованский дом истинного старообрядца, так это с образком или с крестом над входной дверью. Божница с главными образами (но всегда старинного письма) — в светлице или как чаще говорят липоване — «у передней хате», но и в каждой жилой и даже хозяйственного назначения комнате икона обязательна.

К домашней иконе у истинных староверов отношение особое. Икона выше дома — особенно старого. Святой на такой иконе — настоящий хозяин дома. (Истинные старообрядцы и продают дома нередко с образами).

Иконы старинного старообрядческого письма сейчас — большая редкость в домах и даже в храмах, ведь очень непросто было привезти, а то и принести в Придунавье старообрядческую икону из-за тридевяти земель. А сколько опасностей подстерегают такую икону сейчас! Поэтому иконы местных старообрядцев, в основном, это иконы местного письма.

Известные иконописцы работали и у нас в районе — в Васильевке, Вилково. Отец Алексий (Комендантов) из Приморского был и талантливым иконописцем.

Много лет в Килии работал известный далеко за ее пределами иконописец Филат Шевцов. Произведения его кисти находятся не только в домах и храмах местных старообрядцев, но и в музеях Украины, и за ее пределами...

Филат Шевцов был не только иконописцем, известны его пейзажи — копии с русской живописной классики II половины XIX века.

Вилковские иконописцы, учитывая не только религиозную приверженность, но и профессиональные вкусы рыбаков-липован, в последней четверти XIX века знаменитую дунайскую селедку вписали в герб этого города.

Прибывшие в Килию и Придунавье великороссы из всей европейской России привезли множество профессий, занятий, ремесел, которыми они занимались у себя на первоначальной родине. К тому же это были энергичные, предприимчивые люди. Поэтому далеко за пределами Килии были известны старообрядцы — рыбаки, строители, печники, столяры, плотники, корзинщики, рогожечники, ложечники, иконописцы. Естественно, в Килии они были и отличными огородниками, садоводами. Энергия, предприимчивость, природная сметливость делали россиян, в том числе старообрядцев, удачливыми торговцами.

Изолированные от старообрядческой среды липоване — находчивые, энергичные предприниматели на новой родине искали и находили новые ниши для применения своих предпринимательских, торговых способностей, нередко становясь своеобразными монополистами в сфере своей деятельности. (Например, в Буджаке — монополистами в скупке яиц и торговле этим товаром). Такая ситуация сложилась и в торговле сухофруктами, в кровельном деле, если речь шла о камышовых кровлях, во многом это относится и к торговле рыбой.

Долгое время липоване, считавшие табак чертовым зельем, не курили сами, не позволяли курить в своих домах и даже не торговали табаком и табачными изделиями. (Но водкой и вином не только торговали, но и во все больших размерах употребляли эти продукты вопреки запретам древнего благочестия).

Кухня килийских староверов почти полностью утратила такие типично русские блюда, как всевозможные щи, окрошки, тюри. Лишь у самых бедных тюря бывала тем, чем у молдаван бывала мамалыжно-чесночная юшка, домашнее вино с успехом заменило квас, но водка осталась в чести. Россиянам, в том числе староверам, очень по вкусу пришлись украинские борщи, заменившие щи, и кулеши вместо каши. Особое место в меню староверов заняла рыба разная и в разном виде. В Вилково на знаменитую рыбацкую "юху" приезжали одесские коммерсанты, губернские чиновники и генералы из Кишинева, и... румынские министры и короли. В отношении спиртного и курения килийские староверы уже в конце XIX века явно отошли от запретов, которых придерживались истинные приверженцы старой веры.

Если на своей прародине — в глубинке России рядовые россияне ели убоину — мясо в основном только в мясоед — месяцы зимние, то в благодатной Бессарабии россияне, в том числе липоване, могли себе позволить потребление мяса и вообще скромной пищи в любое время, кроме религиозных постов, которые липоване соблюдали со всей строгостью, требуемой древним благочестием...

Одежда городских липован, в первую очередь, килийских (зажиточных) уже к концу XIX века все более приближалась к моде времени. У мужчин двубортные костюмы, светлые рубашки нередко и галстуки. Обувь — туфли мужские, ботинки — все чаще из магазинов. Женская одежда — ближе к традиционной русской и с нарядной «кичкой» — колпачком для волос. Головной убор девушек — чаще всего длинный «бареэ» с длинной бахромой.

Одежда и обувь вилковских староверов, не говоря о сельских, сохранила больше классических русских старинных черт, чем в Килии (косоворотки, армяки у мужчин, сарафаны — у женщин).

Старинные фотографии русских колонистов Придунавья свидетельствуют: многие из них пришли сюда в лаптях. Но тут лапти немедленно исчезли. Однако местные постолы в среде старообрядцев распространения не получили. Эта обувь еще годится для хлебороба, пастуха, но рыбаку, огороднику, ремесленнику, торговцу не подходит ни для работы, ни с точки зрения престижа. Рыбаки, ремесленники, торговцы вполне

могли себе позволить носить сапоги, ботинки, туфли, чаще всего фабричного изготовления. Русским, безусловно, понравились такие виды местной одежды, как овчинные душегрейки — кептари. Детвора, женщины, старики охотно носили всевозможные «чуни». Эту шитую из разного суконного тряпья, а также вязанную обувку от россиян переняли молдоване и украинцы. Местные всевозможных моделей «папурянки» — обувь, плетенная из рогоза, была очень распространенной и напоминала русские лапти, из этого же материала изготовлялись для внутреннего пользования и на вывоз комнатная обувь — «шлепки» — шлепанцы.

«Что за народ эти вилковцы? Все молодцы, у всех умные лица, все как-то важны, степенны. Ходят они в русском платьи, женщины в сарафанах. Говорят самым чистым русским языком, каким не везде говорят даже около Москвы». (См. И. С. Аксаков "Письмо из провинции". М. 91., стр. 287).

Красивы девушки-липованки: светловолосые, в атласных сарафанах, с диадемой — «перевиской» на голове, с обязательным платочком в руке, концы кос связаны красными лентами.

Выходная летняя обувь — изящные, нередко сафьяновые или лаковые туфельки, зимой в суконной, а чаще в тонкой шерстяной юбке, сапожки или высокие ботинки...

Преследуемая царизмом старая вера и старообрядческая церковь в решающей мере определяли весь уклад жизни своих верных последователей и прихожан, их индивидуальный характер и внешний облик. Прежде всего, неукоснительно исполнялись требования канонов, обрядов «старой веры»: двоеперстия, солнцехождение во время крещения, венчания, освящения храма или жилищ, в чине и объеме службы церковной, в том, что касается постов и других воздержаний, запретов при общении с иноверцами.

Необходимость и неизбежность общения "островных" липован с иноверцами заставляли держать для последних отдельные кружки, стаканы, в случае отлучки из своей среды и в предвидении общения с иноверцами доводилось брать свои «чистые» кружки, стаканы, а то и другую посуду.

В доме липована пришельца-иноверца надлежало сажать на стул, лавку, застеленные ковриком. Если же такой посетитель случайно садился на незастеленные стул или лавку, то «осквернённую» мебель тщательно вытирали, а то и мыли...

Долгие службы в старообрядческих церквах, чтение многих молитв вынуждали употреблять специальные четки — «лестовки», а для опоры

для многочисленных земных поклонов — специальный мягкий молельный коврик-«подручник». Дома эта «духовная» утварь висела рядом с божницей в светлице — чистой хате.

Русский язык старообрядцев-липован юга Бессарабии представлен "островными" говорами, которых практически было столько, сколько компактных старообрядческих общин в крае. На Килийщине их столько, сколько липованских сел, плюс Килия и Вилково.

Они в окружении, а их жители во все более интенсивных контактах с украинцами, молдаванами, как в Килии, Вилково, Трудовом — в одном населенном пункте, а также с болгарами, гагаузами, румынами из «регата», евреями. Поэтому язык старообрядческих общин отобрал и вобрал в себя из этих языков немало слов.

Такие, как «бугай» — племенной бык, «телица» — телка, «лошонок» — жеребенок, «брехать» — обманывать или попусту говорить — такие и многие другие слова вошли в старообрядческий обиход из близкого украинского — стали дубликатами коренных русских слов.

В других случаях заимствованные слова приобретали звучание пренебрежительное, насмешливое.

Так еврейское слово «кагал» — очень серьезное, означающее совет еврейской общины в липованском наречии означает шумную, неорганизованную, часто прожорливую толпу. Румынское слово «функционар» — чиновник с изрядной долей насмешки у липован обрело форму: «функционер»...

Прекрасную строгую основу всех местных старообрядческих говоров составляет церковно-славянский язык богослужебных книг до Никоновской церковной реформы. Вместе с мудростью этот язык передавался из поколения в поколение старообрядцам в семьях, старообрядческих церковных храмах и монастырях.

Монастыри Южной Бессарабии славились благосостоянием, благоустроенностью и, естественно, были цитаделями истинной старой веры. Были они и центрами старообрядческого просветительства, культуры в целом.

Примером может служить основанный в начале 40-х годов XIX века монастырь святых Петра и Павла около Вилкова (в то время — на нулевом километре Дуная). Среди липован края монастырь пользовался высоким авторитетом, в его библиотеке и книгохранилище имелось несколько тысяч книг и пергаментов.

Это были не только богослужебные книги, Библии, Евангелия, катехизисы, в том числе и книги старинной печати.

В распоряжении монахов монастыря были и книги по философии, истории, языку, медицине и, естественно, — по богословию.

В 1940-м году, при Советской власти монастырь был закрыт, к чему вилковские старообрядцы отнеслись очень неодобрительно.

В годы румынской оккупации — вновь открылся, хотя и не был таким богатым, как раньше. С 1945 года церкви и монастыри стали на общих основаниях, как частники, облагаться налогами. Важнейшей ячейкой старообрядческой общины была семья, как правило, многочисленная. Ее устроение и жизнь определяло прежде всего древнее благочестие.

Главой старообрядческой семьи был отец — «тятя». Его власть по отношению ко всем многочисленным членам семьи была не только авторитарной, но и деспотичной. Тятя был абсолютным распорядителем имущества, доходов семьи, да и судеб тех, кто в нее входил, особенно дочерей. Если умирал тятя, его функции в семье чаще всего переходили к старшему сыну.

У староверов женитьба была делом особой важности для человека, семьи и всего рода. Традиция установила брачный возраст для девушки — 16— 17 лет, для парней — 18—19 лет, иногда — старше. Старообрядческие семьи были, как правило, зажиточными, и уже поэтому в выборе жениха или невесты значительную роль играл фактор расчета. Дополнительные строгие требования при этом накладывала и принадлежность к старой вере. В деле выбора жениха и невесты, согласия на их брак решающее слово было за родителями, особенно за тятей. После знакомства молодых, если в результате дотошного анализа всех «за» и «против» родителями определялся выбор, наступало время сватовства. Оно сопровождалось долгой дискуссией — торговлей между сторонами. В конце XIX века липованин редко выбирал себе невесту из нелипованок, но если такое все же случалось, то крещение невесты в старую веру до свадьбы было абсолютно обязательным.

Положительное решение проблемы сватовства именовалось «сговором», после чего молодые, которые до этого могли быть малознакомыми или вовсе незнакомыми, взявшись за руки, опускались на колени и низко кланялись самой почитаемой иконе в божнице и получали благословение родителей невесты. И наступало время действа, именуемого запоем. Это была затяжная гулянка, в ходе которой шла торговля по поводу приданого, расходов на свадьбу и самого ее порядка, послесвадебного устройства.

В той или иной форме сходное со старообрядческим запоем действо бытовало и в обряде украинского, молдавского, еврейского, болгарского, гагаузского сватовства, отличаясь лишь в деталях, а более всего, видимо, — в степени опьянения участников его.

В дальнейшем, от сватовства и запоя до самой свадьбы у липован важнейшей меркантильной проблемой была проблема «кладки» — сумма денег от жениха невесте на ее личные свадебные расходы: подвенечное платье, фату, туфли, в том числе подарки с ее стороны — на красную атласную рубашку жениху! По строгим старообрядческим канонам и после сватовства молодые могли разговаривать друг с другом только при родителях и с их разрешения. Но в Килии этот канон не очень-то соблюдался — город все же!

Свадебная церемония у староверов проходила в общем-то те же этапы, что и свадьбы молдавские, украинские, отличаясь от них отдельными деталями.

К примеру, венцы при венчании нанашка не прикладывал к головам венчающихся, они надевались прочно.

Положен был также взаимный поклон новобрачных при венчании. Но есть тут что-то и от домостроя: жених отдавал невесте поклон поясной. Невеста же жениху — земной, стоя на коленях. Это в пышном-то свадебном наряде...

Венчание по старообрядческому обряду предусматривает и действо уникальное в церемониале бессарабских свадеб: жених и невеста пьют вино не из драгоценной или хотя бы блестящей чаши, а из обыкновенного стеклянного стаканчика. После чего священник заворачивает стаканчик в полотенце, ударом молотка разбивает этот стаканчик вдребезги. Разбитый таким образом стаканчик — символ того, что возврата к старой жизни нет, что отныне у мужа и жены начинается новая жизнь...

Некоторые обычаи свадебного ритуала у липован отличаются нюансами: перед женихом и невестой воду, смывающую неприятности в их будущей жизни, не льют на дорогу, а ставят перед ними эту воду в ведре. Воду на дорогу должны вылить сами молодожены, опрокинув ведро. Через образовавшуюся лужу жених (если может) должен перенести невесту.

Такое своеобразное действо на липованской свадьбе, как "увод" невестиной туфельки кем-либо из ее юных родственников может поставить жениха перед необходимостью дать за возврат этой туфельки немалый выкуп — только после этого продолжается свадьба... На богатой старообрядческой свадьбе после венчания священник и дьякон нередко присутствовали на свадебном застолье. Священник для благословения засто-

лья, а дьякон, желательно погорластее, для провозглашения «Многая лета-а!» молодым, их родителям, наиболее именитым гостям и богатым дарителям... К ночи свадьба пьянела, все чаще звучало «Горько-о-о!». И комментарии по поводу исполнения поцелуев.

Свадьба с нетерпением ждала распоряжения: «Разводитя молодят!». Дочери-невесте последние наставления давала ее мать или более поднаторевшая в таких делах распорядительница. Советы отца жениху были, как правило, короче, а если жених был молодым и очень уж неопытным, то могли пригодиться и советы той, которая «разводила» и невесту. Пришли они, эти наставления, из тьмы средневековья и неопытных жениха и невесту могли довести до стресса. Бедная невеста! Наутро она должна была всему народу предъявить свою ночную сорочку с доказательствами того, что прошедшая брачная ночь у нее действительно была первой. А богатая свадьба могла петь и гулять сутки и двое, и неделю...

Молодая семья староверов, как правило, не оставалась жить в доме родителей жениха, "приймы" у староверов нашего края были также явлением редким. Староверы у нас обычно были людьми зажиточными, а главное — мастерами на все руки, поэтому молодая семья после свадьбы начинала жить своим домом и хозяйством.

Следующее после свадьбы важнейшее событие в семье — роды. В тех условиях все, что с ними связано: беременность, появление на свет ребенка, его младенченство, особенно первые после родов недели и месяцы в силу уязвимости мальца и матери, их хрупкости, непредсказуемости жизнедеятельности их — все это покрыто вуалью таинственности, загадочности.

Этот период жизни молодой семьи был полон тревог, забот, надежд. Опасались влияния потусторонних сил недобрых, надеялись на заступничество добрых. Естественно, семья вела себя так, чтоб отвратить первые и привлечь вторые.

А роды, как правило, принимала повитуха — известная своим жизненным, профессиональным опытом, немолодая, почитаемая, даже окутанная некой таинственностью женщина.

Для ограждения роженицы от вредоносных сил строго ограничивался круг лиц, присутствовавших при этом таинстве — только самыми близкими взрослыми, которыми и повелевала повитуха.

Если роды проходили тяжело, появлению младенца на свет Божий по понятиям того времени могло способствовать, например, вождение роженицы вокруг стола в центре комнаты (для этого надо было слезть с печки, где обычно происходили нормальные роды).

В случаях особо затянувшихся сложных родов считалось, что делу может помочь открытие главных дверей во храм Господень (как и в случае, когда долгим и мучительным был процесс ухода покойника "на тот свет"). Появившегося на свет Божий новорожденного повитуха вытирала, растирала, перевязывала пуповину, укладывала в корытце (в котором обычно замешивали тесто на пироги или "плачинды").

Часто в колыбель новорожденного клали предмет, связанный с профессией отца, если младенец мальчик. Это могло быть топорище, или как в Вилково — отрезок рыболовной сети. В колыбель новорожденной чаще всего клали веретено. Символический предмет перевязывали обрывком пуповины младенца...

С неделю, а если надо было, то и более повитуха ухаживала за новорожденным и матерью, учила ее великой премудрости ухода за младенцем. Зато на крестинах повитухе были положены пара калачей, платок или отрез на платье в подарок.

Как и у некоторых других славян, у старообрядцев в честь повитух был предусмотрен особый праздник, который отмечался 14 января. По обычаю повитуха варила в этот день вкусную ритуальную кашу, с угощением и подарками на эту кашу приходили женщины, у которых почтенная повитуха принимала роды. Дарили обычно отрез на платье или юбку. За почестями и подарками следовал "гуляй". Если роды проходили нормально, младенец был не хилым, то крестили его спустя 3 — 4 дня после родов, в тот же день устраивались родины.

По обычаю, сохранившемуся со времен старины глубокой, в течение семи дней после рождения младенца, любящая мать должна была кроме вечерней молитвы произносить пришедшие от времен дохристианских заклинания с пожеланиями младенцу крепкого здоровья, всякого благополучия, сбережения от опасностей всякого рода, обретения в жизни наилучших душевных качеств: «А будь ты, мое дитятко, моим словом крепким в нощи и полунощи, в часу и получасу, в пути и дороженьке, во сне и наяву — укрыт от смерти вражьей, от нечистого духа, сбережен от смерти напрасныя, от горя и беды сохранен, на воде от потопления, укрыт в огне от сгорания. А придет час твой смертный и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковою, про наши хлеб, соль щедрыя. Обернись на родину славную — ударь ей челом семижды семь, распростись с родными и кровными, припади к сырой земле и засни сном сладким, непробудным». На восьмой день после рождения над младенцем надлежало совершить обряд крещения. Лишь после крещения давался младенцу Ангел-Хранитель на всю следующую жизнь.

При крещении младенец нарекался именем того православного Святого, чьи деяния в тот день ежегодно отмечала православная церковь.

Накануне родители младенца избирали ему крестного отца и крестную мать, которым впредь до совершеннолетия крестника духовно пестовать, наставлять его, крестнику же надлежало внимать добрым поучениям, следовать благообразному примеру своих крестных, чтить их...

Издревле на православной Руси обряд крещения считался для человека жизненно важным, главным для него. По древнему верованию некрещенный даже права на погребение по христианскому обряду не имел.

По возвращении из храма в доме новокрещенного устраивался крестинный обед. Кроме взрослых на обед приглашались дети села или «махалы», в которых проживает семья новокрещенного. Гостенят усаживали на лавку под печкой и прежде всего угощали горстью крутой «Бабиной» каши — это, чтоб мальцы не обижали своего нового сверстника — не сажали его в крапиву, не колотили до самого его отроческого возраста, когда он наденет свои первые штаны...

Взрослые гости ели кашу за столом, но перед этим крестный отец брал большую ложку каши, круто ее солил, горчил и перчил, поливал обильно квасом и уксусом. Эту жуткую смесь должен был съесть отец новокрещенного, дабы уразуметь как «сладко» при родах было матери младенца. Лишь после этого гости могли приступать к пиршеству. Ели гости не только кашу, пили не только квас и все — за здоровье новокрещенного. Родителям его желали младенца: вскормить, вспоить и взрослого — «на коня посадить», если младенец мужского пола. Ежели девочка, то пожелания были: «Вскормить, вспоить и всем, всем празднующим за столом до ее свадьбы дожить!»

Сколько бы ни продолжалась жизнь человека — смерть неизбежна. Но раскол был расколом, и своих покойников старообрядцы на своих православных старообрядческих кладбищах хоронили.

Обряду похорон у старообрядцев свойственны некоторые черты, по которым и после смерти идентифицировали принадлежность к липованской вере и отделяли старообрядца от никонианина.

Согласно старообрядческому обряду похорон, усопшего обряжают в саван. Саван этот представляет собой кусок новой белой ткани длиной чуть больше роста покойника. В верхней части он согнут по ширине вдвое и сшит наподобие капюшона.

В саван обертывали покойника с руками и ногами, сверху трижды накрест связывали полосой такой же ткани.

Руки и ноги покойника связывали «доколь не заколет», «чтоб ровно лежал».

(Сходным образом пеленали живого младенца «чтоб ровно стоял», когда встанет на ножки). С тех пор как в употребление стал входить тюль, его стали применять не только для невестиной фаты, но и поверх савана покойников стали покрывать тюлем.

А еще в руки покойника-старообрядца вкладывалось «рукописание», написанное священником. Это своеобразное земное удостоверение в том, что представившийся пред Богом — истинный приверженец древнего благочестия, исполнявший на протяжении всей земной жизни, особенно в том, что касается крещения и венчания по законам старообрядческой веры. Иначе и отпевания, и похороны на старообрядческом кладбище не могли состояться.

Оплакивал покойника узкий круг родных и близких.

Занятия ремеслами, торговлей требовали от старообрядцев не только расторопности и сметки, но и грамотности. Перепись 1897 г. отмечает, что в числе русских килийцев грамотными были 31%.

Относительно высокому уровню грамотности среди русских Вилкова во многом способствовал близлежащий монастырь Святых Петра и Павла, а также Вилковская частная гимназия просветительницы толстовского толка, госпожи Нако.

Знаменитости из числа великороссов, особенно староверов? Сколько угодно! Нет, знаменитых политиков из их числа не вышло. Зато... Взгляните на карту дельты Дуная, в лоцию: сколько имен потомственных вилковчан на их листах! Острова, гирла, протоки, заливы и заливчики, ерики, песчаные косы с именами Гнеушевых, Анкудиновых и многих других знаменитых вилковчан. А еще вилковчане всемирно знамениты тем, что с самого первого переселенца и доныне своим трудом из ила дунайского, песка морского и пота людского создали жемчужину дельты, дунайскую Венецию — Вилково.

XX. ЭТНИЧЕСКИЙ БУКЕТ. УКРАИНЦЫ

Уже в конце XIX века они составляли самую многочисленную этническую общность нашего города. Согласно переписи 1897 г. она насчитывала 4555 душ. Как и молдавская, она имеет в нашем крае и в городе такие глубокие исторические корни, которые позволяют считать ее коренной. Видимо, когда в XI веке она была основана, процесс формирования украинского этноса уже зашел достаточно далеко, и наш край и город был одним из очагов украинского этноса. Об этом свидетельствует местная керамика того времени, которая характерна для Карпатско-Дунайского региона. Материал, техника изготовления и орнамент этого региона явно прослеживаются в местной украинской керамике XVI — XIX веков.

Надо полагать, что комплексная археолого-этнографическая экспедиция, включающая знающих лингвистов-этимологов могла бы в нашем крае и городе найти убедительные доказательства этой точки зрения, что имело бы не только научное, но и государственное значение!

В прошлом, видимо, каждый приход запорожцев к стенам Килии получал определенную поддержку со стороны представителей украинской этнической общности Килии. А с другой стороны — увеличивал ее численность. Об этом свидетельствует и украинский народный эпос:

За буджацькими степами
Ідуть наші з бунчуками.
А я з плугом та косою
Понад нивою сухою...

Во всяком случае взаимосвязь меж теми, кто с бунчуками, и теми, кто с косами — неоспорима! Особо ощутимой она стала после возникновения Задунайской Сечи, как одной из баз украинской колонизации Придунавья. Источником этого явления, как уже отмечалось, были и Черноморские, и Усть-Дунайские казачьи войска. Курени и хаты тех из них, которые пополняли население Килии, лепились к хатам своих этнических сородичей, разбегались по Мияцким (Маякским) плавням — постепенно вытягивались в улицу Маяки и пересекающие ее переулки, тянулись навстречу селу Омарбия.

В конце XVIII начале XIX веков, особенно после присоединения Бессарабии к России, поток беглецов из различных губерний Украины в Придунавье резко возрос и к городу потянулись улицы села Натягайловка — нынешние улицы Киевская, Буденного, Кирова.

Итак, с давних пор украинскую общину в Килию подпитывали демографически казаки войск Запорожского, Задунайского, Черноморского, Усть-Дунайского (Буджакского), со второй половины XVIII века — прибывающие сюда во все большем числе украинцы из всех регионов этой земли, в том числе из Буковины, Галичины, Подолии, Киевщины.

Однако примечательной особенностью украинского (северного) края Килии: Маяки, Киевская, Буденного, Тараса Шевченко, Омарбии и других, являются светлые волосы очень многих их обитателей (в том числе — на старинных семейных фотографиях). Не с восточной ли прародины этих килийских украинцев такая особенность? Тот язык «суржик», на котором эти украинцы разговаривают в основе своей, прибыл, видимо, тоже из Восточной Украины... Украинцы — народ основательный, осмотрительный — пока не пощупает, не поверит, поэтому, несмотря на громкую славу просторов и богатств Придунавья, сюда сначала присылали на разведку, а уж потом на новые земли переселялись семьи и целые кланы, иногда деревни. Об этом говорит родовая память килийских украинцев.

Большинство вновь прибывших легко уживалось со старожилами, но для переселенцев казацкого рода россияне все же иногда оставались «кацапами», а евреи — «жидами». Но серьезных эксцессов на этой почве история Килии не знает.

Во все века украинцы были прирожденными хлеборобами, и килийские не составляют исключение. Кроме того, они талантливые огородники, рыбалки, садоводы, цветоводы — нельзя себе представить украинскую усадьбу без ухоженного сада, виноградника, не утопающую в зелени и цветах! Ремесла? Украинцы — отличные мастера во всем том, что необходимо для успешного ведения хлеборобского хозяйства.

С незапамятных времен Килия славилась гончарами — и это прежде всего украинцы. Запасы отличного сырья здесь огромны, и потому на Маяках и по соседству, где это сырье для гончарного дела особенно хорошо, умельцы-гончары имелись почти в каждом доме. Ямы, из которых добывалась глина, имелись во многих дворах из тех, которые находились сравнительно недалеко от склонов дунайской поймы, штольни, бывало, доходили до самых этих склонов и служили путями спасения жителей при набегах турок и татар.

Несмотря на то, что украинцы и молдаване жили в противоположных концах города, а разделяли их кварталы, населенные русскими и евреями, эти 2 этнические общности Килии были наиболее близкими между собой по темпераменту, укладу быта, характеру — при всем различии в языке. Видимо, многовековое их соседство, по существу соседство с начала образования этих общностей — причина многих черт. Но уже к концу XIX века хозяйства украинской части города были богаче, дома и другие постройки более добротными, улицы — более чистыми, зелеными, пестрящими цветами. Богаче, разнообразнее, а главное — калорийнее блюда украинской кухни, и хлеба у украинцев чаще всего было вдоволь, и чаще бывал он пшеничным. Мамалыги ели они мало. Зато у молдаван Килии украинские борщи практически вытеснили традиционные похлебки — «чорбы». Естественно, в меню украинцев особое место занимает сало — круглый год! Если готовилась «торба» в поле, в дорогу, то без сала она не бывала, первая закуска просто так и под вино — сало, столь же естественно, что для украинцев и «краща риба — ковбаса», самая разная и с салом обязательно.

Под такую закусь у украинцев хорошо шло не только домашнее вино, но и домашнего приготовления самогон. Под названием «цуйка» его приготовляли и пили молдаване (у русских Килийщины он известен часто под названием «марабелин»). Из множества борщей, которыми славились килийские украинцы, самый украинский — борщ с галушками. Вареники! У местных украинцев, как и у молдаван, они очень популярны — самые разные, но особенно с сыром (творогом) и вишнями, однако у украинцев они — самые сырные масляные и сметанные!

Варения, соления, овощные блюда у украинцев Килийщины такие же, как вообще на нашем юге широко распространены. В вареном, жареном виде украинцы ели тыкву — гарбуз, а по-местному кабак, а вот символом отказа при сватовстве он у нас не применялся (видимо, из всеобщего уважения к этому овощу). У килийских украинцев и молдаван религиозные да и семейные праздники были аналогичными, главное их отличие состояло скорее не в ритуалах, а в меню и изобилии яств на праздничном столе.

У килийских украинцев и молдаван очень похожими были и трудовые праздники — вечорниці — шезэторь, клаки — коллективная работа на "чамуре" — накидывание глиняних вальков на потолок, но в отличие от молдаван, у украинцев клака нередко организовывалась и на полевых работах, и в огородах, особенно в пользу молодых семей. Выращивать и убирать урожай хлебных злаков для украинского крестьянина — главный труд года, жизни, потому и завершение косовицы — обжинки — главный трудовой праздник украинцев, и проходил он по веками отрабо-

танному, красочному, сложному ритуалу. Торжественным религиозно-фольклорным ритуалом, растянутым на несколько этапов, сопровождалось строительство дома. Освящались закладка фундамента и его завершение, завершение возведения стен — их последнего угла и укладка матицы — «сволока». Большим семейным и религиозным праздником было новоселье. Такие религиозные праздники, как Рождество, Новый год, Крещение украинцы праздновали так же, как и другие православные нового обряда в городе и районе; а обычая ходить к теще на блины, на Масленицу, придерживались больше, чем молдаване, но меньше, чем россияне, в остальном же — как все православные в Килии.

А еще в ночь на Троицу украинские парни уносили ворота тех дворов, в которых живут красивые, но капризные и строптивые кандидатки в невесты или же несговорчивые родители их...

Украинскую национальную одежду в Килии трудно было отличить от молдавской — та и другая были яркими, многокрасочными. Вышитыми, отделанными кружевами и молдаванки, и украинки любили яркие бусы, ожерелья из серебряных монеток, блестки, цветы, может быть, лент у украинок побольше было.

Но к концу XIX века национальная одежда украинок стала уступать место «городской» фабричного происхождения.

Украинцы — прирожденные хлеборобы и удобная для этого труда обувь — постолы хорошо знакома им, но для праздников обязательно были туфли, ботинки, а того еще чаще — сапоги-чоботы.

Свадьба — весілля — самый важный семейный праздник. И без того яркий обряд украинской свадьбы здесь у нас на многонациональном юге вобрал в себя все самое яркое, музыкальное, звонкое, из сценариев особенно молдавской свадьбы. 17—18 лет для девушек, 18—19 лет для парней — обычный брачный возраст у местных украинцев. На одну — две недели свадьбу предварял довольно сложный яркий ритуал украинского сватовства. Тыквы в Килии произрастали в изобилии, блюда из них входили в меню всех килийцев, но отказ невесты при сватовстве выражался только устно, с множеством пояснений и извинений и без всякого «гарбуза». Зато в случае благоприятного исхода сватовства жених одаривался красивым вышитым рушником с караваем на нем. После этого тут же следовало малое застолье, которое не всегда было малым.

Своеобразным ритуалом перед свадьбой был "день пятница сеяния муки" для свадьбы, заканчивалась пятница обрядом плетения венков для жениха и невесты и свадебных букетиков для остальных участников торжества.

Для изготовления этих вещиц нужны были барвинок, васильки, цветная шерстяная пряжа, ленты, золотистые и серебристые нити. Жениху и невесте, дружкам и шаферам эти "отличительные знаки" надеваются под свадебные напевы. Невесте пели при этом следующее:

Повій, вітре, дорогою
За нашою молодою!
Розвій, вітре, русу косу
По червоному поясу!
Нехай руса коса знає,
Що віночок приймає...

В остальном украинская свадьба проходила по такому же яркому музыкальному сценарию, что и ранее описанная свадьба молдавская — трудно сказать, кто у кого что перенимал! Украинская свадьба была столь же запойной, как и молдавская, а может и более — сказывалось влияние самогона, и, уж наверняка, украинская свадьба бывала более обжорной, если так можно сказать. Музыка на украинской свадьбе была, как правило, традиционной килийской — гармонь да барабан, в которую нередко вплеталась дробь и звон украинского бубна. Смешанные межэтнические браки у украинцев Килийщины в конце XIX века были явлением редким — этнически замкнутым общинам были не только Кара-Мехмет и Галилешты или украинская община Вилково, но и Омарбия и Натягайловка — они еще не дотянулись до Килии, были хоть и пригородными, но отдельными селами. Молодые мужья — украинцы, случалось шли в «приймы», но не так часто, как молдаване.

Культура украинской Килийской этнической общности, смешиваясь с элементами местной русской и молдавской, испытывая на себе мощный пресс сначала руссификации (а в XX веке и румынизации), она сохранила в себе самобытные национальные черты.

Особенно это относится к народным обычаям, праздничным ритуалам. Из глубины тысячелетий — от первобытных земледельцев, т.н. трипольцев, к хлеборобам Украины пришли и, преодолев века до начала XX столетия, сохранились праздники, связанные с завершением годового цикла —двенадцати месяцев — двенадцати знаков созвездий Зодиака. 12-дневная серия этих праздников начиналась 24 декабря по старому стилю (соответственно 6 января по новому) и продолжалась 12 дней, каждый праздничный день цикла проходил по традиционному своему распорядку. К отнюдь не обжорному столу в сочельник готовились 12 блюд: кутья «голодная» — редкая, узвар — кисловатый компот, вареники, голубцы, рыба печеная, гороховая каша с чесноком и олеей, сле-

довала каша ячменная с медом и снова каша — пшенная густая с олеей, бобы (в наших краях фасоль) с луком и олеей, пироги, коржики с медом и маком, в завершение — пампушки с олеей и чесноком. Запивалось все это горилкой, где было — вином, сладкие блюда — медовухой. Описанный обычай был свойственен всем славянам, занимавшимся земледелием, в значительной мере молдаванам и румынам.

Из такой же глубокой древности пришли и колядки (Коляда — мать Солнца (Кола). У украинцев колядок особенно много, распространены они на обширных пространствах, но в общем сходны.

В основе этого древнего обычая представление о том, что мать Солнца — Кола, Коляда, спасаясь от богини тьмы мары, превращалась в козу... Танец мятущейся как бы в страхе козы — ритуал, широко распространенный в период зимних праздников в Украине, Бессарабии, Румынии. Местный украинский фольклор привезен украинскими поселенцами из тех мест Украины, откуда прибыли сами поселенцы. Во всем своем многообразии он не только отражает культурный уровень его носителей, но может и должен стать объектом глубокого исследования ученых, фольклористов, диалектологов, лингвистов — этимологов, этнографов, а не только дилетантов, как это было до сих пор.

Важнейший показатель культуры любого человека и этноса — его грамотность, образованность. Первая всероссийская перепись (1897 г.) констатирует, что 91% украинцев килийской общности были неграмотными. И не они в том повинны — это все, что могли обеспечить работавшие по программе церковно-приходских школ комплексные классы Маяк, Омарбии, Натягайловки. Государственное одноклассное училище (три класса открылось только перед Первой Мировой войной, но на русском языке, потом — на румынском, там, где была 7-я школа).

Похоронные обряды у молдаван и украинцев с давних пор мало чем отличались, — разве что вот таким обычаем: после положения тела во гроб все вещи в комнате переставлялись на другие места. Приготовляется свеча длиной с тело покойного, которая должна гореть всю ночь после по́хорон. При выносе тела покойника изображается «прощание» его с комнатой и домом — тройным касанием о пороги комнаты и дома.

Покойников своих украинцы Килии хоронили преимущественно на своем украинском кладбище. Со временем (1908 г.) недалеко была построена церковь Святого Дмитрия, а кладбище стало даже престижным.

XXI. БОЛГАРЫ КИЛИЙЩИНЫ

Первая Всероссийская перепись населения насчитала в Килии всего 87 болгар. В Килийской волости того времени было большое, богатое и красивое село Шикирли-Китай (Суворово) — село полностью болгарское, в Еникей (Новоселовке) болгары составляли большинство населения, в Старых Троянах — меньшинство. В этих трех селах жило около 3000 болгар. Если не осветить историю этой этнической общности, то этнический букет Килийщины будет далеко не полным, тем более, что в экономической жизни волости, да и всего Придунавья болгары уже тогда занимали важнейшее место.

Исторические корни болгар, в том числе болгар северного Придунавья, уходят в глубокую древность — во времена, когда они слились из двух ветвей: из пришедших с Волги булгарских племен князя Аспаруха и мезийских словен начала н. э. Не в один день свершился процесс образования болгарского славянского народа и государства!

Об этом повествуют греческие, римские, арабские, древне-германские, византийские и другие, включая «Повесть временных лет», источники. Единение подунайских славян с воинственными кочевниками с Волги и Камы оказалось благом, избавившим первых от византийского владычества. Для булгар это единение со славянами с их сельским хозяйством, ремеслами, богатым языком — тоже оказалось благом. Оба же соединившиеся народа, ставшие со временем одним, приобщились к богатой животворной греко-византийской культуре и православию, стали народом, подарившим миру славянскую письменность и душу.

Кто может сказать, какой расцвет материальной и духовной культуры, какое величие сулило Болгарии такое раннее начало просвещенной государственности, если бы не бесконечные войны за свою свободу и независимость, сначала с империей Византийской, а затем долгие века с могущественной Оттоманской империей — за одну жизнь?!

По мере ослабевания, загнивания Оттоманской империи, гнет ее становился все невыносимее. Его носителями были все оттоманы — от султана и его первого визиря и главного евнуха султанского гарема, до последнего военного начальника — аги и гражданского чиновника — ами-

на. В XVIII и XIX веках к этому прибавились грабежи фанариотов — наместников, чаще всего греков — откупщиков налогов и поборов.

Еще более страшным бедствием для балканских народов были кирджали — полчища до зубов вооруженных дезертиров из султанской армии. Они не только беспощадно грабили, но заливали кровью, сжигали села, города, целые области. Порой грозили самому Стамбулу и бывали случаи, когда только несметный выкуп спасал богатый город!

Все это вместе взятое и вынуждало работящих приверженцев земли — болгар, сербов, македонцев, албанцев покидать родную землю и в одиночку, семьями, нередко целыми селами уходить за Дунай на северо-восток.

В исследовании «Болгарские колонии в Бессарабии» А. Скальковский относит появление первых болгарских поселенцев в Малороссии к 1753 —1754 годам (см. ук. соч. стр. 1—3).

В последующем, каждая русско-турецкая война порождала все более мощные волны беженцев с Балкан в Россию: на Херсонщину, Киевщину, Полтавщину, Елизаветградщину.

Во время войны 1768—1772 годов около 2000 болгарских колонистов поселились в Килии, Измаиле, Рени, Бендерах. Когда по условиям Ясского мира сюда вернулись оттоманы, колонисты вынуждены были переселиться за Днестр и Буг. Массовый наплыв болгар в южнобессарабские степи начался во время русско-турецкой войны 1806—1812 годов и продолжался после нее.

Ввиду этого, российское правительство учредило специальное попечительство над поселенцами иностранного происхождения. Несколько десятков лет председателем этого попечительного совета был генерал от инфантерии Иван Никитич Инзов.

В 1819 году император Александр I утвердил представленный Инзовым проект «Положения об иностранных поселенцах». По этому положению колонисты должны были селиться на государственных землях в отведенных районах. При этом, каждая семья получала 60 десятин земли в вечное пользование, единовременную денежную помощь в размере 5000 рублей, освобождение от воинской службы и от всевозможных повинностей навечно, от налогов на 10 лет. В решении своих внутренних проблем болгарские колонисты пользовались значительной автономией, и они сумели ею пользоваться с большой пользой для себя и края. Автономия гарантировалась и тем, что в рамках существовавшего в Бессарабии административного деления, колонисты имели еще и свою автономную систему административного деления на околии: Измаильскую,

Верхне-Буджакскую и Нижне-Буджакскую. Болгарские села Килийской волости: Еникей, Старые Трояны и Шикирли-Китай относились к последней.

Колонисты покинули свой родной край — теплый, утопающий в садах и виноградниках, край с тучными лугами и источниками кристально-чистой воды. Буджакские же степи засушливы, ветрены, здесь испепеляюще-жаркое лето и бывает холодная зима. Бесчисленные войны оставили здесь запустение и эпидемии.

К тому же и в последующих нескольких русско-турецких войнах край был прифронтовой зоной и под угрозой захвата турками.

История болгарской колонизации юга Бессарабии не знает случаев столкновения между колонистами и властями, хотя начинали болгары осваивать эти земли с кола, вбитого в сухую, голую степь. В сходных условиях немцы-колонисты иногда пытались бунтовать. И тогда им доводилось знакомиться с казачьими нагайками. При всяком ударе все немцы единодушно восклицали: «Ах, Езус!» (См. Русский архив, Кн. 8, 1897 г. Стр. 518).

В очень сложном положении оказались болгары, сербы, албанцы, поселившиеся в Южной Бессарабии после Крымской войны, когда три южнобессарабских уезда по решению Парижского конгресса в 1857 году были переданы Молдове, находящейся все еще под сюзеренитетом Турции. Не желая попасть вновь под турецкое господство, многие колонисты снова переселялись за Днестр, Буг, в Таврию, Крым — нередко целыми селами. Так поступили болгары таких сел: Новый Карагач, Тропокло, Новая Покровка и некоторых других.

Под властью Молдовы, затем объединенных принципатов, болгары в значительной степени утратили автономию и льготы, дарованные Александром I. Аграрные реформы Александра Кузы, затем Карола I, привели к тому, что у многих колонистов уменьшились земельные наделы. Румыны даже попытались заставить болгарских колонистов служить в своей армии. В Болграде конфликт на этой почве дошел до того, что власти ввели в город целый армейский полк. Жители города и округи были подвергнуты грабежам, насилиям, избиениям, несколько человек были убиты.

А вот дело народного просвещения в болгарских колониях юга Бессарабии за годы румынской власти существенно улучшилось (румыны переняли у Германии закон об обязательном начальном обучении). Были основаны мужские, женские и смешанные школы с преподаванием и на болгарском языке, а в июне 1858 года открылось Центральное болград-

ское училище. По сути, это была семиклассная гимназия, сыгравшая очень важную роль в интеллектуальном прогрессе болгарского, да и не только болгарского населения юга Бессарабии, несмотря на то, что далеко не всегда шли гладко дела этого учебного заведения.

Пример Болградского центрального училища вынудил царскую Россию основать болгарскую гимназию в Комрате. Болградское училище удостоил своим посещением князь Куза — в сентябре 1859 года. По этому случаю директор училища, доктор Мутьев, даже выразился: «Этот день служит лучшим украшением первой страницы истории училища». Принцепс Карол I удостоил своим посещением училище дважды. При первом посещении в ноябре 1866 года город встречал его колокольным перезвоном, 12 дев преподнесли ему хлеб-соль на блюде и полотенце народной вышивки. Неговорящий по-румынски Принцепс в книге для почетных посетителей училища изволил начертать: «1866 г. новембер 7, Карол I». В следующем году Карол I посетил Болград и его училище еще раз. Принцепс подарил училищу небольшую библиотечку. В 1938 году богатейшая библиотека этого учебного заведения была ликвидирована румынскими властями. Офицеры румынской армии, участвовавшие в этом процессе, разграбили наиболее ценные книжные сокровища библиотеки, а массовые русские издания сожгли на площади перед собором.

В целом же, 20 лет румынской власти для болгар, как и для большинства населения юга Бессарабии, были годами нелегкими.

Болгары — народ богопослушный, верующий в православного Бога. А истории этого народа православие было той верой, которая помогла ему не только выжить, как народу, но в многовековой борьбе отстоять свою Родину, свободу, язык, культуру. Более того — возродить, вернуть к жизни, украсить плодами своего труда землю новой Родины.

Болгары стойки в своей православной вере, верны Богу — среди них мало таких, которые по моде последнего времени склонны искать себе более выгодного Бога. В общем, православная вера органически вплелась в характер болгар, но фанатиками она болгар не сделала. Бог — надежный помощник болгарина в его повседневном труде, вместе они делят радости и печали.

Святой Петр в болгарском фольклоре (Бессарабия) как заправский виноградарь садит виноградную лозу рядом с крестьянами. В перерыве они закусывают и выпивают по стаканчику белого и по стаканчику красного вина, а прислуживает им при этом сама Матерь Божия, как добрая болгарская хозяйка.

В отношении к Родине болгарин — ее верный сын — труженик, защитник на деле — гайдук, веками сражающийся с поработителями, солдат, завоевавший ее независимость. В выражении патриотизма он немногословен, но в болгарской истории фольклора неисчислимо число героев и героинь борьбы за свободу и независимость Родины. Бессарабские колонисты вместе с болгарами на Балканах отважно сражались за свержение турецкого ига и строили независимую Болгарию, будучи в то же время и сынами России — любящими, верными и законопослушными.

Уважение к Богу, государству и закону органически вплетены в характер болгарина.

История и политика, к сожалению, изобилует примерами интриг против исторической, братской болгаро-российской дружбы. Но в душе болгарского народа это чувство неистребимо.

В целом, болгарский характер наиболее хорош для болгарской же среды — отмечают многие авторы.

А теперь обратимся к быту и обычаям бессарабских болгар, прежде всего дом, двор, хозяйство типичного болгарского колониста, где-то в третьем поколении, то есть, в конце XIX века.

Их усадьбы были обширными и застроенными не тесно. Жилые дома (кэщи), как правило, добротные и тоже просторные. Колонисты быстро переняли южно-бессарабские архитектурные модели домостроения (ордер), исходя из местного климата и материалов, но строили более добротно.

Конечно, в каждом доме была «гуляма кэща» — парадная комната, но повседневных жилых комнат в болгарском доме бывало и две, и три. Что касается строительного материала, к концу XIX века основными стали камень — бут, плитняк, а также кирпич. «Чамур» применялся все реже.

Крыши домов делались из камыша, довольно часто — черепичные, изредка из оцинкованной или крашенной жести.

Самой обширной, нарядной комнатой болгарского дома, естественно, была гуляма кэща, и самой светлой — до пяти окон. Меблировка этой комнаты обязательно включала большой стол, иногда резной, иногда раздвижной, большой старинный сундук, величина, прочность, запоры и раскраска которого зависели от уровня состояния семьи, большая нарядная кровать с соломенным и волняным матрацем, иногда и с периной, всегда с горкой подушек. Кровать чаще всего покрывалась очень нарядным болгарским шерстяным ковром, а если покрывалом, то домашнего натурального шелка. Почти всегда обязательны были зеркало настенное, а то и напольное. Для гостей были предусмотрены скамьи у стен, застеленные ковриками и с ковриками на спинках, если таковые

имелись. Для почетных гостей — стулья. В «гуляма кэща» была и главная божница дома. В Болгарии она помещалась в специальном прочном угловом шкафу на случай появления незваных гостей — турок. У бессарабских болгар этот угол украшался полотенцами, вышитыми нарядней всего. Кроме сундука с приданым в богатых домах бывал еще комод, резной столик.

Главное убранство парадной комнаты — килимы, ковры, вышивки: на стенах, столе, на полу, парадные портреты хозяина и хозяйки дома.

Главным предметом жилой комнаты была огромная печь с обширной лежанкой, на которую взбирались с еще более обширной кровати. Скамейки вдоль стен были обязательны, потому что в многолюдной семье они были необходимы. Большой стол бывал, в такой комнате не всегда. Как и в семьях молдавских, семья болгарская нередко обедала за низеньким круглым столиком, сидя на крохотных скамеечках — чурбачках, а то и прямо на полу. Пара простых полок, в лучшем случае настенный шкаф были предусмотрены для караваев хлеба, солонки и обеденной посуды, чаще всего глиняной. Все авторы отмечают приверженность болгар, особенно болгарок к чистоте, поэтому в болгарском доме и дворе она господствовала.

В сторону двора у домов болгарских колонистов почти всегда предусматривалась сундура — широкий напуск крыши с тонкой стенкой и окном со стороны улицы, крыша напуска опиралась на деревянные или каменные столбики. Под сундурой всегда что-нибудь дозревало или сушилось: картофель, лук, чеснок, красный острый перец, табак, кукуруза, но всегда были чистота и порядок. Со временем сундура большей частью преобразовывалась в веранду.

В обширном болгарском подворье важное место занимала кухня — «куфнята». Ее размеры зависели от многолюдья и достатка семьи. В кухне этой обязательной была печь, часто огромная. Кроме обычного назначения, в болгарской семье кухонная печь была приспособлена для копчения окороков, колбас, пастрамы и прочих вкусностей из мяса и сала, для жарения гусей, индюков, поросят целиком в посуде или на вертеле, для приготовления плова и для выпечки куличей, пасок и настоящей болгарской милины.

Во дворе болгарского колониста за домом следовали конюшня для лошадей, сарай для крупного рогатого скота, свинарник, курятник. Рядом со скотным двором половник для половы, где-нибудь на возвышенном пятачке — вместительные плетни для кукурузы в початках — «коши за царевица». Почти во всяком дворе была кошара для овец. Бочки с вином, овощи, мясные продукты, сало хранились в обширных глубоких погре-

бах. Если не хватало чердаков, то пшеница в зерне — «жито» и рожь «рэж», ячмень, овес, масличные культуры хранились в специальных кладовых. Чердаки под камышовой крышей были удобным хранилищем для гроздьев отборного винограда и толстокожих арбузов, которых хватало до святок, а иногда до масленицы.

Во всяком подворье бывал «арман» — утрамбованная площадка для молотьбы хлеба и накатывания кизяка — важного вида топлива в степном безлесном Буджаке. Невозможно себе представить болгарскую усадьбу без ухоженного фруктового сада, хотя бы небольшого виноградника, тем более без огорода, а также, хоть небольшого цветника перед домом. Разумеется, любимый цветок — роза: для красоты, радости, ради аромата, для варенья, лекарств и для разнообразных праздничных и повседневных ритуалов (со временем на юге Бессарабии, как в Болгарии и в Крыму, появятся целые плантации болгарской розы).

В начале XX века семейные отношения в среде бессарабских болгар можно охарактеризовать, как патриархальные с сильным влиянием Востока, особенно в отношении положения женщины в семье, да и в обществе в целом. Это, по мнению многих авторов, проявлялось даже во внешнем виде. Болгарские колонисты-мужчины в описании большинства авторов спорадически знакомых с болгарами статны, широкоплечи, черноволосы, темноглазы, мужественны, в общем — красивы. Мнение о женщинах неоднозначно. Те, кто описывают болгарок по спорадическому впечатлению, часто утверждают, что в красоте болгарки уступают мужчинам этого этноса. Основательно знакомые с болгарами авторы утверждают, что молодые болгарки, особенно до замужества, очень красивы: статны, тонки в талии, темноволосы, темноглазы. Они белокожи и румянолицы, сильны и грациозны, в общем — красивы. Это подтверждает и болгарский фольклор, как балканский, так и бессарабский:

«Всего мне дороже болгарские девы.
Весь день под палящим солнцем жнут они рожь.
С утра до ночи хлеб в снопы вяжут,
В стога их кладут, соловьями поют.
Домой возвращаются поздно под вечер —
Чисты, белолицы, румяны...»
Даже во время уборочной страды:
«Жала, жала бела Мара,
Обогнала молодца,
И в награду за победу
Она его себе взяла!»

В болгарской семье мужчины и женщины много работали. Но в труде женщины старятся быстрее, к тому же труд болгарских мужчин не тот, что у женщин. Мужской труд разнообразен и престижен. Мужчина — пахарь, ремесленник, торговец, учитель, агроном, священник, выборный общественный деятель. После всего этого он свободен. Не то, что у женщин: бесконечным, монотонным, непрестанным, неблагодарным трудом она занята от зари до поздней ночи. Она первой встает утром, последней укладывается на ночлег ночью. В классическом случае — не раньше, чем умоет мужу ноги.

В повседневной жизни жена во всем уступает мужу: уступает ему дорогу — идет позади мужа, прислуживает мужу за столом, не смеет раньше мужа поесть, присесть в компании его друзей без его разрешения, постоянно обязана выказывать почтение не только мужу, но и взрослым сыновьям. Попробуй тут не состариться преждевременно и не подурнеть вскоре после свадьбы!

Однако, с другой стороны, такой патриархальный уклад в болгарской семье, как отмечают многие авторы, например, тот же И. Скальковский в труде «Болгарские колонии в Бессарабии»: «Семейные отношения у бессарабских болгар характеризуются высокой нравственностью и в этом отношении они — пример для подражания» (см. ук. соч. стр. 99). Весь православный мир поддержал Россию в войне с Турцией 1877—1878 годов за освобождение балканских народов от оттоманского ига. В борьбе за освобождение своей первоначальной Родины самое активное участие приняли тысячи болгар Бессарабии, в том числе многие жители Килии, Ени-Кёя, Старых Троян, Шикирли-Китая. Южная Бессарабия после этой войны вновь стала российскою.

В послереформенной России статус Бессарабии изменился: с 1873 года она стала рядовой губернией империи, утратив былую автономность, и колонисты, в том числе болгарские, стали вольными гражданами России. На быстро капитализирующемся юге Бессарабии они стали играть важнейшую экономическую роль, успешно соперничая с немецкими колонистами в сельском хозяйстве и с евреями в торговле. На рубеже XIX и XX веков в южной Бессарабии насчитывалось 67 болгарских и болгарогагаузских сел и два города — Болград и Комрат (в какой-то степени соперники), в том числе три села в Килийской волости. К тому времени статусом колонистов пользовались около 120000 болгар.

Село Шикирли-Китай (Суворово) раскинулось привольно на северном берегу озера Катлабуг, в самой верхней его части на старинном шляху из восточного в западный Буджак. Многое помнит земля эта: кочевников,

начиная со скифов, ранних славян, молдаван и турок, помнит она суворовских чудо-богатырей, которых великий полководец тут готовил к штурму Измаила. В 1815 году село основали поселенцы из Болгарии и к началу XX века оно стало красивым богатым местечком с 2000 жителей.

На северо-западном берегу озера Китай раскинулось село Старые Трояны. На этих берегах человек селился со времен верхнего палеолита, 15—20 тысяч лет тому назад. Древние и поздние славяне также оставили в этих местах следы своих поселений, татары, турки жили тут до начала XIX века.

А гагаузы? Стала бы историческим открытием находка материальных следов тех первых, изначальных кипчаков — половцев-куманов, которых многие историки, в том числе и автор этих строк, считают предками нынешних гагаузов.

Современное гагаузско-болгарское село Старые Трояны основано переселенцами с Балкан в 1818—1819 годах, имя получило от недалеко проходящего Траянова вала (Нижнего).

Очень нелегким для поселенцев было первое десятилетие истории села — на него пришлась затяжная засуха в Буджаке. В 1820—1824 годах она была испепеляющей — пересохли впадающие в Китай-озеро речки Ташлык и Кыргыж-Китай и северная оконечность самого озера. На его влажном дне старотроянцы, оставшиеся в селе, несколько лет разводили огороды, выращивали арбузы и дыни...

В 1823 году значительная часть жителей ушла на север и на берегу речки Катлабуг основала село Новые Трояны. (В 60-е годы XIX века многие жители Старых Троян ушли от румынской власти в Крым...). Таковы штрихи непростой истории села замечательных тружеников Старые Трояны.

К сказанному, видимо, необходимо добавить, что первая церковь в этом православном нового обряда селе была построена в 1850 году (деревянная).

В XX век Старые Трояны вошли крупным, в 1500 жителей, селом. Старый деревянный храм обветшал, а главное стал тесным. В 1913 году была построена и освящена новая каменная церковь — храм Святой Троицы. Вал хрущевского воинствующего атеизма в значительной мере разрушил этот храм. Но неумирающий дух Православия, и в XXI век Старые Трояны вступили с восстановленным храмом Святой Троицы — одним из прекраснейших в районе.

На противоположном восточном берегу Китай-озера, на том самом «битом шляху ордынском», ведущем в Килию, как утверждают некоторые источники, в 1826 году было основано село Ени-кёй (Новоселовка).

Впрочем, земля эта хранит следы переселения народов от скифов до татаро-монголов, следы многих славянских культур.

Когда в конце XVIII начале XIX веков из своей укрепленной твердыни Керман-Кёй (Фурмановка) были выселены буджакские татары, там поселились молдаване и пришедшие из-за Дуная болгары с гагаузами (если только гагаузы не потомки давних местных куманов).

Но болгарам и гагаузам не пришелся по вкусу татарский дух и теснота Керман-Кея, и они на привольных плодородных землях восточнее своего первоначального поселения основали Ени-Кёй (Новоселовку). В начале XX века ее население перевалило за 1000 человек. В основном это были трудолюбивые хлебопашцы и овцеводы, да и вообще, люди предприимчивые.

Что можно сказать о характере, нравах, обычаях, главное о труде бессарабских болгар конца XIX начала XX века — внуков, правнуков, праправнуков первопоселенцев. От народов, по соседству с которыми они поселились и прижились, они многое переняли, но прежде всего, они сохранили и на новой родине родовые черты своего народа (и безусловно сохраняют их и ныне). Бессарабские болгары — люди исключительно трудолюбивые. Количество и качество земли, полученной в надел, льготы и денежное пособие на обзаведение были изначально важным фактором для болгарских колонистов в Бессарабии. Но прочное хозяйство, высокий в целом уровень благосостояния, важное место, занятое в экономике края уже на грани XIX и XX веков, это — результат трудолюбия, настойчивости, предприимчивости, свойственной болгарским колонистам.

Румынский общественный деятель, ученый, историк Замфир Арборе в «Истории Бессарабии XIX века» с немалой долей зависти отмечает, что по благосостоянию болгарские семьи «почти что бояре, по сравнению с рядовыми молдавскими...». Но это благодаря упорному труду всех и каждого члена рядовой болгарской семьи, где каждый с детства был при деле. Помогать матери, пасти гусей или ягнят, ухаживать за скотом, водить лошадей на пропашке или пахоте, работать на огороде и винограднике, ткать, прясть, вязать, шить — все это в обычной болгарской семье учили делать серьезно, добросовестно, ответственно — главным образом примером и словом, редко иначе, но обязательно учили и воспитывали. Семейные наделы болгарских колонистов были немалыми, но уже в конце XIX века болгары арендовали землю в селах неболгарских (новоселовские — в Фурмановке и Червоном Яре, например), а нередко покупали

большие участки земли, как для личных, так и для общественных нужд — сенокосы, к примеру. На Балканах, откуда прибыли колонисты, сельская община — «задруга» была организацией не только привычной, но и жизненно важной в тех условиях, на обширных новых землях, при новых наделах земли она была излишней и отпала как организация. Но болгарские колонисты и на новой родине остаются сильными своей этнической солидарностью, да и соседской тоже, общественной взаимопомощью при необходимости. В селах болгарских колонистов были общественные амбары на случай засухи, общественные кассы взаимопомощи на случай стихийных бедствий и других бед.

Уважительное отношение к собственности — своей и чужой, бережливость — неотъемлемые качества болгарского колониста — важный источник благосостояния. Болгарин — прирожденный виноградарь и винодел, также садовод, он прекрасно умеет пестовать виноградную лозу, фруктовые деревья, особенно персики, сливы, грецкие орехи и многое другое. Посадить фруктовое дерево в честь прибавления в семье, приготовить бочонок особого отборного вина в год рождения сына или дочери и выдержать его до их свадьбы, это и болгарский народный обычай (вкус и веселье такого вина остается на всю жизнь в памяти того, кому посчастливилось его попробовать!). Болгары — большие мастера выкуривать ракию — самогон, особенно «сливовицу». Короче говоря, доброе вино, да и ракия в болгарском доме всегда найдется, и болгары не абстиненты, но трезвость, как и трудолюбие, — черта характера подавляющего большинства болгарских колонистов.

А еще болгарские колонисты — люди предприимчивые, как отмечалось, они нередко владельцы лавок, магазинов, корчм, маслобоек, волночесок, ветряков, а то и паровых мельниц. Посидеть в корчме в компании друзей, конечно, мужчин, какой уважающий себя болгарин этого не любил? Но почти не бывало такого, чтоб болгарин валялся под стенами корчмы!

Быстрое и успешное развитие южно-бессарабских болгарских колоний вызвало необходимость уже в середине XIX века основать для них Болградский колониальный банк с несколькими филиалами. Это еще раз подтвердило оценку некоторых европейских авторов, например, А. Бланки: «Болгары — это балканские немцы». На бессарабской родине они этого комплексного качества не потеряли.

Хозяйственный болгарин — отличный животновод, особенно овчар и коневод. На новой родине не прижились привычные для Южных Балкан

буйволы, но неторопливые, сильные, неприхотливые волы в болгарских селах стали распространенной тягловой силой, особенно на пахоте. В ремеслах — столярном, гончарном болгары — отличные мастера, а в бондарском, скорняцком, кожухарском, шаповальском — непревзойденные. А что касается болгарок, то нет им равных в домашнем ткачестве — самом разнообразном, в искусстве изготовления ковров, килимов, «дорожек», легких, теплых, красивых одеял. Болгарские вышивальщицы не только славятся на весь мир своим мастерством, они подарили ему способ вышивания «болгарский крест» и «двойной болгарский крест». Рассудительность, осторожность, даже настороженность, особенно при встрече с незнакомым, также в характере болгарских колонистов — этому приучили болгар долгие века суровой жизни еще на первоначальной родине.

Хотя бы кратко опишем основные виды одежды бессарабских болгар, разумеется, крестьян, потому что городское население уже в начале двадцатого века одевалось по-городскому. Отметим с самого начала — в одежде болгарских крестьян немало элементов, сходных с украинской и молдавской одеждой.

Очень хорошо выглядели молодые болгарки летом в белых домотканых платьях, а также в кофточках из льняного полотна или тонкой белой шерсти, чаще всего еще и вышитых. Добротны, строги зимние длинные платья и юбки из сукна и шерсти домашней выделки. Зимой поверх них надевались нарядные душегрейки — кептари из овчины, а поверх всего суконные сюртуки. Любимые цвета — синий, темнозеленый, черный. На голове — одноцветные шерстяные платки, по праздникам — барезы — яркие платки с бахромой. Обувь — туфли, зимой — высокие ботинки, рабочая обувь — постолы-царули. Белая рубаха часто вышитая, светлые суконные или темные брюки, по праздникам — шерстяные. Летняя одежда мужчин. Обязателен красный шерстяной пояс в несколько оборотов, зимой к этому — сюртук темного сукна или шерсти. Летний головной убор — темного цвета фетровая шляпа — паралия, зимой — баранья шапка, иногда каракулевая. Рабочая полевая обувь — постолы-царули, зимой с шерстяными носками и шерстяными же онучами. От лодыжки до колен нога еще обматывалась «каденкой» — толстым жгутом, сплетенным из конского волоса. Когда-то у волжских болгар из такого же материала были арканы. Выходная обувь болгар — прочные башмаки на шнурках или с пряжкой и сапоги.

Болгарские села славились специалистами по пошиву одежды из овчины — душегреек-кептаров, курток, полушубков, шуб, а также брюк

из овчины — «мешин». Заказчиков на такую одежду было много и не только из болгар. О болгарках же, особенно молодых и среднего возраста, еще можно сказать, что они еще в большей мере, чем украинки были любительницами ярких украшений — колец, браслетов, бус, сережек, особенно ожерелий из серебряных или золотых монет, функции их у болгар были весьма разнообразны, в том числе и ритуальные.

А еще благодаря болгарам в Бессарабии получило распространение разведение шелковичных червей. Из натурального домашнего изготовления шелка болгарки ткали изумительной красоты покрывала, плели скатерти, накидки на подушки и кружева, вплетали шелк в льняные ткани.

О мужчинах еще необходимо добавить, что усы были их распространенным украшением, а бороды подчеркивали достоинство мужчин и мудрость стариков.

Точно также золотые украшения дочерей и жен были предметом особой гордости отцов и мужей, было принято заботиться о том, чтоб такие украшения пополняли шкатулки женщин и менялись.

При беглом знакомстве с болгарской кухней, может создаться впечатление, что она состоит из двух блюд: овощей и мяса, ну еще и молока. На самом же деле болгарская кухня, меню болгарского стола очень разнообразно, ибо кухня бессарабских болгар вобрала в себя блюда заволжских степняков-булгар, богатейший опыт народов Балкан, кухни изысканной византийской, наиболее пикантные блюда оттоманов, а также лучшее, что создано кулинарным искусством молдаван, украинцев и других жителей Бессарабии.

Молоко и вся гамма молочных продуктов действительно в изобилии входит в меню болгарина с самого детства. Лучшее же произведение болгарского молочного меню — скорее всего овечья брынза.

Из овощей очень популярны лук и чеснок в сыром виде и как приправа ко всевозможным овощным рагу, соусам «манжям» из томатов, баклажанов, бобов, фасоли, гороха, салатного перца — постных и с мясом, и все это часто сдобрено острым перцем — зеленым, сухим и в порошке — «паприкой».

Мясные блюда для еды «на скорую руку» — самые разнообразные копчености домашнего приготовления, начиная с окороков, мясных балыков, разнообразных колбас, зельцев, до пикантных сырокопченых колбасок и пастрамы. Дома, в дороге, в поле, кроме брынзы всегда наготове сало соленое, копченое, нашпигованное чесноком, с красным перцем — разное.

Болгары изготовляли лучшую в Бессарабии каварму, от турок переняли кебаб говяжий и научились приготовлять еще более вкусный — свиной. Борщи как первое блюдо тоже входили в меню. Особенно в смешанных семьях. Из чисто болгарских блюд чаще готовились суп — «чурба»: бобовый, фасолевый, чечевичный и другой, постный или мясной, со свининой или говядиной, бараниной или птицей, часто густой, темный, острый, типа «харчо». Все виды мяса шли с соусами, чаще всего очень острыми.

В печах готовились различные блюда с тушеным мясом — острые с картофелем, но чаще с овощами — с набором, придающим блюдам пикантный вкус. Перец, чеснок, уксус — основа многочисленных острых пикантных приправ, простейшая из которых аджика.

К праздничному столу запекались в печах поросята, жирные бараны, гуси, индюки с начинкой из булгура — пшеничной крупы или риса, острые, сладкие — с черносливом, изюмом, яблоками. Болгарки были большими мастерицами в приготовлении самых различных пловов — острых, обычных и сладких. В широком ходу были котлеты рубленые, отбивные, в смальце они, как и жареное мясо, часто заготавливались впрок. Бессарабские болгары — большие любители рыбы и блюд из нее самых разных, вплоть до фаршированной щуки наподобие знаменитого еврейского блюда, только по традиции острой.

Зимой в ходу были различные холодцы, летом — начиненный салатный перец и томаты.

Бессарабские болгарки были большими мастерицами в приготовлении различной выпечки. Мы не станем описывать всего, что они умели выпекать. Но самое удивительное их творение этой технологии мы опишем. Это милина. Хотя, как передать словами вкус настоящей болгарской милины? Тонко раскатанный лист слоеного теста кладется в луженую медную сковороду, предварительно обильно смазанную топленым сливочным маслом, на лист накладывается специально приготовленный свежий творог, кусочки сливочного масла, накидывается сметана. И так 5—6 слоев. Верхний лист заливается сметаной, взбитой с творогом и яйцами. Сооружение это накрывается такой же сковородой, закладывается в огромную чугунную жаровню, другой такой же накрывается. Уложенная таким образом сырая милина устанавливается на толстый слой жара в коптильной части печи, на верхнюю жаровню накладывается слой жара такой же толщины. Только умудренная опытом хозяйка способна угадать, когда милина готова! Вкус и запах этого произведения болгарской кулинарии, если только оно выполнено с соблюдением всех тонкостей

технологии, неописуемо прекрасен. По сходной технологии выпекался «тутманник» с мясом или нежными шкварками, но все же это не милина!

Болгары лучше других бессарабцев умели изготовлять вино, которого у них в большинстве случаев было в изобилии, и пили они его в количествах немалых, но знали, когда, как, сколько и с кем его пить. Домашние же, приготовленные для себя вина, нередко были лучше всемирно знаменитых марок «Плиска», «Мур-Фатлар», «Чумай», «Томай» или «Пуркар».

Болгарки были большими мастерицами в приготовлении сладостей, напоминающих восточные, но особенно вкусными и питательными были колбаски — сладкие, душистые, пикантные — напоминающие грузинские сациви.

А теперь о хлебе. У бережливых болгар, как и у бережливых немцев — Бессарабии, его, как правило, было в достатке, и был он пшеничный, без примесей, как диетический потреблялся хлеб ржаной. А еще у болгар был хлеб пресный, наподобие того, что выпекается в восточных тандырах — дворовых печах. У болгар, возможно, он еще от времен давних, волжских. Назывался такой хлеб «питой», его любили дети и молодежь. Извлеченную из печи питу ели не сразу, а на часок заворачивали в толстый платок: детям говорили, что пита должна оббежать поле. На печном поде пекли и питу из кислого теста, при этом на протяжении всего времени ее приготовления и выпекания ее названия не произносили. Это была «молчаливая» пита.

«Работе — время, потехе — час!» — это о болгарах, хотя календарь православных праздников к ним относился целиком. «Посиделки» с ручной работой болгаркам хорошо известны, но труда в них больше, чем в молдавских или украинских. Парней на них почти не бывает, трудовое задание немалое: почистить волну, связать, спрясть надо много.

Эквивалент молдавского «жока на углу» — болгарский «хорото». Со скромными, сдержанными девушками в медленном танце, в котором и девичьей руки не всегда коснешься, чисто мужское «коло» — бурно, огненно. В нем что-то от гайдучества, а может быть от степных набегов еще более далекого прошлого, не хватает только сабель. Музыка? С Балкан и Карпат на степные просторы Буджака спустились волынка — гайда и тимпан — небольшой дробозвучащий барабан. Это самые народные инструменты на массовых весельях у настоящих болгар. Впрочем, в богатых болгарских селах начала двадцатого века были уже отличные духовые оркестры.

Ввиду того, что болгарской женщине вход в корчму практически заказан, да и дома гости бывают преимущественно у мужчин, а она при этом прислуживает, есть у женщин один чисто женский праздник в году — день повитух — «бабин ден». Профессия эта у болгар очень почитается, и 8 января по старому стилю к повитухе являлись ее клиентки с вином, праздничной едой и подарками. Веселое женское гуляние предполагало и купель у колодца. Тут на повитуху выливалось ведро, а то и больше холодной воды, после чего следовало переодевание в дареную одежду и «согревание» — не чаем, конечно. На это гуляние до позднего вечера мужчины категорически не допускались.

Как у славян, вообще у болгар сохранились действа, напоминающие о далеких предхристианских временах.

В Масляную седмицу на улице прямо напротив подворья хозяева разжигали костры, для очищения прыгали через огонь, как на Ивана Купала.

Был в этом и хозяйственный смысл — уничтожались блохи и личинки всяких мелких вредителей. На протяжении Масляной седмицы хозяйки готовили вкусную еду — неделя-то заговения! С угощением ходили в гости к родным и близким, при встрече взаимно испрашивалось прощение обид. Особые торжества устраивались в день провод Масляной седмицы. Как с колядками, группы ходили по селу с поздравлениями и добрыми пожеланиями, поздравителей угощали, одаривали.

В продолжении праздника выискивался организатор-затейник — хаджий, его помощники: поп, лекарь и другие, собиралась толпаряженых, как минимум в кожухах навыворот. За село выкатывался плуг, хаджи впрягал в плуг толпу ряженых и демонстрировал образцовую пахоту и сев. Действо должно было предопределить хороший урожай в наступившем году!

Болгары не просто провожали Масляную седмицу верховой ездой на богато украшенных конях. Праздник проводов седмицы завершался кушни — скачками наперегонки.

Старт давался в поле, где завершалась «пахота», финиш назначался в центре села или перед церковью. Первые три, а то и пять финишеров — победители. Красивые девчата и молодые женщины награждали победителей красивыми рубашками и платочками.

Исторический процесс формирования болгарской нации, бессарабской болгарской общности наложили особый отпечаток на обряд болгарской свадьбы. Еще в начале XX века смешанные браки у болгарских колонистов были редкостью, особенно в селе.

Брачный возраст? Очень разный, нередко вполне сложившийся мужчина брал в жены 15-летнюю и даже 14-летнюю девочку, общая же закономерность состояла в том, что чем богаче были семьи, тем большее значение в брачном альянсе имел фактор расчета. А уж после предварительных расчетов в ходе официального знакомства и сватовства создавалась видимость свободного выбора, а иногда и преимущества девушки в выборе. Миссию сватовства выполняли доверенные люди мужской стороны — сватовники. Рассчитывать на немедленное согласие чаще всего не приходилось — традиция требовала, чтоб предполагаемая невеста поиграла роль скромной, но вдумчивой, неторопливой в таком важном деле (если, конечно, не торопили обстоятельства). Категорический отказ случался редко, но если уж случался, то выражался дипломатично: «Отец считает, что невеста еще не готова».

За окончательным благоприятным ответом сватовники приходили уже с женихом и специальным подарком «нишаном». В идеале это должен быть серебряный или золотой перстень и ожерелье не менее, чем из пяти серебряных или золотых монет (невеста их потом оденет к венцу), обязателен был и букет роз. Все это на специальном нарядном коврике с низким поклоном подавалось матери невесты. Если на другой день назначался визит в дом жениха, то это было молчаливым согласием невесты выйти замуж за парня. На второй день сватовники, но без невесты, с вышитым полотенцем, караваем, испеченным невестой и вином направлялись в дом жениха. Этой церемонией сватовство завершалось, но через неделю расчетов и подсчетов в доме невесты происходило важное деловое совещание сторон с участием жениха и невесты, — решался комплекс вопросов, связанных с организацией свадьбы. Назначалось время свадьбы — на полномасштабный церемониал — целая неделя «седмица», назначались ведущие этого долгого, сложного церемониала, договаривались о подарках, приданом и о великом множестве других, связанных со свадьбой проблем. Срыв таких переговоров случался, но редко. При благоприятном окончании такого организационного совещания сторон следовало обильное, веселое застолье с музыкой, иногда — с вокально-музыкальным ансамблем фольклорного характера. Это своеобразная репетиция главного свадебного застолья. Главным распорядителем семидневного свадебного церемониала назначался «деверь». По традиции он сверстник жениха, друг или двоюродный брат, пользующийся авторитетом и доверием у семьи жениха. Жених же назначал его напарницу — девушку на выданье, но эта доверенная пара распорядителей ни в коем случае в последующем не должны были стать мужем и женой.

В четверг в доме жениха под волынку и тимпан происходила подготовка к свадьбе: пекли хлеб, печенье, караваи, мололи крупу — булгур для «кешкека» — свадебного плова, а вечером во дворе состоится хорото. В пятницу и субботу отбирается и осматривается зестря невесты, приходят визитеры поглядеть на все это и на невесту, которая по такому случаю примеряет свадебный наряд, — все это под музыку и с легким угощением. У жениха в это время тоже под музыку продолжается интенсивная подготовка к венчанию и главному застолью. Главное — выпекаются медовые караваи. Всем этим распоряжается деверева напарница, она играет роль молодой хозяйки — «млада булка».

После выпечки медовых караваев, деверь с караваями, его напарница с медом выходят на середину хорото. Деверь разламывает караваи на кусочки, макает их в мед и угощает танцующих.

В субботу в доме у жениха прикидка главного застолья: под музыку гости, проходя между двух свечей в руках у мальчика и девочки — братишки и сестренки жениха — очистительный обряд древних кочевников, — проходят в «гуляма кэща» и усаживаются на свои строго определенные места. К этому времени все приготовления к свадьбе должны быть завершены — все испечено, сварено, зажарено. По проведении смотра кумом, следует гуляние допоздна вновь с музыкой и фольклорным ансамблем, но с легкой музыкой — гайдой и тимпаном. Во всех этих церемониях невестины родители участия не принимают.

В воскресенье — пик свадьбы. Невеста в полном свадебном наряде, обязательно с ожерельем от жениха, в окружении родных и близких, но без родителей, идет в церковь. Это сборный пункт, куда перед венчанием приходит жених со своим окружением, но также без родителей, однако, с «деверем» и его напарницей «залвой».

Для венчания молодожены становятся на коврик красного цвета, руки жениха и невесты, соответственно, связаны воедино красивым полотенцем. Венчание в общем — как у православных, но с дополнительным действом: по ходу ритуала подкум посыпает венчающихся пшеницей. По окончании венчания обе стороны расходятся по домам, после чего большая процессия снаряжается от жениха с ним и с большой музыкой к невесте. Возглавляет процессию деверь с «червен байрак» — красным полотнищем на длинном шесте, увенчанным вместо навершия красным яблоком. По пути новые участники пополняют процессию. Двор невесты встречает гостей накрытыми столами. Следует застолье — веселое и грустное одновременно — предстоит прощание невесты с домом своим. Происходит действо «забуливания» — кума повязывает невесту нарядным

красным барезом. С этого момента невеста становится молодой женой — «младой булкой» при муже и у мужа. Она одаривает своих близких, прощается с родителями, братьями, сестрами, родительским домом и готова идти к жениху.

Пока все это происходит, деверь со своей командой грузят приданое на красивую подводу с красивой упряжкой лошадей. Естественно, все это с «выкупом» и торжественно. Богатое приданое, прежде чем привезти в дом жениха, провозится по всем значительным улицам села.

Родители невесты пока к жениху не идут. Свадьба с женихом и «младой булкой» следуют в дом жениха. На полпути от дома жениха свадьба останавливается на миг, и туда наперегонки посылаются три подростка-гонца с вестью, что свадьба приближается (она продолжает свой веселый путь). Первому примчавшемуся с вестью положен приз — три аршина сукна на костюм, второму — два, третьему — платочек.

Свекор и свекровь встречают жениха и младу булку у ворот хлебом, солью и вином, на улице перед домом еще с утра играет музыка, танцует хорото, во дворе свадьбу ждут накрытые столы. Свадебное застолье увеселяет фольклорный инструментально-вокальный ансамбль старинными болгарскими песнями.

Спустя некоторое время является невестина мать, с подарками сватам, кумовьям, деверю с залвой — задаривание может пригодиться на завтра утром. Кум наливает кубок вина, опускает туда золотой и пускает по кругу. Каждый отпивает из кубка и тоже опускает по золотому. Обойдя круг, кубок возвращается к куму, который подает его младой булке. Она целует руку куму, допивает вино в кубке и забирает сосуд с содержимым.

Следует интересное действо — «гюреш» — турнир народной болгарской борьбы среди двух силачей-борцов, которых подбирают заранее за хорошую плату. А победителю достается еще и приз — жирный баран и отрез на костюм. Гюреш бывает уже под вечер, после него свадьба расходится, а молодые удаляются в спальню на брачное ложе. Невеста для такого случая надевает белоснежную вышитую ночную сорочку, поднесенную ей залвой.

Деверь же со своей командой, вооружившись старинными пищалями, в крайнем случае — охотничьими ружьями бдит!

Обычно еще на рассвете в понедельник невестина ночная сорочка с доказательствами невестиной чести предъявлялась залве. По ее сигналу деверь и его команда давала салют из пищалей, в крайнем случае, из ружей. В случае возврата залве чистой сорочки, но в начале XIX века такое

случалось редко, салют, естественно, не гремел. Могли вернуть не только чистую сорочку, но и запятнанную позором невесту, но это если невеста из семьи менее зажиточной, чем семья жениха. За богатую, но досрочно согрешившую невесту могла ответить головой и курица...

Если так или иначе все оказалось благополучно, то свадьба продолжалась. Шумная свадебная процессия с деверем во главе, а он с красным лоскутом на жерди, с ведром вина, ведром куриного бульона, милиной и хлебом, а еще с доказательством невестиной чести — бутылью сладкой водки красного цвета, направлялись к невестиным родителям благодарить и славить их за добропорядочное воспитание младой булки.

Понедельник завершался приемом гостей с подарками в доме молодоженов. Дарили все, что надо для хозяйства: от посуды до коровы или телки (последнее могло быть обещано до отела).

Во вторник свадьба продолжалась у деверя и в его честь за его многотрудные свадебные дела. Впрочем, его свадебные обязанности прекращались лишь на следующий день в среду. Это происходило у молодоженов: деверь дарил младой булке кужель с куделью, перевязанной красной шерстинкой или ленточкой с серебряной монетой на ней. С булки снимался праздничный красный платок — барез. Молодая жена была готова к исполнению своих многотрудных повседневных обязанностей. Вечером следовало последнее свадебное гуляние у деверя, на этом свадьба завершалась.

Конечно, болгарская свадьба в полном ее сценарии растянута и дорога, но после такой и разводов, и повторений было меньше, чем у других этнических групп.

Историки болгарской и гагаузской колонизации Бессарабии отмечают: «Их семейный быт патриархальный и представляет картину отрадную. Глава семейства — отец, иногда, даже, прадед, на всю жизнь сохраняет власть над семейством, которое очень часто состоит из трех и даже четырех поколений. Семейства не любят отделяться домами и имуществом, не любят отсылать молодежь в другие колонии даже на учебу, тем более в села не своего языка, не своей веры... Девичья скромность, супружеская верность у болгар — настоящая святыня. Отступления от этого очень редки». (См. Скальковский А. А. «Болгарские колонии в южной Бессарабии и Новороссии». С-П-Б. 1848 г. Стр. 93). В условиях отживающей задруги, большая, патриархальная болгарская семья на юге Бессарабии — одно из условий успеха колонизации края в целом и благосостояния таких семей.

Как уже отмечалось, обряды остальных праздников и событий у болгар в основном были, как у остальных православных. Вот только поминки по усопшему нередко проводились наподобие древней тризны — прямо на могиле и вокруг, с возлиянием вина и оставлением пищи покойнику.

Мы описали лишь важнейшие обряды такими, какими они были сто лет тому назад.

Необходимо отметить важную черту жизненного уклада бессарабских болгар: они никогда не порывали связи со своей балканской родиной. Живя в Бессарабии, они оставались важным политическим и культурным фактором Балкан. Достаточно напомнить, что только из числа болградцев в войне за национальное освобождение Болгарии 1877—1878 годов пало смертью храбрых более трехсот человек. Из числа сравнительно немногочисленного населения болгарской национальности Килии и волости — около сотни человек. И после 1878 года бессарабские болгары были активными строителями свободной Болгарии, ее культуры. В частности, выпускники Болградского центрального училища были в числе ее премьеров, министров правительства, генералов.

Яркий пример — Данаил Николаев, болградец, выпускник местной гимназии и Одесского пехотного училища. В борьбе за освобождение Болгарии от турецкого ига стал организатором Болгарской национальной армии, военным министром страны, генералом.

И еще 17 бессарабских болгар стали генералами национальной армии Болгарии. Выпускник Болградской гимназии, затем — Сорбонны Дмитрий Греков — автор первой болгарской Конституции.

А. Тодоров-Балан (1859—1959 гг.) — основатель Софийского университета, выдающийся славист, академик; профессор этого университета историк — Георгий Дерманчев; основатели Софийского оперного театра — Драгомир Казаков и Иван Вулпе и много других деятелей Болгарии вернулись на свою балканскую прародину из Южной Бессарабии. Традиция тесной связи бессарабских болгар с Болгарией продолжается и в XXI веке!

XXII. ГАГАУЗЫ КИЛИЙЩИНЫ

Первая всероссийская перепись не выделяла гагаузов как народность, считая их заодно с болгарами, хотя на самом деле, в Килийской волости, — в трех селах и в самом городе их насчитывалось более двух тысяч.

Сейчас гагаузы составляют немалую часть этнического букета Килийского района — почти 3000 человек. Это десятая часть гагаузского этноса Украины. Основная масса гагаузов Килийщины — старотроянцы, в Новоселовке они составляют меньшинство жителей этого села.

Большинство историков сходятся на том, что свое название этот народ получил, как водилось в старину, — от имени вождя одного из тюркоязычных племен. Имя этому первооснователю этноса было скорее всего Уз или Гуз. Народ первоначально — его потомки. Об этом свидетельствует этимология слова «гагауз»: на санскрите первая часть слова — «гага» значит потомок (на древнеперсидском слово «хага» значит то же самое). Таким образом, гагаузы — потомки узов, а изначально Уза... Одного!

Правда, основываясь на том, что гагаузы жили (и живут) в северо-восточной части Болгарии в Добрудже вперемешку с болгарами, ряд болгарских авторов считает, что гагаузы — отуреченные болгары, а плодовитый на гипотезы румынский историк Н. Иорга даже полагает, что гагаузы — отуреченные греки...

О происхождении гагаузского этноса есть и такая гипотеза: гагаузы — ираноязычное племя, территория которого в начале Новой эры вошла в состав Византийской империи, от которой и приняли христианство. Когда же спустя много веков Византия была захвачена Оттоманской империей, гагаузы остались тюркоязычными, но сохранили православную веру.

Исследование происхождения этого народа осложняется тем, что он тюркоязычный, а на языках этой лингвистической семьи с незапамятных времен разговаривают многочисленные народы, разбросанные по всему гигантскому Евро-Азийскому суперконтиненту, однако...

История этого немногочисленного народа и соответственно библиография его истории очень богата. Она охватывает много сот названий трудов разных авторов — от Конфуция и древних авторов тюркских, иранских, византийских, славянских, латинских до профессора Одесского национального университета А.В. Шабашова, чей фундаментальный труд "Гагаузы: система терминов родства и происхождения народа" увидел свет в 2002 году в издании "Интерпринт", Одесса.

Из этого исследования следует, что этногенез гагаузского народа начался в предгорьях Тянь-Шаня и Алтая более двух тысяч лет тому. Свою лепту в этот процесс внесли угры, представители высокой культуры иранцы, кочевники казахских степей.

В конце IX в. н.э. племена узов или гузов пришли в причерноморские степи. Это самое "ог" — сокращение от широко распространенного в тюркских языках "оглы", указывающее на предков. Русские летописи именуют этих узов-огузов еще "черными клобуками". За ними мощным, безбрежным потоком двигались родственные им племена кипчаков-куманов, оттеснивших гузов к Дунаю, Карпатам, Балканам.

Почти на 200 лет кипчаки-куманы стали жителями причерноморских степей — соседями Киевской Руси, а затем — южно-русских княжеств. Это были опасные, воинственные соседи, попеременно, в зависимости от силы и сплоченности русских княжеств — их враги или данники, союзники, а то — и друзья. Долгое соседство, войны и союзы роднили не только рядовых кипчаков и россов, но и их князей и ханов...

От таких взаимоотношений у части светловолосых россов появились темноволосые сыны и дочки, а восточные куманы-кипчаки стали в массе своей такими светловолосыми, что россы прозвали их половцами — половоголовыми. Огузы-куманы, ушедшие на запад в болгарские, волошские, мадьярские земли остались брюнетами. Те и другие в большинстве своем приняли православие: западные — почти одновременно с болгарами, те, что ушли в земли венгерские, стали католиками, южные соседи восточных славян стали православными, даже чуть раньше самих этих славян или почти одновременно с ними. К началу XIII века у восточных (белых) куманов-половцев и у западных (черных) происходил процесс складывания государственности, но завершения он не получил вследствие того, что западные куманы были ассимилированы болгарами, валахами, мадьярами (в Болгарии они сохранили свой тюркский язык и стали гагаузами).

У восточных куманов-половцев процесс становления их государственности был прерван татаро-монгольским нашествием. Впоследствии они были полностью ассимилированы татаро-монголами, россиянами и

украинцами. Но темпераментные, пикантные половчанки не единожды становились женами киевских и других восточно-славянских князей, венгерских королей и мадьярской знати. А в Болгарском царстве в XIII веке представители этой народности (из рода Тертерневичей) выбились одно время даже в цари...

Топо- и гидронимика юго-восточной Европы, Балкано-Карпатско-Дунайского региона изобилует наименованиями куманского происхождения, проявляется это и в номонимике (именах и фамилиях) и только общетюркская основа всего этого затрудняет определение куманского элемента.

Как свидетельствуют исследования ученых, антропологический тип южноукраинцев сформировался и на основе генофонда, заимствованного от половцев-куманов. А в словарный состав языка, на котором разговаривает большинство украинцев — языка запорожцев, языка Котляревского, Шевченко, — вошло немало слов половецкого происхождения. На Балканах, в Добродже и в Бессарабии гагаузы жили и живут рядом — нередко в одних и тех же населенных пунктах и семьях, что и болгары. Поэтому в истории и психологии этих народов так много общего, что некоторые историки, особенно болгарские, как уже отмечалось, склонны считать гагаузов болгарами...

Между этими этносами действительно много общего: во многом общая история, православие, преимущественно крестьянский труд, особенно в прошлом.

От всего этого — общие или очень сходные обряды, обычаи, праздники, уклад жизни, даже черты характера. В особенности такие как трудолюбие, бережливость, осторожность.

Важнейший признак всякого этноса — это язык. Гагаузский язык относится к семейству тюркских. Он похож на турецкий, но он — самостоятельный язык, сформировавшийся во времени и в пространстве данного этногенеза. В него органически вплелись немало слов тех народов, с которыми соприкасались гагаузы в своей истории.

К примеру, от иранцев заимствованы слова амбар, бостан — бахча, карпуз — арбуз, килим — ковер иранской работы и многие другие. Есть в нем слова, заимствованные у греков: пита — пресный хлеб, таван — потолок, тула — кирпич. Много в нем слов из болгарского, говорят даже такое как плуг, а еще такие как мак, криват... Есть в нем слова латинского корня: фурка — вилы, фуркулица — вилка, бастон — жезл, палка стариковская. Приведенные примеры далеко не исчерпывают число и национальное разнообразие заимствований. С другой стороны, гагаузы

щедро делились с народами, которыми тесно соприкасались перлами своего языка, в особенности в Буджаке. Говоря о сформированном литературном гагаузском языке с письменностью, нельзя не отметить, что уже в Бессарабии, в Буджаке сформировалось несколько его диалектов, в частности вулканештский (и окружающие села), комратско-чадырлунгский и другие. Диалектологические отличия есть и в разговорном языке старотроянцев и новоселовцев.

Антропологически гагаузы в целом европеоиды, но монголоидных черт в их облике несколько больше, чем у болгар. Это "наследство" прежде всего от половцев-куманов.

Это наложило отпечаток на индивидуальную и общественную психологию гагаузов, на их быт, обычаи, ритуалы.

Достаточно взглянуть на внешний вид, одежду, снаряжение, не редко и на вооружение мужчин, прибывших с Балкан в первой половине XIX века, чтобы убедиться — они не только темпераментны и решительны, но всегда готовы встретить и отразить опасность, и это исторически обретенная, укоренившаяся черта...

У гагаузов акцентировано чувство гордости родом. Гагаузский фольклор по этому поводу содержит вот такой образчик:

Мундусы, мундусы — сборище дураков...
От множества быков телят не будет,
Множество мундусов не складывается в род.

И это — о соплеменниках! Что же говорить об отношении к соседям, например, к болгарам. Снова обратимся к фольклору.

Любящий внук признается почитаемой бабушке (бююк — маму):

Девять лет я занимался разбоем,
На десятый на большой дороге встретил болгарскую свадьбу.
Кум всех вином угостил из баклажки,
Только мне ничего не дал.
Рассердился я — свадьбу изрубил,
Жениха и невесту в темный лес отвел
И на толстой ветке повесил...

Такое признание внука у бабушки вызвало не осуждение, а понимание!

Гагаузская женщина не носила с собой ни холодного, ни огнестрельного оружия. Но в случае нанесения ей горькой обиды, в особенности со стороны женщины, фольклор рекомендует наказать обидчицу, воспользовавшись ядом... Впрочем, такие реликты большинство гагаузских поселенцев Буджака оставили на Балканах. Тут обустраиваться было тру-

дно, но зато было много плодородной земли, государственная защита и поддержка православной империи.

Гагаузы — православные христиане. Видимо, спорадически в эту веру крестились те из них, кто свои кочевья имел на Таврических степях и соприкасался с византийским Херсонесом (Корсунью) и миссионерами оттуда. Ведь и на Киевскую Русь православные оттуда пришли. Большинство же гагаузов переняло православную веру уже на Балканах.

Так или иначе, молятся и православные обряды исполняют гагаузы исправно, но... Среди православных обрядов гагаузов немало языческих реликтов, что, учитывая кипчакский и другие предшествовавшие балканскому периоды этногенеза гагаузов, вполне понятно.

Гагаузы переселились в Буджак, спасаясь от турецкого ига. Но и тут, как и болгарских колонистов, их не ждали молочные реки с кисельными берегами, а засушливая, исхлестанная ветрами степь со всеми ее опасностями, в том числе с продолжительными испепеляющими засухами. Первые жилища гагаузских поселенцев на новом месте — это хижины из камыша, обмазанного глиной плетня, очень похожие на хижины кочевников причерноморских степей. Эти жилища, скудное хозяйство вокруг них, а по традиции и последующие уже добротные усадьбы назывались у гагаузов по восточному — аул.

Довольно скоро трудолюбивые, рачительные и находчивые гагаузы построили в Буджаке цветущие села, усадьбы с добротными, просторными домами и всем, что надо для хозяйства в них (но нередко в усадьбах этих еще, как будто на память, сохранились старинные, чуть косметизированные хижины — бордеи).

Иной раз создается впечатление, что такие бордеи еще сохраняются и потому, что ими дорожат, как памятью.

Еще есть хорошие дома из самана-лампача. Но от начала века XX сохранились в основном добротные дома из камня, прежде всего ташлыкского и деленского, из него же возведены многие церкви на юге Бессарабии, из него же дымари, корыта, памятники покойникам.

Немало построек того же времени из жженного кирпича — прочного, звонкого.

В архитектурном отношении нормальный гагаузский жилой дом сохранил лучшие традиции балканской прародины, усвоил и оптимальные бессарабские, буджакские. В нормальном гагаузском доме обязательна светлица — то, что у молдаван касса маре, иначе где принимать почетных гостей, гулять свадьбы и другие праздники, где хранить приданое невест и вообще ценные вещи, роскошные персидские ковры — килимы.

В доме обязательна общая большая комната с большой печью, с обязательной лежанкой, широкой кроватью — криватом (в домах победнее это мог быть и обширный кирпичный подиум).

Зимняя кухня в доме была побольше, чем молдавская кухнишоара, с большой печью, а печь с пирамидальной коптильней.

Находилось в доме и преимущественно женское отделение, куда посторонним доступ был ограничен, а мужчинам — воспрещен.

Все это, как и у болгар, — фасадная часть усадьбы, перед ней палисадник, даже с розами. Где-то в уголке — летняя кухня.

Хозяйственный двор крепкого хозяйства обширен: в нем коровник, конюшня, свинарник, курятник, овчарня, половник, навесы для сохранности сложной сельскохозяйственной техники, обширный, глубокий, иногда двух уровней погреб. Если в доме профессиональные плотники, бондари, шорники, то для этого — еще постройки в усадьбе.

Недвижимость отцовской усадьбы и большая часть движимого имущества — традиционно — в наследство младшему из сыновей — его святая обязанность за это досмотреть родителей. Если в болгарской усадьбе нередко проживали общим хозяйством с отцом и несколько его сыновей со своими семьями, то глава гагаузской семьи — отец при первой возможности выделял сыновей, кроме младшего, в самостоятельное хозяйство и прежде всего строил им дома. Младший сынок — любимчик большой гагаузской семьи. Его пестуют, балуют мама, бабушка (мале), прабабушка (бю-юк мале) если таковая есть. Он на особом попечении старшей сестры, если она есть. Но все они — вся система родственников в семье — в безоговорочном повиновении, почтительном послушании у мужчины — главы семьи. Этот глубоко старинный закон — от решающей для жизни семьи функции главы семьи. Он — главный земледелец, скотовод, — в общем, главный кормилец семьи, ее чорбаджи, а, значит, хозяин — повелитель.

Все мужчины в гагаузской семье — главнее женщин, девочек, но следующий после отца — старший сын. Подчиненность главе гагаузской семьи отражалась даже в именах членов ее — они обязательно включали в себя имя деда. Например: Гогу Петрин Демир означало — Демир, сын Петра, сына Георгия. Кроме официального имени вписываемого в метрику, паспорт (раньше оно соответствовало обозначенному в этот день в святцах) отец нарекал младенца еще именем повседневным, употребляемым в семейном кругу — на всю жизнь.

Глава гагаузской семьи почитался в ней превыше всех ее членов, любого в ней за провинность он мог подвергнуть физическому наказанию и

даже выгнать из дому, лишить имущества, женить по своему усмотрению. Глава семьи распределял между членами семьи постоянные обязанности и давал разовые задания, он строго спрашивал за исполнение работы. Мужчина выполнял самые важные, в первую очередь, сельскохозяйственные работы — уже поэтому считался важнее любой женщины в семье. Женщины не смели вступать в пререкания с главой семьи, в его присутствии не смели без его разрешения вступать в разговор с посторонними. На улице жена шла позади мужа, не смея поднять взгляд выше его спины, в церкви женщинам было отведено место тоже позади мужчин. Даже на свадьбе женщины кроме невесты и ее ближайших родственниц сидели не в светлице (бю-юк), а в другой комнате, — отдельно от мужчин...

Самая старшая дочь... Несмотря на старшинство среди дочерей, она, — бююк-каку, — ее реальное положение в семье было не только тяжелым, но и приниженным — уж очень много обязанностей вменялось ей. Она была первой помощницей матери во всех хозяйственных делах, которые вменялись женщине.

Из всех дел главным был уход за детьми, а их прибавлялось с каждым годом. В этих условиях дочь была практически лишена детства, да и просто от нагрузок изнашивалась — старилась быстрее младших сестер...

Невесткам, если они проживали со стариками, — женам младших сыновей, тоже было особенно тяжело. Даже "нормы" на вязание, ткачество, очистку овечьей шерсти ("чепкание") больше чем у других женщин в семье. Это отмечает даже фольклор.

За приятной беседой с друзьями свекор похваляется собеседникам:

Моя невестка три ночи не спала,
Триста локтей полотна наткала.
Дочь же три ночи сладко спала
И локтя полотна не наткала...

О положении жены в семье фольклор повествует следующее.

Под вечер муж, уходя в корчму, наказывает жене:

Пока я из корчмы приду,
Тебе три кипы шерсти почепкать,
Три веретена пряжи спрясть,
Ужин вкусный сготовить,
Самой не есть.
Сына Иванчу помыть, накормить,
Спать уложить.

Самой не спать — меня поджидать,
Ворота открыть.
Накормить, ноги помыть,
Спать уложить — иначе тебе битой быть!

А вот семейный, скорее всего праздничный стол. На столе жареная курица с домашней лапшой. Курица делится в строгом соответствии с гагаузским семейным "табелем о рангах": голова и ножка — хозяину, хозяйке-чорбаджийке положена жирная гузка, чтоб пышными были ягодицы (то же самое, если делится жареная овца), невестке — ребрышки, незамужним дочкам — крылышки, с намеком быстрее улететь замуж, детишкам — лапки, желудок, сердце, мизинчику — печенка. Когда-то о таком делении курицы, больше в шутку вспоминалось и за русским, и за украинским столом, по крайней мере, в Бессарабии...

Гагаузы на Балканах, и особенно в Буджаке, — прежде всего хлеборобы и хлеб их главная пища. Что зимой, что летом он составляет почти половину питания этого народа. У гагаузов хлеб — Божья благодать, его нельзя ронять на землю, тем более топтать или пинать ногами. А уж если кусок хлеба оказался на земле, то его надо бережно поднять, отряхнуть от земли, мусора, перекрестившись — поцеловать. Также поступить с хлебом, подобранным на дороге, после чего завернуть в платочек, принести домой, чистый съесть самому, очень пыльный — скормить домашней живности. Большая часть употребляемого гагаузами хлеба — всхожий. Он может быть чистый пшеничный, в старину употреблялся хлеб из ржаной и даже ячменной муки, из смеси в разных пропорциях, в том числе и с кукурузной мукой. В былые времена употреблялся и пресный хлеб — пита разного вида. Теперь такое случается редко — разве что в порядке ритуала. Выпекают гагаузские хозяйки и плачинды, пироги, — с разной начинкой, а также булочки простые и сдобные.

Понятно, что не хлебом единым живы гагаузы. Много мясных блюд испекается с применением хлеба в виде пшеничной крупы — булгура. Это прежде всего праздничный курбан — жирный баран с начинкой из булгура, сдобренного целым набором специй — еда вкуснейшая, душистая, нежная, не тяжелая, не только праздничная, но и старинная ритуальная.

Жареных барашков и поросят начиняют и рисом с черносливом, изюмом, измельченными грецкими орехами. Такая начинка сладковата. Булгур или рис идет на голубцы — сарми, эта же начинка идет в салатный перец, получается "далма биберь". Теперь рис, а раньше булгур шел на приготовление ритуального колива. Булгур или рис идет и на приго-

товление чорб с овощами, с овощами и мясом, с перцем и другими пряностями. Каурму — желудок, набитый бараниной в собственном жиру, с красным "турецким" перцем и набором пряностей можно считать национальным блюдом гагаузов. Классическая каурма — холодная, долго может храниться в погребе. Гагаузы — не турки, им есть свинину не запрещено и они употребляют ее в разных видах: сало, окорока, колбасы, копчености самые разные, в том числе острые, пикантные. Свиной желудок, набитый тушеным мясом, салом острым, сдобренный специями, прессованный и выдержанный месяц, два и боле под прессом — называется бабичка.

Гагаузы — мастера в приготовлении зельцев, сальников, холодца самых разных видов, а также пастармы, буженины, котлет, отбивных разных видов, мититей, шашлыков, бешбармаков и других блюд.

Как народ, издавна занимающийся скотоводством, в том числе молочным, гагаузы потребляют молоко, по-разному приготовленное (молоко — сють). Изготовляют брынзу, урду, сметану, сливки-каймак, сливочное масло — саайаа, ряженку и кислое молоко.

Весь длинный перечень балканских фруктов и ягод в свежем виде и в виде различных видов варенья и повидла гагаузы выращивают и приготовляют в Бессарабии. На особом месте виноград — ординарный гибридных сортов и сортов изысканных — хорошо известных гагаузам, выращиваются ими и употребляются в разных видах. Но прежде всего для приготовления вина — шарап разных сортов. В этом деле гагаузы, как и болгары, большие мастера! Другие напитки? Различные аналоги болгарской ракии, фруктовые и ягодные наливки и настойки на водке и раки.

Кумыс отошел в историю вместе с кочевым прошлым, а несколько позже и буза. Зачем, если есть прекрасные вина?!

Таков очень беглый перечень блюд и напитков, потребляемых гагаузами, беглый потому, что очень многое в этом плане перенято у народов Азии, Восточной Европы, Балкан, Бессарабии.

Одежда гагаузов, первоначально прибывших в Буджак, носила на себе некоторый отпечаток Востока турецкого и кипчакских степей. Одежда женщин состояла из шаровар, подвязанных чуть выше щиколотки, чего-то похожего на широкую, темного цвета тунику, отороченную галуном. На голове — нет, конечно, не паранджа, но темного цвета платок, повязанный так, что оставалась только узкая щелка для глаз и носа, на ногах — вязаные чулки, башмачки без задников, у женщин из малоимущих семей — постолы "чарыки", только изящнее чем мужские.

Мужчины, если судить по старинным описаниям, зарисовкам и даже первым фотографиям, носили темного цвета домашней ткани (зимой суконные) штаны, домотканая белая рубаха заправлялась в штаны, которые поддерживал несколько раз обмотанный вокруг талии красного цвета тканный пояс типа молдавского "брыу", за поясом чехол или чехлы для оружия. На ногах — у молодых мужчин вязаные чулки, узорчатые двусторонние поножи — голенища, в которых удобно было носить холодное оружие. Комплект обуви дополняли крепкие башмаки или постолы-чарыки из толстой, с холки волов шкуры. На голове шапочка, обмотанная белой тканью (издали напоминала небольшую чалму). Головным убором мог быть фес темного цвета, повязанный полоской светлой ткани, фес без ткани или баранья шапка.

В Бессарабии одежда гагаузов стала походить на одежду болгарских колонистов. Гагаузские женщины перестали носить шаровары. В просторных платьях-сорочках домашнего полотна они стали выглядеть женственнее, домашняя работа, особенно на кухне, заставила носить фарты — передники, на ногах остались вязаные чулки — чорапи и башмачки без задников — емени, которые, однако стали подбивать низким каблучком. У женщин из бедняцких семей остались постолы, тряпичные лапти — тырлици. Выходные платья — шерстяные, однотонные — синие, зеленые, коричневые. Жилетки зимой — душегрейки, в том числе нарядные кептари, теплые, стеганые бурнусы, на голову надевали шерстяные платки, накидывали шали. Обувь в зависимости от достатка — ботинки женские или постолы. На шее — нательные крестики золотые, серебряные, медные — также в зависимости от достатка. Гагаузки не меньше болгарок, молдаванок, украинок любили украшать себя бусами и обязательно ожерельями из монеток — золотых пиастриков, серебряных гривенников или медных эрзацев — опять-таки в зависимости от достатка семьи.

Мужчины зимой поверх жилеток надевали полушубки на бараньем меху, а то и длиннополые кожухи, на головы — бараньи шапки. Обувь — на шерстяные чулки башмаки, на чулки и портянки — сапоги, крепкие постолы на шерстяные носки, на портянки, на онучи да еще плотно обмотанные шерстяными или конского волоса жгутами — кылыпами, видимо, пришедшими из глубокой древности.

Все это — одежда сельских жителей, а еще точнее — крестьян.

Гагаузы XIX начала XX веков избегали отрываться от своего рода в селе, не любили городской жизни. Но если случалась необходимость жить в городе, то и одежда, обувь — в целом внешность соответствовала времени и своему сословию в городе.

Как отмечалось выше, болгарские, гагаузские колонисты действительно стимулировали экономическое развитие края прежде всего своим громадным трудолюбием, самим фактом заселения края, освоением главного его богатства — земли. Кажется, именно с Балкан они и распространили в Буджаке зерновую культуру — арнаутку — это мука, крупа — булгур и многие блюда из этого продукта.

Огородничество — традиционная отрасль хозяйства в Бессарабии, но балканские огородники, среди которых гагаузы и болгары, — просто виртуозы в этом деле. Они принесли на новую родину много новых сортов знакомых овощей и бахчевых, привнесли новые технологии их выращивания, научили соседей приготовлению куда большего разнообразия блюд из овощей. То же самое можно сказать о фруктах, ягодах, особенно о винограде. Практически с Балкан к нам пришло искусство выращивания шелковичных червей, получения коконного (природного) шелка.

Не прошло бесследно для Бессарабии и пришедшее с Балкан виртуозное искусство ковроткачества, изготовления килимов.

Орудия производства? В большинстве своем они громоздки, из-за гор и рек — издалека их не привезешь, тем более уходя от турок. Да и ничего особо нового на Балканах, по сравнению с Бессарабией в этом смысле и не было. Разве что разновидность инструмента для расчесывания конопляного и льняного волокна — "дарак". Это разновидность гребешка из тонких длинных металлических зубьев в болгарском и гагаузском исполнении многорядного, на специальной легкой деревянной станине, прикреплен к солидной скамье допускает расчесывание двумя руками, сидя, не горбатясь, следовательно — более производительно и качественно.

Все остальные орудия производства в малом натуральном хозяйстве бессарабского крестьянина применялись с незапамятных времен, были примитивными. Сложную технику крупного товарного хозяйства колонисты с Балкан привезти не могли (тяжелые плуги, сеялки, косилки, веялки, культивационную технику, теребилки кукурузы и т.п.) или не знали такого вообще, как и тракторов, паровых молотилок, автомашин. Такую технику болгары и гагаузы и сами переняли прежде всего у немецких колонистов. Лошадей, крупный рогатый скот, в том числе и волов, свиней и мелкий рогатый скот у колонистов Балкан был местных пород. Немецкие колонисты, а также некоторые местные помещики, например, небезызвестный Тульчианов Ф.П., продавали животных улучшенных пород из своих хозяйств, способствовали развитию хозяйств колонистов с Балкан. Бесспорен итог — лучшее из того, что привезли в наш край болгары и гагаузы обогатило их новую родину в хозяйственном

и культурном отношении, украсило этнический букет Килии и Придунавья.

Долгий и сложный путь формирования гагаузского этноса породил у него и сложную систему родства. Важнейший вопрос для гагаузской семьи — бракосочетание. В вопросе о заключении брака слово главы семьи было решающим и еще — в интересах рода и согласно традиции младшие в семье дети не должны были вступать в брак раньше старших. Порядок мог быть нарушен разве что в случае тяжкой инвалидности, невменяемости, недееспособности старшего по порядку.

Этот принцип зафиксирован даже в гагаузском фольклоре. Диалог между парнем и девушкой:

Тудорка, Тудорка, будешь ли моей?
Ну же, Тудорка, будешь ли моей?
Как же мне быть твоей —
Старший брат еще не женат,
Мне выходить замуж запрещает!

Если же такого препятствия не существовало, то в 16—17 лет девушка могла выйти замуж. А вот женихом мог оказаться не только парень 18—20 лет, но и мужчина солидного возраста — за 30 и более лет, если одобрял такой брак отец невесты...

Вообще же гагаузы — народ трезвый, рассудительный, расчетливый и дисциплинированный, в таком серьезном деле, как бракосочетание, спешки не допускал. (Случаи, когда обстоятельства торопили заключение брака, в старину приключались очень и очень редко).

Выбор невесты был прежде всего делом родителей, главное — отца жениха. Сватовство проходило в три этапа: бюнюрлук — предварительное или малое. При этом в дар невесте полагалась золотая монета. Через неделю или две следовало начало большого сватовства — сез, — с довольно дотошной торговлей, после чего предусмотрено было время на взвешивание, обдумывание. Третий шаг сватовства — нишан, в ходе которого жених со сватами преподносил невесте подарок в виде большого нарядного платка, в концы которого завязывалось по одной золотой монете (червонец), а в центре этого белого или золотистого цвета платка завязывалась большая золотая монета и золотое кольцо.

Со следующей после нишана недели жених мог посещать невесту, даже по вечерам. В первое такое посещение он приносил презент — плацинду с изюмом, намазанную медом. Но, дабы во время таких посещений не вышло чего, при этих встречах жениха и невесты должна была присутствовать сестра, а еще лучше бабушка невесты...

Классическая гагаузская свадьба по полному церемониалу занимала две недели, правда с перерывом. Первый этап свадьбы — начальный или подготовительный — хазырлянмак — начинался, как и у болгар, в среду. Под не слишком громкую музыку волынки или кларнетов происходил неторопливый, но сложный и горячий процесс выпечки свадебных калачей. Четверг был днем окраски невестиных волос — боя гегеси или хны (традиционным был оранжево-каштановый цвет хны). К балканским, добруджским бессарабским гагаузам этот обычай и цвет пришли с Востока. Музыка в этот день звучала громче, веселее, можно было выпить и пошутить. На третий день в пятницу подготовительный этап свадьбы завершался баней для невесты — мытьем ее волос, застольем — все под музыку, разумеется.

На четвертый день в субботу наступал основной период свадьбы — фенця. В этот день жених со всем своим кортежем и музыкой являлся в дом невесты с главными подарками в трех коробах. Практически это был восточный "калым".

Без такого "калыма" — "баа хакты" гагаузская свадьба не могла состояться. Самым увесистым был короб подарков для невесты — они стоили очень дорого. В предназначенном ей коробе должны были быть: минимум три юбки, полусапожки, независимо от времени года — шуба с каракулевым воротником и отворотами. Главный подарок невесте от жениха — лефть: тройное ожерелье, состоящее из 3—4 крупных монет (испанские дублоны или английские гинеи), 4—12 золотых монет помельче (чаще всего — русские золотые червонцы) и до 40 маленьких золотых турецких пиастров. Кроме того были положены золотые серьги, перстень и браслет, а также серебряный пояс, который невеста носила только в период свадьбы. Все это вместе взятое в конце XIX века стоило 300—400 рублей (в шутку гагаузы говорили: "На шее невесты 10 пар рабочих волов"). По старинному обычаю невеста в своей комнате примеряла все преподнесенное женихом, после чего на горку, сложенную из этих вещей, жених наступал ногой — в знак того, что он — будущий глава семьи, глава полновластный.

Во втором коробе — подарки для родителей и ближайших родственников невесты. Отцу невесты положено было уплатить не менее 20 червонцев золотом, две пары сапог, матери невесты — нарядный платок и полусапожки, сыновьям отца невесты — по паре удобных сапог, сестрам невесты — по паре полуботинок.

В третьем коробе жених приносил подарки посаженным — отрезы тонкого сукна на костюм и платье, сапоги и полуботинки... В целом "ка-

лым" в конце XIX века оценивался рублей в 800. После предъявления подарков, следовало легкое застолье, после чего жених со своей компанией возвращался к себе домой, где начиналась гулянка, которая продолжалась за полночь...

Воскресенье — венчание. Этот освященный и государством обряд у гагаузов особым почтением не пользовался, хотя соблюдался относительно аккуратно. После венчания — у жениха застолье. То, что следует после первой брачной ночи, у гагаузов напоминает соответствующий обряд у болгар.

В понедельник чествовалась мать невесты за воспитание добропорядочной дочери. Вторник — седьмой день свадьбы. В этот день совершалось очень важное действо — в дом жениха отвозилось приданое невесты.

Для невесты и ее семьи проблема приданого была очень важной и не редко — болезненной. Приданое будущей невесте начинали готовить, когда девочке было лет 9—10. Приданое невесты из семьи среднего достатка, как правило состояло из земельного участка — о нем еще во время сватовства шел отчаянный торг. (Жениху также полагалось внести в будущее хозяйство участок земли не меньший, чем невестин). В приданое невесты еще входили: 4—6 пуховых подушек, столько же подушек-вальков, набитых соломой или овечьей шерстью, 3—4 стеганых одеяла (иорганов) нарядных, теплых, легких и долговечных, столько же набитых шерстью матрацев — душеков, простыни, наволочки, полотенца — пешкиры, в том числе — натурального шелка, разнообразные вышивки, аппликации, половики — паласы цветной шерсти, коврики для скамейки, 1—2 килима. Скатерти, 7—8 платьев, белье, платки, нарядные душегрейки — всего не перечесть и, конечно, соразмерный приданому сундук... А еще — мебель, посуда, кухонная утварь — всего в среднем на три подводы. Как и в болгарской свадьбе, приданое с гиком провозили по главным улицам села.

Множество обычаев соблюдалось, множество обрядов выполнялось во время главного периода гагаузской свадьбы — фенця. Чтоб соблюсти традиционный порядок, требовался большой напряженный труд, внимание, поэтому перед тем, как перейти к завершающему этапу свадьбы, был перерыв до воскресенья.

Заключительный этап гагаузской свадьбы — кунушка был рассчитан на гульбу от души, — на расслабление, отдых, развлечение. Он начинался в воскресенье. Это долгое застолье перемежалось танцами, играми — для мужчин и женщин — отдельно и совместными — очень целомуд-

ренными... Если парни танцевали с девушками, то к талиям почти не прикасались, в свою руку брали не девичью руку, а только пальчик...

Среди танцев был и своеобразный вещий танец вокруг ведра с водой. По ходу танца невеста ударом ноги опрокидывала ведро — если вода из него выливалась полностью — должен был родиться мальчик, не полностью вылившаяся из ведра вода предвещала рождение девочки. Захватывающим было зрелище гюреша — борьбы силачей, как на свадьбе болгарской. Большой перерыв (перед вечером) устраивался для "коша" — скачек на конях. Это на толоке за селом. Понятно, что и гюреш, и кош пришли из глубин веков — от кочевников — скотоводов и воинов...

"Кунушки", завершающие гагаузскую свадьбу конца XIX века, чаще всего в воскресенье не завершались... И стоила гагаузская свадьба в те времена 800—1000 рублей, деньги очень большие, так что в силу этого у гагаузов, как и у болгар, разводы были явлением очень редким.

Роды у гагаузов чаще всего принимали повитухи (кюи бабусы), женщины не моложе 60-ти лет и их помощницы (аро бабусы), эти могли быть чуть помоложе. Для облегчения родов применялись массажи и физические упражнения, некоторые из которых могут показаться странными, например, перешагивание роженицы через кочергу. Младенцам-мальчикам пуповину перерезали острым топором, девочкам — густым гребешком... Обрезок пуповины мальчика клали на плуг, девочки — на ткацкий станок. Крестному отцу и матери у гагаузов изначально предназначалась и роль посаженных (нунов или нашулов) и роль эта была наследственной.

Много своеобразных, дошедших также из глубин веков, элементов включал у гагаузов и ритуал похорон. Прежде всего, это — поминки с элементом древней тризны прямо на могиле покойного, на могиле же оставлялись пища и питье покойному. Одевали покойника тщательно, удобно и по времени года. В гроб клали такие нужные вещи как иголка с ниткой, кусок мыла, гребешок, что-нибудь из инструментов, которыми покойник чаще всего пользовался при жизни, хлеб, смоченный вином... На могильных крестах, кроме традиционных, для православных надписей делали еще и специальные родовые знаки, пришедшие также из глубины веков, а, может быть, и тысячелетий...

В поминальные дни, особенно в холодное время года, жгли костры, у которых могли погреться души покойников.

В целом же обряды гагаузов Бессарабии сходны с обрядами всех православных Дунайско-Балканского региона.

У гагаузов на кладбищах старинные памятники носят формы антропоморфные. Это, видимо, от каменных баб южных степей...

Жизнь тюркоязычных гагаузов на Балканах, среди болгар, в Бессарабии — еще и среди русских, украинцев, молдаван, с одной стороны, сделала их относительно замкнутыми на свою этническую среду, с другой — выработала высокую способность общения в необходимых случаях с иноязычными, способность к усвоению языков, наук, навыков, необходимых для жизни в пестром этническом конгломерате, сложившемся в Бессарабии, оставаясь при этом самобытными, независимыми.

XXIII. РОМЫ (ЦЫГАНЕ)

Это очень древний народ, чья история — волшебный кристалл, в котором преломилась история многих народов с которыми им довелось соприкоснуться. Откуда он, этот народ — "феникс", неизменно возрождающийся из огненных вихрей историй?

Предания древнеиндийских вед, индо-арийские корни, древнейшая часть фольклора, музыки, хореографии, антропометрические данные ромов, типичные черты их индивидуальной и общественной психологии позволяют современной науке почти однозначно утверждать, что прародина этого народа — северо-западные склоны уходящих в поднебесье Гималаев.

Со времен древнейших и доныне индийское слово "ром" на санскрите означает "человек" вообще, а также человек, обрабатывающий металл, поющий, играющий — веселящийся и увеселяющий. В Древней Индии ромы были многочисленной кастой людей, на довольно низкой ступени социальной лестницы, а в Иране — еще и людьми, сжигающими трупы своих покойников. Прародина этого народа — не только экзотический по природным условиям регион. Это край, в котором вперемешку проживали многие народы, постоянно враждующие между собой (почитайте "Веды"). Может быть, это одна из причин, заставившая какую-то часть ромов покинуть свою прародину и искать места более спокойные. Это переселение первой волны ромов совпало с движением на Запад мощного потока индо-арийцев. Другая — экологическая: оскуднение природы от плотности населения. Вместе с арийцами, перевалив Южный Урал, ромы во второй половине четвертого тысячелетия до новой эры распространились в Причерноморьи и Приазовьи до низовий Дона и Днепра. Многие ученые полагают, что именно арийцы с ромами принесли в Восточную Европу бронзу, прикатили колесо, колесницу, привели приученных коней. Как известно, поклонение огню, сожжение покойников в последующие тысячелетия и века было распространено у многих народов, в том числе у киммерийцев, скифов, древних славян. Не у арийцев и ромов ли перенят этот обычай?

Вытесненные другими народами, пришедшими из глубин Азии, часть индо-арийцев и ромов двинулись в Переднюю Азию. Там не без их

влияния (с их конями и боевыми колесницами) образовались могущественные государства — Хеттское, Вавилонское, Ассирийское. В виде грозного нашествия гиксосов волна индо-арийцев — ромов докатилась до Древнего Египта. (Не случайно впоследствии, в некоторых европейских странах, ромов-цыган называли египтянами, фараоновым племенем, просто фараонами).

После первого великого исхода ромов, их прародина еще не раз переходила под власть индийских, персидских, мусульманских завоевателей. Эти нашествия не способствовали процветанию ромов и вызывали новые и новые исходы этого народа и его рассеивание по Старому свету. В ходе этой дисперсии ромы уже не несли с собой новинки материальной культуры, но по-прежнему щедро дарили народам, с которыми соприкасались, сокровища своего неповторимого, искрометного музыкального и хореографического искусства. Владыки мира тех времен именно для этого селили на землях своих стран тысячи, порой десятки тысяч ромов. К тому же мужчины этого народа были хорошими воинами, что также интересовало владык...

К началу Новой эры, рассеяв своих соплеменников по государствам Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока, значительные массы ромов оказались на востоке Византийской империи. В последующем ромы-цыгане под натиском турок и вместе с ними распространились по Малой Азии, Балканам, Северной Африке.

На долгом в пространстве и времени пути ромов, их язык, верования, культура не могли не испытывать влияния меняющейся окружающей среды, но при всем этом, самобытным оставалось у ромов ядро культуры их далекой и уже давней прародины.

Последняя рассеянная волна ромов поступила в Европу с татарским нашествием (XIII век) и распространилась по всей средней и особенно южной полосе континента. Спустя короткое историческое время из Центральной Европы монголы были изгнаны, а ромы-цыгане остались (в том числе и в Буджаке). Остались ромы распыленными в Европе феодальных отношений, складывающегося абсолютизма и даже начатков капитализма, на почве, очень неблагоприятной для распыленного кочующего народа...

В такой Европе ромы в большинстве своем оказались на положении изгоев. Спасением была кочевая жизнь. А те, кто попадал в плен к татарам или другим разбойникам, шли на ближайший невольничий рынок.

Проданные, они становились рабами. Что касается Буджака, то первые лет сто с лишним своего прибывания тут ромы себя чувствовали при-

вольно, но с образованием Валашского и Молдавского княжеств и на этих землях ромы часто становились практически рабами.

Например, по "Закону земли Молдавской" времен Александра Доброго или Стефана Великого, оседлые или купленные ромы были полной собственностью хозяина, не обладали никакими правами. Их удел, в лучшем случае, — увеселение хозяев. Если нет, то самая тяжелая, грязная работа или воровство, разбой...

В этих услових кочующим ромам, несмотря на все превратности кочевой жизни, жилось лучше. Много цыганских таборов кочевало в буджакских степях до тех пор, пока сюда не пришли турки, а вслед за ними вновь вернулись татары — ногайцы. Тогда, в конце XVI — начале XVII веков цыганские таборы перекочевали в Украину. (Еще перед войной в окрестностях Киева кочевало несколько цыганских таборов, немало ромов жило в Киеве, особенно на Подоле).

С падением крепостного права, с развитием капитализма положение ромов хоть и медленно, но менялось к лучшему. К середине XIX века цыганское население Европы, в том числе России, разделилось на две большие группы городских и кочевых ромов. Мужчины, кочующие ромы, занимались барышничеством — в особенности лошадьми, были ремесленниками — кузнецами, лудильщиками, гребенщиками, дешевыми ювелирами, "холодными" сапожниками. Свои нехитрые мастерские они разворачивали на ярмарках, базарах, прямо на улицах городишек и сел. Были эти ромы и бродячими музыкантами, дрессировщиками медведей, акробатами, "фокусниками".

Городские ромы были ремесленниками разного рода, особенно часто кузнецами, мелкими торговцами, лихими кучерами, извозчиками, певцами, музыкантами. По всей России и в Европе популярными были цыганские ансамбли, оркестры, хоры — в этом особенно ярко проявлялись таланты ромов. Цыгане занимались гаданием, знахарством, попрошайничеством. Мужчины нередко бывали опытными коновалами, некоторые цыганки глубоко постигли искусство народной, в том числе восточной медицины. Особо одаренные ромы до сих пор успешно применяют эти знания и навыки, унаследованные от далеких предков.

Контакты со многими народами и культурами, романизированная в представлении творцов жизнь ромов делала и делает их персонажами опер, оперетт, вплетает мотивы их музыки в подобные произведения. Они — герои романов, повестей, рассказов многих классиков литературы, драматургии, а в век кино — многих фильмов. Они — герои бессмертной поэмы "Шах Намэ" великого персидского поэта и философа

Фирдоуси и персонажи многочисленных вариантов "Похождений Насреддина", стихов Федерико Гарсия Лорки.

Сокровища цыганского эпоса, музыки вплелись в оперную классику композиторов Бизе, Гайдна, Брамса, Чайковского, не говоря о творцах музыки оперетт Штрауса, Кальмана, Легара... А очарование цыганских романсов!.. Не счесть поэтов, в творчестве которых звучат цыганские мотивы... Великий Пушкин — далеко не единственный... Талантлив народ, чья жизнь и искусство вызывают такие взлеты вдохновения!

На долгом миграционном пути через страны и континенты (ныне ромы проживают на всех обитаемых континентах Земли) цыгане-ромы придерживались и придерживаются принципа исповедовать религию страны, в которой обитают. Поэтому большинство бессарабских цыган — православные христиане, не спешащие менять своего Бога на новомодного.

(Правда, некоторые цыганские танцы и доныне сохранили оттенки древних ритуальных. В давние времена эти танцы исполнялись прежде всего в честь индусско-цыганского многорукого и многоликого, веселого и грозного бога Шивы, ведавшего и проблемами перевоплощения людей, переселения душ. У древних индусов и ромов эти танцы были средством общения с могущественным и капризным божеством...).

После присоединения Бессарабии к России на пустынный юг края потянулись беглецы из российских и малороссийских губерний, а также из тех бессарабских и запрутских цинутов, в которых еще свирепствовало крепостное право. Сюда на вольные земли потянулись и кочевые цыганские таборы, а также беглецы из числа ромов-крепостных...

Стремясь заселить малолюдный край, власти вообще-то благоприятствовали обустройству поселенцев на новых местах.

В южном Буджаке цыгане даже основали 2 села — Фараоновку и Кайру. Подселялись ромы и в другие, особенно молдавские села, переходя на оседлый образ жизни.

Что касается Килии, то в XIX и в начале XX века цыганские таборы сюда наведывались часто, в особенности по случаю весенней и осенней ярмарок, которые не обходились без цыган — конских и других барышников, различных ремесленников, а также без уличных музыкантов, гадалок, попрошаек и тому подобного люда...

Церковная статистика 1938 г. фиксирует жителями Килии 12 ромов, но не уточняет, постоянные ли это жители города или это цыганский оркестр в заведении богатого ресторана Камилатиса (с этим оркестром в следующем году сбежала в Бухарест молодая жена немолодого Камилатиса).

Тяжкая участь выпала цыганам кочевым и оседлым в годы Второй Мировой войны. В Германии, в странах — ее союзниках и на оккупированной территории, ромы, как и евреи, подлежали полному уничтожению. Десятки тысяч их нашли гибель в Освенциме, Майданаке и других лагерях смерти...

На закате лета сорок первого года к Киеву откатывались войска Юго-Западного и правый фланг Южного фронтов. Вперемешку с ними на восток неслись кибитки цыганских таборов из Галичины, Буковины, Северной Бессарабии — под бомбами и пулеметными очередями "Юнкерсов" и "Мессершмиттов".

Вместе с цыганами Киева и массой советских войск они попали в окружение... 20-го августа немцы заняли Киев, а уже 22-го по приказу оккупационных властей потянулись... к Бабьему Яру. 24-го "цыганский вопрос" там был окончательно решен — 6000 ромов, в основном женщины, дети и старики были расстреляны. Вот таким путем таборы ушли в небо...

В память о погибших собратьях киевское общество цыганской культуры решило установить в Бабьем Яру мемориал. Из множества проектов выбрана каменная кибитка — единственный в Европе памятник погибшим ромам... Архитектор Анатолий Игнащенко создал проект, в котором нет ни одной человеческой фигуры, ни одного лица. Монумент потрясающе лаконичен: кибитка, но гранитная, над ней — традиционная кованная звенящая гирлянда, а под кибиткой дорога... Дорога — бетонная полоса. На ней следы: множество конских копыт, следы колес, отпечатки собачьих лап (нередко собаки на привязи следовали за телегами). А главное — следы множества людей: большие мужские, изящные женские, маленькие семенящие — детские, это все, что осталось от многих таборов, от тысяч людей... Это потрясает! И взывает к людям — не только к цыганам: Помните! Не допустите повторения такого! Ну, а в Румынии местом окончательного решения "цыганского вопроса", неизвестно каким он был зафиксирован по счету, может быть и 34, после 33 — еврейского, а может быть под другим кровавым номером... Но местом полного уничтожения цыган в Румынии диктатора Антонеску были определены концлагеря в плавнях Борча. Что выше Брэильских.

Построить там лагеря уничтожения, даже примитивные, как в Богдановке, румыны не успели. Но зато тысячами гибли цыгане от нечеловеческих условий, кочуя по стране...

А после войны? Кто скажет, сколько их погибло в голодные 1946—1947 годы?..

В 1953 г. обосновались в Килии — стали оседлыми ромы табора, который привел сюда Федор Иванович Чеботарь, унаследовавший от отца должность барона обширного региона. Через несколько лет в нашем городе обосновалась многочисленная семья Дамаскина Михаила — ветерана Великой Отечественной войны — храброго солдата, о чем свидетельствуют его многочисленные боевые награды.

Много сложных вопросов доводилось в то время решать Федору Ивановичу как главе общины ромов: поселение на постоянное место жительства, обустройство многодетных семей, обучение, особенно обучение молодежи профессиям, связанным с новым укладом жизни (сам Федор Иванович был высококлассным кузнецом и многих килийцев научил этому нужному и почетному ремеслу).

Сложна психология человека, прожившего долгую, активную жизнь в меняющихся условиях... Что же говорить о характере, психологии целого народа, живущего сейчас на всех обитаемых континентах планеты Земля. Может быть, самое удивительное в этом народе то, что, разбросанный по всей Земле, он все же единый народ.

Может быть, хоть отчасти это может объяснить патрин — древнейшая коммуникационная система, вплетенная в язык рома. Патрин — кодовая единая коммуникационная система ромов, более удивительная, чем единый язык барабанов (многочисленных народов Африки).

Со времен глубокой древности патрин позволял разбросанным по миру рома "телеграфно" общаться, оставаться единым народом.

Может быть, эта единая коммуникационная система ромов, соединенная с современными электронными средствами связи, избавит ромов от необходимости добиваться основания на ставшей тесной Земле своего государства на определенной территории, о чем уже интересуются некоторые политики из среды рома (говорят, где-то в дебрях Нью-Йорка уже не один год сражаются, пока что словесно, несколько претендентов на должность императора всех ромов Мира)...

Реальное же эффективное самоуправление ромов замыкается на лице, которое в обиходе именуется титулом "барон".

Должность барона выборная, но традиция освящает выбор на эту должность достойных, авторитетных потомков предшествовавших "баронов".

Должность барона почетна и многотрудна, а порой и опасна. Во все времена общей многогранной обязанностью вайды в таборе или барона в регионе было посредничество между общностью ромов и государством, его органами и ветвями власти. Мудрость и авторитет барона нередко способствовали тому, что дела, а то и споры решаются и разрешаются к взаимному удовлетворению без волокиты, а иногда и без протоколов...

Авторитарность и авторитет власти "барона" оказываются нужными, эффективными, полезными и при решении всевозможных внутриобщинных проблем — нередко по законам традиционного обычного права ромов. А оно сохранило немало элементов от давно прошедших эпох...

В нынешнее время, как и все общество, общность рома стремительно дифференцируется, и в то же время быстро формируется этническое самосознание ромов и приобщение этого этноса к вершинам культуры общечеловеческой. Ныне бароном ромов Килийской округи является Ю. Ф. Кондур.

После множества фильмов из жизни рома ("Табор уходит в небо", нашумевший сериал "Цыган" и многие другие) писать о быте, обычаях, правах рома — значит повторять очевидное, известное.

Цыганская кровь горяча, характер ромов импульсивен... Что ж — дети юга. Любят яркие краски, блеск, золото, деньги... А кто этого не любит? Важно другое — умеют это обеспечить, многие ромы это умеют.

Музыкальность, пластичность, артистизм присущи очень многим ромам в мере, определяемой как талант. Видимо, как и темперамент, в них это заложено природой еще там — на далекой и давней прародине. Оттуда же самые оригинальные обычаи, элементы верований ромов.

И еще в обычае ромов — давать ребенку, особенно мальчику, при рождении не одно, а три имени. Одно — официальное, для метрики, паспорта; другое — обиходное, повседневное, употребляемое в своей среде; третье — ритуальное, секретное. Мать сообщала его своему чаду лишь при совершеннолетии.

Это тоже отзвук религии прародины ромов — религии, одной из основ которой является представление о бессмертии человеческой души, о перевоплощении, переселении душ. Да и вообще, несколько имен у индусов (как и несколько жен) — явление довольно обычное, зависящее и от благосостояния мужа...

Испытания, выпавшие на долю народа ромов, выработали у него надежный способ выживания — многодетность. Говорят, в старину многодетные матери у ромов приравнивались чуть ли не к святым! (На прародине ромов население уже давно перевалило за миллиард, а правительственные программы уменьшения рождаемости успешно проваливаются. Высокая рождаемость у ромов в Румынии и Венгрии также вызывает озабоченность правительств этих стран...). В 16, а то и в 14 лет девочка у ромов уже невеста...

Что касается таких церемониалов, как сватовство, свадьба, похороны, то у ромов они, как и религия, другие религиозные обряды и

праздники — такие же, как у народа и государства, где проживают ромы.

В Бессарабии это преимущественно праздники и ритуалы, наиболее схожие с молдавскими.

Свадьба (лунта у рома) — слово, созвучное молдавскому нунта, означающее то же самое. Но слово лунта у рома вобрало в себя частицу древнеперсидского слова "лури", означающего веселье. В слове лунта переливается и молдавский колорит, однако суть явления одна, как и украинское слово "весілля" отражает точнее. Сватовство и свадьба у ромов, если только невесту не умыкал куда-нибудь далеко, обходятся жениху и его семье очень дорого, так как за невесту положен очень большой выкуп деньгами, драгоценностями, вещами — вплоть до "Мерседеса"...

Еще до недавнего времени жених обязан был буквально озолотить невесту. Классической невесте рома положено было на свадьбе своей быть самой яркой, блестящей среди женщин. Жених обязан был надеть ей на голову золотую корону...

Нынешние невесты ромов предпочитают белые подвенечные платья и фату, не отказываются от дорогих украшений, а на голову... Ну, если не золотую корону, то дорогую диадему... Женихи идут под венец в черных костюмах, белоснежных сорочках, при галстуках или "бабочках". Хлеб, соль, вино при вступлении молодых в родительский дом жениха в свадебном церемониале рома обязательны. Впрочем, это действо входит и в ритуалы свадеб других этносов Бессарабии.

А вот после свадьбы с короной или диадемой невесте часто приходится проститься. Она уже в качестве жены, по крайней мере, до того как станет многодетной матерью и превратится в предмет, которому поклоняются ромы, как хранительнице рода, обязана покорно сносить все выходки мужа...

В старину смешанные браки у рома были явлением редким, разве что пылкая красавица-цыганка вскружит голову купчику, а то и дворянчику. Сейчас смешанные браки у рома явление довольно обычное.

Ритуал похорон у нынешних бессарабских ромов в общем типичный православный. А вот в старину... Ром должен был умирать в степи под открытым небом — поближе к породившей его природе. До самой кончины рома и несколько дней после, рядом с ним должны были находиться только самые близкие родные (в любую погоду). Обмыть покойника положено было обязательно соленой водой, хоронить, одевши во все самое лучшее, что у него было из одежды. В старину, по очень древнему обы-

чаю, случалось, что покойника и сжигали со всем, что ему положено было после смерти...

Сейчас, если верить статистике, в Украине проживает 220000 ромов. Из них 7000 — компактно в Закарпатьи. Компактными группами ромы проживают также в Черкасской, Винницкой, Донецкой и Одесской областях. Распылены же по просторам Украины более половины численности рома. Там, где ромы проживают компактно, свои села, махалы в них, кварталы в городах они по традиции называют таборами.

Сейчас ромы — это крестьяне, ремесленники, рабочие самых разных профессий, люди искусства, торговцы, бизнесмены разной удачи...

В среде ромов немало высокообразованных людей, но в среднем уровень грамотности ромов Украины, к сожалению, еще остается низким — не ромы в этом виноваты. Приобщение этого народа к современной культуре, образованию — важнейшая задача государства, общественных организаций и каждой семьи ромов.

Сейчас в Украине уже насчитывается несколько десятков общественных организаций ромов. Одна из самых крупных и активных — "Ассоциация молодых ромов Украины". Множится число школ, центров культуры рома.

Замечателен такой центр в Измаиле — со школой, библиотекой, музыкально-хореографическими ансамблями. В решающей мере это заслуга нашего земляка — нынешнего барона рома в регионе Ю. Кондура.

Для ромов Украины сейчас издаются газеты на родном языке, которые печатаются как кириллицей, так и латиницей, на языке ромов издаются также несколько журналов.

Развитию культуры ромов способствуют несколько государственных программ, а также международный фонд из комплекса Сороса "Возрождение". Итак, первая волна ромов пришла в Восточную Европу, когда на этом континенте еще не было ни классических древних греков, ни древних греков, ни древних римлян, не говоря о французах, англичанах, испанцах и других, в чьи цивилизации лишь со временем вплелись открытия уже известные ариям и ромам — бронза, колесо, а возможно, как полагают некоторые ученые, и начатки буквенного письма, прообраз письма древнегреческого, латиницы, кириллицы... Ведь способствовала же эта волна распространению индо-иранского языкового элемента в Европе, на основе которого образовалась семья языков индо-европейская или яфетическая...

Так или иначе, прав поэт, утверждающий: "Мы — строчка золотая в истории держав", — это о народе ромов.

Особенно примечательно то, что на своем долгом историческом пути народ ромов, вписав эту золотую строчку в историю держав, не растворился в них, не исчез, как народ (подобно древним грекам, римлянам западным и восточным и многим другим), а живет и здравствует во плоти, крови и духе. И похоже на то, что начало третьего тысячелетия для этого народа — начало новой эпохи его расцвета.

XXIV. НЕМЦЫ КИЛИЙЩИНЫ

Историко-этнографический очерк о Килии и Килийщине был бы неполным, если не рассказать еще об одной этнической общности, на короткое время украсившей этнический букет нашего края и оставившей заметный след в его экономике, культуре, истории. Речь идет о немцах, немецких колонистах, основавших богатые хутора Помазаны, Парапору и село Фридрихсдорф (Новониколаевку). Примечательно, что произошло это на земле, на которой древние германцы — их восточное крыло — известно в истории, как ост-готы, побывавшие еще в IV веке Новой эры, нахлынув мощным потоком со своей Скандинавско-Северо-Европейской прародины.

Вместе со славянскими племенами и свободными даками они были той силой, которая повалила владычество Римской империи, в Дунайско-Карпатском регионе — способствовала утверждению нового общественного строя — феодализма. Прямые же предки немцев, основавших Фридрихсдорф — Новониколаевку, прибыли в Южную Бессарабию из-под Кельна в середине 30-х годов XIX века и первоначально основали колонию Гофнунсфельд (Надеждовку), прославившуюся виноградарством и виноделием. В советское время — знаменитым винсовхозом "Шампань Украины"...

К 1856 г. число немецких сел на юге Бессарабии перевалило за три десятка, их население в сумме составляло чуть больше 24000 человек. В последующем поселенцы из-за рубежа прибывать перестали, и численность немцев продолжала расти уже только за счет естественного прироста... Общим центром немецких колоний на юге Бессарабии стало местечко Тарутино. Первая всероссийская перепись населения (1897 г.) отмечала, что на юге Бессарабии проживало 81100 немецких колонистов. (Вот бы современной ФРГ такой демографический взрыв!)

Еще в первой половине XIX века немецкие колонисты в Бессарабии получили от правительства Российской империи по 60 десятин лучшей земли на хозяйство, денежное пособие на обзаведение, освобождение от воинской повинности полностью и от налогов на 10 лет, полную свободу вероисповедания и широкие права самоуправления.

На широких пойменных склонах речек Чага, Когильник, Сарата, Ташлык и других привольно раскинулись добротно обустроенные немецкие села. Жилой дом прямоугольного плана со многими большими окнами, с обширной застекленной верандой, и ставился прочный каменный фундамент, а иногда, даже на мощной бетонной платформе. Стены такого дома возводились из камня плитняка или кирпича, а если случалось из лампача, как в Фридрихсдорфе, то все равно добротно. Кровля по-бессарабски двухскатная, чаще всего черепичная, иногда даже глазированная — зеленого, коричневого, фиолетового или оранжевого цвета. Внешне дом походил на типичный бессарабский, но увеличенных размеров с числом комнат минимум по числу членов семьи с запасом. Вокруг дома — хорошо ухоженные цветники.

В глубине обширной усадьбы располагался ток, скотный двор, птичник, строения для сельскохозяйственной техники, сеновал, половник. Ближе к жилому дому располагались кладовые, обширный глубокий погреб.

Обширная удобная летняя кухня с коптильней, летний душ, бассейн, колодец (но чаще водяной насос) — это обязательные компоненты благоустроенной усадьбы немецких колонистов в Бессарабии. Все это — за прочным каменным забором под один ранжир с заборами на всей улице...

На плодородных бессарабских землях колонисты выращивали пшеницу для хлеба, кукурузу на корм скоту, ячмень на пиво, подсолнух, горох, клевер на корм скоту и на семена. В этом последнем немцы в наших краях были зачинателями. Все хозяйства колонистов включали и виноградники, но в Фер-Шампенуазе старом и новом, Гофнунгсфельде, а затем во Фридрихсдорфе на Килийщине, не говоря о Шабо, виноградарство было одной из важнейших отраслей хозяйства. Занимались колонисты и садоводством, распространив в Южной Бессарабии такие сорта слив, которые были пригодны для приготовления сушеного чернослива, а из столовых сортов этого фрукта "рейнклод" и "анна-шпек". Славились немецкие колонии высокультурным животноводством: свиноводством, без которого немыслимы знаменитые немецкие колбасы, сардельки, сосиски, окорока, ветчина. Из немецких сел по югу Бессарабии распространялся и высокопродуктивный крупный рогатый скот. Немецкие сименталки были просто живыми фабриками молока по сравнению с местными буренками, а выращенные на немецкий лад британские "Англеры" поражали количеством и вкусом говядины. Несколько основанных колонистами конезаводов привели к улучшению конского поголовья на

всем нашем юге. Трудолюбие, грамотность, в том числе и агро-техническая, обилие и выбор дешевой рабочей силы, немецкие рационализм и дисциплина, отличная земля — почти всегда — в нужном количестве, определенная специализация колонистских хозяйств делали эти хозяйства вне конкуренции на рынке зерна и других продуктов сельского хозяйства. Трактора, тяжелые плуги, культиваторная сельскохозяйственная техника и даже грузовые машины — все это на юге Бессарабии впервые появилось в хозяйствах немецких колонистов, как и металлические виноградные прессы и теребилки. Колонисты уже организовали торговлю сложной сельскохозяйственной техникой, а затем и ее сборку из узлов, привозимых из Германии. (Сборочные мастерские были в Теплице, Сарате). Мельницы, маслобойки, убойные пункты и производство самых разнообразных колбас и копченостей, сыроварни. Маслозаводы — это тоже специфика немецких хозяйств, сел и местечек. Главными пивоварами в нашем краю были также немецкие колонисты, велосипедами и добротными разнообразными столярными, слесарными, садовыми инструментами и кухонной утварью торговали немецкие колонисты. В их домах уже были ватерклозеты, а во дворах бассейны...

Жили и работали немецкие колонисты и в городах. Это были инженеры, техники, предприниматели, ветеринары, врачи, преподаватели музыки, немецкого языка... Чаще всего это были младшие сыновья колонистов. По закону о майорате и немецким традициям они не могли наследовать землю отцов — главное богатство колонистов. Чтоб стать владельцами земли — Бауэрами, они на унаследованные и заработанные деньги должны были землю купить.

Семейный уклад немецких колонистов в Бессарабии не слишком педантично повторял тот, что был характерен фатерланду, немецким традициям соответствовал. В колонистской семье почитали отца — хозяина и старшего сына — наследника имения, уважительно относились к матери, все трудоспособные должны были работать, быть при деле сообразно возрасту.

Уделом женщин в общем, как и в Германии, были "3 К"— "киндер, кухе и кирхе" (дети, кухня и кирха — церковь). Но бессарабский размах хозяйства, общение с местными рабочими и работницами заставляли хозяйку быть более энергичной, контактной.

Все это, видимо, оставляло меньше времени на традиционное хобби немецких женщин — прежде всего вязание. И все же вязали немецкие фрау в Бессарабии много и замечательно. Что только не рождало их виртуозное вязальное мастерство: традиционные свитера, шарфы и шарфи-

ки, жилетки, всевозможные шапки, шапочки и шляпки, перчатки, варежки, носки, гамаши и чулки, красивые скатерти, скатерушки, подстаканнички, вещицы совсем у нас неизвестные — вплоть до напульсников и набрюшников, а еще сумочки, коврики, подстилки, удивительные макраме... Немецкая кухня вкусна, сытна, изобильна, но не изыскана, за исключением блюд десерта, особенно типа тортов, пирожных, желе, цукатов — это еще одно хобби немецких фрау, распространенное и в Бессарабии...

О немцах Бессарабии бытовало мнение, что все они богатые...

Но и среди немецких колонистов были бедные, как и в любой другой этнической общности. Одиноких сирот нередко брали в немецкие семьи... В качестве дармовых работников и работниц, которых с немецкой методичностью умели заставить "выкладываться" на полную катушку. Таких, когда они достигали совершеннолетия, спешили женить, выдать замуж. Но "немецкая" школа и в этом случае сказывалась — аккуратные, проворные, воспитанные — "отбросами общества" эти люди не становились. Немецкие хозяева обладали наметанным глазом — умели безошибочно выбирать рабочие руки из бессарабцев. Легенды о выборе согласно аппетита кандидатов — только легенды. Платили за хорошую работу хорошо, если учили ремеслу, то добросовестно, кормили рабочих и обучаемых сытно. Поденщиков колонисты, как правило, не брали, предпочитая сезонников, лучших из которых предпочитали иметь работниками из сезона в сезон.

Трудолюбие, рационализм, бережливость, аккуратность, добросовестность, твердость данного слова и многое другое, что составляет пресловутый "немецкий характер", "немецкий порядок" в лучшем смысле этих понятий немецкие колонисты привезли и в Бессарабию. Бессарабия, ее люди, общение немцев с ними сделали колонистов более радушными, щедрыми, гостеприимными по сравнению с немцами фатерланда. Даже в контактах с российскими чиновниками, взяточниками немцы оставались самими собой. Пресловутый "немецкий характер" — это, в значительной мере, продукт и немецкой религии. Большинство колонистов, как и большинство немцев вообще, — протестанты-лютеране. Это направление христианства родилось в начале XVI века, как протест против стяжательства, продажности и прочих пороков папства и католической церкви.

Эта религия стала знаменем борьбы за становление капиталистического уклада Северной Европе, особенно в Германии, а заодно и знаменем борьбы немецкого крестьянства против крепостничества в его открытом

феодальном виде. Лютеранство отвергает власть римских пап, дороговизну и вызывающую роскошь католической церкви и ее высшей иерархии, дорогостоящие и сложные христианские "таинства", кроме крещения, иконы и скульптуры как предметы поклонения, посты, долгие сложные ритуалы и, конечно, индульгенции — справки о прощении грехов по денежной таксе...

В своем первозданном виде это — религия эпохи становления капитализма в Германии. Ее суть в призыве: "Работай и молись!"

Не лишена она и воинственности — один из многих подобных ее псалмов гласит:

И если все зло мира навалится,
Оно не победит нас.
Наш Бог — надежная опора,
Наш верный щит и меч!

Кирхи лютеран строились добротно, но без архитектурных излишеств и икон. Праздников с запретом на работу у лютеран мало, молятся же они по зову души и во время работы. Воскресенье — день полного культурного и активного отдыха, праздники не связаны с обжорством и пьянкой, — немцы, как правило, сытно и вкусно едят не только по праздникам. Даже немецкий эквивалент православной Пасхи — куха больше похожа на бисквитный пирог...

Как одевались немецкие колонисты? Хорошо: красиво, добротно, удобно. По праздникам — ближе к строгому английскому стилю, в рабочие дни — вроде американских фермеров. Тирольская экзотика: шорты, шляпка с перышком у бессарабских немцев хождения не имели. Хотя многие из них происходили из Южной Германии.

Немецкая кухня богата и разнообразна, питались колонисты, как правило, хорошо.

До супа из недельных остатков хлеба у бессарабских немцев дело, как правило, не доходило — это не молдаване с мамалыгой в "собственном чесночном соку"... Своеобразие же меню состоит в том, что на первом месте в нем холодные мясные блюда: колбасы, ветчина, окорок, другие копчености и к ним всевозможные салаты, в особенности из цветной капусты, которая пришла в Бессарабию с колонистами же! На втором месте в немецком меню также колбасные изделия, в виде сосисок, сарделек, тающих во рту сальников и также преимущественно, с капустным гарниром. На третьем месте в меню — самые разные котлетные изделия, разумеется котлеты свиные и бифштекс "по-гамбургски", отбивные и ромштексы, поджарки с различными гарнирами и подливками.

В выходные и праздничные дни — жаркое из свинины, говядины, птицы, нередко приготовленное экзотически.

Экзотически — это с яблоками, айвой, черносливом, шафраном и другими приправами. И только на третьем или четвертом месте в меню шли супы: густые с тертыми овощами, фрикадельками, клецками, "штрудлями", в этом последнем случае — почти без жидкости — супа.

Ни один завтрак в немецкой семье не обходился без свежих булочек, пирожков, ватрушек, сырников, пончиков, которые запивались кофе. Чаем, молоком, сметаной, ряженкой, очень популярными были яичницы самые разные и омлеты. Немецкие хозяйки славились умением приготовления вкуснейших тортов, пирожных, печенья, сдобной выпечки, духовых пирогов. Запивалось все это замечательными компотами — ассорти, морсами, кофе, какао, на худой конец — чаем. Немецкие хозяйки были большими мастерицами в приготовлении самых разнообразных желе, цукатов, варенья, джемов, конфитюров, повидла, фруктов в маринадах, в собственном соку и просто фруктовых соков. Хлеба сами немки употребляли мало, чаще для того, чтоб на тонком ломте сложить многослойный бутерброд или тот же полупрозрачный ломтик намазать в несколько слоев чем-нибудь вкусным. Хлеб в зерне они в большом количестве экспортировали, в том числе и через Килийских экспортеров. Колонисты были отличными виноградарями, виноделами и пивоварами. Напитки эти они изготовляли и употребляли в большом разнообразии и немалом количестве, но очень разумно, а в еще большем количестве продавали оптом и в розницу. Популярными были у колонистов всевозможные фруктовые и ягодные наливки и крепкие настойки...

Рабочих колонисты кормили сытно и вкусно, нередко и сами садились за общий стол. На стол для рабочих подавались привычные в Бессарабии борщи, было достаточно мяса и вина. В отличие от немецкого, рабочее меню предусматривало привычный у нас порядок, начинающийся, как правило, с борща.

В Килии немцев жило мало: перепись 1897 г. насчитала их всего 12 человек, в 1938 г. — 23. Это были семьи механиков, мельниц, электростанции и знаменитого колбасника, жившего там, где сейчас гостиница нефтебазы, а колбасный цех — по Крепостной — угол Татарбунарской (убойный пункт на берегу Дуная). Семья эта была смешанной немецко-молдавской. Крестьянские волнения 1906 г. в волости заставили местных помещиков избавиться от части земли, чтоб не иметь дела со ставшим опасным крестьянством.

Первыми это сделали килийско-кара-мехметский помещик Брунченко, килийская помещица Филиппова — дама уже преклонного возраста и управляющие имениями уехавшей в Италию графини А. В. Толстой — Стангоп. Вот тогда на Килийщине и появились хутора Помазаны и Парапора. Произошло это в 1908—1910 годах. Колонисты Готфид Шульц и его сын Август из Гофнунгефельда (Надеждовка) на землях урочища Помазаны основали село того же имени, а один из сыновей колониста Шлапса Самэила из Гофнунгефельда на землях урочищ Мальчево и Парапора основали богатый хутор Парапоры. Украинцы из Кара-Мехмета не только нанимались на работу к немецким соседям из новых колоний, но и многому научились по части хозяйствования у грамотных и рачительных немецких соседей. А кроме того, постепенно все больше жителей Кара-Мехмета переняли у новых соседей и более рациональный на их вкус протестантизм баптического толка ... (Уже в наше время на этой духовной, экономической и бытовой основе Шевченково стало не только духовным, но и юридическим центром евангельских христиан — баптистов Придунавья и Юго-Западного Причерноморья).

Но вернемся к довоенным Помазанам — привольно раскинувшимся, хорошо спланированным и быстроразвивающимся на богатейшей земле.

Уже в начале 30-х годов XX века в селе использовались трактора, паровые молотилки, более рациональная агротехнология.

Интенсивной была и духовная жизнь села не только на основе красивой кирхи, но и на основе начальной и музыкальной школ, в которых работу с детьми, молодежью и взрослыми вели способные, вдохновенные учителя. В 1911 г. несколько семей немецких колонистов из Гофнунгсфельда (Надеждовки) — Шлапсы, Мюллеры, Фослеры, Келлеры и другие купили у крупного южно-бессарабского землевладельца, городского головы Измаила — Ф.П. Тульчианова плодородные земли в пойме речки Бакшалия (Баштановка) несколько севернее Карячки (Мирного) и Галишент (Десантного). На этой земле, хранящей память о казаках Усть-Дунайцах XIX века, немецкие колонисты основали село Фридрихсдорф, которое на плодородных землях быстро обустраивалось, росло, богатело, хорошело и довольно скоро стало по тогдашней официальной румынской градации образцовым (сат-модел), не только в Килийской волости, но и во всем весьма процветающем Измаильском уезде. Согласно официальной же румынской статистике в 1930 г. население Фридрихсдорфа составило половину всех немцев Измаильского уезда. Село получило статус коммуны и избрало собственного примаря. Им стал Траутготт Кох. На Измаильщине он был единственным примарем немецкой национальности. Тяготеющие к организованности немецкие колонисты учредили

первый на Измаильщине торгово-потребительский кооператив во главе с председателем Рудольфом Науманом и первую в уезде молочно-товарную ферму с сепараторной, маслосбивалкой и сыроварней. В 1926 г. группа фридрихсдорфцев: Якуб Келлер, Фридрих Фослер, Вильгельм Витт и Самуил Шланс у того же Тульчианова купила мельницу со старым оборудованием, коренным образом модернизировала ее и получилась лучшая в большой округе мельница, славящаяся тонким помолотом. Ее надежное оборудование работает до сих пор. Село имело собственный кирпичный завод; племенной бык мясной породы "Англер" стал родоначальником этой высокопроизводительной породы не только во Фридрихсдорфе, но и в Измаильском уезде с Килийской волостью...

То же самое произошло и с конским поголовьем после того, как фридрихсдорфцы купили у Тульчианова знаменитый конезавод, славящийся табуном быстроногих скакунов — красавцев англо-орловской породы.

Но кроме этих аристократов практичным немцам нужны были сильные, выносливые лошади для повседневной работы, пригодные как для полевых работ, так и для транспортировки грузов — надо было из Галаца и других дальних мест привозить товары, большое количество хлеба вывозить в Килию... Вот и завели фридрихсдорфцы кроме скакунов еще и мощных, выносливых универсальных по своим возможностям и в то же время красивых англо-арабов. Это оказалось полезным для большой округи...

В 1930 г., согласно румынской переписи, в селе работали 17 тракторов — старые американские "фордзоны" и новые немецкие "Ланц бульдоги" на пневматическом ходу, имелось несколько американских легковых "фордов" и немецких "опелей". Молодежь села любила раскатывать на велосипедах и даже на мотоциклах. Фридрихсдорфский детский садик посещали аккуратненькие, ухоженные мальчики и девочки (фотографии сделаны как будто в "день защиты детей"). В местной начальной школе дети учились по специальной программе — со многими элементами из тех, которые действовали в фатерланде... Девочки и мальчики постарше тоже по специальным программам учились в саратской дополнительной немецкой семилетке. Потом для колонистов молодежи были тарутинская гимназия, гимназия в Сибиу, Аранде, Тимишоаре, в самой Германии.

Специальная агрошкола с виноградарским уклоном действовала в Аккермане. Ее учащиеся проходили практику в Шабо и хозяйствах родителей...

Из вузов Германии возвращались в Бессарабию хорошо подготовленные специалисты....

Грамотность? Уже перепись 1897 г. отмечает, что грамотными были

50% немецких колонистов. Надо полагать, что по-немецки этот показатель уже тогда скорее всего был гораздо выше в каждой колонистской семье, газеты получали из самой Германии, как и журналы. Периодика на немецком печаталась и в Румынии, и даже в Тарутино. Не только на реальной практике, но и с помощью многочисленных технических изданий немецкие колонии в Бессарабии были рассадниками агрономических и технических знаний. Многие бессарабцы — русские, украинцы, молдаване у колонистов постигали не только навыки отличных мастеровых, но и свойственные немцам отношение к профессии, к труду вообще — аккуратность, точность, совершенное владение мастерством...

Это относится не только к работе физической, но и к счетной, административной и т. п.

Отдых? Колонисты отдыхали также размеренно, как и работали: работа без "авралов", отдых без загулов были нормой, которой они почти всегда придерживались. Для немцев, особенно лютеран, результат работы — праздник, работа заранее планировалась, итог подводился в конце недели, поэтому выходной воскресенье — едва ли не главный праздник. Для молодежи это спорт: футбол, волейбол, кегли, крокет, велосипед, для взрослых — кирха, беседа, встреча с друзьями дома или в пивной, чаще — за стаканом вина, а не за кружкой пива... Рождество, Новый год — праздники у немцев действительно семейные с приемом гостей из числа родственников. Немецкое сватовство — деловое торжественное, но не суетливое и без шумного, как у евреев торга, но с твердыми условиями относительно имущества — приданого с обоих сторон.

Как и у всех людей, у немецких колонистов в Бессарабии свадьба ("Хох-таг") была главным семейным праздником. Немецкая свадьба чем-то напоминала интеллигентную еврейскую (а может правильно сказать — еврейская больше походила на немецкую, потому что оттуда происходит) — чинная, не утомительно долгая. Веселье без допотопных ритуалов.

Обязательным был один — серьезный и веселый, по-немецки сентиментальный: молодые должны были пройти через большое нарисованное на тонкой бумаге солнце... Обязательной была хорошая свадебная фотография на память. Почти всегда после свадьбы — свадебное путешествие, нередко нах Фатерланд.

Если же свадьба происходила в Германии между обучающимися студентами из колонистов, то путешествие на новую родину было еще более обязательным. Немецкая этническая общность поселилась и жила на Килийщине в очень сложное время — канун Первой мировой — начало

Второй мировой войн. Приход гитлеровцев в Германии трагическим образом повлиял и на судьбу этих немцев, ведь с точки зрения гитлеровцев они были фольксдойчанами и в планах гитлеровской экспансии им отводилась роль "пятой колонны". В структурах руководства Национал-социалистической партии Германии, в МИД Рейха и его многочисленных спецслужбах имелись спецотделы, которые вели активную работу среди фольксдойчей, где бы они ни проживали. Велась такая работа и среди немцев Бессарабии. На протяжении тридцатых годов румынская охранка — "Сигуранца", таможенная служба в Рени, Измаиле, Килии и Вилково, почтовая цензура нередко конфисковывали материалы геббельской пропаганды. Но это было до установления диктатуры Антонеску в Румынии.

Стремительное сближение Королевской Румынии и гитлеровского Рейха во второй половине 30-х годов XX в. привело к тому, что немцы Румынии обрели право общения с Фатерландом в обход внешнеполитического ведомства королевства. И еще: когда вместо румынских национальных партий в 1938 году Карол II учредил "Партию нации" во главе с самим собой, немцы Румынии остались единственным этносом, который имел собственную политическую партию. Разумеется, она была национал-социалистической. (В Измаильском коммунальном архиве нет документов, подтверждающих существование ячеек нацистской партии в Фридрихсдорфе, Помазанах или Парапоре).

Не ведали благоденствующие в Бессарабии немцы, что Пакт Риббентропа — Молотова предопределил конец этого их благоденствия и обрек на мучительные странствия по дорогам войны...

Слякотным октябрем 1940-го года начался исход немцев из наших краев. На подводах, а чаще на присланных из Рейха грузовиках, целыми караванами под бдительным присмотром немецких гестаповцев и советских энкаведистов потянулись немецкие колонисты к портам Измаила и Рени. Там их ждали немецкие баржи и пароходы для следования в Германию. Их предки покинули оказавшийся для них тесным, неприветливым Фатерланд более сотни лет до этого исхода из края, который они обустраивали в течение жизни нескольких поколений и в котором оставались богатая земля, их добротные дома, нажитое богатство, могилы предков. А впереди?

После короткого пребывания в суровом Фатерланде большинство их попало в еще более суровые условия в Генерал-губернаторство (оккупированную гитлеровцами Польшу). Поселяя на польских землях бессарабских немцев, гитлеровское руководство вменило им «историческую

миссию германизации» этой земли, чьи граждане по преступному плану «Ост» подлежали уничтожению и превращению в рабов на заводах германских промышленных магнатов и в имениях немецких гросбауэров. Как бессарабские немцы справлялись с этой «исторической миссией», сами они не распространяются, тем более молчат об этом немецкие СМИ. Но достоверно известно, что в 1944 —1945 годах им сполна довелось испытать горькую участь бегущих от наступающих советских войск в западные зоны Германии. (Гитлеровское командование только в редких, особых случаях посылало бессарабских немцев на Восточный фронт. Обычно, кроме Польши, они служили в тылу и на фронтах в Западной Европе). В поздние послевоенные годы, пока живы были уже пожилые бывшие колонисты, они довольно часто наведывались на свою бессарабскую родину. Приезжали они и в Новониколаевку, Помазаны, Парапору, заходили в «свои» дома, посещали могилы предков. Радовались хорошим переменам, недоумевали по поводу парадоксов.

Однажды в Новониколаевке заинтересовались, чьи это фотографии на «Доске почета» у правления винсовхоза «Дунайский»? Услыхав логичный, с нашей точки зрения, ответ: «Это те, кто хорошо работает», задали еще один логичный для них вопрос: «А что остальные жители села работают плохо?».

В 1980-х годах фридрихсдорские немцы в ФРГ издали коллективного творчества книгу о своем селе, а в 1990-м А. Керн в Штутгарте издал книгу о своих родных Помазанах. Фотографии из нее иллюстрируют и настоящий очерк.

XXV. ЮБИЛЕЙ ПЕРЕД УРАГАНОМ

Вихрь событий наступившего XX века стремительно срывал листки календарей. И вот наступил год 1912... Пока ученый мир обсуждал вопросы, что собой представляют кометы и есть ли жизнь и разум на Марсе, а обыватель в страхе ломал голову над тем, какие ужасы предвещает комета Галлея, недавно посетившая окрестности Земли, наступил 1912 год... Из предыдущего он приволок с собой в Европу итало-турецкую войну и разжег Первую балканскую... В том году Руал Амудсен покорил Южный полюс, а англичанин Роберт Пири трагически уступил более опытному норвежцу этот триумф. Где-то в недрах Африки в тот год огромный буйвол забодал насмерть одного из пионеров авиации Юбера Латама, а другой пионер авиации, француз Фурии установил рекорд дальности беспосадочного перелета: за 13 часов и 22 минуты он пролетел 1017 километров.

Были и рекорды другого рода — их ставили американские миллиардерши, они из кожи лезли вон, чтоб достичь рекордных трат на туалеты, драгоценности и прочие подобные прихоти. Пресса 1912 года так и не смогла решить злободневный для них вопрос, кому отдать первенство, — миссис Вандербильт или миссис Карнеги — самым яростным соперницам, о которых и полтора десятка лет спустя писали Ильф и Петров, и мировая пресса...

Для Российской империи 1912 год был дважды юбилейный — исполнялось 100 лет присоединения Бессарабии к России и столетие войны 1812 года — 100 лет Бородинской битвы... Ленский расстрел и вздыбившиеся в России, да и за ее пределами волны протеста против этого кровавого преступления попортили настроение самому царю — совладельцу Ленских золотых приисков и сановной России в целом. Но размах приготовлений к юбилеям от этого не уменьшился, а, пожалуй, даже наоборот...

Еще с мая 1911 года в городах и весях Бессарабии были организованы юбилейные комитеты по подготовке празднования столетнего юбилея присоединения Бессарабии к России. Всебессарабский комитет организовал и возглавил губернский предводитель дворянства в звании гофмейстера двора Его Императорского Величества, А.Н. Крупенский. С выходом в отставку этого махрового черносотенца, юбилейный комитет воз-

главил бессарабский губернатор, камергер М.Н. Гильхен... Юбилейный комитет города Килии и волости возглавил килийский городской голова И.Е. Бостан; протоиерей отец Д. Агура, адвокат Н. Зарзэр, коммерсант И. Каци и ряд других именитых граждан.

По мере приближения торжеств предъюбилейный ажиотаж нарастал: в адрес их императорских Величеств сыпался поток благодарственных верноподданнических адресов и приглашений на торжества — от Кишинева, Измаила, Килии, Вилково и многих других мест. Встречный поток поздравительных адресов шел в Кишинев из сел европейской России: от городов, губерний, от воинских частей, от общественных организаций, сановников, чиновников, именитых и рядовых верноподданных обывателей...

Верноподданический пыл бессарабской бюрократии перехлестывал через край — в ряде городов улицы назывались именем Александра I (в Аккермане улица Александровская уже имелась — ее переименовали в улицу атамана Платова, а Александровской назвали ту, которая сейчас улица Ленина). Нет, истинно русский размах юбилеев — изобретение не большевиков... Тогда, в 1912, всяк бессарабский город и городишко норовил чем-нибудь переплюнуть соседа. Некоторые проекты отдавали маниловщиной. Отцы города Рени (городской голова Гаитани награжден серебряной нагрудной медалью «За усердие» — на станиславской ленте), постановили заложить город-сад. Естественно, проект остался на бумаге.

Но немало было и разумных проектов, по которым основывались училища, школы, больницы, дома призрения, библиотеки, учреждались стипендии, оказывалось воспомоществование...

Килийское городское начальство (городской голова Бостан по случаю юбилея был возведен в ранг личного почтенного гражданина) оказалось прагматичнее, в результате чего город обзавелся телеграфом — на улице зерновых складов Гагаринской (ныне № 53 не существует). А тогда открытие телеграфа оказалось событием таким важным, что даже улица стала именоваться Телеграфной. (Перед Первой Мировой войной город обзавелся и телефоном). Тогда, в 1912, пронесся слух, что Его Императорское Величество отправится с визитом не то в Румынию, не то в Болгарию и проедут через Килию, поэтому четыре прямых улицы города срочно стали мостить булыжником. А еще к знаменательной дате в Килии завершилось оборудование хирургического корпуса больницы графини Толстой.

К предстоящему юбилею российское отделение Всемирного почтового союза решило выпустить почтовые открытки с видами всех бессараб-

ских городов. Фотография и типография Мильграмма отпечатали открытки с видами Килии. Перспектива улицы Большой Дунайской — от ее начала (улица Ленина) — не скажешь, что за прошедшее почти столетие начало этой улицы особенно изменилось! Тогдашний килийский порт и его пристань также были запечатлены на открытках. Порт поражает обширностью!

А на площади старого базара готовилась к освящению часовня («капличка») — памятник столетия присоединения Бессарабии к России и... память о трагедии в семье богатых горожан Константиновых на их деньги. На Балканах пахло порохом, в Кишиневе тоже было неспокойно — несмотря на то, что в связи с юбилеем губернское жандармское управление было усилено и активизировало свои действия, в городе прошли забастовки рабочих мельниц, пекарен, типографий, был образован нелегальный профсоюз плотников-строителей, прошла демонстрация солидарности с рабочими Ленских приисков, где накануне была расстреляна рабочая демонстрация.

К великому разочарованию кишиневских властей, визит августейшего семейства в столицу Бессарабской губернии был отменен (вместо этого их Императорское Величество укатили в любимую, тихую, благоухающую морем, кипарисами и магнолиями Ливадию)... Дождь царских наград пролился на многих бессарабских чиновников от губернатора до сельского старосты и даже посыльного сельского правления (некто Руснак — посыльный неозначенной в списке сельуправы был награжден шейной серебряной медалью «За усердие»).

Не забыты были и церковные иерархи Бессарабии, а первейший из них, его Высокопреосвященство Серафим, царским рескриптом был возведен в сан архиепископа...

Естественно, главные торжества по случаю столетия присоединения Бессарабии к России прошли в Кишиневе. 12 мая по случаю Св. Троицы не было занятий в школах. 13 мая в цирке, на велодроме, в актовых залах гимназий и училищ прошли «чтения», посвященные знаменательной дате (в основе этих «народных чтений» — книга в 60 страниц протоиерея и историка Н.В. Лашкова «Столетие присоединения Бессарабии к России», в 1914 году вышла из печати его же книга «Празднование столетнего юбилея присоединения Бессарабии к России»).

14 мая украшенный триумфальными арками, флагами и лентами Кишинев праздновал несколько праздников сразу: столетие, годовщину коронования императора с императрицей и... прибытие официального представителя царя на празднествах. Им был прибывший специальным поездом гофмейстер Высочайшего двора, Ан. Харузин — почетный гра-

жданин Кишинева, товарищ, зам. министра внутренних дел Империи — недавний губернатор Бессарабской губернии... Чиновничья, церковная и светская элита губернии преподнесла личному посланцу царя хлеб-соль, он же привез высочайшую грамоту Его Величества Государя Императора к населению Бессарабии. Размах празднеств в столице губернии ширился с каждым днем.

День 15 мая по программе празднования был назначен: «...для молитвенной памяти благодателей Бессарабии государей императоров, царей и великих князей, вождей и воинов, павших за освобождение Бессарабии от турецкого ига и всех вообще, потрудившихся для благосостояния края...»

Соответственно, панихиды были отслужены у старого собора и в соборе кафедральном, во всех церквях Кишинева, в епархиальном училище и в архиепископском доме. А вечером в зале дворянского собрания (ныне картинная галерея на ул. Штефан чел Маре), как отмечала бессарабская пресса «...состоялось торжественное заседание представителей всех правительственных, общественных, сословных учреждений, приглашенных почетных гостей и депутаций войск и сельского населения». Если судить по реляциям тогдашней прессы, градус «политического подъема на этом собрании, пожалуй, был даже повыше, чем на торжествах по случаю 70-летия «дорогого Никиты Сергеевича Хрущева»... в 1964 году! Или же по случаю юбилеев не менее «дорогого Леонида Ильича...»

А то юбилейное торжественное собрание в Кишиневском дворянском собрании завершилось далеко за полночь, естественно, принятием текста всеподданнейшей телеграммы на имя Их Императорских величеств. Пик празднования 100-летия присоединения Бессарабии к России пришелся на 16 мая. День этот выдался солнечным, по-летнему жарким. Утром в кафедральном соборе, переполненном высокими сановными и чиновными лицами, депутациями и гостями началось торжественное богослужение, которое служил его Высокопреосвященство архиепископ Кишиневский и Хотинский Серафим в сослужении епископов Чигиринского Никодима, Аккерманского Гавриила, Измаильского Зиновия, шести архимандритов, трех игуменов и трех протоиереев... Службу на русском языке перемежали короткие отрывки, в основном возгласы — Господи, помилуй! И Тебя, Боже, хвалим! — на языке молдавском... После заамвонной молитвы Его Высокопреосвященство Серафим обратился к молящимся с архипастырским словом...

Духота в храме сгущалась — копотно горели тысячи свечей и лампад, благовонным дымом курились десятки драгоценных паникадил, а

проповедь затягивалась. В самой кульминационной ее точке немолодой архипастырь от жары и великого напряжения грохнулся в обмороке на ковер... Вездесущая пресса растрезвонила об инциденте на весь свет, а людская молва восприняла его, как недобрый знак... Для кого? Тогда об этом в России говорили шепотом... А видный румынский историк Николае Иорга в газетной статье этот инцидент прокомментировал: «Справедливый Господь отвергает и повергает тех, кто пытается пред Ним вознести преступления прошлого и настоящего...»

А Серафима привели в чувство и ему пришлось возглавить многолюднейший крестный ход на далекую Рышкановку к часовне-капличке в память воинов, павших в русско-турецких войнах, и там совершить богослужение всенародное... Тяжела оказалась митра архиепископа! С холма на Рышкановке, с которого царь Александр II провожал российские войска на Балканы в 1877 году, еле живого Серафима доставили в патриарший дом уже в экипаже. Вечером город был иллюминирован — в центре электролампами, на окраинах — плошками, на нескольких площадях был устроен фейерверк.

17 мая на склоне митрополичьего холма, под пушечный гром и гром оркестров под «народный гимн» — «Боже, царя храни!» и гимн православный «Коль славен наш Господь в Сионе!», после богослужения и соответствующих случаю речей архиепископ Серафим заложил краеугольный камень в основание будущего памятника Александру I (скульптор — итальянец Хименес). После этого состоялись проводы чудотворной Гербовецкой иконы Божьей Матери, освящавшей празднества в Кишиневе.

А в Килии, хотя и без царя, празднование проходило своим чередом со всем возможным размахом и торжественностью. Больше всего трудов выпало на долю протоиерея Дмитрия Агуры. В присутствии властей и других отцов города, гостей и множества молящихся в Покровском соборе он отслужил торжественную литургию с приличествующим случаю пастырским словом по ее ходу. Подобные литургии были отслужены и в других православных храмах города.

После этого общее молебствие состоялось на Новобазарной площади, куда сошлось почти все население города. Это молебствие завершилось громом духового оркестра, исполнявшего «народный гимн» («Боже, царя храни!») и... пальбой из старинной пушки!

Почти столь же многолюдным было молебствие при освящении каплички (только без пушечной стрельбы). В узком кругу отцов города и именитых гостей в основном из уездного Измаила отец Дмитрий Агура освятил хирургический корпус больницы графини Толстой — лучшего в своем роде заведения в уезде. (На память об этой церемонии была сде-

лана фотография, экземпляр которой отослан самой графине в Италию).

В последующем программа празднования в Килии включала «народные чтения» в двух мужских и частном женском училищах, раздачу книг протоиерея Н.В. Лашкова на русском и молдавском языках о 100-летнем юбилее, народные гуляния в парке, на Дунае и многолюдный бал в казино (старый РДК на ул. Полины Осипенко). Вечером была иллюминация — яркими ацетиленовыми фонарями на высоких столбах на улице Большой Дунайской и у городской управы, плошками — везде. А еще были учинены фейерверк и вновь — стрельба из той же исторической пушки. Прагматичное килийское начальство не переименовывало улиц и не закладывало памятников. Оно ограничилось поздравительно-благодарственным адресом в Кишинев и телеграммой Их Императорским Величествам в Ливадию. Торжества в Вилково вылились в молебствиях, «народных чтениях» в училище, раздаче книг протоиерея Лашкова, а детворе — конфет. Пушки для салюта в Вилково не оказалось, но была иллюминация — зажжение смолы в бочках... Телеграммы Их царским Величествам вилковчане послали от городской управы и отдельно — от старообрядцев...

Торжества в Измаиле включали богослужения во всех храмах, особые богослужения за упокой воинов, павших в русско-турецких войнах — в кафедральном соборе и крепостных храмах, «народные чтения» в «суворовском зале» с демонстрацией «туманных картин» через «волшебный фонарь» (эпидиаскоп). Вечером — народные гуляния, иллюминация, фейерверк... С беднейших жителей города по случаю торжеств списано было 5000 рублей недоимок (их общая сумма переваливала за сотню тысяч...). Измаильскому городскому голове — богатейшему помещику и коммерсанту Д.Д. Тульчианову была оказана особая честь, — он вошел в состав депутации для приветствия Его Императорского Величества, оказана была ему также и честь приобрести серебряное блюдо и солонку для преподнесения Его Императорскому Величеству хлеба-соли от народа Бессарабии (для коей цели из городского бюджета было выделено 150 рублей).

Многолюднейший крестный ход прошел от кафедрального собора в крепость. Естественно, были отправлены и многочисленные обязательные телеграммы. Когда зачитывалась телеграмма, Их Императорским Величествам все присутствующие исполнили «Народный гимн» трижды при участии военной музыки. Вечером были иллюминация, фейерверк и балы... А созданный к этому времени на народные пожертвования монумент А.В. Суворова скульптора Б.В. Эдуардса и архитектора М.И. Иван-

ченко... был открыт лишь 26 августа 1946 года в первую годовщину освобождения Измаила от немецко-румынских захватчиков.

Тогдашняя пресса отмечала, что в Придунавьи самый большой размах празднеств был достигнут в Рени. Там торжества шли два дня, в торжествах этих участвовали как ренийцы, так и жители окружающих сел «звездным» крестным ходом из сел в Рени к собору, фейерверки учинялись с девяти часов вечера до после полуночи... Исполнение «Народного гимна» и крики «Ура!» восторженного множества народа заглушали гром оркестра и треск фейерверков... Город-сад не получился, но открыт был Новый бульвар и оттуда начались народные гуляния.

В те праздничные дни многочисленные школьные и другие хоры Бессарабии многократно исполняли кантату слова, которую сочинил преподаватель кишиневской гимназии имени Александра I О.О. Орлов.

Много камней драгоценных,
Переливами горя,
Блещут в царственной короне
Православного Царя!
И из них ты не последний
Бессарабский чудный край,
Край приволья, изобилья,
Плодоноснейший наш край!
От турецкого засилья
Русью ты освобожден
И к семье ее народов
Неразрывно приобщен...

Законоучитель Александровской гимназии, священник М. Березовский переложил эти стихи на музыку. Эпилогом празднеств по случаю присоединения Бессарабии к России стал прием депутации от Бессарабии царем Николаем II. Состоялся этот прием в Новом Петергофе 15 июня 1912 года. Николай специально приехал на этот прием из Царского Села (и торопился уехать). К нему были обращены речи руководителей депутации архиепископа Серафима, исполняющего обязанности губернского предводителя дворянства Бессарабии А.К. Леонарда, председателя губернской управы Алейникова, Измаильского городского головы Тульчианова и других членов бессарабской депутации. На все эти приветствия Его Императорское Величество изволили отвечать милостивым кивком головы.

С приличествующими случаю короткими речами и просьбами посетить Бессарабский край выступил Леонард, он же преподнес царю от Бессарабии хлеб-соль, протоиерей Лашков — свои труды: «Географиче-

ский и историко-статистический очерк современной Бессарабии», «100-летие присоединения Бессарабии к России» и «Историю первой Кишиневской гимназии». Принимая подношения, государь Император милостиво выражал свою благодарность. Обойдя всех присутствующих, государь Император простился со всеми и, сопровождаемый восторженными «Ура!», проследовал из портретного зала во внутренние покои, после чего изволил отбыть из дворца.

По окончании царского приема, бессарабская депутация в придворных экипажах объехала дворцовый парк с его знаменитыми фонтанами и уже на поезде отбыла в Петербург. Празднования 100-летия присоединения Бессарабии к России завершились на другой день после приема у царя, 16 июня (по старому стилю) 1912 года. В соборе Петра и Павла у гроба императора Александра I, к которому депутация возложила серебряный венок. У гроба! Симптоматично! И еще — в Бессарабии, где жили в основном молдаване, а еще украинцы, болгары, евреи, гагаузы, юбилей был в основном русским и для русских... Молдавский элемент выглядел, как туземная экзотика, украинцев и представителей других народов губернии устроители празднеств не заметили...

Российские чиновники подобрали к празднествам статистику процветания края...

«Под могучею рукою
Православного Царя...»

За 100 лет:

Численность населения выросла в 10 раз — с 240000 до 2,5 млн.

В Российской империи губерния занимает первое место по сбору кукурузы и производству вина. Площадь обрабатываемой земли увеличилась более, чем в 23 раза — со 100 тыс. десятин до 2320 тыс. десятин — сногсшибательно! Ежегодный сбор хлеба разного 160 000 000 пудов — тоже неплохо! Кто в потоке статистики осмыслит такие цифры:

— ежегодный привоз товаров — 1,5 млн. пудов;

— ежегодный вывоз товаров из края 18 млн. пудов! Соотношение, близкое к средневековому и к колониальному!

Как достижение приводились такие цифры: детей школьного возраста 235 тыс. Учатся 125 тыс.! Это значит — из 1000 взрослых бессарабцев 800 неграмотных. (Среди коренного населения процент неграмотных еще выше и нет школ молдавских, даже частных или коммунальных, как у немцев, болгар, евреев... Даже с трибуны третьей (столыпинской) Госдумы депутат П. Гуликин тогда осмелился спросить: «Что дали мы, русские, этим молдаванам за целое столетие? При аннексии Бессарабии была дана какая-то автономия. Но все испарилось.

У коренных бессарабцев забрали все, вплоть до родного молдавского языка». (См. Стенограмму заседания Думы II-V-1912 г.).

В крае с населением в 2,5 млн. человек 110 больниц, в которых 3000 коек, кто мог попасть в больницу, кому доставалась больничная койка? Короче говоря, русский имперский праздник в общем-то для туземцев! Прекрасная Бессарабия, земля, чьи ноги омывает теплое Черное море, чью голову венчают бучачи и дубняки карпатские, край дивных полей, садов, виноградников, широкого Дуная, его таинственной дельты, а главное — край замечательных, неунывающих, добрых людей, талантливых людей! Уже родила земля бессарабская таких своих сынов, как Алексей Матеевич — священник, поэт, патриот, просветитель. Недолго судилось ему прожить на свете, но много замечательных дел успел он совершить. И главное из этих — гимн народу своему, его звонкому, выразительному, певучему и мудрому языку его, языку, который —

Ожерелье бриллиантов
О земле родной поющих,

и выдающегося ученого, будущего академика Н.А. Димо успела она уже родить. Уже восходила звезда замечательного скульптора — бессарабца А.М. Плэмэдялэ — творца скульптур «Рабочий» и «Стефан Великий»... Не скудной на таланты оказалась и земля килийская. В домишке на обочине пыльной улицы в Фурманке родился мальчик, которого нарекли Семеном — будущий маршал Тимошенко, а в Килии на улице Крепостной — трудяга-огородник и садовод Нестор Быков, в саду своем уже посадил черешенку в честь своего сынишки Емельяна, которому со временем суждено было стать гордостью земли молдавской — поэтом Емилианом Буковым... И был уже гимназистом сын именитого гражданина Килии Анания Зарзэра — Валентин Зарзэр, будущий авиатор и участник многих нашумевших на весь мир рекордных перелетов конца 20-х — начала 30-х годов... Это и многое другое — заря будущего Бессарабии, о котором со всей уверенностью можно утверждать, что оно, несмотря ни на что, основано на органически сплетенных молдавском и российском началах.

А пока что... 16 мая 1914 года чуть более, чем за два месяца до начала Первой мировой войны, на этот раз лично царь, решившийся приехать в Кишинев, под гром оркестров и пушечный салют открыл памятник своему прапрадеду Александру I. История рассудила по-своему — она смела империю, ее бронзовых и реальных венценосцев. Нет, памятники императорам Александру I и Александру II (был такой памятник на Рышкановке) в Кишиневе свергали не большевики...

10 декабря 1918 года бессарабский «парламент» («Сфатул цэрий») 38-ю голосами из 48 присутствующих, при 114 отсутствующих депутатов «принял решение» о вхождении Бессарабии в состав Румынии на правах рядовой провинции без всякой автономии. После этого командующий румынскими войсками в Бессарабии, генерал Вайтояну зачитал королевский указ о роспуске «Сфатул цэрий» и пригласил 28 послушных депутатов (10 сбежали в Одессу, воспользовавшись возникшей суматохой), на обед «в честь события»...

Откушав и обмыв состоявшееся таким образом событие, компания во главе с генералом отправилась к памятникам и с помощью румынских солдат свергла их... А в Килии после пышных юбилейных празднеств все также мимо низких берегов нес свои мутные воды могучий Дунай, и на крутом повороте омывал он гранитную набережную, построенную четыре века тому назад по повелению Стефана Великого. Это все, что осталось от былого величия нашего древнего города... В мутное зеркало дунайских пучин смотрелись не мощная крепость, а остатки ее развалин, не цветущий город — второй в княжестве, а лачуги бедняков — далеких потомков храбрых воинов Стефановых...

И теперь со своими 12 тысячами обывателей, в большинстве своем неграмотных, как и в средневековье, это был заштатный волостной городишко, приткнувшийся к самому краю гигантской империи (которой, однако, жить осталось очень немного!).

Городишко намного старше Измаила, но без единой гимназии, зато с большим оживленным портом, проглатывающим несметное количество хлеба (хлеба, которого порой так не хватало тем, кто его ссыпал в прожорливые трюмы пароходов и барж, и тем, кто его выращивал...).

А символ Килии — старинный храм Святого Николая-Чудотворца, как и сотни лет тому назад, возвышался «среди града Килийского», осеняя его жителей своими крестами и вселяя в их души надежду и доброе чудо... Но... Как известно, вместо доброго чуда вскоре последовали сокрушительные события, которые потрясли не только волостную Килию, а весь мир...

И вот стал историей XX век. Он оказался грозовым. А ведь, если верить юбилейным документам и стихам вековой давности, в состоянии эйфории, встречал его... Бессарабский чудный край.

Край приволья, изобилья.

Каким будет для него век XXI-й?

XXVI. ДРЕВНОСТИ КИЛИЙЩИНЫ

Кроме городов Килии и Вилково в нашем регионе более 2 десятков сел. Археологи свидетельствуют: богаты древностями многие из них. Было бы несправедливо хотя бы коротко не рассказать о них.

ВАСИЛЬЕВКА

Она расположена в 12 км от райцентра и в 27 км от ближайшей железнодорожной станции Дзинилор. Село основано в конце XVIII века переселенцами из Курской и Орловской областей. Здесь также селились бывшие запорожские казаки и молдавские крестьяне. Кстати, о последних. Видимо, их далекие предки жили в этих богатых, живописных и сравнительно хорошо защищенных плавнями местах по крайней мере еще в XV веке.

Иначе почему бы в конце XV века Стефан Великий, уступивший туркам эти земли, после сорокалетней борьбы, хотел их вернуть под свой скипетр.

В одном из жарких боев телохранитель князя, Пурич, спас его от плена, отбив от навалившихся на него врагов. За этот подвиг, за спасение от плена Стефан Великий обещал Пуричу возведение во дворянство и имение на берегу озера, когда княжеству будет возвращена захваченная турками земля... Воевода выполнил свое обещание отчасти — Пурич был возведен во дворянство и обрел фамилию Могила. С него пошел знаменитый род Могил — Мовилешть — князей светских и церковных в Молдове и Валахии. А в Украине Петр Могила был великим просветителем, основателем знаменитой академии в Киеве. Не забыл он и Молдову: в XVII веке при князе Василии Лупу способствовал основанию книгопечатания в этой стране и академии в Яссах...

С имением, обещанном Пуричу, дело не получилось — турок из Бессарабии окончательно изгнали только россияне в 1812 году...

"История же городов и сел Украины" сообщает, что на этих берегах жили рыболовы, земледельцы, скотоводы, ремесленники в четвертом тысячелетии до Новой эры т. н. гумельницкой культуры, их последова-

тельно сменяли оседлые жители энеолита, всех периодов бронзового века, в том числе т. н. сабатиновцы, наконец римские колонисты и ранние славяне II—IV веков Новой эры и славяне классические — времен Руси Галицкой и, как уже отмечалось, молдоване. Во времена турецкой райи селились тут и турки, тем более что недалеко обширное имение получил адмирал Омар — бей, откуда пошло название нашей Омарбии.

Демографическая обстановка в районе Васильевки стала быстро меняться в период русско-турецких войн второй половины XVIII века.

К старожилам стали присоединяться старообрядцы, ютились там и мусульманская беднота, в особенности нежелательные в Килии нищие фанатики.

На русских картах до 1827 г. это село с таким пестрым составом населения значится под турецким названием Дервиш-куль, что переводится как "Село дервишей у озера". А на картах с 1830 г. село значится уже как Троицкое, его поселенцами стали и российские солдаты, отслужившие срочную службу в царской армии, в особенности после аграрной реформы 1861 г. в Российской империи, когда отслужившие в старой армии солдаты были лишены права получить земляные наделы на их родине. Те, кто служили в Килии, вынуждены были согласиться на наделы на месте, в том числе и Васильевке, где земли уже не хватало, в особенности после того как 3 села — Подковка, Васильевка и Троицкое — в конце XIX века слилось в одно — Васильевку. Документы начала XX века отмечают в Васильевке возросшую борьбу за землю, известны даже жалобы крестьян царю. Естественно, жалобы остались без ответа...

Коротко о церкви. В 1905 г. в липованской части села был построен и освящен старообрядческий храм Святого Дмитрия, храмовый праздник 10 ноября. В годы воинствующего атеизма, а по существу варварства, храм был разрушен. Сравнительно недавно, хоть и в меньших размерах, храм восстановлен. Он вписан в периметр старого, а алтарь расположен точно на месте прежнего — согласно традиции.

Храм православной веры нового обряда посвящен главному воителю и предводителю верных Богу ангелов — архистратигу, Архангелу Михаилу. Храмовый праздник — 21 ноября. (Храм построен в 1863 г.). История Васильевки в годы двух румынских оккупаций — это история героической борьбы против оккупантов, в особенности в дни Татарбунарского восстания 1924 г. и в годы Великой Отечественной войны, но это история, которую лучше всего напишут сами васильевцы. А мы обратимся к истории глубочайшей древности — эпохе мезолита, тысяч пятнадцать лет тому, когда тысячелетия, века протекали медленно, эпохи длились

очень долго, а переломы в истории человечества происходили нечасто.

Именно такой перелом произошел в связи с изобретением лука и стрел тысяч 15 лет тому назад...

Охота после изобретения лука и стрел обеспечивала людям постоянный, возобновляемый систематически запас высококалорийной мясной пищи. Объектами охоты были в изобилии водившиеся зубры, дикие лошади, олени, косули и другие травоядные, на которых охотились индивидуально, из засады, коллективно и даже загоном, когда с обрывов сваливались и становились добычей целые стада животных.

На худой конец предметами охоты становились всевозможные собаки, шакалы и другие мелкие животные, птицы, крупные рыбы в реках и озерах. На такую живность могла охотиться и молодежь, и даже женщины...

Интенсивная охота означала и частое общение с молодняком и жвачных животных, в особенности телятами.

Кроме пищи интенсивная охота обеспечивала изобилие шкур, меха для одежды, обуви, жилища и... неизбежно вела к приручению наиболее пригодных для этого жвачных — к возникновению животноводства.

В то же время историческая климатология свидетельствует, что за промежуток времени между 8000 и 5000 лет до н.э. в наших краях и соответствующих ему широтах климат изменился от сухого холодного до влажного теплого. В условиях последнего в особо благоприятных местах, в том числе и в наших краях, зародилось мотыжное земледелие.

Украинские специалисты утверждают, что первой взращенной культурой у нас был ячмень. Разнообразие занятий человека породило разнообразие орудий труда, многие из которых стали более узко специализированными. В обиход вошли разнообразные, лучше отделанные: наконечники копий, острия стрел для разной дичи. Разнообразнее и специализированнее стали ударные орудия типа топоров, а также режущие в виде различных тонко обработанных пластинок — предшественников ножей. Наконец были изобретены мотыги, ступки и зернотерки.

Для рыболовства предназначались не только гарпуны и остроги, но и рыболовные крючки из кости и колючек некоторых растений.

Неизменным спутником охотников стал гибрид волка и собаки.

Обязательной принадлежностью домашнего обихода стали костяные иглы различного назначения. Нитки? Тонкие ремешки и сухожилья животных.

Разнообразие природных условий и производства вызвали обмен производимыми продуктами (натуральный обмен).

Так в своем развитии общество взошло на более высокую ступень раз-

вития, которая в истории первобытного общества известна как МЕЗОЛИТ.

Предметы мезолита и даже более ранней эпохи верхнего палеолита случайно подбирались при строительстве Червоноярской ГНС, но как ценный археологический памятник стоянка уничтожена. А что касается Васильевки, то археолог М. М. Шмаглий, работавший там несколько сезонов, в 1967 г. в километре севернее Васильевки раскопал на площади 70 на 50 метров нетронутую ранее стоянку мезолитической эпохи. Предметы? Типичные, в основном кремниевые. Небольшое их количество можно было видеть в Одесском археологическом музее. Зато костей охотничьих трофеев множество. Не исключено, что это результат охоты загоном, когда целые стада животных сваливались с высокого обрывистого берега и становились добычей охотников. Таковы некоторые штрихи древнейшей истории земли, на которой возникла Васильевка.

Берега Китай-озера от Васильевки до Червоного Яра и далее — часто обрывистые, красноглинные со старинными колодцами, замшелыми камнями на фоне озерной глади и уютных бухточек, не просто живописны.

Даже на первый взгляд они поражают и притягивают какой-то первобытной красотой и таинственностью. Судя даже по случайным находкам, они и в самом деле таят в себе сокровища для археологической науки.

ЧЕРВОНЫЙ ЯР

"Расположен на берегу Китая, в 15 км от райцентра и в 12 км от железнодорожной станции Дзинелор. Через село проходит дорога Килия — Измаил". (Это по справке "История городов и сел Украины. Одесская область, стр. 505).

Напомним читателю, что старое название села Китай ничего общего с китайской державой не имеет. Село, как и озеро, название свое получило от имени Кытай — феодала-военачальника ногайских татар с 1538 г., кочевавших по берегам озера. (В. М. Кожокару: "Топонимика Дунай-Днѐстровского междуречья", Симферополь. 1990 г.). Видимо, тогда уже у брода через узкую горловину, соединяющую 2 части озера, на его восточном берегу возник сторожевой пост, поселение. На всех картах конца XVIII века и весь XIX, до 45-го г. XX века, значится под названием Китай. (Название Червоный Яр оправдывается цветом крутых глинистых берегов озера, вдоль которых растянулось село).

С началом русско-турецкой войны 1806—1812 годов нужды Российской Дунайской армии и последовавшие после присоединения Бессара-

бии к России заселение края вызвало и интенсивное дорожно-мостовое строительство. Поэтому через Фурманку, Китай, Чемашир, Шикирли-Китай (Суворово) и еще дальше через возникшие болгарские и гагаузские села на Измаил и Тобак, чуть позже, Болград и на Измаил пролегла новая важная дорога.

В 1821 г. этой дорогой в Измаил и Болград, через Китай и мост, параллельный старинному броду, проехал молодой А. С. Пушкин и армейский аудитор, подполковник Липранди. Генерал Инзов, спасая задиристого Пушкина от очередной рискованной дуэли, услал его из Кишинева.

Это путешествие навеяло поэту много стихотворных строчек о Южной Бессарабии, так и строчки стихов "К Овидию"...

А в общем военные передряги и страшная засуха начала 20-х годов XIX века, когда почти высохла половина озера Китай, привели к тому, что до 1829 г. и село Китай несколько раз исчезало с карты региона.

Как свидетельствует "Ведомость о церкви Рождества Пресвятой Богородицы", написанная Консисторией Бессарабской губернии (высший губернский орган административного управления церковными делами), в "Церковной книге метрических записей" таковых за 1815, 1817, 1828, 1829 годы отсутствуют... Видимо, эти годы были очень тяжелыми для села, его жизнедеятельность замерла. Вот откуда и разнобой в официальных датах рождения села Китай ("Ведомость о церкви". 1902 г.).

Также ведомость о церкви и еще несколько ежегодников Измаильско-Аккерманской епархии утверждают, что еще в 1810 г. в селе была построена каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

Уже поэтому она была одной из самых старых на Килийщине. Но...

Но если в 1810 г. была построена церковь каменная, то, видимо, успевшая к тому времени старая, скорее всего деревянная, была построена гораздо раньше.

С 30-х годов XIX века дела села Китай и его храма, видимо, пошли в гору. В 1835 г. церкви было отмежовано более 95 десятин земли, а в 1902 г. она приобрела право на свечной, кружечный и кошелковый сборы, кои и в тот год составили без малого 516 рублей — сумма по тем временам значительная.

В 1880 г. в Китае открылось государственное народное одноклассное училище с курсом обучения 3 года. Конечно, и этому учебному заведению были присущи беды народного образования царской России: неспособность охватить обучением всех детей школьного возраста из-за нищеты.

Через 10 лет школу посещала треть положенного контингента детей — в основном мальчики. (Читатель может вспомнить рассказ Л. Н. Тол-

стого "Филиппок", чеховского «Ваню Жукова» или картину Перова "У порога школы"). Но учителя народного училища старались — сеяли разумное, доброе, вечное. Семена посева падали на благодатную почву. (В 1896 г. Министерство просвещения Российской империи наградило похвальным листом "За благонравие и успехи в прохождении полного курса училища" Тимофея Рыжалэ). Немало делала для народного просвещения и церковь Пресвятой Богородицы, в 1913 г. при ней была открыта церковно-приходская школа — прямо на подворьи храма.

К сожалению, старейшая на Килийщине сельская церковь в начале 60-х годов XX века была разрушена до основания — стерта с лица земли. Много других интересных фактов из истории села Червоный Яр в XIX—XX веках в ходе своих исследований раскопал историк, краевед В. А. Бурлаку, немало интересных находок на местности сделал он.

А мы вернемся к временам древнейшей истории этого места на берегу Китай-озера, места не просто интересного, но, пожалуй, уникального. Археология свидетельствует — люди тут селились со времен очень глубокой древности. Это подтверждают археологические находки, сделанные в ходе организованных на научной основе раскопок, а также многочисленные случайные находки (например, при пахоте или при строительных работах, да и просто на обрывистых берегах озера и оврагов). Об этом говорят курганы, а еще легенды, ведь они рождаются не на пустом месте. Там, где по следам легенд были предприняты серьезные археологические исследования, сделаны величайшие научные открытия. Троя, Микены, Тибр — ярчайшие примеры!

Не без основания, можно предположить, что если организовать масштабные археологические раскопки в этом уникальном месте, то мог бы родиться музей под открытым небом, подобный Херсонесскому в Севастополе, Гейдельбергскому в Германии или Крито-Микенскому в Средиземноморьи. (А пока что компактно, на сравнительно небольшой площади, к тому же в окружении живописной природы исторические ценности — неоткрытый Клондайк, а то и просто пропадают).

Самая заметная достопримечательность местности — курган почти у въезда в село со стороны Килии. Еще издали он привлекает внимание прохожих и проезжих. Нет, сегодня он не очень высок сам по себе — всего 1,5 метра от основания и не очень велик, если его обходить по основанию — неполных 100 метров. Впечатление громадности создают контраст между увенчанной геодезическим знаком на вершине с длинным скатом от этой вершины и голубеющим вдали зеркалом озера. Легенды, которыми овеян древний курган в воображении человека, прибавляют

кургану высоты и величия... Чье это творение? Индо-арийцев, пришедших из глубины тысячелетий и с другого края Земли? Библейских ли киммерийцев или грозных многочисленных скифов? Был ли курган обсерваторией древних мудрецов — волхвов или усыпальницей могущественного вождя? Если так, то захоронение давным-давно разрытое и ограбленное. Повторяем, и сегодня курган удивляет, с его вершины открывается широкий простор неба и земли, особенно в западном направлении, где в дымке теряется далекое заозерье...

Не только курган, но и обширный могильник на запад от дороги и многое другое — свидетельство того, что множество поколений людей жили в этих благодатных местах со времен глубокой древности.

Немало легенд, фантастических домыслов, преданий и гипотез бытует о кургане. Домыслов, легенд и преданий в основном о несметных сокровищах в его недрах, о могучей крепости, когда-то венчавшей его вершину, и даже о зикурате — о чем-то подобном ступенчастой библейской Вавилонской башне. Но где же руины или хотя бы камни от таких сооружений? Должны были остаться огромные нагромождения.

А гипотезы? Они о том, кто был похоронен в главном захоронении? А, может быть, это обсерватория древних мудрецов, чьи наблюдения нужны были оседлым землевладельцам и скотоводам, жившим вокруг? Такую роль выполняли подобные Стоунхендшским, встречающиеся от Британии до Кавказа.

А, может быть, на кургане, с которого видно далеко окрест, стояли сторожевые посты разных народов, живших тут или прошедших этими степями на протяжении тысячелетий?

Так или иначе во все времена курган привлекал внимание любопытных, фантазеров, археологов, кладоискателей и даже претендующих на обладание способностями экстрасенсов. Последние утверждали, что на кургане ощущали энергетические аномалии и даже видели тени людей и событий далеких эпох.

Нет достоверных данных о том, что нашли кладоискатели на или в кургане. А вот археологам он подарил нечто гораздо более ценное чем простой кусок золота.

Северо-западнее кургана археологи Дунай-Днестровской комплексной экспедиции раскопали остатки мастерской литейщика бронзы сабатиновской эпохи (3,5 тысяч лет тому назад стоявшей на пути к Дунаю). Среди находок тяжелый кремниевый топор-кувалда, а главное состоящая из половинок опока — форма для отливки острия копья, мастерски выполненная из мягкого ракушечника.

Значит, не где-то далеко, а тут, на месте, плавили мастера бронзу, надо полагать не только для копий и мечей, но и для орал. А вот сырье... Медного колчедана и олова на месте нет. Такое сырье надо было доставлять с севера Запрутской Молдовы, из Трансильвании, с Балкан, значит, путь в те края был известен жившим на берегах озера Китай...

А на склоне кургана археологи нашли могилу самого литейщика.

В позвонке у основания черепа так и осталось острие стрелы из кремния. Враги напали неожиданно, стрелу пустили в спину (сзади).

Это были люди более низкой — неолитической материальной культуры, и пришли они специально раздобыть драгоценное бронзовое оружие.

Соплеменники не уберегли мастера, но похоронили с почестями на кургане, снабдив покойника в дорогу к предкам горшком с пищей — по обычаю того времени (предметы, о которых идет речь, можно увидеть в Одесском археологическом музее). Да, то были времена бурных исторических событий и чрезвычайно интенсивных динамичных миграционных процессов.

Ниже за пологим склоном — на берегу озера — археологи раскопали римское поселение II—III веков уже Новой эры.

А горизонтом ниже археологов ожидало новое открытие — на площади 150 на 100 метров было раскопано поселение тех самых сабатиновцев — соплеменников мастера-литейщика, подарившего археологам такие интересные находки. (До недавнего времени кузницы помещались на краю селений, а то и за их пределами. Южнее от Червоного Яра археологи раскопали поселение ранних славян III—VI веков ("черняховцев"). Они жили неподалеку от римских колонистов, жили там еще долго после того, как римляне ушли за Дунай (А. В. Гудкова, С. Б. Охотников, Л. В. Субботин, И. Т. Черняков: "Археологические памятники Одесской области". Одесса. 1991 г.).

Все выше сказанное — краткое изложение результатов археологических исследований, выполненных профессионалами в районе Червоного Яра.

Но, может быть, самое ценное для археологии, антропологии, истории в значительной мере уничтожено при строительстве главной насосной станции бывшей Червоноярской оросительной системы, что на склоне древнейшей поймы Дуная и до самого берега озера Китай.

А ведь все это могло бы войти в уникальный музей под открытым небом, служить науке, культуре, туризму да бюджету.

Однако, и до сих пор случается, что в районе этого катастрофического для археологии хаоса люди находят предметы далеких-далеких эпох

— от обломков бивней мамонтов до фрагментов каменных орудий и керамики (порой даже не представляя, что это такое).

Может быть, и сейчас еще можно собрать эти древности и поместить в районный музей — в нем есть для этого специальный отдел. Какая польза и историческая память была бы! Это вполне возможно, нужна только добрая воля людей.

Напоследок, еще раз хотелось бы напомнить, что трипольская культура, в широком значении понятия, это еще культура родового строя, но археологические открытия последних десятилетий в Средиземноморьи, на Балканах, в Венгрии, в Дунайско-Карпатском и Восточно-Карпатском регионах, в пространстве между Прутом и Днепром, это во многих случаях (Тальники, Майданецкое, Глыбочок на Черкащине и др.) не просто культура еще родового строя, а протогородская. Это уже цивилизация, удивляют своей обширностью — многие сотни гектаров, числом и величиной построек, вплоть до двух- и трехэтажных — их тысячи, численностью населения — десять и более тысяч.

В таких протогородах трипольской эпохи четко прослеживаются улицы вдоль дорог, кварталы, секторы — микрорайоны. Род строений? Жилища, производственные строения, сараи для скота (нередко — ближе к центру). Но еще нет храмов, зикуратов, пирамид, святилищ.

И все это за рвами, а то и валами. Почему бы не поискать подобное на Килийщине, вокруг того же Червоного Яра, вообще по берегам Южнобессарабских озер, где уже сделаны обнадеживающие находки.

Это было бы древнейшим доказательством того, что Украина — земля древней европейской культуры. Конечно, для этого нужны желание, средства и специалисты.

ФУРМАНОВКА

По практически уже установившейся традиции напомним о том, что пишет об этом селе "История городов и сел Украины" (Одесская область. 1978 г.): "Фурмановка расположена на берегу озера Китай, в 25 км от райцентра и в 18 км от железнодорожной станции Дзинелор".

Хотя и лежал этот край на пути великого переселения народов, люди на этих берегах, на краю безбрежной плодородной степи, с незапамятных времен перешли к оседлому образу жизни земледельцев и скотоводов.

Еще в 1963 г. археологом М. М. Шмаглий в километре от южной окраины села было раскопано поселение ранних славян "черняховской" культуры — пахари, скотоводы, ремесленники, рыболовы железного века.

Поселение III—IV веков Новой эры большое, раскопки велись на площади 250 на 50 метров.

К раскопкам в этом регионе археолог смог вернуться через 10 лет и несколько южнее ранее раскопанного поселения раскопал обширный грунтовой могильник тех же "черняховцев".

В том же сезоне археолог А. В. Гудкова недалеко от стоянки "черняховцев" раскопала римское поселение II—III веков н. э. Но и это еще не все: слоем ниже была раскопана культура поздней "сабатиновской" бронзы II половины II тысячелетия до Новой эры. Дальнейшая археологическая разведка позволила непосредственно у северной окраины села обнаружить следы "черняховской" культуры, а ниже слоем — снова "сабатиновскую" бронзу на площади 159 на 100 метров.

Да, длительное время, практически непрерывно из эпохи в эпоху, несмотря на тревоги, связанные с великим переселением кочевых народов, селились и вели оседлую жизнь люди более высокой материальной культуры — ранние славяне, римляне тут, как и на берегах других озер Южной Бессарабии, тогда Внешней Мезии... (См. А. В. Гудкова, С. Б. Охотников, А. В. Субботин, Н. Т. Черняков: "Археологические памятники Одесской области". Одесса.1991 г.).

Сложные, плодотворные этногенетические процессы продолжались на Нижнем Придунавьи и в следующие периоды истории края: славянский, галицко-волынский, он же раннеукраинский, а также ранний волошско-молдавский.

Не прервало его и татаро-монгольское нашествие и далее во времена турецкого владычества, когда этот процесс подпитывался практически регулярными походами запорожцев. Но по порядку.

Не прошло и ста лет после образования Килийской турецкой райи в 1484 г., как еще сравнительно недавно при Стефане Великом и его сыне Петре Рареше свободные крестьяне юга Бессарабии, были доведены до невероятной нищеты "до деревянной мотыги", как пишут молдавские летописцы.

Особенно много несчастий обрушились на край в год 1538. С начала лета того года тучи саранчи затмили небо Буджака, а, опустившись на поля, луга, сады, на всякую зелень, они превратили землю в пустыню. За саранчой нагрянула еще более страшная беда — полчища султана Сулеймана "Великолепного", того самого, у которого султаншей была знаменитая Роксолана. Из-за Днестра нагрянули крымские татары и свирепая орда татар ногайских, разгромленная в приволжских степях российским войском Ивана IV — Грозного.

К зиме турки и крымчаки покинули Буджак, надолго оставив тут полудиких свирепых ногайцев. Первоначально их столицей стал Аккерман, но ногайцы оказались даже для турок такими беспокойными соседями, что турецкий султан назначил им столицу в степном селище северного Буджака — в Каушанах... Грабя местное население, захватывая пленных и продавая их в рабство, убивая за малейшее неповиновение, ногайцы распространились по всему Буджаку. Власть ногайских феодалов опиралась на гарнизоны крепостей, разбросанных по всему Буджаку. Одна из таких своеобразных крепостей на берегу озера Китай и степи получила название Керман-кей (укрепленное село, Фурмановка). Войны и разбой не могли прокормить рядовых ногайцев, их многочисленные семьи, поэтому нередки были случаи воровства детей у соседей, тоже ногайцев, а самые бедные семьи продавали в рабство собственных детей, особенно девочек. Благо, крупнейший невольничий рынок — Килия был совсем недалеко...

Так продолжалось почти до самого конца XVIII века.

В 1790 г. в ходе очередной русско-турецкой войны в край пришла российская армия. Населявшие Керман-кей ногайские татары отчасти разбежались, отчасти влились в турецкий гарнизон Измаила и в значительной мере были уничтожены чудо-богатырями А. В. Суворова при штурме крепости в декабре 1790 г.

А в 1794—1795 годах, как пишет «История городов и сел Украины. Одесская область», была основана Фурманка, так называлось село на картах того времени. Видимо, его первыми жителями были молдаване — они переняли и несколько трансформировали название села в "Курманкю", звучавшее вполне по-тюркски.

У бывшего председателя фурмановского сельсовета Виктора Стумака несколько иная версия основания села. По этой версии село основано в 1662—1667 годах. Это дело 3 семей: Осадчих, Каракулаков и Долженок.

Интересно бы найти документальное подтверждение этого факта...

Впрочем и без этого ясно, что Фурмановка — одно из старейших сел Килийщины. Следующие по этой версии поселенцы Хилко, Бурканы, Тимошенки — украинцы, молдаване.

Так и пошло далее развиваться село, как молдавско-украинское, так обстоят дела и ныне...

Долгое время православные фурманчане молились в приспособленной для этого хате. А в 1896 г. была построена каменная церковь в день памяти Святого Дмитрия Солунского. Она была освящена 10 ноября, в этот день и отмечается храмовый праздник.

В 1964 г. храм был закрыт, снесены купол и шатер церкви, вырваны окна...

В 1991 г. усилиями верующих во главе с Петром Цуркаму началось восстановление. Фурманчане обрели храм и могут гордиться, что его иконостас стоимостью в 9000$ — прекраснейший в епархии.

История старейшего на Килийщине села вообще славна делами трудовыми и боевыми, свершенными многими фурманцами, включая маршала дважды Героя Советского Союза — Семена Константиновича Тимошенко.

НОВОСЕЛОВКА

"История городов и сел Украины. Одесская область" 1969 г. отмечает, что этот населенный пункт расположен в 30 км от райцентра. Относительно физической географии это почти все. Что касается начал этноистории, тот же источник на странице 507 сообщает: "Основано село в 1826 г. болгарами". "История городов и сел Украины" 1978 г. издания на странице 503 утверждает: "Новоселовка основана в XVIII веке". Чему верить? Видимо, и тому, и другому: основание села на новом месте — дело сложное и не всегда одноразовое.

Документы свидетельствуют: в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 годов по приказу фельдмаршала А. П. Румянцева, большая часть татарского населения села Фурманки, как и всего юга Бессарабии, была выселена. К ранее поселившимся в селе молдаванам подселились болгары, бежавшие от турок. В ходе следующей русско-турецкой войны 1787—1791 годов татары из села сбежали или были выселены полностью, а население пополнилось снова молдаванами.

Новый вал поселенцев из Болгарии стал прибывать в Бессарабию после присоединения края к Российской империи, об этом позаботился уже М. И. Кутузов, а затем администрация края во главе с генералом И. Н. Инзовым. Квартирьеры, топографы российской армии заранее провели обследование обширной территории юга Бессарабии, определили лучшие места для основания поселений колонистов на лучших свободных государственных землях.

В 1826 г. на степном просторе недалеко от озера Китай севернее Фурманки переселились их родственники или соплеменники.

Видимо, так и родилось село Еникей — Новоселовка. Очевидно, все же первыми на целине поселились гагаузы, отсюда и тюркское название села, но довольно быстро в составе населения возобладали болгары. Та-

кой демографическая и этническая картина в Новоселовке остается и сейчас.

Красивый, прочный храм Святого Георгия в значительной степени был разрушен в годы хрущевского атеистического буйства. Сейчас он восстанавливается.

Что касается очень древней истории этого уголка нашего района, то о ней повествует археология.

О великом переселении народов через эти бескрайные степи говорят курганные поля, тянущиеся отсюда до самого Предкавказья. Самые большие, нередко ставшие знаменитыми курганы, были насыпаны в глубокой древности ариями, местами — киммерийцами, скифами. Лишь останки самых больших из них видны сейчас на поверхности.

В 1969 г. экспедиция археолога Гудковой А. В. раскопала плохо сохранившийся, разрушенный временем, размытый всеми непогодами тысячелетий древний курган. И все же размеры его внушительны: 3 метра в высоту, 60 метров в диаметре — на северо-запад от села.

Центрального захоронения — арийского, киммерийского или скифского не сохранилось, но на склонах и вокруг остались скромные, неприметные захоронения: сарматские, аварские, половецкие, татарские, ногайские. Находки? Типичные для простых воинов, скотоводов: обломки горшка для пищи, незамысловатые медные украшения одежды, сбруи коня-кочевника.

Земли эти — плодороднейший чернозем, рядом пресноводное озеро и самые интересные находки относятся к земледельцам, оседлым скотоводам, рыболовам, ремесленникам, которые, несмотря ни на какие набеги кочевников, надолго селились на этой земле, обрабатывали ее, с оружием в руках защищали ее и ложились в нее. Первыми, кто обживали берега озера, распахивали близлежащую степь, были люди позднего бронзового века т.н. "Сабатиновской" материальной культуры (от места первонаходки село Сабатиновка на р. Буг) II пол. II тысячелетия до н.э. Это прямые наследники первобытных земледельцев и скотоводов, называемых на Украине трипольцами.

Это были люди не только высокой материальной культуры, духовная их культура тоже была на относительно высоком уровне. Они обладали способностью мыслить отвлеченными понятиями. Об этом свидетельствует сложный обряд погребения, предметы искусства, сложные узоры на разнообразной посуде, фигурки людей, зверей из обожженной глины или вырезанные из кости. Такие предметы сопровождали покойников в захоронениях, значит, у людей были сложные представления о загроб-

ном мире. Рисунки на посуде, резьба по кости изображают сцены трудовой деятельности, шаманства и т. п.

Больше всего поражает искусство изготовления бронзовых изделий: серпов, ножей, оружия, массивных наконечников копий. Видимо, сабатиновцам в повседневной жизни часто доводилось менять серпы на копья.

Экспедиция известного московского археолога Г. Ф. Федорова в 1954 г. была едва ли не первой в XX веке археологической экспедицией в нашем крае. В 1,5—2 км от села на запад, на берегу озера, стоянка была раскопана на площади около 3 га. Она оказалась многослойной. Выше слоя сабатиновской, культура уже железного века.

В Причерноморьи это культура разных народов — оседлых земледельцев. На территории между Карпатами и рекой Буг это — предславяне (II—IV века н.э.). Учитывая, что еще древнегреческие и римские авторы Южное Причерноморье между Прутом и Днестром называют Гетской пустыней, то тут обитали и дако-геты. Те и другие — в те времена — родственны и жили тем самым "слоеным пирогом", к тому же они были сходны внешним видом (часто белокуры, голубоглазы), образом жизни, обычаями, что отмечают греческие, римские, германские авторы. Что касается праславян, известных тем же авторам еще как анты и венеды, то они, с одной стороны, оседлые земледельцы, пашущие ралом с железным наконечником, использовали также кованые гвозди, умели ковать железные котлы, известными были и такие железные инструменты, как долото, стамеска, струг, топор. Лучшее железо шло на изготовление мечей, наконечников копий.

Разнообразную сероглиняную посуду они изготовляли уже на гончарном круге, обжигали не в костре, а в специальных печах.

А еще древние авторы этих праславян — антов, венедов, склавинов описывают как умелых охотников, искусных, могучих, свирепых, беспощадных воинов, к которым, не дай Бог, попасть в плен, сами они неволю не выносили. Такие сведения сообщал о праславянах и их соседях в наших краях второй слой раскопанной Федоровым стоянки.

Третий — верхний слой этой большой стоянки относится уже к IX—XI векам н.э. Он обнаружил предметы материальной культуры дунайских славян Несторовой "Повести временных лет". Жили они уже в укрепленных городищах, а те, что у озера, — не исключено — в свайных поселениях. (В те времена Китай-озеро было обширнее нынешнего, простираясь по значительной части пойм нынешних речек Кыргыз, Алиага, Каменка). С Дунаем оно соединялось не узкой Кофой, а широким водным

пространством. Славяне того времени в значительной мере были уже православными. Дунайские, возможно, стали православными еще до того, как Владимир Великий и равноапостольный крестил киевских и новгородских славян. Археологические находки и реликтовые обычаи, сохранившиеся до сих пор, отмечаемые и даже празднуемые, такие, как праздник Ивана Купала, обряды, связанные с древним культом бога многих славян Ярилы, вера в русалок, леших, водяных — это и многое другое — от времен становления христианства в Восточной Европе, когда исполнение некоторых языческих обрядов предполагало даже человеческие жертвоприношения.

Есть все основания считать, что на левобережьи Нижнего Дуная основательно утверждалось православие. Об этом свидетельствует и храм Святого Иоанна (конец XII в.), упоминаемый в Волынской летописи.

Так или иначе, экспедиция Г.Ф. Федорова еще в 1954 году раскопала богатую, а главное давшую принципиально важные научные результаты стоянку.

В конечном итоге из гето-даков получились праволохи-молдаване, а со временем и румыны. А славяне? Куда же они делись из региона? Ушли на юг, на север, на запад, многие погибли, некоторые были ассимилированы — потеряли присущие им этнические признаки, таковы стандартные ответы специалистов, особенно румынских. Упускается из вида еще один судьбоносный процесс развития славян в регионе между Карпатами и Днестром — не одно поколение их активно участвовало в процессе этногенеза волохов — молдаван. Ведь римляне принесли с собой в регион не только рабство, которое исчезло с уходом римлян. А вот такие принесенные римлянами новшества, как тяжелый, влекомый парой волов плуг, более совершенные методы получения и обработки металлов, изготовления керамики, конечно, были восприняты и гето-даками и славянами в регионе. И не только это, а и более высокое искусство обработки камня, строительства, много новшеств вошло и в повседневный быт.

Из солнечной Италии в этот в общем-то винный край римляне принесли новые сорта виноградной лозы, новые технологии приготовления этого напитка (эрудированные виноделы в нашем крае подтвердят, что из виноградников до сих пор не исчез такой принесенный римлянами сорт винограда как Гордин). Все это и многое другое, что не могло не воздействовать положительно на развитие автохтонов региона, способствовало генезису волошского этноса и формированию волошского (молдавского) языка.

В 1974 г. археологическая экспедиция А. А. Гудковой в округе Ново-

селовки обнаружила еще 3 поселения "черняховцев". Они располагались западнее и северо-западнее Новоселовки.

Самое крупное из этих поселений было площадью 150 на 300 метров. Находки? Ординарные, типичные для "черняховцев". Тем они и ценны — свидетельствуют о массовом интенсивном заселении края оседлыми земледельцами. Но это не все между двумя последними поселениями "черняховцев" сравнительно недалеко от "Траянова вала" археологи обнаружили поселение римлян II—III веков н.э. Кто эти римляне? Ветераны римского войска, получившие после службы наделы ("парцеллы") на завоеванной земле, или небольшой римский лагерь?

Так или иначе это на границе между завоеванной Дакией и свободными землями славян и даков.

Какими были взаимоотношения между пришельцами — римлянами и автохтонами не в бою, разумеется, а на протяжении длительного времени, которое не могло быть сплошной войной. Скорее всего происходило то, что в таких случаях и происходит — смешение языков и народов, вплоть до образования новых — этногенная конвергенция, если современным языком. Возможно, с этого момента начался процесс образования молдавского этноса и соответственно языка. Процесс не моментальный, разумеется, но непрерывный. Он продолжался и после того, как римляне ушли из региона и самой Дакии. Во всяком случае история в 517 г. н. э. впервые зафиксировала короткую фразу на латыни, не на языке, которым разговаривали византийцы ("суржик" из древнегреческого и многих языков Малоазийского острова). Не на древнерусском и не на почти полностью вымершем к тому времени языке дако-гетов.

Командующий византийским войском на Нижнем Дунае Комментиолус зафиксировал врезавшуюся в его память фразу на незнакомом языке: "Торна, торна мей фратре!" Ее выкрикнул солдат его войска не то в пылу боя (с аварами), не то в разгаре солдатской пирушки. (В первом случае фраза могла быть воинственным кличем типа: "Бей, брат, бей!", во втором фраза очень похожа на хорошо знакомую нам: "Так наливай, брат, наливай!"). Академическая история румынского языка считает, что фразу произнес не византиец, не римлянин, не праславянин, а прарумын.

Во всяком случае история румынского языка считает это словосочетание первой письменно зафиксированной фразой на волошско-молдавском языке, из которого родился румынский. (История румынской литературы. Т. I. Древний период. Стр. 4. Бухарест. 1970 г.).

"Великое переселение" народов продолжалось: вест, остготы, гунны,

авары... А славянский корень все основательнее закреплялся на этой земле. В начале IX века киевский князь Олег "Вещий" пытался покорить дунайских славян, но попытка не удалась. Князь киевский Игорь заключил с дунайскими славянами союз. Неотъемлемой частью Киевской Руси дунайские славяне на короткое время стали при князе Владимире Мономахе. После 1125 г. Нижнее Подунавье, правда не надолго, вошло в состав Княжества Галицкого — это уже не союз племен, а могущественное европейское государство.

В нем полным ходом шло образование уже украинского языка. Его корни уходят в древнеиндийские веды, в язык Киевской Руси. Но уже вошли в него такие новые формы, как выражаемые мягким, привычным и нам, украинским "Г", уникальным "Ї" и ряд других. А в словарный запас вошли такие слова, как "идол", "герой", "великан", тоже из глубин тысячелетий — из языка киммерийцев, упоминаемых еще "Ветхим заветом". Память о скифском осталась в виде слов "топор", "собака" и др., отживших в "слоеном пироге" дако-гетов, вошло несколько слов, например, известное практически по всей Украине "брынза".

Позже от половцев — куманов пришли и стали украинскими слова: "кохана", "рух", модный сейчас "майдан" и десятки других.

В Галичине же уже тогда стал формироваться своеобразного колорита украинский язык, с большой примесью слов ляшского (польского), в меньшей мере мадьярского (венгерского), в какой-то мере волошского, а впоследствии и немецкого языков (больше всего сказалось влияние польского языка, из которого пришли и стали украинскими такие слова, как "хлопец", "газда", " ганок" и, ставшего в наше время митинговым, "ганьба").

В Юго-Западной Руси таким образом древнерусский язык все в большей мере обретает украинское звучание.

Надо полагать, что и Килийщина того времени, как часть Галицкого княжества — одно из мест формирования украинского этноса и украинского языка, культуры, психологии.

То же самое можно, вероятно, сказать о Килийщине, как об одном из регионов формирования волошского (молдавского) этноса и языка, уж такой это регион — слоеный этнический пирог!

Нет, мы ни на чем таком не настаиваем, кроме как на необходимости фундаментальных исследований этой интересной, принципиальной, не только теоретической проблемы историками, археологами, этнографами, лингвистами и другими специалистами.

Таковы, на наш взгляд, основные черты древней истории не только

Новоселовки, но и всего Придунайского края, в какой-то степени прерванной татаро-монгольским нашествием.

Отныне на несколько веков южнобуджакская степь стала "Шляхом битим ординським". Но потребовался лишь сравнительно короткий исторический срок, чтоб этим самым "Шляхом битим ординським" и, как известно, "Полем, полем кілійським гуляв собі козак Голота...". Бессмертный казак Голота — олицетворение того бесспорного исторического факта, что история украинского запорожского казачества не знает такого гетьмана, великого или малого, такого атамана войска запорожского, этого интернационального по составу, но обязательно православного братства, который не водил бы своих казаков этим самым "Шляхом битим ординським" или путем еще более опасным — морским, на Дунай, а нередко и далеко за Дунай.

Дунай-батюшка таким образом, как и Днепр — Славутич, не только былинная эпическая, но и не в малой мере и реальная историческая колыбель народа украинского.

Если же строго придерживаться исторической правды, то надо признать: вслед за казацкими походами на Дунай пришел черед и походов войск российских, которые в конечном итоге и принесли освобождение от более, чем трехсотлетнего турецкого владычества. Но это уж и не такие древности, это прелюдия, да и сама история основания села Еникей — Новоселовки.

СТАРЫЕ ТРОЯНЫ

Село раскинулось на склоне у западного берега озера Китай в 6 км от шоссе Измаил — Одесса. От шоссе недалеко и до легендарного "Траянова вала".

Село основано в 1817—1819 годах болгарами, бежавшими также из села Трояны в самом сердце Болгарии — от зверств турецких завоевателей. Нелегко пришлось первым колонистам, поселившимся на новых землях, более суровых, чем Болгария, опустошенных многими войнами.

К тому же в 20-е годы этот край подвергся многолетней опустошительной засухе... Высохли заливные луга севернее оконечности озера.

Высохла сама его северная оконечность, так что, спасаясь от голода, старотроянцы стали использовать влажное дно озера под кукурузу и баштан. В 1823 г. большая часть жителей села покинула населенные жилища и переселилась на речку Катлабуг, впадающую в озеро того же названия, основав село — Новые Трояны. В Старых остались всего несколько семей ("Статистическое описание Бессарабии". Аккерман. 1899 г.).

Но Старые Трояны не исчезли. В начале 30-х годов на землях села стали селиться новые колонисты, прибывающие из Северной Болгарии и Добруджи, на этот раз в большинстве своем гагаузы. (См. И. И. Мещерюк: "Переселение болгар в Южную Бессарабию". Кишинев. 1965 г.).

В 1846 г. в селе проживало 100 семей — большинство гагаузских. Каждой семье колонистов царское правительство выделяло 50 десятин земли и денежную помощь на обустройство. Болгарские и гагаузские колонисты умело распоряжались землей, деньгами, другими льготами — село обустраивалось многонациональным из Северной и Центральной Бессарабии от помещиков сюда бежали бедные молдаване, цыгане.

После того как в 1858 г. на юге Бессарабии установилась румынская власть (а Румыния еще оставалась вассалом Турции), значительная часть болгар и гагаузов из Старых Троян переселилась в Бердянский уезд, и там основали еще одни Трояны. Когда же после новой русско-турецкой войны, в 1878 г. юг Бессарабии был возвращен Российской империи, некоторые старотроянцы вернулись с берегов азовских на полюбившиеся им берега озера Китай.

Если верить документам, первая церковь, деревянная, была построена в селе в 1850 г. (До этого жители села, видимо, молились в простом доме, а по большим праздникам — в церкви Преподобной Параскевы в соседнем Чемашире, там же и крестились, и венчались).

Село быстро росло, благодаря трудолюбию его жителей, богатело, украсилось каменными домами. В 1913 г. на месте старой деревянной церкви, не меняя места Святого Престола, встала красивая новая церковь. Освятили ее в светлый праздник Пресвятой Троицы. В этот день и празднуется престольный праздник церкви. Буйствующий хрущевский атеизм привел храм на край гибели, храм, но не души людей, и вот восстановленная и освященная церковь вновь действует.

В средней школе Старых Троян ведется активная историко-краеведческая работа, были и есть члены Малой Академии наук, призеры ее конкурсов, действует и пополняется школьный музей. Все это вселяет и уверенность в то, что будет написана и фундаментальная история этого замечательного села. Я же лишь хочу напомнить несколько фактов древней истории этой части Килийщины. О ней рассказывают археологические исследования.

С северо-восточной стороны села, над уходящей к далекому горизонту низиной, возвышаются два высоких кургана. Подойдя к подножью их, ощущаешь, как высоки, сколь огромны они. Кружащийся над вершиной в высоте беркут кажется вот-вот чиркнет ее крылом своим...

. А мы, взобравшись на вершину одного из курганов, все, как один, почувствовали себя, ну просто игрушечными в сравнении с громадой кургана. Кто-то с удивлением озирает неожиданно далеко отскочивший горизонт, а кто-то даже утверждает, что чувствует действующую на него таинственную силу великана. Меня же поглотила мысль, что курган, конечно, не пирамида Хеопса, которую и время боится, но и таких курганов время тоже боится — ведь пронесшиеся тысячелетия и над этими творениями людей не так много следов оставили, прибавив им лишь таинственности.

Конечно, курганы были насыпаны не над кочевниками, а над иными сильными того давно канувшего в лету времени.

Скорее всего оба кургана были ограблены вскоре после того, как были насыпаны. Но что интересно, обе вершины носят на себе явные следы недавно поработавших буров! Что ж, XXI век, рынок с его алчной надеждой мгновенно обогатится, а не обогатит науку.

Возможно, тысяч пять лет тому назад в эпоху перехода от камня к бронзе курганы насыпали первые в наших краях земледельцы и скотоводы т. н. "трипольцы", их поселений немало на берегах Китай-озера.

Как и следовало ожидать, Центральное захоронение было ограблено в незапамятные времена, в нем не нашлось при раскопках ни золота, ни серебра, ни бронзы. И все же древний курган подарил науке интересную находку — керамическую пластину, представляющую что-то среднее между рисунком и скульптурой. Она изображает человека. Спереди на поясе у него кинжал или нож, сзади четко видны ступни, прижатые к спине коленопреклоненного. Не исключено, что курган насыпан индо-иранцами (ариями), более 4 тысяч лет тому назад стремившихся к Дунаю и давших этой могучей реке ее первое, дошедшее до нашего времени, имя — Дана — имя их главной богини Даны — Веды — богини воды. Этого же корня и названия ряда других рек, которые довелось пересечь ариям: Дон, Донец, Днепр...

Того же корня и название главной реки Израиля — Иордана — Дана. Оно тоже от имени главной богини ариев, нахлынувших на эти берега за полтысячи лет до того, как после сорокалетнего шествия по Синайской пустыне к стенам Иерихона привел евреев из египетского плена мудрый, послушный Всевышнему, но все же грешный Моисей, которому только издалека разрешил Ягве взглянуть на землю обетованную.

"И взошел Мойсей с равнин моавитских на гору Нево, на вершину Фаоги... И показал ему Господь всю землю до самого Дана... И умер там Моисей, раб Господень по слову Господню. ("Второзаконие": 34. 1, 5, 9).

Арийцы были огнепоклонниками и своих покойников сжигали, полагая, что это самый быстрый и прямой путь в царство бессмертных душ. Над прахом сожженного насыпался курган, тем более высокий, чем выше при жизни был ранг отправляемого в царство бессмертных душ.

Такую традицию захоронения арии передали другим народам, следовавшим на Запад их путем. Так что курган могли насыпать киммерийцы (конец II тысячелетия до н. э. — начало I тысячелетия до н. э). Их на многие века сменили скифы, которые продолжили традицию трупосожжения и сооружения курганов. У древних греков слово "скифы" буквально означает "мычащие". Реально это многочисленные племена разного уровня культуры от кочевников-скотоводов до земледельцев (скифов-пахарей) и до живущих в городах "царских скифов". От скифов в языке ранних славян остались слова: "топор", "собака", "тюря" и многие другие. От скифов же ранние славяне переняли обряд сжигания покойников и сооружения курганов.

Все другие, прошедшие этими бескрайними степями народы, начиная с сарматов V в. до н. э. и до монголов VIII в. н. э., уже не насыпали собственных курганов, а для захоронения использовали склоны старых и пространство вокруг них. Отсюда и могильники.

В 1969 г. археологическая экспедиция А. В. Гудковой проделала несколько раскопок кургана. Как и следовало ожидать, предметы из центрального захоронения были разграблены (скорее всего вскоре после захоронения, не исключено, что грабители были свидетелями захоронения и сооружения кургана). Возраст кургана — ранний бронзовый век, около 5000 лет тому. Возможно и такое — курган первоначально служил не местом захоронения, а своеобразной обсерваторией, на которой мудрейшие того времени вели астрономические наблюдения для календаря сельскохозяйственных работ. Такие холмы — обсерватории — встречаются в южной полосе от Карпат до предгорий Кавказа. Что касается сопутствующих захоронений, то эти могилы людей простых, начиная со времен скифо-сарматских. Это кочевники и в таком захоронении, если повезет, можно найти разломанный горшок, прикрытый крышкой, в нем покойнику на дорогу в мир иной насыпали пищу. Если это было захоронение мужчины, то в нем можно обнаружить кости коня (иногда только копыта — мясо съедали на скромной тризне), да и несколько наконечников стрел.

Этот могильник — не единственная древность у Старых Троян.

Нетрадиционную гипотезу, объясняющую эти особенности "Траянова вала", выдвинули украинские историки А. Павленко, С. Плачинда и

др. По их мнению, даже двух походов императора Траяна не хватило для завоевания всей Дакии, потому что отступившие в междуречье Прута и Днестра свободные даки получили мощную поддержку от союза славянских племен, известного под названием Троянь (анты, древляне и поляне). Эти объединенные силы остановили наступление легионов римского императора, а затем отгородились от римлян сначала нижним, а потом и верхним валами, незаслуженно получившие название "Трояновых"...

Славян Трояни выше названные авторы считают, если не совсем украинцами, то праукраинцами (II—VII века н. э.). (А. В. Павленко: "Молога". Одесса. 1999 г.). Интересно, соблазнительно, но требуются кропотливые исследования и убедительные доказательства, гипотезы.

И еще одной древностью примечательны Старые Трояны. В 1963 г. археолог М. М. Шмаглий на южной окраине села раскопала обширную стоянку балкано-дунайской культуры IX—XI веков н. э. Это ведь дунайские славяне из "Повести временных лет" летописца Нестора — земледельцы, которым было известно не только примитивное железное рало, но и железный плуг, скотоводы, ремесленники — оседлые автохтоны Килийщины и Придунавья, чьи корни в этих краях не вырваны из этой земли ни монголами, ни ногайцами, ни турками. А в 1817—1819 годах на этой земле основаны Старые Трояны.

В 1966 г. экспедиция Н. М. Кравченко, почти у дороги на Приозерное в трех км от Старых Троян обнаружила следы римского поселения II—III веков н. э., иначе говоря, поселение существовало с начала до конца римского господства в Дакии.

В 1969 г. экспедиция уже А. В. Гудкова вела раскопки на самом берегу озера, а затем на островке недалеко от берега. Находки подтвердили существование или обширного римского поселения или же нескольких поселений (Материалы Одесского облуправления охраны памятников культурного наследия)...

Еще один памятник древности сравнительно недалеко от Старых Троян т.н. "Троянов вал" (нижний). Начинается он в Молдове, в нижнем течении реки Прут у села Вадул луй Исаак следует на восток, с северной стороны огибает город Болград, следуя далее на юго-восток до межозерья Ялпуг — Китай, где снова поворачивает на восток. Южнее Татарбунар вал почти упирается в берег озера Сасык.

Спорадически археологи-профессионалы и любители исследуют его остатки на протяжении почти 200 лет.

Традиционное мнение исследований состоит в том, что вал действительно Троянов и построен для защиты Римской империи от свободных

даков и других варваров. Но некоторые исследователи, особенно в последнее время, спрашивают: "Почему обнаруженные остатки частокола из заостренных кругляков направлены туда же — на юг? Почему, наконец, казармы гарнизонов, капониры расположены с северной стороны вала?"

ПРИОЗЕРНОЕ

Академическая "История городов и сел Украины". Одесская область. Киев. 1978 г. гласит: "Село Приозерное расположено на берегу озера Китай в 20 км от райцентра и в 6 км от железнодорожной станции Дзинелор. Через село проходят автодороги Килия — Дзинелор и Килия — Измаил". Стоит заметить, что нет в Европе народа, чьи далекие предки не ходили бы на Дунай и за Дунай этими древними шляхами. Вот на этом перекрестке, на плодородной земле, рядом с богатым озером и поселились далекие молдавские предки нынешних приозерцев. Если немного на запад, то там уже ощущаются отроги Буджакского плато, от озера на восток и северо-восток до самого моря и Днестровского лимана — на большем своем протяжении засушливая и ровная, как столешница, степь.

На землях вокруг озера люди, сначала охотники и рыболовы, а затем оседлые земледельцы и скотоводы жили со времен глубочайшей древности. 1,5 км на юго-восток от села археологи нашли следы т. н. сабатиновской культуры (поздняя бронза) II половина II тысячелетия до н. э. Ближе к селу, менее чем в полукилометре на юго-восток было обнаружено многослойное поселение той же сабатиновской, а также римской и южно-славянской культур (разброс во времени от II пол. II тысячелетия до н. э. до IX—XI века н. э.). В наших краях южнославянская материальная культура соседствует, а практически является продолжением и разновидностью культуры обширного Балкано-Карпатско-Дунайского региона. Это и раннемолдавская материальная культура.

На северо-восточной окраине села почти на берегу озера — следы опять-таки сабатиновской культуры, а слоем выше — т. н. черняховской культуры — ранние славяне (III—IV в. н. э.). (См. отчет археологической экспедиции Гудковой А. В. 1988 г. Одесский археологический музей).

Разве село на таких наслоениях древних культур и само может быть не древним? О топо-, гидро- и антропонимике — о происхождении названий объектов рельефа, рек, озер и поселений в округе.

Отыскание истоков таких названий от народов, прошедших через

этот край, начиная с ариев (III тыс. до н. э.) — первоносителей основ почти всех современных европейских языков, — это проблемы специалистов высокого класса, это проблемы, решение которых требует огромного кропотливого труда.

О том, что есть озеро Китай, а если по истории происхождения названия, то Кытай. Так звали родоначальника огромного рода тысяч в 10 мужчин, женщин, детей, который обосновался на западных берегах озера, придя с ордами Батыя на обратном пути из Центральной Европы (середина XIII века). Родоначальник Кытай был и военачальником набираемой из того же рода "тысячи" Батыева войска.

Того же и подобного происхождения названия речек, впадающих в Китай-озеро: Кытай и Кыргыз-Кытай. Татаро-монгольского происхождения и название речки и села Ташлык (Каменское и Каменка, Таш-бунар и Татарбунар, а также ряд других на юге Бессарабии (См. В. М. Кожокору: "Этимология Дунай-Днестровского междуречья в золотоордынские времена". Симферополь. 1992 г.).

Превращение нашего края в турецкую райю (конец XV века) породило новые названия поселений, иногда рек и озер.

Лучшие земли райи турецкие султаны объявили своей собственностью. Часть захваченных земель отдавалась в пользование исламскому духовенству — мечети. Земли, поближе к границам с Молдовой и Валахией, отдавались в пользование турецким военнопоселенцам — тимариотам, за военную службу Империи. Так в крае появились Али-ага, Хаджи-курда (Камышовка), Омарбея, Кара-Махмед и другие.

Озеро Китай от села того же названия на север сохранило свое название и при турках. Хозяином южной части озера стал тимариот Хаджи, озеро стало именоваться Хаджи-гел. Под этим названием оно значится и на картах Румянцева, Суворова и Кутузова.

Отмечено на этих картах и село Приозерное под названием Чума-чур. На турецком языке это слово означает функциональное назначение места — место стирки, чистки, карантина. Предания гласят, что тут, на берегу озера, турецкие войска возвращались из грабительских походов в Молдову, Польшу, Украину, отмывались, проходили нечто вроде карантина перед возвращением в Килию, перед посадкой на корабли для отправки на родину, если войско было многочисленным. Каково приходилось при этом жителям села! (И для российского войска это место было карантинным, а Чума-чур вполне может иметь и прямое значение). Во всяком случае, под этим значением оно значится на русских картах 1817 и 1828 годов.

Историческая судьба этого прекрасного края сурова, поэтому отыскать в ней самые первые следы молдавских и славянских корней, как это следует из реальной логики исторического развития, очень сложно, но тем интересней и насущнее эта проблема...

Кстати, о корнях славянских. На северо-запад от Приозерного есть старинное кладбище, остатки строений, в частности — кузницы. Согласно преданиям, там располагался обоз — тылы суворовского войска, которое у нынешнего Суворова (Шикырли Китай) на макете валов и рвов крепости Измаил великий полководец готовил своих чудо-богатырей к штурму этой твердыни. Но если это следы суворовского обоза, то откуда взялись развалины старинного села Еленовка? Название свидетельствует об этническом составе населения. В соответствии с логикой исторического развития края, не следы ли это того самого славяно-молдавского "слоеного пирога", каким было население края еще до прихода татаро-монголов?

Ну, а церковь Преподобной Параскевы? Какого времени она свидетель? Самый ранний документ, каким мы о ней располагаем, это "Ведомости Кишиневской епархии" за 1896 г. Относящийся к интересующему нас предмету их фрагмент гласит: "Свято-Параскевская одноклирная церковь построена в 1816 г. стараниями жителей села Чемашир. Построена из камня и покрыта листовым железом. Отдельно от церкви в 1857 г. построена каменная колокольня и покрыта листовым железом. Кругом церкви устроена каменная ограда. В церкви один престол во имя Преподобной Параскевы, память которой празднуется 14 октября, когда и совершается престольный праздник. По штату, учрежденному в 1879 г., причта положена из одного священника и одного псаломщика. Для церкви румынской властью отмежовано 60 десятин земли пахотной и сенокосной удобной. При сей церкви имеется один чамуровый, покрытый досками дом. Построен стараниями церковного старосты Филиппа Лунгу под помещение местного священника... Лавок, богаделен равно капиталов церковь не имеет. Ближайшая к церкви есть церковь села Китай в 4 верстах". Мутный вал хрущевского воинствующего атеизма с помощью местных властей в начале 60-х годов XX века смел эту церковь Пресвятой Богородицы с лица земли. Приозерцы же свою отстояли.

Стараниями священника о. Михаила, прихожан, не только их, церковь обновилась, ее маковка и крест на ней сверкают блестящим, как золото, металлом.

А село? Оно живет той же жизнью, что и большинство сел в округе...

Но в нем и во многих жителях его все же больше, чем в других селах ощущается традиционный дух старины глубокой. Может быть, это от

старой школы, которая своих питомцев из поколения в поколение воспитывала так, чтоб не терялась связь меж поколениями, чтоб они не теряли связи с родной землей.

Способствует этому и видимая далеко окрест церковь Преподобной Параскевы Пятницы — одна из старейших в районе.

И еще что-то от старинной благодати — это легенды древней земли...

Одна из них — о колодце с живой цилительной водой — колодце добрых фей ("Фынтына зынелор"), что в урочине Янук на пути в Новую Покровку. Предания гласят, что вырыли колодец рабы племени Бесов во времена Траяна, по чьему повелению был построен знаменитый вал .... (По одному из преданий само название края "Бессарабия" — от того племени).

На протяжении столетий целебной водой колодца лечились от многих болезней люди из округи и краев дальних — такова была слава колодца фей. Племена ногайцев, кочевавшие в буджакских степях на протяжении почти 300 лет, воду называли Азиз бунар — Святой водой...

А когда в конце XVIII века вынуждены были уйти в Таврию, забили колодец, но легенда продолжала жить...

В начале XIX века жил в селе Чума-чур пастух Мунтян Прокопий, Мунтян —горец, потому что пришел сюда с гор Дорны — Северные Карпаты, славящиеся своими целебными водами.

Многотрудно дело пастушье и Прокоп болел болезнью ног от ежедневной долгой ходьбы. Во сне несколько раз он видел волшебный источник, вода из которого могла излечить его. Он искал его в степи, в оврагах, по берегам речушек и в урочище Янук тоже искал. И нашел, вдруг провалившись в колодец. Довольно долго барахтался пастух в колодце, пока вылез — вымок, но не простудился в холодной воде, а почувствовал себя гораздо лучше... Вскоре болезнь совсем прошла.

Далеко распространилась слава целебного источника — до самого губернского города Кишинева. В 1818 г. митрополит Бессарабии Гавриил на себе проверил целебную силу воды той, рассказал о ней царю Александру I. И завязалась по поводу колодца с целебной водой круговерть бюрократической переписки... Единственными, кто о колодце проявили настоящую заботу, были братья Прокопий и Алексей Мунтяны. Сначала они поставили рядом с колодцем крест с иконой, а затем возвели небольшую каплицу. Много людей водой из колодца излечилось от тяжких болезней, но... Шли годы и чудо стало забываться все больше. Со временем затерялся на окраине буджакских отрогов и сам колодец. (Говорят, икону, которую поставили братья, все же передали в церковь Преподобной Параскевы Пятницы).

А не настало ли время, когда легендарный колодец надо найти и возродить на пользу людям.

Древности вокруг Китай-озера уже в Измаильском районе? В окрестностях старинного старообрядческого села Муравлевка археологи обнаружили поселение земледельцев и скотоводов эпохи поздней бронзы. Предметы такой же культуры были обнаружены почти на берегу Китай-озера у села Камышовка (Хаджи-курда).

Это имение богатого тимариота Хаджи, по имени которого во времена турецкого владычества даже южная часть озера называлась Хаджигел. Видимо, нет оснований утверждать, что берега Китай-озера обследованы археологами достаточно полно. Но и то, что уже открыто ими, дает основание утверждать, что уже в древние времена этот регион был довольно густо населен, в том числе оседлыми земледельцами, скотоводами и ремесленниками.

ШЕВЧЕНКОВО
(Кара-Мехмед)

Ознакомившись с древностями вокруг озера Китай, двинемся в Буджакскую степь и к морю. Первый населенный пункт на нашем пути (проехать напрямую через Червоный Яр) — Шевченково (до 1946 г. Кара-Мехмед), самое многолюдное и благоустроенное село в нашем районе. "Село расположено в 12 км от райцентра и в 28 км от железнодорожной станции Дзинелор" — сообщает о нем "История городов и сел Украинской ССР". Одесская область.

Но боевая и трудовая слава этого замечательного села в эпоху новейшую практически не оставила места его истории во времена глубокой древности. Постараемся хоть в какой-то степени восполнить этот пробел.

Доступные нам источники упоминают всего один древний археологический памятник на землях Шевченково. Это курганная группа, исследованная археологом М.М. Шмаглий в 1963 г. (Южная окраина села). Самый большой в группе курган высотой в 2,5 м и диаметром в 60 м давно разграблен. В остальных — небогатые захоронения разных эпох: от скифов до монголов, половцев и ногайцев, кто только ни ходил этими степями на протяжении тысячелетий!

Когда образовалась Килийская райя, эти богатейшие черноземные земли, они у турок так назывались — кара Чук — черная земля, были объявлены собственностью султана. Поскольку эти земли были пограничными, султан поселил на них военнопоселенцев — тимариотов, кото-

Стоянка охотников и рыболовов эпохи Верхнего палеолита восточнее с. Червоный Яр. Более 42000 лет тому. Червоный Яр.

В написанное с натуры художественное полотно вписаны соответствующие эпохам фигуры и детали из научных трудов по археологии. Работа Левенцовой В.Ю.

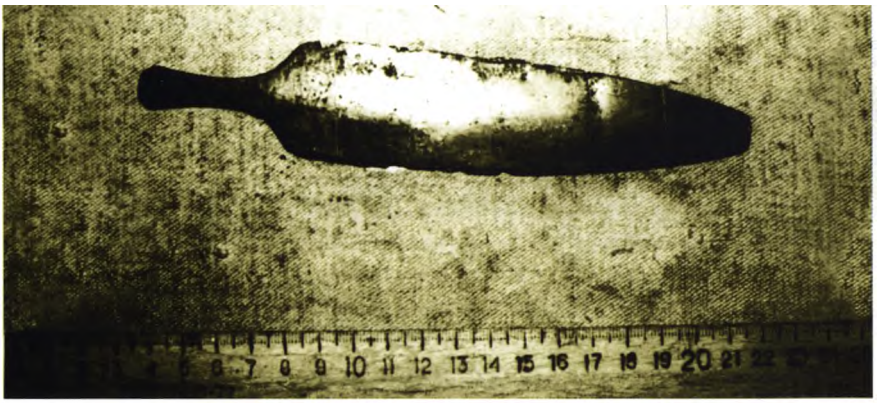

Там же — поселение земледельцев и скотоводов — «трипольцев». 6000 лет тому. Червоный Яр.

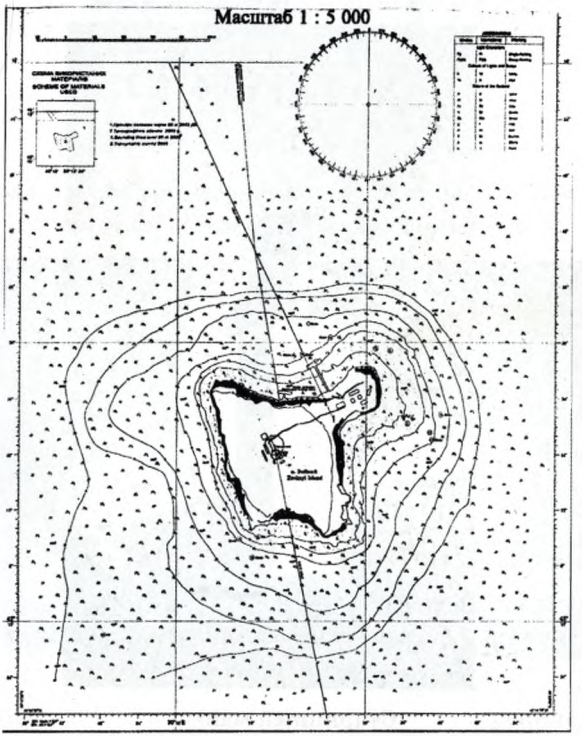
Образцы трипольской керамики, подобранной на берегах озера Китай. Бросается в глаза эволюция мастерства гончаров на протяжении полутора-двух тысяч лет...

К сожалению, интенсивное строительство рисовых чеков на территории нашего района, несмотря на некоторую работу археологов в тот период (60—70 годы), привело к грубому смешению культурных горизонтов различных периодов трипольской культуры, культур гумельницкой и черняховской — энеолита и бронзы...

Самая древняя археологическая находка в Килии (Быв. НСШ-6, 1964 г.). Бронзовый кинжал середины второго тысячелетия до новой эры. Хранится в Килийском историко-краеведческом музее.

Карту складено ФДУ «Укрморгеофізика» у 2005 році за технологією dKart на основі цифрового набору у форматі IHO S-57

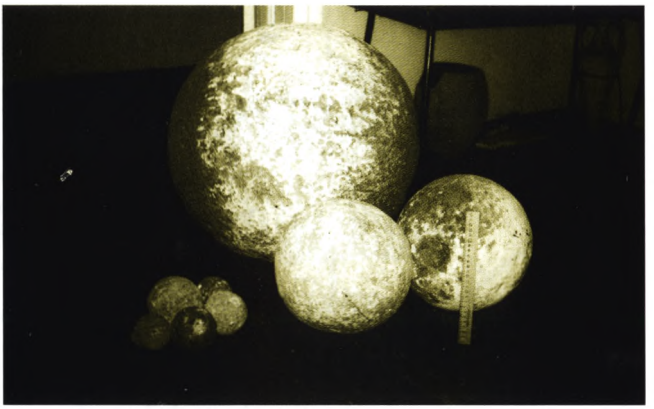
Остров Змеиный. Общий вид с северной стороны. 2004 г.

Старинный маяк.

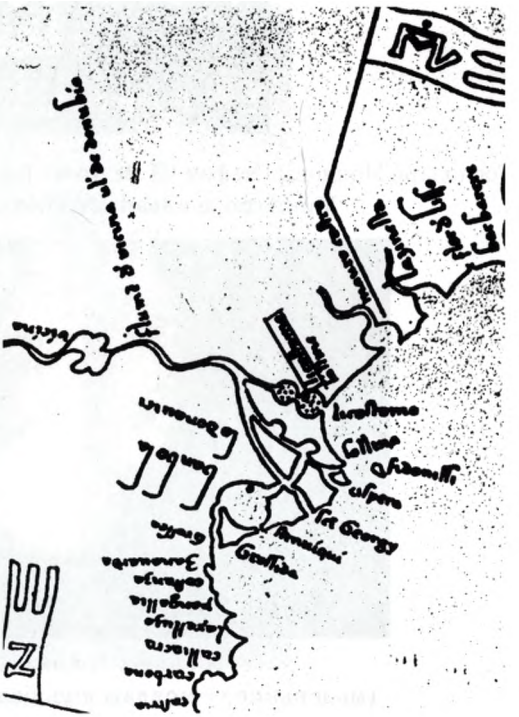
Господарь Молдовы Стефан III Великий (прижизненный портрет, 1474 г.).
Миниатюра в евангелии монастыря Воронец.

XVI век. Пушечные ядра
(маленькие — молдавские, большие — турецкие).

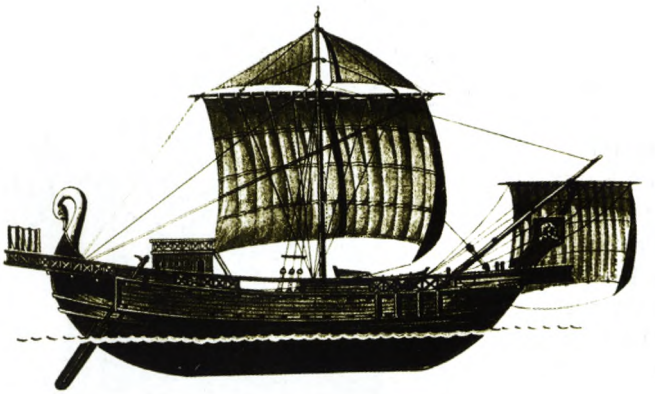
Князь Ярослав Владимирович Галицкий, принявший Килию под свой скипетр. Конец XII века.

Килия еще под названием Ликостомо на карте венецианца Марио Санудо. 1320 г.

Верхняя Мизия (Южная Бессарабия)
на римской карте II — III веков н. э. — на карте Птоломея.
(Соседи гетов карпы, это дунайские славяне Нестора).

Такие парусники приходили в Килию за хлебом в XII — XV веках н. э.

Господарь Молдовы
Дмитрий Кантемир.

3(14) апреля 1711 года между Россией и Молдовой был подписан договор, согласно которого петровская Россия обязывалась освободить Молдову от турок и восстановить в исторических границах...

Петр I и
Дмитрий Кантемир
в Яссах перед храмом
трех Святителей.
Июнь 1711 года.
Это была первая
в XVIII веке
русско-турецкая война.

Богдан Хмельницкий побывал в Килие трижды: в 1620 году пленник Хмельницкий на килийском невольничьем рынке был продан гребцом на галеры. В последующем, атаман Хмельницкий дважды приводил запорожцев под стены Килии...

Запорожские «чайки» атакуют турецкую галеру.

В первой половине XVII в. и до Килии дошел свет Возрождения. Это явление у нас связано с деяниями господаря Молдовы Василия Лупу. Возрождение в Килие нашло свое воплощение в строительстве храма Святого Николая Чудотворца...

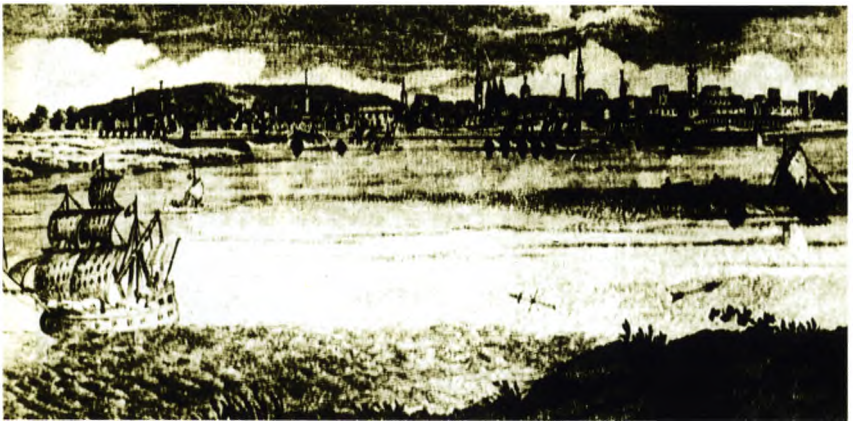
Василий Лупу
(1634 — 1653 гг.)

«Изволением Отца, Поспешением Сына, Свершением Святого Духа изволил благочестивый, Христолюбивый Василий воевод, божьей милостью господарь Земли Молдавской повеле создать церковь средь града Килийского. И се Храм Святого Иерарха Чудотворца Николая» — гласит писание на мраморной плите (1649 г.).

Многие страницы своей «Книги путешествий» посвятил описанию Килии турецкий автор Эвлия Челеби (Середина XVII века).

Приблизительно такой предстала Килия и ее крепость перед Челеби. Вверху справа — фрагмент рукописи автора.

Представление генуэзцев у храма Св. Николая
архитектора Иоанна Привана 1481 г. Килия.

Крепостная церковь Успения Божьей Матери. Архитектор И. Привана.
Килия. 1930 г.

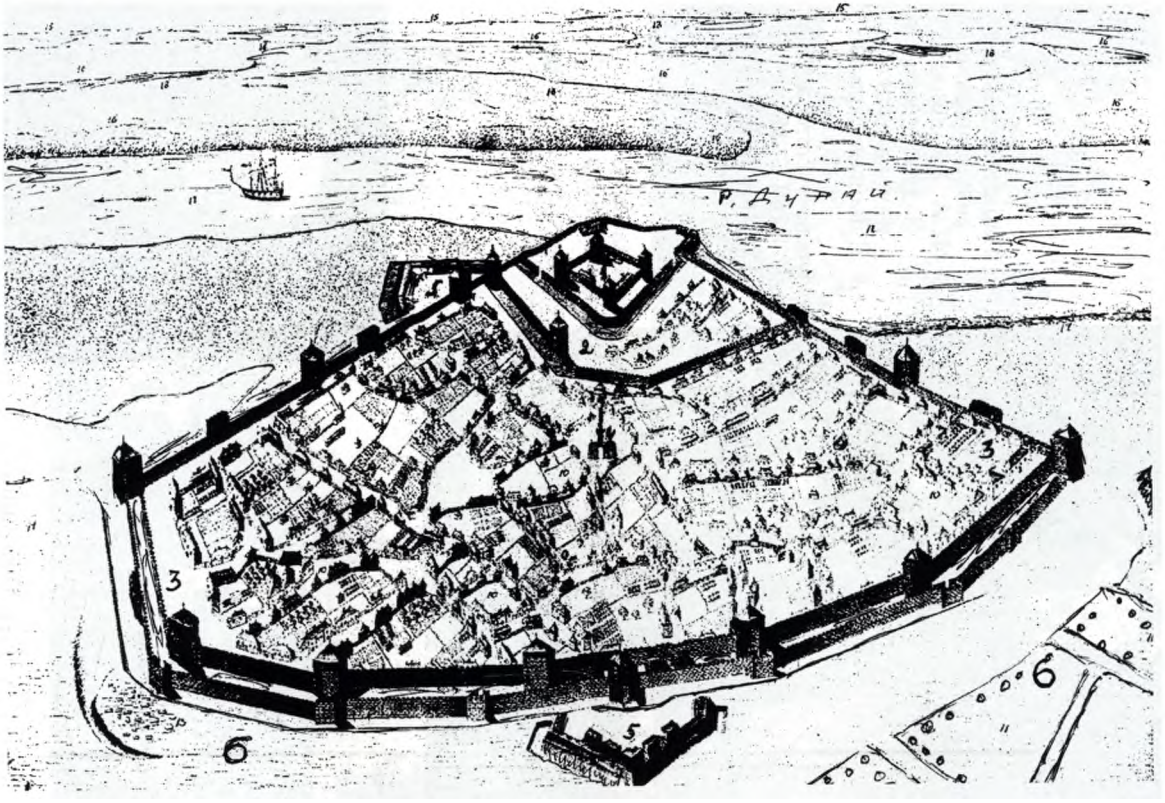

Парадный портрет фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского, командующего Дунайской армией в период русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг. (Художник Ф.Н. Рисс).

21 августа 1770 года корпус генерала, князя Репнина и кавалерийская бригада генерала Потемкина (еще не Таврического) штурмом овладели Килией.

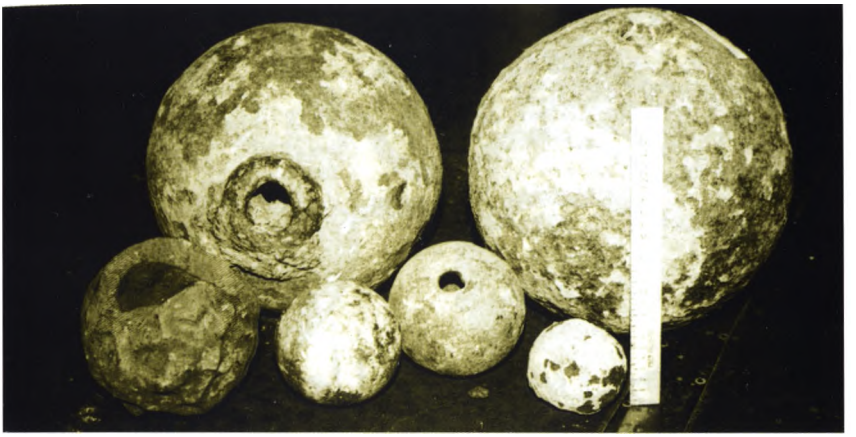
Г.А. Потемкин.

1. Цитадель. 2. Малая крепость. 3. Большая крепость. 4. Мечеть султана Баязида II (главная). 5. Предкрепостные бастионы. 6. Форштадт.

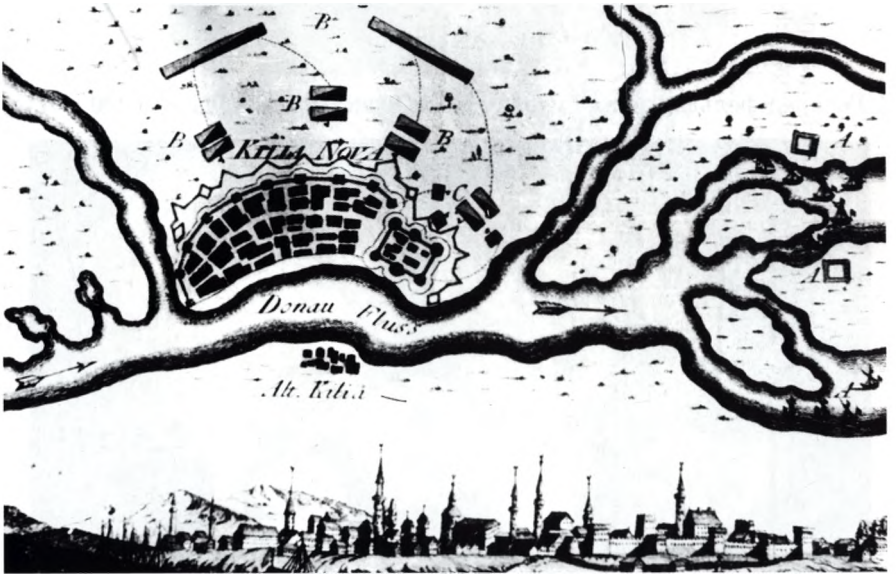
Генерал-фельдмаршал Гудович Иван Васильевич (1741 — 1820 гг.).

Бомбы и ядра российской артиллерии, обстреливающей крепость (Килийский историко-краеведческий музей).

Атаман Черноморского казачьего войска Головатый Антон Андреевич. Атаман и его войско отличились в боях на Дунае в 1790 — 1792 гг.

18 октября 1790 г. российские войска генерала Гудовича в ходе кровопролитного штурма овладели Килийской крепостью.

М.И. Кутузов, чьи победы военные и дипломатические над Оттоманской империей в 1811 — 1812 годах даровали России мир на Дунае и... Бессарабии (По Бухарестскому мирному договору 16 мая 1812 г.).

В 1811 году генерал Ланжерон был комендантом Килии.

6 декабря 1806 года 13-я пехотная дивизия генерала герцога де Ришелье изгнала турок из Килии.

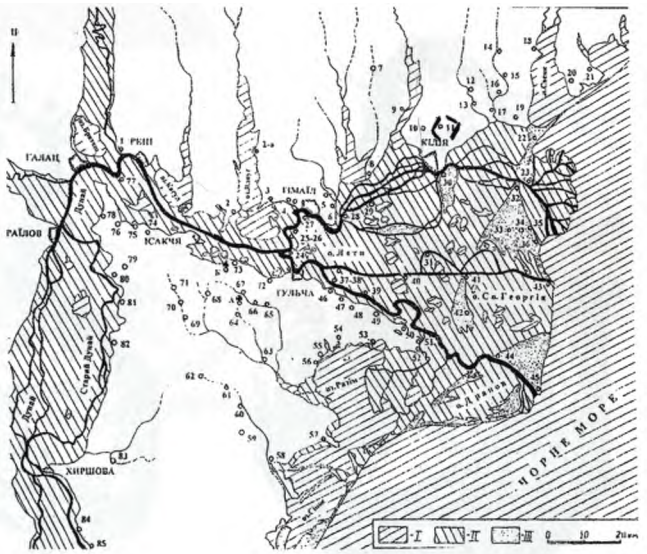

Пикет Усть-Дунайского казачьего войска на Дунае. 1807 год. Васильковский. Масло. XIX в.

I. Море, лиманы, озера.
II. Поймы рек.
III. Пески, болота.

11. Шевченково.
19. Десантное.
42. Кара-орман.
43. Сулина.
44. Иванча.
45. Святой Георгий.
51. Верхний Дунаец.
52. Нижний Дунаец (Запорожане).

Кроме того украинцы составляют значительную часть населения Рени, Измаила, Килии, Вилкова и других населенных пунктов региона.

Карта расселения украинцев из Задунайской сечи. (По «Исторической географии дельты Дуная». И. Сапожникова).

Осип Гладкий со старшиной переправляют императора Николая I через Дунай. 1828 г. Рис. неизвестного автора. XIX в.

С. Васильковский. Казак Задунайской сечи. XIX в.

Потомки казаков-задунайцев из села Кара-Мехмет (Шевченково) Килийского района. Фото начала XX в.

Молдаване — старожилы Килии. Конец XIX в.

Кройтор Петр Константинович свои медали заслужил на сопках Манчжурии.

Молдаванки-горожанки. Килия. Начало XX в.

Килийские молдаване в национальных костюмах местной разновидности.

1929 г. Закладка еврейской школы «Торбут».
На фото: № 1 — Вильдерман, № 5 — Г. Гамшиевич, № 6 — Рави Каханэ, № 8 — примарь Секэряну, № 9 — Вильгельм Кицис.
(Из «Черной книги» еврейской общины Килии. Тель-Авив. 1991 г.)

Ицхак Кац — почтеннейший представитель этого многочисленного рода. Успехи в торговой деятельности и масштабы благотворительности снискали ему звание Великий (дер Гройсер)!

Большая синагога. 30-е годы.
Художественная реставрация Н. Дичева.

Очень разнились праздничные застолья в социально поляризованной еврейской общине Килии... (Фото 30-х годов).

Такими со всех концов крепостной России приходили русские крестьяне на вольные земли юга Бессарабии.

Первая старообрядческая церковь Покров Божьей Матери. Килия. 1840 г.

Килия. Старообрядческая церковь Покров Божьей Матери. Кирпичная кладка — Фиопповы, работы по дереву — Соловьевы. Освящена в октябре 1840 г.

Церковно-приходская школа храма Покров Божьей Матери.
В центре протодьякон Анисим. Килия, XX в. 30-е годы.

И так начинали осваивать придунайскую степь украинцы...
(Снимок восьмидесятых годов XIX в. Фотограф Недашев).

Украинская хата в маяцких
плавнях Килии. Начало XX в.

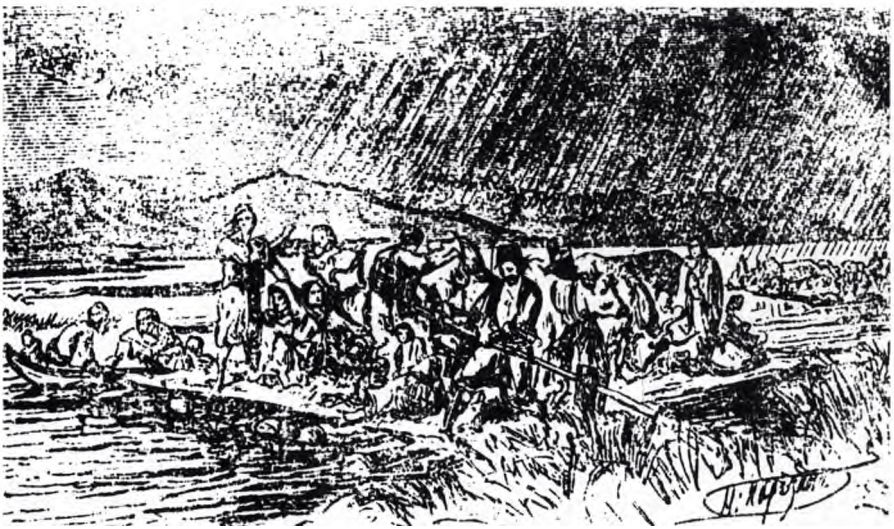

Украинские девчата и парни Килии. 30-е годы XX в.

XIX в. Зверства турок на болгарской земле.

Спасение — за Дунаем в Бессарабии.

Болгары — новопоселенцы
на юге Бессарабии.
Рис. Р. Руссо (XIX в.).

Болгарские колонисты: отдых во время летней страды.

Болгарин с традиционной волынкой (гайдой).

Болгарские колонисты в национальной одежде.
(Конец XIX в. с. Шикирли-Китай — Суворово).

Карта болгарских поселений в Бессарабии.
(1875 г.)

Генерал Инзов И.Н. — главный попечитель об устройстве болгарских колонистов в Бессарабии (1819 — 1845 гг.).

Хижина — «Бордей» гагаузской семьи.
50-е годы XIX в.

Типичное жилище гагаузской семьи. 50-е годы XX в. (Снимок конца века).

Старейшина гагаузской семьи
(Дяду или дате, бююк-тати — старший отец — прадед).

И его семья — четыре поколения.

Вторая половина XIX в.
Гагаузы юга Бессарабии.

Вверху — группа
мужчин,
внизу — гагаузка в
праздничной одежде.

Мужчина в традиционной одежде.

Цыганский барон Ф. И. Чеботарь.

Его внучка Юля.

Свадьба Ромов Кондур Ольги и Дмитрия Караи.

Крестины. Отец Козлов Александр с близнецами Сашей и Юлей, рядом — мама, Козлова (Кондур) Юлия.

Семья ромов: отдых, танцы.

Песни, музыка, танцы — любимая стихия талантливого народа.

Церковь и школа
в Помазанах.
1925 г.

Учительница
госпожа Вюрх с
воспитанниками.

Молотильная
машина семей
Гехринд и Манус.

Предметы труда и быта населения Придунавья — конец XIX века.

Грабли уборочные, вилы для половы (баштармак), вилы-тройчата, молотильная доска — дикань, ступка с пестом для паприки, гладильный — «рубель», швейная машинка (Экспозиции Килийского историко-краеведческого музея).

Ткацкий станок, лопаты подовые, путы лошадиные, самовар тульский.

Начало улицы Большой Дунайской. 1912 г.

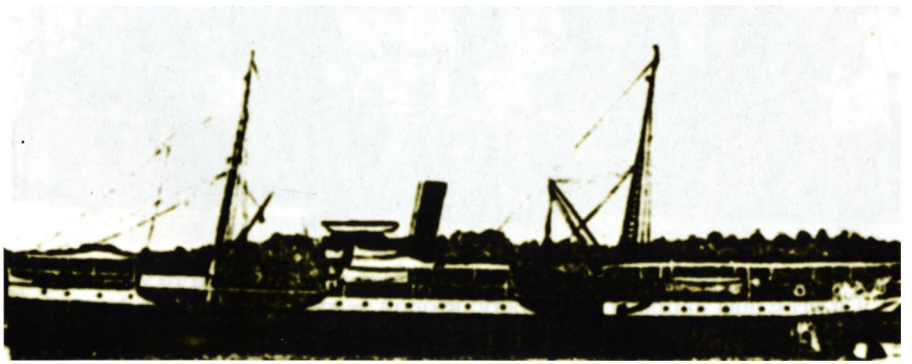

Килийский порт. 1912 г.

Первые пароходы основанного в 1883 г. князем Ю.Е. Гагариным Дунайского пароходства.

Вверху пароход «Князь Гагарин» — ходил на линии Измаил — Одесса.
Внизу речной пассажирский пароход «Болгария».
Ходил по Дунаю до «Железных ворот».

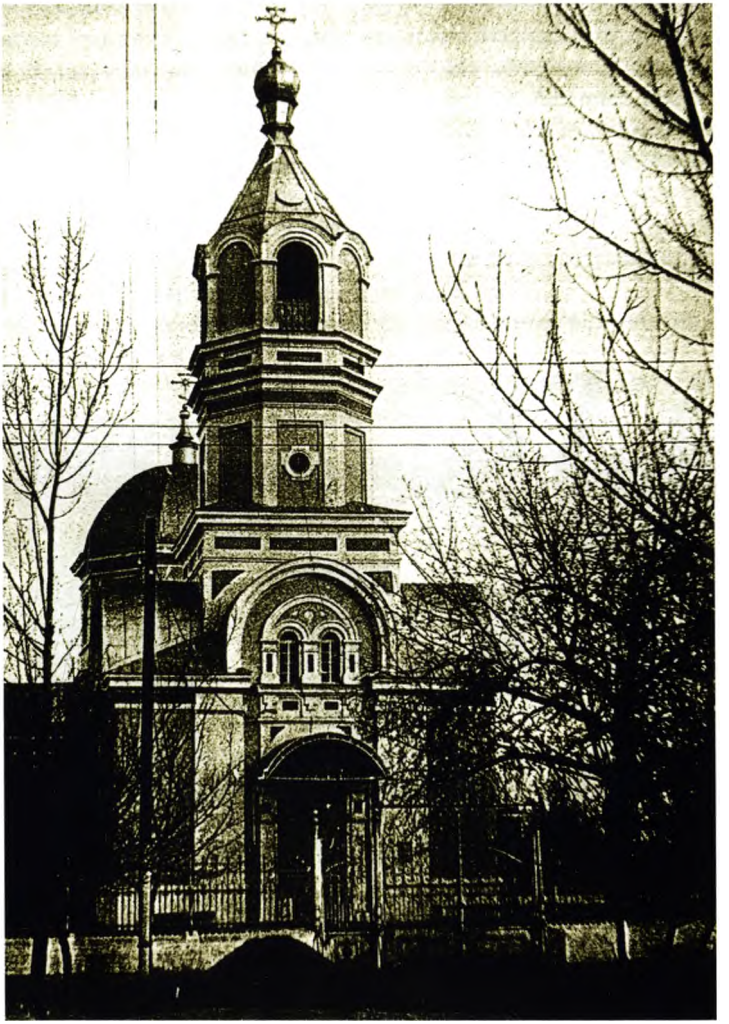

Капела (капличка). Освящена 16 мая 1912 г. в память столетия присоединения Бессарабии к России.

Открытие хирургического корпуса больницы графини Толстой 16 мая 1912 г.
Сидят слева направо в 1-м ряду: второй — священник отец Агура;
пятый — адвокат, общественный деятель Зорзэр.
Стоят: четвертый — Зорзэр Валентин (гимназист),
будущий организатор рекордных перелетов самолета «Страна Советов».
В центре — городской голова Килии Бостан, десятый — Ицхак Кац.

Соборная церковь Покров Божьей Матери. 1836 г.
Архитектор С.М. Мельников.
Его же проекта соборы в Измаиле, Болграде, Кишиневе.

Килия. Конец XIX века. Особняк миллионера Бродского.

рые были обязаны нести военную службу по первому требованию султана. Работали на этих землях военнопленные и беглецы с Украины, Молдовы, Валахии, на положении полурабов... Из этих земель выделялись наделы мечетям, мусульманскому духовенству, на которых работали тоже рабы и беглецы. Сравнительно спокойно для Оттоманской империи прошли на этих землях 150 лет. А затем все интенсивней и опасней стали набеги запорожских казаков. В веке XVII начались русско-турецкие войны и султанам пришлось позаботиться об укреплении подходов к Килии появилась, так называемая «Турецкая линия», от Приморского на берегу моря до Фурмановки на берегу озера Китай.

В этой полосе тимариотами стали крупнейшие турецкие военачальники, морские и сухопутные.

Трехбунчужный капудан - паша (полный адмирал) Хаджи Ибрагим получил обширное имение на самом берегу Черного моря (Кара-дениз, по-турецки).

Это выдающийся турецкий флотоводец, от имени которого пошло и старое название села в местном звучании, — Жебрияны.

Трехбунчужный паша (полный генерал) Галил Аты Паша получил имение на богатых землях сравнительно недалеко. Со временем в местной интерпретации село стало называться Галилешты, от имени тимариота Галил-Аты-паша.

Галил-Аты-паша был жестоко бит российскими войсками генерала Румянцева — Задунайского в сражениях у Рябой могилы, на реке Ларге и у озера Кагул в 1770 г.

Двухбунчужный паша (генерал-лейтенант) Кара-Мехмед стал тимариотом на землях, которые станут со временем землями села Кара-Мехмед (Шевченково). Так была создана "Турецкая линия" прикрытия Килии от входа в Дунайские гирла до озера Китай. В свою очередь Килия тоже укреплялась, возводилась т. н. "Большая крепость", стены которой протянулись по нынешней Суворова до нынешней Кооперативной, после чего сворачивали к Дунаю. Пред этой стеной проходило узкое русло реки, от которого осталась памятная старожилам Килии знаменитая "Гырла", превращенная тогда в трудно преодолеваемый естественный крепостной ров.

Несмотря на все эти дополнительные оборонительные мероприятия в октябре 1770 г. российские войска фельдмаршала, князя Репнина, в том числе кавалерийская бригада молодого генерала-майора Потемкина (еще не светлейшего князя, но уже фаворита Екатерины II) овладели городом и крепостью Килия, на капитуляцию.

По условиям мира, Россия вернула город Турции. Вернула, чтоб в

1790 г. еще раз штурмовать еще сильнее укрепленную крепость. К тому времени стены "большой крепости" протянулись и вдоль южного берега протоки Дуная, восточнее Малого Степового. С северной стороны за рвом — "гырлой", против главных ворот в "Большую крепость" возвысился мощный бастион.

Взять крепость с ходу не удалось. Гарнизон во главе с Кара-Мехмедом стойко защищался, не раз устраивая стремительные вылазки.

Только после того, как россияне подтянули тяжелую артиллерию и подвергли крепость многодневному обстрелу 18 октября 1790 г., штурм удался.

В 1806 г. разразилась очередная русско-турецкая война. 9 декабря 13-я пехотная дивизия генерала Арманда де Ришелье без боя заняла Килию. А война продолжалась, войск катастрофически не хватало. И тогда в Килии было сформировано Усть-Дунайское казачье войско, в которое влились добровольцы из Южной Бессарабии, крестьяне, бежавшие от помещиков Молдовы, Украины, Валахии, казаки из Задунайской Сечи, перешедшие на сторону России — народ решительный, буйный, опасный не только для турецкого султана, но и для российского царя...

Через год, несмотря на высокие боевые качества, проявленные в войне с турками (а может как раз поэтому), Усть-Дунайское казачье войско было расформированно. Многие казаки из его состава, в том числе и задунайцы, остались жить в Килии, многие поселились на землях Кара-Мехмедова имения и других южнобессарабских сел.

После изгнания Наполеона из России в 1813 г. село обрело официальный статус и название в составе Килийского административного округа.

На плодородной земле, при трудолюбивых людях, да на людном шляху быстро росло, крепло.

В 1848 г. православная община села построила церковь, которая при освящении получила имя апостола Иоанна Богослова — автора четвертого канонического Евангелия.

Богата событиями и славна история села Шевченково, много в нем краеведов — знатоков истории родного села.

В. С. и П. Л. Бабенко о своем родном Шевченково написали интересную книгу.

МИРНОЕ, ДЕСАНТНОЕ, ПРИМОРСКОЕ

И другие села т. н. "Турецкой линии", как и Шевченково, это на самых плодородных землях Килийского района. Плодородие этих земель оценили еще люди глубочайшей древности, севшие на них оседло. А сейчас на этих землях расположено село Мирное (Кара-чук — Карячка).

Что до древностей, то... В 1963 г. археологическая экспедиция М. М. Шмаглий в полукилометре юго-западнее села раскопала поселение ранних славян черняховской культуры III—IV веков н. э. — на площади 100 на 500 м. Но и это были не самые древние земледельцы на "черной земле". Горизонтом ниже на том же самом месте археологи раскопали поселение позднего бронзового века сабатиновской культуры II пол. II тыс. до н. э. А недалеко от раскопанных стоянок высится курганная группа. Через тысячелетия самым большим остался курган в 2 метра высоты, диаметром в 60 м. Как водится, первичные, самые древние захоронения курганов давно разграблены, но склоны курганов приняли в себя могилы кочевников, вплоть до половцев и татаро-монголов...

Продолжая исследование в том же сезоне, археологи раскопали стоянку первобытных земледельцев и скотоводов времени энеолита — около 4 тыс. до н. э. Сначала были найдены несколько очень редких предметов из меди, а чуть ниже красивые, изящные топоры прекрасно отшлифованного кремния, а также тонкие, острые лезвия — вкладыши в ножи, дерево которых, естественно, сгнило.

Продолжая раскопки, археологи провели поиск глубже и докопались до культуры позднего мезолита, около 8000 лет до н. э., редкие находки шлифованного кремния сменились довольно грубыми кремниевыми орудиями первобытных кроманьонцев, но уже с луками и стрелами. В то же время это, по некоторым данным, и эпоха, когда в этих плодородных степях зарождалось земледелие, об этом свидетельствует изобилие археологических находок — более 20 тысяч... Чего там только не было: жатвенные ножи с острыми кремниевыми вкладышами — древнейшие в Восточной Европе, зернотерки, песты зернотерочные. Широко представлены другие предметы из кремния: вкладыши охотничьих ножей, скребки, резцы, проколки. Мезолитическое поселение Мирное было обширным, проживала в нем многочисленная община, о чем свидетельствуют хозяйственно-бытовые комплексы. Их было раскопано 18, а в них одних только очагов и пекарских ям 58!

Люди на протяжении эпох жили в этом поселении, лежащий выше культурный слой, это уже культура развитого Триполья, нашего Южно-Бессарабского. (См. В. Н. Станко: "Древности Северо-западного Причерноморья". Киев. "Наукова думка", 1981 г.).

Вот такие сюрпризы преподнесла стоянка, обозначенная археологами, как "Мирное—1"... Приближалась осень, но поиск продолжался.

На берегу речки Дракуля, которая много тысяч лет тому была не пересыхающей летом речушкой, а мощным потоком, была раскопана стоянка

"Мирное—2". Верхний горизонт раскопа раскрыл опять-таки культуру ранних славян — черняховцев, слоем ниже — позднюю сабатиновскую бронзу.

Черная земля Мирного оказалась "золотым дном" для археологов.

Раскопанная стоянка "Мирное—3" оказалась также двухслойной.

В первом слое обнаружилась культура ранних славян — черняховцев — земледельцев и скотоводов, а ниже более ранние земледельцы, скотоводы и ремесленники, характерные для этого региона сабатиновцы позднего бронзового века. Погодные и финансовые условия той же осени вынудили археологов прекратить исследование.

Только через 8 лет снова на эти земли пришли археологи, уже под руководством Станко В. Н. В полутора километрах юго-западнее села экспедиция обнаружила и исследовала поздненеолитическую стоянку десятитысячелетней давности (площадь раскопа 20 на 30 м). Из-за административных неувязок исследование в районе Мирного прервалось.

Еще через 4 года экспедиция того же археолога в 800 м юго-западнее села и в 300 м южнее стоянки "Мирное—1" 1963 г. обнаружила и исследовала ранненеолитическую стоянку VIII тыс. до н. э.

Исчезающая в засуху нынешняя речка Дракуля была многоводным потоком, и на ее берегах в плодородной влажной, черноземной степи зарождалось примитивное земледелие, открывалась новая эпоха в развитии человеческого общества в этих местах.

Что можно сказать об истории этого региона в следующие тысячелетия? Подступало, отступало и снова подступало море, образовалось Килийское русло Дуная, образовался Сасык, разлились обширные плавни, которые сейчас Стенцовские. Вал за валом прошли неисчислимые кочевые народы. Более ранние оставили после себя высокие курганы, последние — печенеги, половцы, татаро-монголы. Ногайцы — только захоронения людей незнатных по склонам ограбленных курганов и вокруг...

Казацкие набеги XVI—XVII веков, а затем русско-турецкие войны заставили турок соорудить "Турецкую линию".

Во II половине XVIII века вблизи имения турка-тимариота появились поселения хуторского типа, основанные липованами.

С изгнанием турок, татар, ногайцев из этого края в начале XIX века к старообрядцам стали подселяться и украинцы, в том числе задунайские и Усть-Дунайские казаки. Село довольно быстро росло.

Соседство двух религиозных конфессий вызвало появление двух церквей. Храм Преподобной Параскевы — Пятницы был освящен в 1887 г., а храм Архангела Михаила — в 1908 г. (См. сб. "Липоване". Вып. I, стр. 20. Одесса. 2004 г.).

Следующее село на бывшей "турецкой линии" — Десантное, с 1944 г. Галилешты (название румынизировано), а село возникло на месте крупного имения турецкого полководца, неоднократно битого Румянцевым, Галил-бея. История его возникновения и развития, в общем, сходна с историей других сел на бывшей "турецкой линии". Украинские поселенцы, в том числе казаки из бывшей Задунайской Сечи, тут сыграли решающую роль. Не исключено, что вследствие этого и освященный в 1832 г. храм в селе имеет традиционное казацкое посвящение — Покров Божьей Матери. Что касается памятников в более глубокой древности в этих местах, то в 1963 г. археологическая экспедиция М. М. Шмаглий исследовала курган высотой в 2,5 м, диаметром в 60 м, что в полутора километрах юго-восточнее села. Как водится, самое древнее, центральное захоронение оказалось разграбленным, а врезанные в курган и вокруг последующие тысячелетия и века уничтожены временем и пахарями.

Как уже отмечалось ранее, на берегу Черного моря (турецкого Кара Дениз) в глубине залива расположено село Приморское (Жебрияны - Хаджи-Ибрагим). На плодородной земле — это тимар адмирала Хаджи Ибрагима, а на берегу залива база его мощной эскады, прикрывавшей вход в устья Дуная.

А памятники глубокой древности? Таковые пока не обнаружены, да их и не искали. Однако, греческие, римские, византийские авторы, турецкие и казацкие (запорожские) хроники свидетельствуют об энергичных военно-политических событиях на этом степном лукоморьи Земли Ахилла, Гетской пустыни, "на шляху битому ординському"...

Если на этом степном лукоморьи еще не совершили фундаментальных открытий археологи, то случайных находок обломков греческих амфор, славянского, татарского, турецкого оружия сделано немало. А что было на этой земле и на дне Понта в период его регрессии, засвидетельствованной гидрологией? Не только море, но и Стенцовские плавни хранят под собой тайны глубокой древности этого края.

Почти бесспорно, что Вилково Липованское, Филиппонское — первое старообрядческое поселение на левобережьи Дуная. Второе же — скорее всего Приморское — Жебрияны. А присоединились к имению Хаджи-Ибрагима липоване, ушедшие из Вилкова Липованского, после того, как там стали обосновываться другие старообрядцы — казаки-некрасовцы, получившие у турецкого султана привилегии за службу. Произошло это в 60-х-70-х годах XVIII века. (См. сб. "Липоване". Вып. I, стр. 13. Одесса. 2004 г.).

Понятно, что основательное обустройство села Жебрияны пошло лишь после изгнания турок из Бессарабии (1806—1812 годы).

По свидетельству российского чиновника И. Корниловича, ревностные приверженцы старой веры — жебрияновские липоване первую церквушку-капличку построили, точнее сплели из лозы и обмазали глиной, а затем оштукатурили в 1827 г. (См. указанный автор: "Статистическое описание Бессарабии". Аккерман. 1899 г.)

Нынешняя церковь Казанской Божьей Матери — одна из самых монументальных и красивых в районе — была освящена в 1903 г.

А что, до этого многочисленный жебрияновский приход обходился плетенной капличкой? Конечно, нет. В 1860 г. была освящена деревянная церковь, а в 1872 г. при ней воздвигнута каменная колокольня.

ТРУДОВОЕ (в прошлом — Дракуля)

Это также на плодороднейших "черных землях", на берегу речки Дракуля, в 22 км от райцентра и в 25 км от железнодорожной станции Дзинелор. Земледельцы — ранние славяне — "черняховцы", а также дако-геты осели на этих землях еще в первые века н. э., если только не раньше. Ну, а потомки гето-даков — молдаване вернулись на эти земли, вероятно, вскоре после того, как схлынул вал батыевых татаро-монголов. Места эти были не только плодородными, но и дикими. В зарослях камыша вольготно чувствовали себя дикие кабаны, камышовые коты, волки и разбойники. От того нелегко приходилось мирным пахарям.

Об этом как-будто напоминает и старое, а может быть, древнее название села Дракуля — сокращенный топоним от Балты дракулуй (Чертово болото на молдавском языке). Но это только одна, хотя и вполне вероятная, версия.

О древностях ее достоверно известно, что в 1963 г. археологическая экспедиция М. М. Шмаглий на левом берегу речки Дракули раскопала поселение ранних славян — черняховцев ("Трудовое—1" и "Трудовое—2", а на противоположном правом — "Трудовое—3"). Впрочем, все 3 поселения реально могли составлять одно обширное. Продолжая исследование 3 раскопов, археологи вскрыли культурный слой, относящийся к позднему бронзовому веку (лет 3500 тому).

О времени основания современного села Трудовое "История городов и сел Украинской ССР". Одесская область на стр. 505 сообщает: "Село основано в 1805 г. бывшими запорожскими казаками". На наш взгляд, ближе к истине старожил села и краевед А. Гришанович, который основание села относит к концу XVIII века. Скорее всего, село основано на месте владений турецкого тимариота, имя которого не установлено (но о богатстве которого, зарытом при бегстве золоте, бытуют легенды)...

С историей села в XIX веке как-то связано имя крупнейшего земледельца юга Бессарабии Ф. П. Тульчианова. Звучание этой фамилии заставляет предполагать, что появился он в наших краях из-за Дуная, возможно, из самой Тульчи (не исключены и еврейские корни его генеалогии). Бесспорным остается тот факт, что, появившись вскоре после того, как юг Бессарабии был передан Принципатам Валахии и Молдовы, Тульчианов стремительно разбогател, видимо, воспользовавшись и аграрными реформами князей Александра Кузы и Карола I Гогенцоллерна.

После того, как край в 1878 г. вновь был воссоединен с Россией, Тульчианов не только продолжает богатеть, но и делает блестящую служебную карьеру.

Без малого сорок лет Ф. П. Тульчианов был городским головой Измаила, что способствовало росту его богатства и дождепаду почестей, наград и званий. Его имения раскинулись в Измаильском и Кагульских уездах.

Плодородная земля, виноградники, мельницы, винодельческие предприятия...

Конезаводы Тульчианова работали на кавалерию российской армии.

За такие заслуги перед государством Российским полагались ордена, а за ними личное, а затем и потомственное дворянство и все, что с этим было связано. В 1912 г. в связи со столетием присоединения Бессарабии к России Ф. П. Тульчианову — члену делегации бессарабцев — была оказана честь вручить верноподданнический адрес царю Николаю II. Делегация была принята самодержавцем в Петергофе. В 1917 г. Тульчианов-отец передал Измаильское градоначальство сыну Дмитрию Федоровичу, который в следующем году и встретил румын. (С дворцом Тульчиановых в Измаиле, отчасти с предметами его интерьера того времени сейчас можно познакомиться, посетив музей Придунавья, проспект Суворова, угол Котовского). А в 1896 г. в селе Дракуля был заложен храм Святого Николая. Событие приурочено к коронации Николая II 14 мая 1896 г.

ДИМИТРОВКА

Официально село — не самое древнее на земле Килийской, и пока что древности в его окрестностях не найдено, да их и не искали. Но сейчас Димитровка и Трудовое почти слились в одно и речка Дракуля у них общая.

Согласно архивных данных Димитровка основана в 1817 г. крестьянами — молдаванами. Не исключено, что новые переселенцы обосновались вокруг хутора, который основали раннее бежавшие отсюда их соплеменники, может, даже родичи.

Бесспорно, что начальные годы существования Димитровки были трудными. Особо трудными потому, что пришлись на время, когда несколько лет подряд свирепствовала страшная засуха на всем юге Бессарабии.

Архивные документы свидетельствуют, что т. н. исповедные росписи в селе Димитровка делались с 1838 г., а, значит, существовало и место — молельный дом или часовня, где исполнялись соответствующие требы и делались записи. Но самая первая церковь, целиком из дерева, была освящена в 1867 г. — церковь Святого Дмитрия с храмовым праздником 10 ноября.

Первым священником этого храма стал выпускник Немецкой духовной семинарии Штефэнеску Василе. Служить ему в Димитровке довелось 38 лет. В церковной ограде и похоронены он и члены его семьи. Легендарным же священником этого храма стал отец Феодот Корейша и не только потому, что он священствовал в нем 50 лет, с 1904—1954 гг.

Он прошел полный курс Высшей Кишиневской духовной семинарии (10 лет). Немалые знания, почерпнутые в семинарии, он умножил последующим их накоплением. За долгую жизнь и пастырство он накопил и всегда во благо людям использовал богатейший жизненный опыт.

В 1941 г., когда преступный режим Антонеску в оккупированной Бессарабии приступил к осуществлению антиеврейского холокоста, отец Федот спас жизнь братишке и сестренке Кант из Николаевки, крестив их. Спасая таким образом детей из полуеврейской семьи, священник рисковал не только своим саном... Его собственные дети и внуки выросли замечательными детьми, а односельчане не просто помнят заслуженного пастыря, а создали о нем обширный добрый фольклор.

Школа? Славная Димитровская средняя школа в 2004 году торжественно и всенародно отметила 120-летие своей плодотворной деятельности. Во все времена коллективы ее учителей самоотверженно сеяли разумное, доброе, вечное, а посев этот падал на благоприятную почву. Среди ее выпускников много первоклассных специалистов, немало известных ученых самых разных отраслей науки, деятелей искусства.

Это — в сравнительно недавнем прошлом и в настоящем. А что касается древностей, то их, если хорошо поищут, обязательно найдут.

ЛЕСКИ

"История городов и сел Украинской ССР" Одесская область о нем пишет: "Село, центр сельского совета на нижнем течении Дуная, в 25 километрах от райцентра, в 50 километрах от железнодорожной станции Дзинелор". В конце короткой статьи сообщается, что населенный пункт в виде хутора основан в 1895 году. (ук. соч. стр. 504).

Основали сельце несколько русских и украинских семей под сенью лесков, тянущихся по берегу реки, откуда и название.

Однако селу Лески предшествовала более давняя во времени история с гидрологией. Она связана с островом Ермаков.

Ермаков — один из самых больших островов средней дельты Килийского рукава Дуная. До основания Лесков в дебрях этого острова находил пристанище самый разный люд, в том числе казаки. Историки утверждают, что одно время на острове находился и казак Емельян Пугачев (казаки могли и окрестить остров). В 1895 году среди основателей Лесков могли быть и недавние островитяне, с Ермакова ведь во все времена жители Лесков хозяйничали на острове. Так как считать возраст Лесков? Надо полагать, что это интересная задача для гидрологов, этнографов, историков.

Традиционные занятия жителей леса Лески — рыболовство, огородничество, садоводство, виноградарство — ну кто в нашем краю не любит белый, душистый, легкий "новачок", которым любят угощать гостеприимные лесковцы! Славятся Лески и клубникой. И все это практически в каждом хозяйстве, только в разном соотношении. Понятно, что при таком хозяйстве почти каждый хозяин еще и торговец.

А еще охота — ведь рядом мир плавней с пернатой и четвероногой дичью. Кто и откуда только не приезжал к лесковским рыбакам на неповторимую "юху", а к егерям на охоту (то и другое чаще всего совмещалось). А XX век все ускорял свой бег, а Дунай — все неспокойнее.

В годы Великой Отечественной войны более 70 граждан села Лески сражались с оккупантами на фронтах и флоте. 12 воинов пали смертью храбрых в боях, более 60 были награждены за героизм орденами и медалями (в том числе орденом Славы и даже польским крестом "За воинскую доблесть").

Послевоенные годы... Сначала — невероятно трудно, как и всей стране. Потом все более стремительный рост Лесков.

Точка отсчета, вероятно 1947 год, — совхоз "Пограничник" — многоотраслевое поначалу хозяйство. Затем — специализированное рисоводческое. С первым выходили из нищеты и разрухи — и вышли. Во втором добились достатка и процветания. По единому плану и типовым проектам построены новые Лески. Заложена новая школа, есть Дом культуры, библиотеки, магазины, шоссе, регулярное автобусное сообщение. Численность населения перевалила за 1,5 тысячи и продолжает расти — рождаются дети, на благодатные земли приезжают и поселяются все новые люди разных национальностей. Растет трудовая слава ри-

соводческого хозяйства, она перехлестнула границы Украины, поучиться искусству выращивания риса сюда приезжают рисоводы с Кубани, из Болгарии. Знатным рисоводам "Пограничника" — ордена, медали за доблестный труд.

Новые времена принесли яростные споры из-за земли, школьный и церковный долгострой, на 49 лет арендован остров Ермаков. Сказочные терема вырастают на берегу Дуная, обозначаются контуры "Царского села"...

Что, кроме многоточия, можно поставить сейчас в конце короткого очерка о Лесках?..

НИКОЛАЕВКА (СТАРАЯ)

Расположена на восток от Трудового, подчинена его сельской раде.

В начале XIX века, после расформирования Усть-Дунайского войска, на этих землях поселились многие недавние казаки, перешедшие в сословие государственных крестьян, но не переставших называть себя казаками (на некоторых румынских картах село уже в XX веке называлось Казачьим). Так или иначе, поселенцы-казаки были прирожденными земледельцами, т.к. в большинстве своем это украинцы. Когда эти земли временно перешли Объединенным Дунайским принципатам Молдовы и Валахии, многие казаки ушли в Россию, а значительная часть земли стала собственностью Тульчианова.

Но самые первые земледельцы на этих землях поселились 3500 лет тому. Это были люди позднего бронзового века т.н. сабатиновской культуры — земледельцы, скотоводы, ремесленники. XIV—XVII веков тому на этой земле жили ранние славяне, т.н. "черняховцы". Все эти века и тысячелетия через эти земли перекатывались волны кочевников. Самые ранние из них оставили после себя курганы. В 1963 году археологическая экспедиция М.М. Шмаглия исследовала курганную группу северо-западнее села, а также поселения черняховцев и сабатиновцев — "Николаевка—1" и "Николаевка—2" восточнее села, на левом берегу речки Нерушай и "Николаевка—3" на правом ее берегу.

В разное время в виде случайных находок попадались: греческая керамика, славянское, турецкое, казацкое холодное оружие, керамика.

Ознакомившись с древностями материковой Килийщины, можно сделать некоторые выводы:

1. В археологическом плане район исследован слабо. Однако ясно, что оседлые жители — земледельцы, скотоводы, ремесленники обосновались на этих землях в эпоху Верхнего палеолита не менее 10 000 лет тому.

2. Ранние славяне селились в Подунавье вперемешку с предками молдаван и влахов-гето-даками. В те времена, — конец I тысячелетия до н.э. — начало Новой эры их материальная культура, быт были сходными.

3. Их корни в этих краях не смогли уничтожить никакие нашествия чужеземцев. Они автохтоны края.

4. Совершенно неисследованной в археологическом отношении остается эпоха последней регрессии Черного моря — 3—3,5 тысячелетия тому. Исследования в этом направлении могут существенно изменить представления науки о месте, характере культуры в Придунавьи на грани доантичной и античной эпох, в частности о возрасте Килии.

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ

С ноября 2001 г. — украшение земли Килийской. Гениальное творение Гомера "Илиада" и множество легенд Древней Греции гласят, что по просьбе дочери Зевса, морской богини и жены греческого царя Пелея — Фетиды, ее добрый друг — бог морей Посейдон поднял остров со дна грозного Понта, чтоб скорбящая мать похоронила на нем своего сына полубога, несравненного героя Ахилла, который погиб в конце Троянской войны (1194—1184 годы до н. э.).

Желание Фетиды было исполнено и перевыполнено, появился остров Ахилла — белый, а сам Ахилл был оживлен и назначен понтархом — повелителем Понта (заместителем самого Посейдона по этому морю).

Повременим с пересказом легенд, поинтересуемся, что говорят об острове науки: геология, гидрология, тектоника, вулканология.

Со времен далеких геологических эпох этот регион испытывал действие мощных тектонических сил. Всего в полусотне километров от острова, прямо под Георгиевским руслом Дуная проходит разлом между Мезийской и Скифской геологическими плитами. А в 150 км юго-западнее, недалеко от румынской Мангалии, еще один источник земле- и моретрясений, способный вызвать толчки силой свыше 7 баллов по шкале Рихтера... Таким образом, поднял этот остров со дна огромнейшего древнего Сарматского моря не бог морей Посейдон, а бог подземного огня Плутон (он же Вулкан).

Произошло это в Третичный геологический период истории Земли около 60 млн. лет тому.

Сложен остров из твердых нерастворимых в воде кварцитовых пород, которые образовались в недрах земли 280 млн. лет тому. Железистые соединения в составе скал и обрывов Змеиного придают этим образованиям

острова красноватый, а иногда, как на юго-восточном перешейке, золотистый оттенок. Ученые считают, что участок морского дна, в районе образования острова, поднимался в виде массива, окруженного со всех сторон разломами. (См. В. Прокопенко: "Таинственный остров". "ДЗ" 23-IV-2002 г.). Уже тысячелетия воздействуют на остров со всех сторон ураганы, жара, холод и, наконец, человек. Из немногочисленных островов Черного моря Змеиный — самый большой. Разные источники площадь острова определяют величиной от 17,2 до 20,5 га. Берега большей частью обрывистые и высотой от 20 до 40 м и только на перешейке 4 м. На высшей точке почти в 50 м, давным-давно был построен храм Ахилла, а в XIX веке — маяк. На протяжении последних 3 тыс. лет произошла, по крайней мере, одна большая регрессия Черного моря. В максимуме ее уровень моря был выше теперешнего на 2 м.

Так что за последние 3000 лет остров был и гораздо обширнее, чем теперь и несколько меньше, но во все времена на всех картах мира эта земля, соответственно объективному факту, значилась островом. Но румынские дипломаты после вступления их страны в НАТО, вопреки реальности объявили остров скалой.

Со времен доантичных всем, кто подобно героям "Арго", плыл вблизи, остров Белый в случае крайней опасности служил спасительным пристанищем.

Когда же приблизительно в VII веке до н. э. началась греческая колонизация западных и северных берегов Понта, остров Белый оказался на перекрестке морских путей и стал опорным пунктом колонизации, а легенда о понтархе Ахилле стала служить делу колонизации. Для этого пришлось "оживить" героя, который за полтысячи лет до этого был реальной исторической личностью. Но был не греком, а меотийцем, потомком древних индо-арийцев из города Мирмикиона (недалеко от нынешней Керчи). По описанию древних авторов, был он белокурым, голубоглазым или зеленоглазым, могучего телосложения. А еще был он нрава необузданного, высокомерным и жестоким, за что был изгнан соплеменниками и оказался в греческой земле Фессалии, где женился, имел сына Неоптоллема. Из Фессалии Ахилл и попал на Троянскую войну, в конце которой был убит. По обычаю того времени, перенятым у киммерийцев и переданным скифами, а за ними ранними славянами, его тело было сожжено, а над прахом насыпан высокий холм (под этим же холмом похоронен и прах лучшего друга Ахилла — Патрокла). На восточном берегу Дарданелльского пролива напротив Галиполийского полуострова туристам и сейчас показывают этот примечательный холм.

Великий Гомер в бессмертной "Иллиаде" сделал Ахилла главным героем этой поэмы...

Не менее реальная, великая историческая личность, Александр Македонский вел свой род от 2 героев античной Греции — от Ахилла и Геракла.

Когда в начале своего великого похода на завоевание мира он оказался в Малой Азии (336 год до н. э.), то посетил место захоронения своего предка, принес жертвы в его честь, устроил многолюдные военные соревнования и сам, умастив тело оливковым маслом, трижды оббежал холм Ахилла.

У чистокровных античных греков не только Ахилл, но и сам Александр (у которого один глаз был зеленым) считался скифом.

Но вернемся на легендарный остров. Первые несколько столетий Ахилл и перенесенная к нему на остров Елена, та самая, Прекрасная, из-за которой и разгорелась Троянская война, жили себе не тужили то в тополиных и вязовых рощах, то в сказочной красоты гротах острова.

В IV веке до н. э. греческая колония Ольвия, на берегу Днепро-Бугского лимана стала богатым, могучим городом. Среди других богов и полубогов ольвеополиты почитали Ахилла и на острове, носящем его имя, построили храм Ахилла. Сначала небольшой, а затем из белого камня и мрамора, похожий на Парфенон.

В храме помещались статуи Ахилла и Елены и, как полагалось, святилище. Обслуживали храм несколько жрецов и целитель, который исцелял страждущих волшебным духом Ахилла. Когда все погружалось в сон, за храмом и храмовой рощей ухаживали и Ахилл с Еленой, им помогали белокрылые чайки: краснолаковый пол, стены и крышу тоже краснолаковые обметали своими крыльями, рощу обрызгивали водой, принесенной на оперении. В свободное от работы время Ахилл и Елена пели друг другу песни о взаимной любви. В непогоду Ахилл подавал мореходам советы, куда лучше чалить корабли, а однажды ему с трудом удалось отбить нападение амазонок...

И потекли на легендарный остров к храму дары со всего эллинского мира: монеты, украшения, камни, статуэтки, прекрасная керамика, жертвенные животные, прежде всего козы. В конце концов их на острове развелось столько, что подобно тому, как это произошло на крымской Яйле, они съели всю траву, обглодали все деревья и в конечном итоге исчезли и сами... Довольно многочисленные свои функции прославленный храм легендарного острова исполнял до конца существования не только греческой, но и римской цивилизации. В последующие века он стал разрушаться. Наиболее безжалостно к древностям острова Ахилла отнеслись люди...

С 1812 г. остров стал принадлежать России, в 1823 г. он впервые был поднят на российскую морскую карту капитаном Критским. На острове

была учреждена погранохрана, таможенная и карантинная служба. В 1837 г. на остров прибыли строители и Килийский полицмейстер некто Соловьев П.В. — началось строительство маяка, на который был употреблен белый ракушечник храма. А драгоценный мрамор был вывезен на материк, но не в Килию, а в Сулину, где был продан, в результате чего исчез неизвестно куда...

Первую научную экспедицию на остров возглавил один из видных организаторов Одесского отделения Императорского общества истории и древностей, Н. Н. Мурзакевич — археолог, историк. (Его правнук сейчас — видный ученый, научный сотрудник Института истории имени Н. Иорги в Бухаресте).

Еще тогда, в 1841 г., экспедиция Н. Н. Мурзакевича с прискорбием констатировала, что от прекрасного храма не осталось камня на камне.

Немало ценных находок древностей привезла экспедиция в Одессу.

Вообще древности с острова и акватории вокруг него исправно пополняют музейные коллекции и едва ли не в большей мере коллекции частные до сих пор...

Множество военных бурь пронеслось над островом и не бесследно.

После Крымской войны Турция, вернувшаяся в гирла Дуная, "забыла" занять остров Змеиный. Несколько десятков человек российской пограничной охраны, таможенной и карантинной службы Россия "забыла" эвакуировать, и они пробыли на острове "робинзонами" 20 лет — до окончания следующей русско-турецкой войны.

После I Мировой войны 22 года остров принадлежал Румынии.

Румыны провели картографирование острова, на румынских картах, выполненных в конце 20-х и в 30-е годы XX века, земля эта значится, как остров Змеиный (инсула Шерпилор).

В годы Великой Отечественной войны вблизи острова погибла советская подлодка серии "М" ("Малютка").

1 августа 1944 г. остров был занят десантниками Героя Советского Союза майора Котанова. В 1948 г. Румыния и все международное сообщество официально признали остров территорией Советского Союза.

Следующие 50 с лишним лет остров был секретнейшим и, естественно, закрытым военным объектом. Самая современная радиолокационная антенна на нем была главной в системе интефирометролокации. Ее не могли обмануть самые-самые сверхсовременные американские "стэлсы" и прочие хитроумные "невидимки"...

Сейчас остров Змеиный постепенно превращается в интересный и многообразный исследовательский туристический комплекс.

Если все продумать, то остров станет не только таинственным, но и прекрасным уголком Украины и Килийщины.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Когда Килии еще не было 8
II. Так когда родилась Килия? 22
III. О славянах дунайских и не только 34
IV. Город на великом шелковом пути — яблоко раздора 42
V. Имя нашего города. Откуда оно? 51
VI. Родного города звездный час 59
VII. Килийская райя 83
VIII. Козацька доба 88
IX. Свет храма 96
X. Этот огненный век надежды 110
XI. Под короной Российской империи 145
XII. Новая русско-турецкая война и заштатный город Килия 157
XIII. Белое пятно 172
XIV. Вновь под сенью короны Российской империи 183
XV. Между прошлым и будущим 198
XVI. Молдаване 206
XVII. Праздники 213
XVIII. Еврейская община 224
XIX. Этнический букет. Русские 238
XX. Этнический букет. Украинцы 252
XXI. Болгары Килийщины 258
XXII. Гагаузы Килийщины 279
XXIII. Ромы (цыгане) 295
XXIV. Немцы Килийщины 305
XXV. Юбилей перед ураганом 316
XXVI. Древности Килийщины 326

Б.А. РАЙНОВ

ИСТОРИЯ КИЛИИ

Книга 1

Компьютерная верстка
Полякова Л. Н.

Корректоры:
Тимошенко С. А., Шишковская К. М.

Подписано к печати 01.03.09 г.
Гарнитура SchoolBookC
Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 23 п. л.
Заказ № 2913. Тираж 500 экз.

Отпечатано в КП «Измаильская городская типография»,
ул. Ватутина, 38.